This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

E95826

Библіотека Тюменевых/з
№ 3265 Р. Геор. З.

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

I

Peretiatkovich, G.I.

ПОВОЛЖЬЕ

ВЪ

XV и XVI ВѢКАХЪ

(ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ КРАЯ И ЕГО КОЛОНИЗАЦІИ.)

ИЗСЛѢДОВАНІЕ
Г. ПЕРЕТЯТКОВИЧА.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И Б., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ В., Д. ШИЛОВОЙ
1877.

DKE.
1/6 : 839

ВВЕДЕНІЕ.

Восточная половина Европы. Рѣки, въ ней протекающія, и ихъ особенности. Рѣка Волга и краткій обзоръ ея теченія. Строеніе ея береговъ. Главные ея притоки. Разнообразіе странъ, ею омываемыхъ. Разнообразіе племенъ, обитавшихъ по ней. Общественные союзы, образовавшіеся на ней.

Восточная половина Европы, какъ уже не разъ было замѣчено, нѣкоторыми свойствами своими довольно рѣзко отличается отъ западной. Между такими ея особенностями обыкновенно указываютъ на то, что она представляетъ равнину. Но эта равнина, раскинутая на большомъ пространствѣ и по краямъ своимъ соприкасающаяся съ нѣсколькими морями, далеко не представляетъ собою плоскости: напротивъ, холмистое очертаніе есть преобладающее ея свойство. Въ сѣверозападной части ея, недалеко отъ Балтійскаго моря, холмы начинаютъ значительно подниматься и образуютъ плоскогорье, самую возвышенную часть котораго составляетъ Валдайскій хребетъ. Это плоскогорье вмѣстѣ съ Валдайской возвышенностію имѣетъ важное значеніе для восточной низменности: оно составляетъ главный водораздѣлъ равнины, который даетъ начало и питаетъ большинство рѣкъ, орошающихъ ее

и изливающихся по морямъ, лежащимъ въ противоположномъ направленіи. Но какъ главный водораздѣлъ находится на неодинаковомъ разстояніи отъ морей, окаймляющихъ восточную низменность, то поэтому естественнымъ является различіе въ величинѣ рѣкъ. Такъ какъ водораздѣльная линія ближе всего подходитъ къ Балтійскому морю, отчасти къ Бѣлому, и, напротивъ, гораздо далѣе отстоитъ отъ Каспійскаго и Чернаго морей, то отсюда происходитъ сравнительная, по величинѣ, незначительность рѣкъ, текущихъ въ первыя два, и громадность изливающихся въ Черное море, особенно же въ Каспійское [1]).

Вода въ рѣкѣ главнымъ образомъ и прежде всего слѣдуетъ закону тяжести. Поэтому она располагается по земной поверхности и направляется въ своемъ движеніи сообразно склону, возвышеніямъ и, говоря вообще, неровностямъ почвы, по которой она протекаетъ. Если источники, питающіе рѣку, текутъ съ невысокихъ горъ, то она въ своемъ верхнемъ теченіи будетъ имѣть малое паденіе и движеніе ея вслѣдствіе этого будетъ медленное [2]). Послѣднее свойство составляетъ общую принадлежность всѣхъ рѣкъ, текущихъ съ волжскаго плоскогорья, ибо высота его вообще простирается отъ 800 до 900 ф. и только въ весьма немногихъ мѣстахъ доходитъ до 1000 ф. [3]).

Кромѣ этого свойства—столь важнаго для судоходства рѣкъ въ верхнемъ теченіи ихъ—рѣки восточной

---

[1]) Geologie des europäischen Russlands von Murchison, von Verneuil und von Keyserling, bearbeitet von Leonhard I, 37 p.

[2]) Studien aus dem Gebiete der Naturwissenschaften, von K. Baer. II. T. 117, 118 pp.

[3]) Geologie des europ. Russl. I, 36 p.

равнины имѣютъ еще особенность, отличающую ихъ отъ рѣкъ Западной Европы: онѣ въ своемъ теченіи дѣлаютъ частые дугообразные обороты, такъ что въ цѣломъ образовывается волнообразная линія. Это явленіе обусловливается отчасти медленнымъ теченіемъ рѣки, отчасти свойствами грунта, по которому она пролагаетъ свое русло.

Выше было указано, что изобиліе холмовъ составляетъ характеристическую черту великой восточной равнины. Эти холмы состоятъ повсюду изъ легко размываемыхъ водой флецовыхъ породъ, между коими рѣки пролагаютъ свое ложе. Поэтому волнообразная линія рѣкъ восточной равнины, какъ слѣдствіе медленнаго теченія посреди флецовыхъ породъ, рѣзко ихъ отличаетъ отъ рѣкъ Западной Европы. Тамъ онѣ по большей части текутъ со значительныхъ возвышеній и между горами, состоящими изъ твердыхъ каменныхъ породъ, вслѣдствіе чего быстрота верхняго теченія вмѣстѣ съ прямоугольными и остроугольными оборотами рѣкъ составляетъ ихъ отличительный признакъ [1]).

Всѣ особенности рѣкъ восточной равнины проявляются и въ самой значительной изъ нихъ—Волгѣ, къ обзору теченія которой мы теперь обратимся. Рѣка Волга вытекаетъ изъ двухъ небольшихъ озеръ, расположенныхъ около Валдайскихъ горъ. До г. Зубцова она течетъ между довольно высокими берегами, которые состоятъ вначалѣ изъ глины, перемѣшанной съ пескомъ, а потомъ изъ известковыхъ пластовъ, до-

---

[1]) Studien von K. Baer II, 116, 117, 126 pp.
Общее землевѣд. К. Риттера 130, 131 сс.

стигающихъ по временамъ значительной высоты [1]). Направленіе ея теченія въ этихъ мѣстахъ юговосточное, совершенно сходное съ послѣднимъ движеніемъ ея отъ г. Царицына къ Каспійскому морю. Отъ Зубцова до г. Твери Волга течетъ въ сѣверномъ и сѣверовосточномъ направленіи. Рѣкою Тверцой, которая впадаетъ съ сѣверозападной стороны ея, Волга какъ бы отклоняется отъ движенія, принятаго ею, къ своему первоначальному, юговосточному направленію. Но недолго она остается вѣрна этому направленію: скоро она снова поворачиваетъ на сѣверовостокъ и продолжаетъ такимъ образомъ свое теченіе до впаденія въ нее съ сѣверозападной стороны Мологи. Берега Волги отъ впаденія рѣки Тверцы состоятъ изъ цѣлой гряды флецовыхъ возвышенностей, которыя подходятъ къ ней то съ одной, то съ другой стороны. Иногда холмы сопровождаютъ Волгу съ обѣихъ сторонъ, иногда же оба берега ея плоски [2]). Соединившись съ Мологою, Волга опять поворачиваетъ къ юговостоку и на этотъ разъ гораздо долѣе остается въ принятомъ направленіи. Здѣсь она дѣлаетъ нѣсколько значительныхъ изгибовъ и съ обѣихъ сторонъ принимаетъ довольно много притоковъ, между которыми встрѣчается и такой значительный, какъ рѣка Ока, впадающая въ нее съ югозападной стороны. Отъ впаденія Оки до рѣки Казанки Волга, говоря вообще, течетъ въ восточномъ направленіи *). Отъ устья же

---

[1]) Historisch-geographische Darst. des Stromsystems der Wolga, von F. Müller. 115—116 p.

[2]) Ibid. 191 p.

*) Изслѣдованіе средняго теченія рѣки Волги, отъ впаденія Тверцы до западнаго Урала, привело ученыхъ къ предполо-

Казанки она вдругъ поворачиваетъ на югъ и на протяженіи семидесяти верстъ удерживаетъ это направленіе, пока быстрымъ и стремительнымъ теченіемъ рѣки Камы не отклоняется отъ этого пути къ югозападному направленію, которому и отдается на нѣкоторое время, какъ будто оставаясь подъ вліяніемъ напора водъ наибольшаго изъ своихъ притоковъ [1]) *).

женію, что Волга, также какъ и нѣкоторыя другія большія рѣки Европы—Рейнъ, Дунай, Эльба,—образовалась изъ нѣсколькихъ озеръ, слѣды которыхъ довольно ясно можно замѣтить и въ нынѣшнее время. (Studien von K. Baer II, 113.—«Общее землевѣд.» К. Риттера стр. 137, 138). Въ настоящее время по Тверской губерніи разсѣяны во множествѣ озера и болота: такъ, въ одной сѣверозападной части ея насчитываютъ до 250 озеръ. Въ прежнее время край этотъ былъ еще обильнѣе водой, но постепенно многія озера превратились въ болота, а послѣднія отъ истребленія лѣсовъ высохли. («Истор. Тверскаго Княжества» В. Борзаковскаго, 9 стр.). Нашъ ученый соотечественникъ Бэръ, пользуясь извѣстіемъ Геродота и личнымъ изслѣдованіемъ волжскаго бассейна въ губерніяхъ Нижегородской и Владимірской, пришелъ къ убѣжденію, что въ V вѣкѣ до Рожд. Христ. около нынѣшняго Нижняго Новгорода существовало громадное озеро, одинъ берегъ котораго былъ крутой и скалистый, а другой болотистый и низменный. Авторъ не ограничивается этимъ общимъ положеніемъ, а идетъ далѣе: по его мнѣнію, это озеро состояло изъ двухъ отдѣленій, которыя соединялись между собою узкою полосою. (Historische Fragen mit Hülfe der Naturwissenschaften beantwortet von K. Baer III, 80—86.—Studien von K. Baer II, 114, 125).

[1]) Hist. Darst. von Müller 475.—«Общее землевѣд.» К. Риттера 130 с.

*) Въ дальнѣйшемъ теченіи Волги мы встрѣчаемся со слѣдами, которые оставило по себѣ Арало-Каспійское море въ то отдаленное время, когда воды его имѣли наибольшее протяженіе. Еще во 2-й половинѣ прошлаго столѣтія нѣкоторые ученые были поражены противоположностью въ почвѣ и флорѣ странъ, лежащихъ на сѣверъ и сѣверозападъ отъ Общаго

Не доходя Тетюшъ, Волга поворачиваетъ на югъ и, извиваясь, течетъ въ этомъ направленіи до Симбир-

---

Сырта, сравнительно съ землями, простирающимися на югъ и юговостокъ отъ него: въ первомъ направленіи почва имѣетъ холмистое очертаніе, богата ключами, покрыта плодороднымъ черноземомъ и лѣсами, во второмъ—господствуетъ равнина, морской песокъ безъ слѣда дерна и общая солончаковатость почвы. Вниманіе поэтому невольно останавливалось на Общемъ Сыртѣ, который являлся границею между этими странами. Разсматривая его, замѣтили, что его отлогости, обращенныя къ югу и юговостоку, покрыты слоями раковинъ, между тѣмъ какъ подошва обнажена, будто размыта морскими волнами; это обстоятельство, въ связи съ почти параллельнымъ направленіемъ его относительно Каспійскаго моря на разстояніи 70—80 миль, привело къ выводу, что Общій Сыртъ есть древній берегъ обширнаго моря. (Der Ugrische Volksstamm. von Müller I, 205—210. Риттера «Европа», стр. 50, 51.). Ученыя разысканія второй четверти настоящаго столѣтія значительно распространили предѣлы древняго Арало-Каспійскаго моря. Одни изъ изслѣдователей обратили вниманіе на раковистый слой почвы въ берегахъ Волги, который былъ признанъ остаткомъ прежняго морскаго дна; горизонтальные слои (подобные слои простираются на югъ отъ Саратова), лежащіе подъ нимъ и состоящіе изъ песку и глины, представляютъ осадокъ отъ морской воды на прежнее морское дно, притомъ осадокъ, который отложился «вдругъ вслѣдствіе огромнаго, почти мгновеннаго разлива, какъ это необходимо произошло послѣ стока моря». Такое явленіе естественнѣе всего могло произойти отъ быстраго пониженія дна Каспійскаго моря. (Записк. Император. Геогр Общ. 1856 г. книга XI—Бэръ «О Каспійск. морѣ и его окрестност.» 189—200. «Studien» Бэра, 140 стр. Общее землевѣд. Риттера, 118—119 стр.) Изслѣдованія другихъ ученыхъ заставили отодвинуть предѣлы Арало-Каспійскихъ водъ еще далѣе на сѣверъ до Ахтайскихъ возвышенностей, или до городовъ Спасска (на лѣвомъ берегу Волги) и Тетюшъ (на правомъ берегу Волги), такъ что Волга, по предположенію этихъ ученыхъ, вливалась нѣкогда подъ 55° сѣверной широты. (Geologie des europ. Russlan. I, 345 p.—Записки Император. Академ. Наук. 1866 г. № 10, 24 стр.)

Если обратить вниманіе на почву, покрывающую бассейнъ

ска, за которымъ рѣка начинаетъ поворачивать на юговостокъ, какъ бы подготовляясь къ Самарской лукѣ — огромному изгибу, совершаемому ею около Ставрополя. Причина рѣзкаго отклоненія Волги отъ пути своего въ этомъ мѣстѣ, слѣдовательно образованія луки, обусловливается Самарскою грядою, которая, подобно сѣвернымъ уваламъ, направляется отъ Уральскихъ предгорій на западъ, къ Волгѣ, пересѣкаетъ её и тянется далѣе до Дона и Оки, образуя замѣчательный водораздѣлъ [1]). Нѣсколько выше Сызрани кончается Самарская лука, и Волга поворачиваетъ прямо на югъ; впрочемъ она течетъ недолго въ этомъ направленіи, отклоняясь скоро къ югозападу, и этому направленію остается уже вѣрна на очень большое пространство, дѣлая только иногда болѣе или менѣе значительные изгибы на своемъ пути. Еще не достигнувъ г. Царицына, Волга отдѣляетъ отъ себя са-

---

Арало-Каспійскаго моря, то увидимъ, что страны, лежащія сѣвернѣе Общаго Сырта, на нѣсколько сотъ футовъ выше тѣхъ, которыя простираются на югъ отъ него, и большею частію покрыты черноземомъ. Черноземъ же, по предположенію нѣкоторыхъ ученыхъ, образовался отъ гніенія въ этихъ мѣстахъ роскошной растительности въ продолженіе долгаго періода времени. Такимъ образомъ рѣзкое почвенное отличіе странъ, лежащихъ на сѣверъ и на югъ отъ Общаго Сырта, въ соединеніи съ значительною разностію въ ихъ высотѣ, дѣлаетъ вѣроятнымъ существованіе двухъ эпохъ освобожденія этихъ странъ отъ морской воды, при чемъ сѣверныя страны освободились гораздо прежде и поэтому много старѣе странъ, простирающихся на югъ отъ Общаго Сырта. (Запис. Импер. Акад. Наук. 1866 г. № 10. Гео-ботаническія изслѣдов. о черноземѣ Рупрехта. Voyage dans la Russie de m. Anat. Demidoff. т. II, 460—464 p.).

[1]) Hist. Darst. von F. Müller. 483.

мый большой изъ своихъ рукавовъ—Ахтубу, который течетъ съ лѣвой стороны параллельно ей до самаго моря. За Царицынымъ Волга дѣлаетъ послѣдній поворотъ,—сперва на востокъ, потомъ, не измѣняя совершенно этому направленію, отклоняется нѣсколько къ югу и въ юговосточномъ направленіи „медленно, какъ будто утомленная долгимъ путемъ своимъ, катитъ свои струи по пустыннымъ и низменнымъ равнинамъ, пока морская пасть не поглощаетъ её окончательно“ [1]).

Изъ сказаннаго видно, какъ много изгибовъ дѣлаетъ Волга во время своего длиннаго пути. Особенно часты повороты въ ея верховьѣ и далѣе до самаго соединенія съ Окою. Вслѣдствіе подобнаго извилистаго теченія длина рѣки Волги удвоивается, и она орошаетъ на пути своемъ страны со свойствами чрезвычайно разнообразными во многихъ отношеніяхъ. Устье Волги отстоитъ отъ ея начала по прямой линіи на разстояніи 210 миль, между тѣмъ какъ со всѣми извилинами теченіе ея простирается на 430 миль. Слѣдовательно, благодаря изгибамъ, развитіе рѣчной области превосходитъ двойное пространство прямолинейнаго разстоянія Волги, чрезъ что и площадь рѣчнаго бассейна ея достигаетъ огромной величины: она равняется 30 т. квадратныхъ миль [2]).

Отъ описанія теченія Волги обратимся къ разсмотрѣнію ея береговаго строенія, на что отчасти уже было мною указано при обзорѣ ея теченія до впаденія въ нее рѣки Мологи. Отъ впаденія Мологи бере-

---

[1]) Ib. 512.

[2]) «Общ. землевѣд.» К. Риттера 144 с.

га Волги принимаютъ видъ болѣе опредѣленный и постоянный, чѣмъ это было доселѣ: правый берегъ, говоря вообще, становится болѣе возвышеннымъ и утесистымъ, лѣвый же низменнымъ [1]). Особенно рельефно выступаетъ это различіе въ береговомъ развитіи Волги отъ того мѣста, гдѣ въ неё впадаетъ р. Ока: отсюда правый берегъ носитъ названіе горной стороны, а лѣвый — луговой. Эта особенность въ береговомъ строеніи Волги не составляетъ исключительной ея принадлежности, но есть общее свойство всѣхъ рѣкъ на Руси. Такъ какъ эта особенность Волги имѣла не малое вліяніе при заселеніи Поволжья, то съ нашей стороны будетъ не лишнее остановиться нѣсколько на этомъ явленіи и попытаться по возможности объяснить его происхожденіе.

Еще нѣкоторые изъ ученыхъ путешественниковъ прошлаго столѣтія обратили вниманіе на то, что рѣки Россіи имѣютъ правый берегъ возвышенный и крутой, а лѣвый низменный [2]). Съ тѣхъ поръ это явленіе не переставало обращать на себя вниманіе изслѣдователей, старавшихся различнымъ образомъ объяснить его себѣ [3]); но только въ недавнее время академикъ Бэръ представилъ, какъ кажется, болѣе удовлетворительное объясненіе этого физическаго явленія. Главнымъ дѣятелемъ, по его мнѣнію, является суточное обращеніе земли около своей оси, которое со-

---

[1]) Studien von K. Baer II, 125 p.

[2]) Путешествіе по разнымъ провинціямъ Росс. Импер. Палласа. Ч. I-я.

[3]) Studien von K. Baer II, 119 — 120. — Авторъ представляетъ нѣкоторыя изъ неудачныхъ попытокъ объяснить это явленіе, наприм. вліяніе вѣтровъ и проч.

вершается въ направленіи отъ запада къ востоку: „Очевидно, говоритъ онъ, каждое мѣсто земной поверхности тѣмъ скорѣе должно обращаться, чѣмъ оно ближе къ экватору, потому что каждое мѣсто подъ экваторомъ должно совершать въ сутки наибольшій путь. Поэтому если тѣло имѣетъ движеніе въ направленіи къ югу или къ сѣверу, то оно, кромѣ этого своего движенія, удерживаетъ еще и первоначальное, отъ кругообращенія земли ему данное стремленіе къ востоку и будетъ удерживать это движеніе, пока не встрѣтитъ значительной опоры. И такъ, если вода течетъ отъ экватора по направленію къ полюсамъ, то она уноситъ съ собою болѣе значительное стремленіе къ востоку, нежели текущая въ мѣстахъ меньшей широты, — слѣдовательно вода въ своемъ руслѣ стремится къ восточному берегу. Напротивъ, вода, двигающаяся въ направленіи отъ полюса къ экватору, несетъ съ собою гораздо меньшую скорость, чѣмъ то мѣсто, къ которому она подходитъ, вслѣдствіе чего она будетъ напирать на западный берегъ. Въ нашемъ сѣверномъ полушаріи у рѣкъ, текущихъ по направленію къ полюсу, восточный, а у текущихъ къ экватору — западный берегъ — составляетъ правый. Слѣдовательно въ сѣверномъ полушаріи въ рѣкахъ, текущихъ болѣе или менѣе по направленію меридіана, вода должна болѣе напирать на правый берегъ. Поэтому для всѣхъ по меридіану текущихъ рѣкъ въ сѣверномъ полушаріи должно вывести законъ, что правый берегъ болѣе подмываемъ, нежели лѣвый, вслѣдствіе чего онъ становится болѣе крутымъ и высокимъ. При усиливающемся теченіи, усилится въ томъ же отношеніи и боковой напоръ, и коль

скоро берегъ не будетъ въ состояніи сопротивляться этой силѣ, то онъ обрушится. Обрушеніе береговъ и показываетъ, что напоръ сильнѣе сопротивленія. На Волгѣ сопротивляется верхній твердый, глинистый слой берега, а размывается нижній, песчаный. Вотъ почему часть глинистыхъ слоевъ, потерявши свою опору, обрушивается отъ времени до времени *). Напоръ, вообще, бываетъ сильнѣе въ тѣхъ рѣкахъ, въ

*) Извѣстія объ обвалахъ на Волгѣ болѣе или менѣе значительныхъ встрѣчаются не рѣдко: такъ, въ Нижегород. лѣт. (Рус. Вивл. ч. 18): подъ 1422 г. (82—83 с) читаемъ: «Въ Нижнемъ Новгородѣ подъ старымъ городкомъ на берегу Оки была слобода; изволеніемъ Божіимъ, грѣхъ ради человѣческихъ гора оползла и съ лѣсомъ сверху на слободу и засыпало въ слободѣ 150 дворовъ съ людьми и съ животиною». Олеарій разсказываетъ объ обвалѣ въ его время на правомъ берегу Волги недалеко отъ Казани, при чемъ громадная глыба земли, упавши на лодку съ людьми, затопила ее. (Чт. Об. Ис. и Др. 1869 г. № 1, 419 ст.). Нѣсколько разъ обрушивалась, или, по мѣстному выраженію, «спалзывала» гора Соколова подъ г. Саратовомъ. Самые большіе обвалы происходили въ 1783 и 1818 гг. До какой значительности могутъ иногда доходить обвалы, можно видѣть изъ слѣдующаго случая въ 1839 г. въ деревнѣ Ѳедоровкѣ Хвалынскаго уѣзда. Волга въ этомъ мѣстѣ, противъ деревни, сжата берегами и оттого съ большею силою углубляетъ здѣсь свое русло, размывая глину и песокъ нижнихъ слоевъ горъ. Ночью въ іюлѣ мѣсяцѣ жители деревни были разбужены внезапнымъ и сильнымъ трескомъ домовъ и подземнымъ гуломъ, сопровождавшимся замѣтнымъ колебаніемъ земли. Испуганные, они повыбѣжали изъ домовъ и увидѣли, что долина, въ которой была расположена ихъ деревня, отторглась отъ горы, осѣла на значительную глубину и двинулась къ Волгѣ. Замѣтное волненіе и движеніе земли продолжались трое сутокъ. Слѣды подобныхъ катастрофъ видны въ странныхъ, подобныхъ стѣнамъ и башнямъ, сплистыхъ глыбахъ, лежащихъ у подошвы горы. (Списки населен. мѣстъ Росс. Имп. Саратовская губернія, стр. 9).

которыхъ разница между низкою и высокою водами болѣе; ясно далѣе, что онъ дѣйствуетъ тѣмъ разрушительнѣе, чѣмъ слабѣе береговая формація. При твердой почвѣ (гранитныя и каменныя породы), напротивъ, боковая сила уничтожается ежеминутно, не производя никакого видимаго дѣйствія. На Руси неровность береговъ такъ поразительна потому, что на югѣ почва степная, состоящая изъ смѣси глины и песку [на огромномъ пространствѣ, какъ, напримѣръ, въ низовьяхъ Волги р., она не имѣетъ никакой плотности, вслѣдствіе совершеннаго почти отсутствія среди нея связующаго начала (Humus)]; въ средней Россіи почва рыхлая, а на сѣверѣ она болотная, поэтому тоже безъ труда разрывается текущею водою. Несомнѣнно также, что чѣмъ шире площадь воды въ рѣкѣ во время полноводія, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ и боковая сила" [1]). „Вообще можно сказать, что чѣмъ сильнѣе паденіе рѣки (т. е. быстрѣе теченіе), чѣмъ она шире, чѣмъ рыхлѣе берегъ и чѣмъ направленіе теченія рѣки болѣе приближается къ меридіану, тѣмъ рѣзче будетъ различіе между обѣими сторонами рѣки" [2]).

Въ рѣкѣ Волгѣ особенно велика разность между уровнемъ воды лѣтомъ и весною, въ соотвѣтствіи съ чѣмъ находится также широта рѣки и быстрота ея теченія *). Поэтому смѣло можно сказать, что въ періодъ

---

[1]) Морской сборникъ 1857 г. № 1-й «Почему у нашихъ рѣкъ, текущихъ на сѣверъ или на югъ, правый берегъ высокъ, а лѣвый низменъ», Акад. Бэръ 116 — 120. — Морской Сб. 1858 г. № 5. «Дополненія къ предыдущей статьѣ» его же, 84 с.

[2]) Studien von K. Baer II, 123, 137.

*) Высота Волги весной, въ половодье, въ различныхъ мѣ-

продолжающагося половодья рѣка по преимуществу дѣйствуетъ на свои берега, сообщаетъ имъ тотъ или иной видъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скалистость береговъ и рѣзкое ихъ очертаніе обусловливаются не столько дѣйствіемъ самой рѣки, сколько предшествовавшею дѣятельностію озеръ, которыя находились въ бассейнѣ нынѣшней Волги и изъ которыхъ постепенно образовалась эта рѣка: они напоромъ водъ своихъ, вѣроятно, прорвали болѣе слабую сторону свою, вслѣдствіе чего отъ стока въ извѣстномъ направленіи водной массы, могли образоваться рѣзкія очертанія береговъ, которыя попадаются мѣстами по Волгѣ, въ среднемъ и нижнемъ теченіи ея [1]).

Нѣсколько нарушается и видоизмѣняется правило—воздѣйствія рѣчной воды, текущей по направле-

---

стахъ бываетъ разная: у Твери она подымается надъ лѣтнимъ уровнемъ воды отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 саженей; въ Нижнемъ она возвышается до 3 и болѣе саж.; у Казани отъ 4 до 5 саж.; у Саратова до 6 саж. и болѣе, такъ что всю луговую сторону покрываетъ водою на нѣсколько саженей глубины. У Царицына Волга чаще всего возвышается до $4\frac{1}{2}$ саж., а въ Астрахани не болѣе 1 саж. (Histor. geogr. Darstel. des Stromsyst. Wolga von Müller, 543—545).

Ширина Волги въ разныхъ мѣстахъ различна: у Твери она простирается лѣтомъ до 100 саж., за Нижнимъ большею частью приближается къ верстѣ, а подъ Сенгилеемъ доходитъ до 4000 саж. (Магазинъ Землевѣд. т. I, 388, 431, 470). Въ половодье она повсюду значительно расширяется противъ этого. (Срав. Списки насел. мѣстъ Росс. Импер. Саратов. губ. 12 ст.)—О разности въ скорости теченія Волги въ разныхъ мѣстахъ можно заключить изъ того, что она, напримѣръ, у Сарепты, гдѣ теченіе ея не такъ быстро, течетъ со скоростію 10 миль въ часъ, между тѣмъ какъ въ Астрахани скорость ея теченія не превосходитъ 4 миль въ 1 часъ. «Studien», von K. Baer II, 130, 168.

[1]) Studien von K. Baer II, 124—125.

нію меридіана—другимъ, которое состоитъ въ слѣдующемъ: при значительномъ изгибѣ, дѣлаемомъ рѣкою во время своего теченія, вода сильнѣе напираетъ на выдающійся край поворота, вслѣдствіе чего этотъ берегъ размывается сильнѣе и поэтому становится обрывистѣе и скалистѣе противоположнаго, который, напротивъ, обыкновенно гораздо низменнѣе; ложе рѣки по этой же причинѣ съ выпуклой стороны изгиба всегда глубже, чѣмъ съ низменной [1]). Но, гдѣ рѣка не дѣлаетъ значительныхъ изгибовъ, тамъ вполнѣ оправдывается то общее правило, которое предложено Бэромъ. Отъ безпрерывнаго напора воды въ рѣкѣ Волгѣ преимущественно на правый берегъ, происходятъ явленія, на которыхъ нельзя не остановиться: вопервыхъ, вслѣдствіе этого напора рѣка хотя очень медленно, но удаляется постепенно къ западу. Происходитъ это такимъ образомъ: часть обрушившихся въ Волгу землистыхъ скалъ отлагается на луговую сторону, которая чрезъ это медленно возвышается; когда вода въ Волгѣ опадаетъ, то она уже не въ состояніи покрывать возвышенныхъ частей русла, ею же самою образованнаго, и поэтому рѣка отклоняется мало по малу въ западномъ направленіи, ибо на этой сторонѣ вода дѣйствуетъ съ большею стремительностію [2]). Во-

---

[1]) Studien von K. Baer II, 125—127.

[2]) Подобное отклоненіе подтверждается отчасти историческими фактами. Такъ, изъ сочиненія Ибнъ-Фодлана, арабскаго писателя начала 10-го вѣка, мы знаемъ, что жители г. Болгаръ черпали воду изъ Волги, между тѣмъ какъ теперь развалины этого города находятся на разстояніи 10 верстъ отъ берега; въ настоящее время на этомъ пространствѣ находятся луга и даже лѣсъ. (Мор. сбор. 1857 г. № 1, 113 с.).

Подобное же отклоненіе рѣчнаго русла можно замѣтить и

вторыхъ, отъ этого напора воды въ Волгѣ на правый, западный берегъ зависитъ особое явленіе въ устьяхъ рѣки, при впаденіи ея въ море. Такъ какъ Волга, начиная отъ 50º, течетъ по низменной странѣ, то и движеніе воды въ ней здѣсь гораздо медленнѣе; еще предъ Царицынымъ она отдѣляетъ отъ себя значительный рукавъ—Ахтубу, которая на разстояніи 420 верстъ течетъ параллельно ей. Чѣмъ ближе она подходитъ къ морю, тѣмъ движеніе ея все болѣе и болѣе замедляется; песчаная, уступчивая почва легко поддается напору воды, вслѣдствіе чего Волга безпрестанно отдѣляетъ отъ себя новые притоки и рукава, которыхъ образуется здѣсь цѣлый лабиринтъ. Большая часть ихъ находится на луговой сторонѣ рѣки, но такъ какъ теченіе воды съ правой стороны сохраняетъ большую стремительность, то рукава, лежащіе съ правой стороны рѣки, постепенно становятся богаче водой и глубже восточныхъ; по этой же причинѣ тѣ новые рукава, которые Волга отдѣляетъ съ правой стороны, сперва бываютъ мелки и немноговодны, но впослѣд-

---

въ рѣкѣ Камѣ, одномъ изъ притоковъ, текущемъ въ направленіи, подходящемъ къ меридіану. Еще въ началѣ прошлаго столѣтія Кама текла у подошвы возвышенности, на которой стоялъ г. Чердынь, но съ того времени она стала уже отклоняться къ Западу, гдѣ ея волны подмываютъ безпрерывно крутые берега. Кромѣ того, по изслѣдованію мѣста впаденія Камы, можно предположить, что теченіе рѣки значительно уклонилось вправо отъ своего прежняго русла. Даже въ недавнее время, на памяти многихъ, жители деревни Епанчиной (на правомъ берегу, недалеко отъ устья Камы) принуждены были неоднократно крайніе къ рѣкѣ дома переносить на другія мѣста. (Магаз. землевѣд: т. I, 438. Списки населен. мѣстъ Россіи, Казан. губ. 13 стр.)

ствіи отъ напора воды въ эту сторону дѣлаются глубже и богаче водой, такъ что суда, первоначально обходившія ихъ, позже обращаются къ нимъ, вслѣдствіе обмелѣнія лѣвыхъ рукавовъ. [1])

Возвышенный берегъ, сопровождающій отъ рѣки Мологи Волгу съ правой стороны, представляетъ продолженіе флецовыхъ холмовъ, которые попадались и до сего. Отъ устья Оки эти холмы подымаются до 150 ф. и тянутся грядами до рѣки Камы; начиная отсюда, они получаютъ видъ настоящихъ флецовыхъ горъ, которыя тянутся рядами на нѣсколько верстъ въ ширину, понижаясь постепенно въ направленіи къ западу. Восточною стороною они примыкаютъ къ Волгѣ и образуютъ крутые, обрывистые берега отъ 8 до 20 саженъ высоты. Берега эти прорѣзываются въ большомъ количествѣ широкими и глубокими лощинами, по которымъ въ Волгу стекаетъ снѣжная и дождевая вода. Внутренній составъ на-

---

[1]) Studien von K. Baer II, 143—145. Морс. сбор. 1857 г. № 1, 120. Иностранцы, посѣтившіе въ XIII ст. г. Сарай, стоявшій на рѣкѣ Ахтубѣ (около уѣзд. г. Царева), свидѣтельствуютъ, что это была большая рѣка и по ней происходило движеніе: въ настоящее же время она до того уменьшилась, что лѣтомъ ее можно переѣхать на телѣгѣ. Относительно другихъ рукавовъ рѣки Волги можно сказать, что они вполнѣ подкрѣпляютъ высказанное положеніе: такъ, судоходство сперва (въ давнее время) совершалось Уваринскимъ устьемъ, какъ удобнѣйшимъ, но въ началѣ 18 столѣтія уже Ярковское устье (западнѣе) считалось болѣе безопаснымъ для судовъ; еще нѣсколько десятилѣтій спустя оказалась болѣе удобною для судовъ такъ называемая старая Волга. Въ настоящее время Бахтемиръ, самый западный рукавъ, есть вмѣстѣ и самый судоходный. Studien von K. Baer II, 144.—Histor. geogr. Durst. des Strom. der Wolga von Müller 540—541.).

горнаго берега образуется изъ глинистаго, известковаго и песчанаго сланца; по временамъ берегъ круто спускается къ Волгѣ и оканчивается известью, рухлякомъ и гипсомъ [1]). Въ сѣверной части луки нагорный берегъ сталкивается съ Самарскою грядой, и здѣсь, противъ г. Ставрополя, совмѣстно они образуютъ знаменитыя по своей живописности Жигулевскія горы. По высотѣ — онѣ самыя высокія изъ волжскихъ горъ: болѣе 100 саж. надъ уровнемъ Волги *). Онѣ не составляютъ сплошнаго кряжа, но прорѣзаны глубокими ущельями, оврагами и горными котловинами; къ Волгѣ онѣ спускаются крутыми обрывами. Господствующая въ ихъ составѣ порода — известнякъ, во многихъ мѣстахъ обнаженный и ярко бѣлѣющій среди зелени, его окружающей. При влажности воздуха или предъ непогодой горы окутываются туманомъ и служатъ жителямъ своего рода барометромъ, указывая наступленіе той или другой погоды [2]). За Самарской лукой горный берегъ возвышается и круто спускается къ рѣкѣ. Горы, его образующія въ этихъ мѣстахъ, носятъ разныя названія **). По высотѣ онѣ иногда достигаютъ до 500 ф. (Змѣевы и Ушьи); внутренній составъ ихъ — кварцъ и песчаникъ. Происхожденіе ихъ, по изслѣдованію путеше-

---

[1]) Hist. geogr. Darst. von Müller 308—309; 476—477.

*) Это—по измѣренію Палласа. Путеш. по разн. пров. Рос. Имп. I, 216 с. Другіе же насчитываютъ до 1000 ф. надъ уровнемъ Волги. Журн. М. В. Д. 1860 г. ч. 7, 12 ст. примѣч.

[2]) Hist. geog. Darst. von Müller 484.

**) Отъ Сызрани до Хвалынска—Черно-Затонскія горы, отъ Хвалынска до г. Вольска—Дѣвичьи; за ними — Змѣевы; около Саратова—Урдюмскія, а подъ Камышинымъ — Ушьи. Ibid. 491.

ственниковъ нынѣшняго столѣтія, водное: образовались онѣ вслѣдствіе наносовъ и состоятъ изъ разныхъ пластовъ, перемѣшанныхъ между собой и лежащихъ безъ всякаго порядка одинъ подъ другимъ: крупный и мелкій песокъ мѣняется съ пластами глины, смолистаго известняка и гипсовыми жилами. Обыкновенно смолистый известнякъ лежитъ на глубинѣ, тогда какъ песокъ распространенъ по всей горной грядѣ и почти всегда покрытъ тонкимъ слоемъ наносной земли, которая образовалась на немъ постепенно [1]). Подъ Саратовымъ горы обнажевы и жителями прозываются Лысыми горами; онѣ уже указываютъ на близость степей. Нѣсколько выше 50° Общій Сыртъ—эта естественная граница между Азіею и Европою — примыкаетъ къ правому берегу Волги и, принявъ южное направленіе, помогаетъ образованію праваго нагорнаго берега рѣки, который тянется вплоть до Царицына. Высота его отъ Камышина не болѣе 10 сажень надъ уровнемъ рѣки, къ которой онъ спускается крутыми обрывами. Внутренній составъ волжскаго берега около Царицына и ниже — глинистый сланецъ, песчаникъ и известь. Поверхность степи, простирающейся по обѣимъ сторонамъ Волги внутрь страны, состоитъ изъ глинистой почвы, которая покрыта многочисленными солончаковыми растеніями. Около Енотаевска глинистая почва начинаетъ переходить въ песчаную, наполненную соляными озерами и болотами [2]).

---

[1]) Выдержка изъ «Путеш. по степ. южной Россіи» Гебеля 1830 г. въ Магаз. зем. т. I. «Рѣчная обл. рѣки Волги», И. Бабста 503 с.

[2]) Hist. geogr. Darst von Müller 500—519.

Лѣвая или луговая сторона Волги, простирающаяся вплоть до Каспійскаго моря, представляетъ низменность, которая отъ Костромы до р. Камы тянется непрерывной волнообразной равниной, а далѣе до Общаго Сырта прорѣзывается отрогами Урала. Быть можетъ, вслѣдствіе этой низменности рѣчная долина Волги, по мѣрѣ ея приближенія къ морю, постепенно расширяется; особенно замѣтно это расширеніе весною, въ полую воду *). Во время своего теченія Волга нерѣдко образуетъ острова, которые имѣютъ нѣкоторыя свои особенности. Всѣ они происхожденіемъ своимъ обязаны исключительно Волгѣ и имѣютъ большей частью продолговатый видъ; передняя часть, обращенная къ верховьямъ рѣки, обыкновенно выше и обрывистѣе, а задняя сторона ихъ поката и нѣсколько съужена. Эти особенности волжскихъ островов находятся въ тѣсной связи съ дѣйствіемъ и напоромъ рѣчной воды во время ея теченія: передняя сторона мало по малу размывается, между тѣмъ какъ противоположная часть увеличивается въ длину новыми отложеніями рѣки; поэтому-то острова эти склонны къ постепенному удаленію по рѣчному теченію; даже иногда, въ очень большую воду, они исчезаютъ совершенно съ Волги [1]). Острова эти большею частію покрыты кустарникомъ и деревьями и придаютъ рѣкѣ чрезвычайно живописный видъ. „Нужно самому быть здѣсь“, говоритъ одинъ изъ путешественниковъ, „ну-

*) У устья Оки рѣчная долина Волги равняется 7 верст. За рѣкой Самарой она простирается отъ 15 до 20 верстъ; у Царицына достигаетъ 40 верстъ. Hist. geogr. Dar. des strom. Wolga von Müller. 308, 489, 517.

[1]) Studien von K. Baer. II, 137—140.

жно самому ихъ видѣть, чтобы понять всю очаровательную красоту ихъ, понять, какую жизнь они придаютъ широкой Волгѣ" [1]).

Особенно прелестную по разнообразію картину представляетъ долина р. Волги весной, въ полую воду. Раннею весною, когда Волга выступаетъ изъ береговъ, деревья и кустарники, покрывающіе во многихъ мѣстахъ ея берега и острова, еще голы и не успѣли покрыться листомъ. Прибывающая рѣка постепенно заливаетъ всѣ острова, берега, луга и покрывающій ихъ разнообразный лѣсъ. Прибыль воды обыкновенно длится болѣе мѣсяца,—убыль же начинается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Самарск. губерн.) въ іюнѣ. Въ эту пору деревья уже одѣты листомъ и ярко зеленѣютъ. Но такъ какъ отъ воды свободны только вершины деревъ, то онѣ сперва и покрываются зеленью, остальныя же вѣтви, что подъ водою, остаются голыя. Но вотъ Волга стала убывать: тогда вѣтви, по мѣрѣ выступленія своего изъ воды, начинаютъ покрываться небольшими листиками. Въ это время на одномъ и томъ же деревѣ можно видѣть и зрѣлый листъ, и молодой, а на иныхъ деревьяхъ уже распустившійся цвѣтъ. Вслѣдствіе изобилія влаги въ здѣшнихъ мѣстахъ растительный процессъ совершается чрезвычайно скоро [2]).

Огромное значеніе имѣетъ для большей части луговой стороны Волги и для странъ, примыкающихъ къ ней, то обстоятельство, что часть волжской доли-

---

[1]) Магазинъ землевѣд. I. 502 с. Бабста «Рѣчная область р. Волги» (выдержка изъ соч. Гебеля. «Путеш. по степ. южной Росс.»)

[2]) Журн. Мин. Вн. Д. 1854 г. № 7, стр. 6.

ны, начиная отъ Казани, слабо защищена съ южной стороны Общимъ Сыртомъ,—поэтому она доступна дѣйствію сухихъ и холодныхъ вѣтровъ, свирѣпствующихъ на равнинахъ сосѣдней Азіи. Но рядомъ съ этими неблагопріятными условіями встрѣчаемъ и хорошее вліяніе Азіи: сюда проникаетъ довольно свободно южный, теплый воздухъ, вліяніе котораго простирается до окрестностей Казани. Только благодаря послѣднему обстоятельству, суровость климата въ этихъ крайнихъ частяхъ Европы смягчается до того, что здѣсь могутъ расти нѣкоторыя южныя растенія и плоды; эти послѣдніе созрѣваютъ здѣсь въ болѣе короткое время, чѣмъ на югѣ [1]).

Уже въ началѣ обзора теченія р. Волги говорилось о притокахъ, принимаемыхъ ею на своемъ пути; нѣкоторые изъ нихъ не безъ вліянія на самое направленіе волжскаго теченія. Между ними самое видное мѣсто принадлежитъ Окѣ и Камѣ. Каждая изъ этихъ рѣкъ вмѣстѣ съ притоками образуетъ особую и значительную рѣчную область; въ особенности это можно отнести къ рѣкѣ Камѣ, которую нѣкоторые путешественники даже прозвали малою Волгою [2]). Въ то время, какъ сама Волга беретъ начало недалеко отъ Балтійскаго моря и впадаетъ въ отдаленное Каспійское, — двумя названными притоками своими она, какъ бы двумя руками, распростертыми по направленію къ Ледовитому и Черному морямъ, захватываетъ

[1]) Hist. georg. Darst. von Müller 480.

[2]) Hist. georg. Darst. von Müller 112, 195, 325. Такъ ее называетъ путешественникъ Фалькъ. Своею длиной Кама превосходитъ значительныя рѣки западной Европы: она протекаетъ пространство почти равное 2000 вер., слѣдовательно превосходитъ Рейнъ.

огромныя пространства, находящіяся въ значительномъ отдаленіи отъ нея. Кама съ своими притоками орошаетъ страну, по своему характеру рѣзко отличающуюся отъ остальныхъ областей волжскихъ. Она течетъ около средняго Урала, слѣдовательно сближаетъ горныя Уральскія страны съ Волгою. Эти страны врядъ ли бы достигли того развитія и получили то огромное значеніе, какое онѣ имѣютъ въ настоящее время, если бы по нимъ не протекала р. Кама, вливающая свои воды въ Волгу. Другимъ своимъ притокомъ, Окою, Волга вторгается въ Черноморскую область, соприкасается на югѣ съ Днѣпромъ и Дономъ и чрезъ нихъ входитъ въ сообщеніе съ Чернымъ моремъ [1]).

Кромѣ своей громадности, обилія водъ и величины своихъ притоковъ, рѣка Волга привлекаетъ къ себѣ вниманіе также и разнообразіемъ странъ, по которымъ она протекаетъ во время своего длиннаго пути. Зачинается она въ странѣ съ бѣдною, глинисто-песчаною почвою и долго течетъ по такимъ же малоплодороднымъ землямъ. Только подходя къ Камѣ, она вступаетъ въ богатую черноземную страну, принадлежащую къ плодороднѣйшимъ областямъ, омываемымъ Волгою. Нѣкоторыя мѣстности этой черноземной полосы—между рѣками Камой и Самарой—были уже въ древнѣйшее время, не взирая на вѣроятность невысокаго развитія земледѣлія у населявшаго ихъ народа *), житницею для сосѣднихъ странъ въ неу-

---

[1]) Hist. geogr. Darst. von Müller 112, 195, 325.

*) Рѣчь идетъ о Волжскихъ Болгарахъ, у которыхъ преобладалъ кочевой бытъ. Обстоятельно объ этомъ будетъ ниже сказано.

рожайные годы [1]). На всемъ этомъ пространствѣ превосходные луга, плодоносныя поля и прекрасные дубовые лѣса безпрерывно смѣняютъ другъ друга [2]). Около Саратова уже слой чернозема оказывается не такъ толстъ, какъ въ области р. Самары, а еще далѣе, прорѣзываясь чрезъ Общій Сыртъ, Волга вступаетъ въ песчаныя и негостепріимныя степи, примыкающія къ Каспійскому морю, въ которое наконецъ она и „втечетъ семьюдесятъ жерелъ", по выраженію нашей начальной лѣтописи *).

---

[1]) «Бѣ мятежъ великъ и голодъ по всей той странѣ (Суздальской); идоша по Волзѣ вси людье в Болгары, и привезоша жито, и тако ожиша». Полн. собр. лѣтоп. т. I, 1024 г.

[2]) Въ губерніяхъ Нижегородской, Казанской, Симбирской и Саратовской дубъ господствуетъ въ лѣсахъ; онъ относится къ остальнымъ породамъ, какъ 13:1. Hist. geogr. Darst. von Müller 406.

*) Въ этой же лѣтописи впервые встрѣчаемся съ настоящимъ названіемъ р. Волги; это свидѣтельствуетъ о томъ, что издревле она была извѣстна русскимъ славянамъ подъ этимъ именемъ. Изъ чужеземныхъ писателей она впервые ясно съ общимъ обозначеніемъ ея теченія упоминается у Птоломея подъ названіемъ Ра. (Въ Geographia Universalis Clavdii Ptolomaei 1542. 94 р. теченіе ея опредѣлено: «a montibus Hiperboreis fluentes.... que appropinquat flexioni Tanais fluvii». Tabula Asiae II.). У арабскихъ писателей она извѣстна подъ именемъ «Итиль», что значитъ рѣка (Сказанія Мусульм. писат. А. Гаркави). Съ этимъ же названіемъ она встрѣчается и у византійскихъ писателей. У Мордвы она именуется «Рау», что напоминаетъ ея названіе у Птоломея. У Черемисовъ—«Иуль» (Hist. geogr. Darst. von Müller 80 р.). У западныхъ средневѣковыхъ писателей она называется то Волга, то Етилія, то Ердиль, то Ра (У Плано-Карпини, путеш. полов. XIII ст.,—Волга, у Рубриквиса—пут. около полов. XIII ст.—Етилія («Voyages en Asie» Pierre Bergeron. 5, 28, 30); у Барбарини—Ердиль (см. «Биб. иностр. писат.» 56 и 57 стр.); у Герберштейна—Ра и Волга (Нѣмецкое изданіе 1563 г.—110 ст.).

Нѣкоторыми особенностями своими Волга рѣзко отдѣляется отъ другихъ Европейскихъ рѣкъ и съ давнихъ временъ уже напоминала путешественникамъ великую африканскую рѣку [1]). Она, подобно Нилу, ежегодно затопляетъ огромныя земельныя пространства по луговой сторонѣ, насыщаетъ почву влагой и, возвращаясь къ обычному своему руслу, оставляетъ послѣ себя на всемъ протяженіи, куда только заходили ея воды, удобрительныя вещества, состоящія изъ землистыхъ и другихъ частицъ, которыми волжская вода, хотя въ меньшей мѣрѣ, но также насыщена, какъ и воды Нила. Вслѣдствіе этого условія луговая сторона Волги, особенно въ сухіе года, гораздо плодороднѣе нагорной. Подобно Нилу, Волга мѣняетъ довольно часто судоходность своихъ рукавовъ, притомъ въ томъ же направленіи—отъ востока къ западу. Но при всемъ сходствѣ есть между ними и глубокое различіе. Нилъ впадаетъ въ Средиземное море, по берегамъ котораго издавна жили народы—дѣятели въ историческомъ развитіи человѣчества, и этимъ открывалъ своимъ прибрежнымъ жителямъ доступъ къ сношеніямъ съ образованными людьми; напротивъ, Волга вливаетъ воды свои въ Каспійское море, окруженное степями и дикими племенами, и потому дале-

---

[1]) Такъ, французскій монахъ Рубриквисъ, бывшій на Волгѣ въ половинѣ XIII стол., говоритъ о ней: Etilia croit et inonde le pays en été, comme le Nil fait l'Egypte». (Voyages en Asie, Pierre Bergeron I, 39 p.).

Гораздо позднѣе его соотечественникъ Малтебрюнъ говоритъ: la ville d'Astrakan est ainsi dire l'Alexandrie de ce Nil de la Scythie. (Hist. geogr. Darst. des Strom. Wol. 123, прим. 39).

ко не служила проводникомъ цивилизаціи для племенъ, обитавшихъ по ней [1]).

Обращаясь къ этимъ послѣднимъ, мы невольно останавливаемся на ихъ разнообразіи. Это явленіе обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что низовье р. Волги лежитъ на пути изъ Азіи въ Европу: она протекаетъ чрезъ Великія ворота (между Уральскимъ хребтомъ и Каспійскимъ моремъ), которыми проходила большая часть племенъ изъ Азіи, колыбели народовъ, въ Европу. Здѣсь, на обширныхъ приволжскихъ равнинахъ, привольныхъ для кочевой жизни, нерѣдко располагались на время люди, принадлежавшіе, по своему происхожденію, къ разнымъ семьямъ; отсюда иногда они стремились подчинить своей власти сосѣдніе народы и страны, если только не довольствовались простымъ грабежомъ ихъ достатковъ [2]). Хотя нѣкоторые изъ Индо-германскихъ народовъ проходили также нѣкогда чрезъ эти естественныя ворота—между Ураломъ и Каспіемъ, но они тутъ не остались, а прошли далѣе на западъ [3]). Не то произошло съ племенами, относимыми къ многочисленной и обширной семьѣ Алтайской [4]). Нѣкоторые изъ народовъ этой группы издавна

---

[1]) Волга, затопляя, оставляетъ послѣ себя илъ не только въ среднемъ теченіи своемъ, но и въ верхнемъ. Ист. Твер. Княж. Борзаковскаго 9 с.

Морск. Сб. 1857 г. № 1. 112 ст.—Hist. geogr. Darst. des Strom. Wol. von Müller, 123, 540—545.

[2]) Hist. geog. Darst. von Müller, 76—77.

[3]) Германцы и Славяне прошли этимъ путемъ. Der Ugrische Volk. von Müller 61 p.

[4]) Принимаю это названіе, впервые предложенное извѣстнымъ финологомъ Кастреномъ, какъ наиболѣе удовлетворительное, ибо оно основано на изслѣдованіи авторовъ языковъ этой раз-

расположились на низовьяхъ р. Волги, рано образовали общественные союзы, которые оставили по себѣ слѣды въ Поволжьѣ и были не безъ вліянія на своихъ сосѣдей. Впрочемъ, разсматривая не возникновеніе этихъ общественныхъ союзовъ,—для этого намъ

нообразной группы. (Объ этомъ см. Ethnologische Vorlesungen über die Altaischen Völker von Kastren 1857, 10—18 p.).

Мюллеръ въ своемъ сочиненіи «Der Ugrische Volksstam» 2 p. предлагаетъ называть эту группу Уральскими народами, «ибо пріуральскія земли суть страны, съ коихъ разныя отрасли этого великаго племени вышли и позднѣе распространили свое вліяніе по Европѣ»; но самъ авторъ при этомъ замѣчаетъ, что это наименованіе будетъ болѣе географическое, чѣмъ историко-этнографическое. Что же касается времени выхода Финновъ изъ своихъ древнихъ жилищъ на южномъ Уралѣ и разселенія по остальной Европѣ, то Кастренъ это относитъ ко времени до Р. Х. Это предположеніе онъ подкрѣпляетъ доводами отрицательными: о Финнахъ, кромѣ Гунновъ и Венгровъ, не упоминается во время великаго переселенія народовъ; о нихъ говоритъ Тацитъ, 100 л. спустя по Р. Х., какъ объ обитателяхъ Европы. Относительно разселенія ихъ по Европѣ Кастренъ, основываясь на преданіяхъ, на финскихъ названіяхъ мѣстностей во всей средней и сѣверной Россіи, на томъ, далѣе, что Финны, какъ номады, требовали для себя болѣе обширныхъ пространствъ, чѣмъ въ настоящее время,—полагаетъ, что они занимали весь сѣверъ и средину нынѣшней Россіи (Ethnol. Vorles. von Castren 90, 143). Нѣсколько иначе смотритъ на вопросъ о пространственномъ разселеніи Финновъ знаменитый изслѣдователь старины славянской—Шафарикъ: разбирая Геродотово описаніе народовъ, населявшихъ нынѣшнюю Русь, особенно племя Будиновъ, далѣе, краткое, но важное извѣстіе Тацита, позднѣйшія извѣстія Іорнанда и другихъ, авторъ такъ заключаетъ: «говоря вообще въ эпоху историческую, т. е. отъ Геродота до Іорнанда и Прокопія (до 6 ст.), финскія племена жили въ той же сѣверной части Европы, гдѣ мы ихъ встрѣчаемъ въ 9 вѣкѣ, во времена незабвеннаго Нестора». («Славянскія древности» Шафарика, перев. О. М. Бодянскаго, II т., 226—227 стр., а также стр. 201—211).

недостаетъ историческихъ данныхъ,—а обстоятельства, при коихъ они получили свою власть и силу, мы должны допустить большое вліяніе на увеличеніе ихъ средствъ нѣкоторыхъ условій, появленіе и существованіе которыхъ было совершенно независимо отъ самихъ союзовъ.

Съ давняго времени по Волгѣ происходили сношенія между азіатскимъ востокомъ и сѣверозападною Европою; этимъ сношеніямъ, по преимуществу торговымъ, было суждено оживиться въ эпоху распространенія ислама по Азіи, сѣв. Африкѣ и Испаніи. Въ періодъ наступившихъ въ это время религіозныхъ войнъ живыя торговыя сношенія по Средиземному морю на нѣкоторое время прекращаются; вниманіе купцовъ и предпріимчивыхъ людей обращается къ восточной половинѣ Европы, гдѣ существовали обширные и удобные для сношеній съ Азіей водные пути [1]). Здѣсь на огромномъ пространствѣ, по берегамъ рѣкъ, текущихъ въ разнообразныхъ направленіяхъ, жили разсѣянно племена славянскаго и финскаго происхожденія. Они обитали съ незапамятныхъ временъ по сосѣдству другъ съ другомъ, будучи между собою нѣсколько сходны по религіи, обычаямъ и родовому быту, который нѣкоторыя изъ сосѣднихъ финскихъ племенъ сохранили до нашихъ дней [2]). Распредѣля-

---

[1]) Hist. geogr. Darst. des Strom. Volga von Müller. 77, 558 p.

[2]) Еще Тацитъ, въ своемъ соч. «De origine, situ, moribus ac populis Germaniae», говоритъ (46 гл.): «Veneti...., quicquid inter Peucinos Fennosque silvarum ac montium erigitur, latrociniis pererrant».

Г. Мельниковъ въ своемъ изслѣдов. о Мордвѣ (Русс. Вѣст. 1867 г. № 9, 244—249; 430) говоритъ о древней языческой вѣрѣ этого финскаго племени, что «она имѣла большое сходство съ

лись они такимъ образомъ, что Славяне занимали болѣе западную половину великой равнины, Финны восточную ея часть. Такъ какъ болѣе удобный путь съ Азіею былъ по рр. Волгѣ и Камѣ, которыя орошаютъ сѣверо-восточныя части великой равнины, то поэтому необходимымъ слѣдствіемъ явилось сравнительно большее участіе въ торговыхъ сношеніяхъ народовъ именно тѣхъ племенъ, которыя жили на этомъ пути. Въ здѣшнихъ мѣстахъ поселились издавна племена тюрко-финскаго корня, которыя и воспользовались выгодами, происшедшими изъ оживленныхъ торговыхъ сношеній по волжскому пути. Въ предѣлахъ занимающей насъ рѣки Волги организовались собственно два общественные союза: одинъ подъ именемъ Хазарскаго царства, котораго средоточіе находилось сперва на западной сторонѣ Каспійскаго моря, въ городѣ Семендерѣ *), позднѣе же, для безопасности отъ воинственныхъ Арабовъ, перенесено было сѣвернѣе, въ г. Итиль **), среди устьевъ р. Волги [1]); другой общественный союзъ подъ именемъ Болгарскаго царства образовался въ области средняго теченія р. Волги, между р.р. Камою и Самарою; здѣсь первенствовалъ

языческою вѣрою русскихъ Славянъ, если не была одна и та же. По сохранившимся у Мордвы преданіямъ и религіознымъ обрядамъ можно объяснить многіе русскіе обычаи и обряды».

Относительно родоваго быта, сохранившагося у нынѣшнихъ Чувашъ, потомковъ, по предположенію нѣкоторыхъ ученыхъ, древнихъ Буртасъ, см. Мат. этн. Россіи. Каз. губ. Риттиха, стр. 46, 62—63».

*) Около нынѣшнихъ Таркъ.

**) Около нынѣшней Астрахани.

[1]) Мухамеданская нумизматика П. Савельева 59 с.

г. Булгаръ на лѣвомъ берегу Волги [1]). Хазарское царство имѣетъ за себя вѣроятность болѣе древняго существованія, чѣмъ Болгарское; по крайней мѣрѣ нѣкоторые ученые склоняются къ предположенію, что Хазары жили на этихъ мѣстахъ, только подъ инымъ названіемъ—Скиѳовъ, еще задолго до Рожд. Христова [2]). Между тѣмъ преданія о самомъ раннемъ пребываніи на Волгѣ финскаго племени Болгаръ не восходятъ далѣе II вѣка [3]). Оба эти союза по своему составу были очень разнообразны; хотя въ составъ ихъ входили племена, принадлежавшія большею частію къ Алтайской семьѣ, но они не были связаны между собою ни единствомъ языка, ни религіею [4]); равнымъ

---

[1]) Журн. Мин. Народ. Просв. 1846 г. «О торговлѣ Волжскихъ Булгаръ» П. Савельева 32 с. Развалины этого города находятся въ Казанской губ., въ Спасскомъ уѣздѣ.

[2]) Сынъ Отечества 1835 г. „Обзоръ политической исторіи Хазаръ» В. Григорьева, 569 с.

Ethnologische Vorlesungen über die Altaischen Völker 1857, A. Castren 88—90.

[3]) Библіотека для чтенія 1836 г. ч. 11-я «Волжскіе Булгары» В. Григорьева, 3 стр.

[4]) «Извѣстія о Хазарахъ, Буртасахъ и пр. Ибнъ-Даста», Хвольсона, 73 стр. Слова Эль-Балхи.

«Сказаніе Мухамед. писателей» А. Гаркави, 219 с. Слова Ибнъ-Хаукаля.

Какъ ни трудно довѣрять лингвистическимъ извѣстіямъ арабскихъ писателей, описывающихъ эти народы, но согласное свидѣтельство ихъ о разности языковъ поволжскихъ народовъ, входившихъ въ составъ здѣшнихъ царствъ, принято даже такимъ осторожнымъ изслѣдователемъ, какъ оріенталистъ Френъ. См. «Mémoires de l'académie des sciences» 1832 г. I, «Drei Münzen der Wolga Bulgaren» von Fraen, 548 p.

О разности религій народовъ, входившихъ въ составъ царствъ, см. «Сказ. Мух. писат.» Гаркави, стр. 129. Слова Аль-Масуди.

образомъ трудно предположить у нихъ сходство въ обычаяхъ, такъ какъ при разности религіи и языка степень развитія ихъ была не одинакова. Слѣдовательно соединеніе различныхъ племенъ въ обоихъ царствахъ было болѣе внѣшнее: частью ихъ связывала между собою государственная власть, частію же ихъ могли соединять выгоды, которыя они получали отъ участія въ значительной торговлѣ съ югомъ и сѣверомъ.

Изъ названныхъ царствъ особенно важное значеніе принадлежитъ Хазарскому. Это обусловливается какъ мѣстностію, на которой оно раскинулось, такъ и обширностью пространствъ, захваченныхъ этимъ общественнымъ союзомъ. О торговыхъ выгодахъ странъ, непосредственно примыкающихъ къ сѣверозападной части Каспійскаго моря, гдѣ впадаетъ р. Волга, едва ли слѣдуетъ говорить. Преобладаніе континента на востокѣ Европы и скудость береговаго пространства побуждали жившіе тутъ народы тѣмъ сильнѣе дорожить „путемъ Божіимъ", какъ въ древности называли водные пути. Поэтому естественно было народу, который обладалъ столь удобнымъ мѣстоположеніемъ, владѣть значительно большими средствами, чѣмъ сосѣднія съ нимъ племена; послѣднія, находившіяся, вѣроятно, большею частью на степени развитія нашихъ Радимичей, Сѣверянъ, Вятичей и Полянъ, безъ особеннаго труда были подчиняемы Хазарами своей власти. Неудивительно поэтому, что предѣлы Хазарскаго царства простирались къ югу до горъ Кавказскихъ, къ западу — до Азовскаго моря и Днѣпра, къ сѣверу—до области Волжскихъ Болгаръ, и къ востоку — до владѣній Башкирцевъ и другихъ кочевыхъ

народовъ [1]). Начатки своей образованности Хазары, вѣроятно, получили изъ Азіи; по крайней мѣрѣ устройство ихъ городовъ—между прочимъ стольный городъ Семендеръ и знаменитый Итиль—приписывается Сассанидамъ [2]). Впослѣдствіи частыя войны съ Аравитянами, неудачи въ этихъ войнахъ и стѣсненія отъ Аравитянъ принудили ихъ въ 737 году обратиться къ исламу: въ надеждѣ избавиться отъ крайности, они всѣ, за исключеніемъ ихъ Хакана, приняли религію Магомета; самъ Хаканъ позднѣе (въ концѣ 8-го столѣтія) обращенъ былъ въ іудейство Евреями, ушедшими отъ притѣсненій изъ Греціи въ Хазарію [3]). Вѣроятно, благодаря этому единовѣрію, а также, быть можетъ, вслѣдствіе исключительно торговаго направленія царства, Евреи получили въ немъ преобладающее значеніе *).

Между другими племенами въ составъ Хазарскаго царства входили Буртасы, народъ, занимавшій довольно обширныя пространства по р. Волгѣ (около 20 дней ѣзды въ длину) и имѣвшій своимъ средоточіемъ довольно значительный городъ Буртасы. „Буртасы—есть имя народа, города и земли", по словамъ арабскихъ писателей, изъ которыхъ нѣкоторые упоминаютъ и о рѣкѣ того же имени. Они примыкали съ

---

[1]) «Извѣстія о Хазарахъ и Буртасахъ—Ибнъ-Даста», Хвольсона, 16. Сынъ Отечес. 1835 г. т. 48, 583 с.

[2]) Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ. 1844, VI, 24 с.

[3]) Сынъ От. 1835. т. 48, 575, 580 сс.

*) Арабскій писатель, посѣтившій эти страны въ 1-й полов. X столѣтія, говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «Хазаре и царь ихъ всѣ Евреи». Нѣсколько далѣе онъ пишетъ, что только царь и приближенные его Евреи. Сказ. мусул. пис. А. Гаркави, 92 с.

одной стороны непосредственно къ Хазарамъ, а съ другой къ Болгарамъ. Страна, въ которой они жили, была лѣсистая равнина; поэтому они занимались преимущественно звѣроловствомъ: мѣха чернобурыхъ лисицъ, высоко цѣнимые на востокѣ, и куньи мѣха шли изъ ихъ земли. Кромѣ этого промысла, у нихъ, вѣроятно, было скотоводство, ибо писатели указываютъ у нихъ на рогатый скотъ и верблюдовъ. Не чуждо имъ было и земледѣліе. Въ городѣ они оставались только зимой, а лѣтомъ кочевали въ кибиткахъ. Магометанская религія проникла къ нимъ, вѣроятно, отъ Хазаръ. Въ городѣ у нихъ были двѣ мечети—одна соборная, а другая простая. Бытъ ихъ, вѣроятно, былъ родовой, потому что писатели говорятъ о мести у нихъ и о старшинахъ въ селахъ, которые должны были рѣшать ихъ распри. Они признавали надъ собою власть Хазарскаго царя и обязаны были для него выставлять въ поле 10,000 всадниковъ. На Болгаръ они производили набѣги, равно какъ и тѣ въ свою очередь не оставляли ихъ въ покоѣ [1]).

---

[1]) «Извѣстія о Хазарахъ, Буртасахъ—Ибнъ-Даста» Хвольсона гл. II, 19—21 с. Мухамед. нумизмат. П. Савельева, 61, 67 сс.

Вопросъ о томъ, кто такіе древніе Буртасы, рѣшается нашими оріенталистами различно. Г. П. Савельевъ полагаетъ, что они должны быть признаны отдѣльною отраслью племени Мордвы, нынѣшней Мокши. Основывается онъ на слѣдующемъ: арабскіе писатели, говоря о племенахъ мордовскихъ, упоминаютъ о Ерзѣ и Каратаѣ, а не говорятъ о самой многолюдной—Мокшѣ (между тѣмъ о ней упоминаетъ уже въ XIII ст. Рубриквисъ, см. Voyage en Asie P. Bergeron 30 p.), которая обитаетъ въ настоящее время въ мѣстности, гдѣ нѣсколько деревень, погостовъ и рѣкъ носятъ названіе Буртасъ. («Мухам. нумизм». П. Савельева, 65 ст., примѣч.). Г. Сбосвъ признаетъ потомками Буртасъ нынѣшнихъ Чувашъ, (у которыхъ, замѣ-

Сами Хазары, хотя и причисляются къ Финнамъ, на самомъ дѣлѣ были народомъ смѣшаннымъ; это можно отчасти видѣть изъ смѣшенія у нихъ четырехъ религій,—что впрочемъ было естественно въ царствѣ, расположенномъ на пути между Европою и Азіею, гдѣ сталкивались безпрестанно разныя племена, двигавшіяся съ востока на западъ [1]). Городъ Итиль заключалъ въ себѣ болѣе 15 тысячъ жителей, между которыми до 4 тысячъ было Евреевъ. Жили Хазары большею частію въ войлочныхъ юртахъ, и только тѣ, которые были побогаче, имѣли глиняныя мазанки, какія и теперь можно встрѣтить у Киргизовъ. Царь впрочемъ имѣлъ каменный дворецъ. Украшеніемъ города, кромѣ этого, служили довольно высокіе минареты при итильскихъ мечетяхъ. Не смотря на то, что верховная власть формально принадлежала у нихъ Хазаръ—Хакану, на самомъ дѣлѣ вся власть была въ рукахъ Йша̂, который неограниченно управлялъ страною и предводительствовалъ войскомъ. Занятія ихъ были рыболовство и торговля. Они имѣли большое количество судовъ, которыя вмѣстѣ съ болгарскими безпрерывно сновали

тимъ между прочимъ, очень хорошо сохранился родовой бытъ, см. Сбоева 18—20 ст. и Мат. этн. 18 с., Каз. губ., Риттиха 46—63 ст.), въ языкѣ коихъ встрѣчаются арабскія слова, указывающія на сношенія ихъ съ Арабами въ древности. Слово Буртасъ на языкѣ Чувашъ означаетъ жить, быть осѣдлымъ,—названіе же Чувашъ составляетъ буквальный переводъ слова Буртасъ на татарскій языкъ. Нашествіемъ Монголовъ Буртасы отодвинуты были одни на СЗ, а другіе на СВ. («Инородцы Каз. губ.» Сбоева 183—186).—Нашъ академикъ г. Дорнъ также признаетъ Чувашъ потомками Буртасъ, см. «Каспій» Б. Дорна 1875 г. 9 ст.

[1]) Mémoires de l'académie imp. des sciences. 1832, т. I, 548 с. Ст. Френа. Истор. Россіи С. Соловьева I, 99.

по Волгѣ. Разноплеменные купцы жили въ особой части города Итиля, которая называлась Хазеранъ. Пища Хазаръ состояла изъ риса и рыбы, которую они ловили въ большомъ количествѣ. Рыба, клей рыбій, вмѣстѣ съ кожами и мѣхами, составляли главные предметы ихъ торговли съ Византіею и Азіей; въ этой торговлѣ, въ которой принимали участіе также Булгаръ на Волгѣ и Чердынь на Камѣ, Итиль былъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ [1]).

Что касается отношеній Хазаръ къ ихъ сосѣдямъ, то они не всегда были дружественныя: такъ, на югѣ Хазары сперва вели войны съ Персами, а потомъ съ Арабами; послѣдніе даже овладѣли ихъ столицею Семендеромъ и побудили Хакана перенести свой шатеръ въ Итиль, а самихъ Хазаръ принять магометанство. Для своего усиленія противъ Аравитянъ Хазары завязываютъ дружественныя сношенія съ Византіею, которой также грозила отъ нихъ большая опасность. Въ IX столѣтіи (834 г.) они обратились чрезъ посольство къ греческому императору Ѳеофилу съ просьбою прислать имъ людей, которые могли бы построить имъ крѣпость на берегу Дона для защиты ихъ отъ страшныхъ Печенѣговъ. Византійцы прислали имъ ученаго инженера, который воздвигъ для нихъ крѣпость Саркелъ [2]). Въ X вѣкѣ между Итилемъ и Византіей происходили нѣкоторое время дѣятельныя торговыя сношенія: изъ Хазаріи привозились въ Константинополь

---

[1]) «Извѣст. о Хазарахъ, Буртасахъ Ибнъ-Даста», Хвольсона. Сказанія Еврейскихъ писателей о Хазарахъ А. Гаркави 1874. 103 с. — Мухам. нумизмат. П. Савельева 59 — 62. Hist. geogr. Darst. d. Strom. Wolga von Müller 557.

[2]) Сынъ Отеч. т. 48, 582.

рыба, мѣха и кожи [1]); но уже въ томъ же X столѣтіи Константинъ Багрянородный совѣтуетъ своему сыну сдерживать Хазаръ союзомъ съ сосѣдственными имъ Узами и Аланами [2]).

Главныя средства свои Хазарское царство, вѣроятно, получало отъ торговаго посредничества между разнообразными народами Европы и Азіи. Но главное условіе успѣшности торговыхъ сношеній—это мирныя отношенія къ сосѣдямъ и безопасность путей сообщенія. Хазарское же царство, занимавшее столь выгодное для торговли мѣстоположеніе, лежало на пути между Азіею и Европою; поэтому оно по необходимости сталкивалось то съ сосѣдними кочевыми народами, соблазнявшимися достатками Хазаръ, то съ завоевательными инстинктами сосѣднихъ государствъ. Уже опасность со стороны воинственныхъ Аравитянъ и необходимость перенести столицу сѣвернѣе были худыми симптомами для Хазаръ. Столица на новомъ мѣстѣ была безопасна отъ Арабовъ, но сосѣдство съ другими народами и азіатскими кочевниками едва ли было для нихъ безопаснѣе. Еще въ IX столѣтіи начавшееся броженіе среди тюркскихъ племенъ и стремленія ихъ чрезъ Великія ворота въ Европу были опасными предзнаменованіями для Хазаръ. Временный напоръ Печенѣговъ на ихъ восточныя границы могъ быть остановленъ съ помощью византійскаго искусства въ постройкѣ укрѣпленій; но почти одновременно съ этимъ на западъ отъ нихъ, среди Славянъ, складывает-

---

[1]) «Сказан. Еврейск. писателей о Хазарахъ и ихъ царствѣ» А. Гаркави I, 152.

[2]) Сынъ Отеч. т. 48, 583.

ся общественный союзъ, который скоро принудилъ племена, платившія дань Хазарамъ, присоединиться къ себѣ. Племена данники, прежде разрозненныя, теперь сплоченныя воедино, скоро дали о себѣ знать своимъ сосѣдямъ—Хазарамъ и Болгарамъ. Византійцы въ началѣ XI вѣка (1016 г.), желая избавиться отъ Хазаръ, заключили союзъ съ Мстиславомъ, богатыремъ русскимъ, напали на нихъ, побѣдили и взяли въ плѣнъ самого ихъ государя [1]. Такъ кончило свое существованіе Хазарское царство, а народъ исчезъ посреди тюркскихъ племенъ [2]. Названіе ихъ страны впрочемъ еще упоминается у путешественниковъ, проходившихъ чрезъ эти страны въ половинѣ XIII столѣтія: видно, оно еще жило между народами, которые населяли прикаспійскія страны [3].

Другое царство, существовавшее на Волгѣ по сосѣдству съ Хазарскимъ, было Болгарское. Его внутренній составъ былъ столь же разнообразенъ, какъ и предыдущаго [4]. Уже лѣтописи наши упоминаютъ о многихъ Болгарахъ [*]), но всѣми разнообразными на-

---

[1]) Сынъ Отеч. 1835 г. т. 48, 585 с.

[2]) Hist geogr. Darst. des Strom. von Müller 558 с.

[3]) Такъ, у Плано-Карпини и у Рубриквиса встрѣчается имя Хазаръ. Voyages en Asie P. Bergeron 8 и 26 р.

[4]) Биб. для чт. 1836 г. ч. II «Волжскіе Булгары» В. Григорьева.

[*]) Такъ, упоминаются Болгары Черные (Френъ производитъ это названіе отъ черной одежды, которую послѣ принятія магометанства стали носить государи Болгарскіе изъ уваженія къ Аббасидамъ; этотъ цвѣтъ былъ ихъ любимый), Болгары на Волгѣ, Болгары Серебряные, или Нуркатскіе (по объясненію В. Григорьева, отъ близости, вѣроятно, серебряныхъ рудниковъ, ибо Нуркатъ знач. серебро); Болгары Черемшанскіе (отъ рѣки этого имени, на которой они жили), Болгары Хва-

званіями называются, кажется, различныя отрасли одного и того же народа. Въ составъ этой державы входили впрочемъ и другія финскія племена [1]). Въ этомъ составѣ особенно важны для насъ несомнѣнные слѣды славянскаго элемента. Естественно является вопросъ: обусловливается ли этотъ элементъ тѣмъ, что въ составъ Болгаръ издавна вошли отчасти и славяне, или это только результатъ жизни вблизи и по сосѣдству съ славянами въ продолженіе долгаго періода времени? Оріенталисты, разсматривавшіе этотъ вопросъ, склоняются къ мнѣнію, что Болгары очень рано не были ни чисто славянскимъ, ни финскимъ или тюркскимъ народомъ, но представляли амальгаму изъ всѣхъ трехъ этихъ расъ. По всей вѣроятности, они первоначально принадлежали къ финскимъ племенамъ, но впослѣдствіи сильно перемѣшались съ славянскими и тюркскими народами, такъ что Волжскіе Болгары стали почти совершенно тюрками, между тѣмъ какъ ихъ соплеменники на Дунаѣ превратились въ Славянъ [2]).

лынскіе (такъ называлось Каспійское море). Иногда лѣтописи ихъ называютъ по городамъ, въ которыхъ они жили: Собекуляне, Челмата.

[1]) Биб. для чт. 12 стр.

[2]) Если титулъ болгарскаго короля влатаватцъ—славянскій, имя отца его Василько, названіе напитка сидщу (сычовка)—также славянскія, то за то имя короля Алмуса, вмѣстѣ съ титулами и именами, кои встрѣчаются у Дунайскихъ Болгаръ — Ханъ, Ирханъ, Аспарухъ, и названія городовъ Волжскихъ Болгаръ: Бряхимовъ, Собекуль, Ашли,—суть несомнѣнно турецкія. Mémoires de l'académie imperiale des sciences 1832, I: «Drei Münzen der Wolga Bulgharen aus dem X Jahr». von Fraen 547—549.

Это мнѣніе автора о составѣ Болгаръ раздѣляютъ также В. Григорьевъ (см. Биб. дл. чт. 1836 г. II ч. 27 с.) и Кепенъ (Ж. М. Н. Пр. 1836 г. 74—75 сс.).

Волжскіе Болгары занимали страну, которую смѣло можно назвать благословеннѣйшею изъ всѣхъ областей, лежащихъ по р. Волгѣ. Хотя предѣлы ихъ царства въ продолженіе четырехвѣковаго существованія его нерѣдко мѣнялись, но въ общемъ ихъ владѣнія замыкались слѣдующими границами: съ одной стороны Уральскими горами, р. р. Сурою и Окою, съ другой р. р. Вяткою и Камою съ истоками р. Хопра и р. Самары [1]). Большая часть означеннаго пространства покрыта толстымъ слоемъ чернозема, который представляетъ неоцѣненныя достоинства для земледѣлія; луговая сторона Волги и все пространство между р. р. Камой и Самарой очень выгодно для скотоводства; вся же страна вообще, замыкаемая вышеозначенными границами, занимаетъ чрезвычайно удобное мѣсто для торговли. По рѣкамъ Камѣ и Вяткѣ Болгары могли сноситься съ племенами Финскими, жившими на сѣверъ и востокъ отъ нихъ; вверхъ по Волгѣ они сообщались съ западными и сѣверозападными народами; по нижнему же теченію Волги они легко сносились съ Хазарскимъ царствомъ и азіатскимъ востокомъ [2]). По извѣстіямъ, дошедшимъ до насъ, Волжскіе Болгары пользовались всѣми тѣми выгодами, которыя страна, занимаемая ими, могла доставить имъ. Они занимались хлѣбопашествомъ и сѣяли пшеницу, жито, просо и ячмень; хлѣба у нихъ было въ излишествѣ, и иногда онъ вывозился изъ ихъ страны на западъ къ сосѣдямъ, которые далеко не обладали такою плодородною поч-

---

[1]) Биб. для чт. 12 с.
[2]) Биб. для чт. ст. 20.

вою, какъ глубокій черноземъ въ землѣ Болгаръ [1]). О развитіи скотоводства у нихъ можно заключить по ихъ обуви („суть вси въ сапозѣхъ") и по подати, которую они платили своему царю: она состояла изъ бычачьей шкуры отъ дому; кромѣ того, когда кто-либо изъ Болгаръ женился, то долженъ былъ давать царю верховую лошадь [2]). Что касается торговли Волжскихъ Болгаръ, то едва ли она не была самымъ прибыльнымъ ихъ занятіемъ. Особенно она могла усилиться у нихъ послѣ того, какъ они приняли исламъ и вступили въ непосредственныя сношенія съ Аравитянами и вообще съ востокомъ. Достаточно указать на чрезвычайное разнообразіе предметовъ, вывозившихся изъ Болгаріи, чтобы составить себѣ понятіе о тѣхъ выгодахъ, которыя извлекались отъ торговли ими *). Правительство также извлекало свои выгоды отъ торговли: оно брало десятую пошлину со всѣхъ купеческихъ судовъ [3]); быть можетъ, и само участвовало въ товговлѣ, такъ какъ у него должно было скопляться огромное количество бычачьихъ кожъ. О раз-

---

[1]) «Сказан. Мусульм. писат.» А. Гаркави 92.—«Ибнъ-Даста» Хвольсона гл. III § 4.—Ипат. лѣт. 1024 г.

[2]) Сказ. Мус. пис. А. Гаркави 91 с.—«Ибнъ-Даста» Хвольсона гл. III § 6.

*) Въ Ховарезмъ, или нынѣшнюю Хиву, привозились изъ Болгаріи между прочимъ слѣдующіе предметы: мѣха—собольи, горностаевые, куньи, лисьи, бобровые, бѣличьи, козьи шкуры, юфть, воскъ, стрѣлы, крупная рыба, шапки, бѣлужій клей, рыбьи зубы, янтарь, медъ, мечи, кольчуги, березовый лѣсъ, славянскіе невольники, овцы, рогатый скотъ, орѣхи, мамонтова кость, сырыя кожи и ревень (Жур. М. Н. П. 1846 г., 49-й т.: «О торговлѣ Волжскихъ Болгаръ въ IX и X вѣкахъ». П. Савельева, стр. 42—44. «Ибнъ-Даста» Хвольсона, стр. 181).

[3]) «Ибнъ-Даста» Хвольсона гл. III. § 6.

витіи торговыхъ сношеній Болгаръ можно заключить еще и изъ того, что только у нихъ въ X вѣкѣ мы встрѣчаемъ чеканенную монету, между тѣмъ какъ ни у Хазаръ, ни у другихъ изъ ихъ сосѣдей ея въ это время не было [1]). Торговля производилась съ азіатскимъ востокомъ посредствомъ сухопутныхъ каравановъ, а съ Итилемъ и Харезмомъ (нын. Дербентомъ) по водѣ [2]). Кромѣ этого, Болгары съ большою выгодою пользовались своимъ сосѣдствомъ съ малоразвитыми тюрко-финскими племенами, обитавшими на сѣверъ и на западъ отъ нихъ. Древніе писатели говорятъ со словъ очевидцевъ о нѣмой мѣновой торговлѣ Болгаръ съ народомъ, который жилъ на далекомъ сѣверѣ и у котораго они добывали цѣнные мѣха [3]). Отъ Руссовъ они получали бобровые мѣха въ замѣнъ, быть можетъ, бисера, нитками котораго такъ любили себя украшать, по словамъ Ибнъ-Фодлана, жены Руссовъ. Сами Болгары въ своихъ лѣсахъ занимались звѣринымъ промысломъ, производили нерѣдко набѣги на сосѣдей, женъ и дѣтей которыхъ уводили въ плѣнъ и продавали въ неволю. Народы, зависѣвшіе отъ нихъ, какъ Черемисы и друг., разводили въ своихъ лѣсахъ пчелъ, и отъ нихъ-то отчасти они получали въ изобиліи медъ и воскъ, которымъ производили торговлю [4]). Желая удержать за собою монополію выгодной торговли съ малоразвитыми сосѣдними племенами, они распускали

---

[1]) Mèm. de l'académie 1832, I; «Drei Münzen der Wolga Bulg». von Fraen 543.

[2]) Биб. для чт. стр. 20.

[3]) «Ибнъ-Даста» Хвольсона 189.

[4]) «Ибнъ-Даста» Хвольсона 88 и 180. — Жур. М. Н. Пр. 46—48 ст.

о нихъ разные страшные слухи—что они людоѣды, великаны и т. п., чтобы только отклонить другихъ торговцевъ отъ сношеній съ ними [1]).

Господствующая религія въ Болгарскомъ царствѣ была магометанская; даже одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ ихъ, на рѣкѣ Черемшанѣ, былъ названъ Биляръ, по имени проповѣдника, просвѣтившаго ихъ [2]). Вмѣстѣ съ исламомъ, по всей вѣроятности, между Болгарами распространилось и вліяніе арабской образованности; отъ Арабовъ они получали не только проповѣдниковъ, но и людей опытныхъ въ построеніи крѣпостей [3]).

Относительно внутренняго устройства державы болгарской мы знаемъ, что во главѣ ея находился ханъ съ славянскимъ титуломъ **влатаватцъ**. На ряду съ нимъ стояли другіе начальники, между которыми нѣкоторые также носили титулъ хана, состоя однако въ зависимости отъ главнаго хана [4]). Это были, вѣроятно, намѣстники болѣе отдаленныхъ областей или начальники ордъ, управлявшіе наслѣдственно въ своихъ владѣніяхъ [5]).

Зиму Болгары проводили въ деревянныхъ домахъ, которые строились здѣсь искуснѣе, чѣмъ въ Итилѣ: они складывались изъ пихтовыхъ бревенъ, сплачивае-

---

[1]) Жур. Мин. Н. Пр. 48.

[2]) Биб. для чт. стр. 12 «Ибнъ-Даста» Хвольсона 88 ст.

[3]) Журн. Мин. Вн. Дѣлъ 1844 г. «Изслѣдованіе о городахъ русскихъ» Неволина 27 с.

[4]) По Френу, начальниковъ, носившихъ этотъ титулъ рядомъ съ главнымъ ханомъ, было 4. Mém. de l'acad. 1832, I: «Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga Bulgaren» 534 стр.

[5]) Биб. дл. чтен. ст. Григорьева, стр. 12.

мыхъ деревянными шипами. На лѣто жители расходились по подвижнымъ войлочнымъ кибиткамъ.

Краткій выводъ изъ представленнаго обозрѣнія двухъ царствъ, сложившихся въ Поволжьѣ въ то время, когда значительная часть теченія рѣки была населена племенами, жившими, быть можетъ еще „въ лѣсѣхъ якоже и всякій звѣрь", будетъ слѣдующій: оба эти царства получали средства для своего существованія главнымъ образомъ отъ торговли съ сосѣдними народами и государствами. Племена, входившія въ составъ ихъ, были частью осѣдлыя, частію кочевыя, такъ какъ они часть года проводили по городамъ и селеніямъ въ избахъ, а остальное время жили въ юртахъ и войлочныхъ кибиткахъ [1]). Не смотря на разнообразіе хлѣбныхъ произведеній, воздѣлывавшихся у Болгаръ, не смотря на упоминаніе о нихъ нѣкоторыхъ писателей X вѣка, какъ о народѣ земледѣльческомъ, воздѣлывающемъ всякаго рода зерновый хлѣбъ [2]), трудно допустить у нихъ „цвѣтущее" состояніе земледѣлія [3]). Изобиліе и разнообразіе хлѣбныхъ произведеній у нихъ, вѣроятно, было болѣе результатомъ чрезвычайнаго плодородія почвы, на которой они жили, чѣмъ степени ихъ прилежанія въ обработкѣ земли. Лѣтомъ они кочевали и питались лошадинымъ мясомъ и просомъ, слѣдовательно врядъ ли потребляли много хлѣба [4]). Между тѣмъ характеръ по-

---

[1]) Биб. дл. чт. ст. Григорьева, стр. 12.

[2]) «Ибнъ-Даста» Хвольсона гл. III § 4.

[3]) Объ этомъ говорится у Карамзина, Ист. Гос. Рос. т. II, [illegible]-е изд.), и въ Hist. geogr. Darst. von Müller, 402 стр. [illegible]ое мясо и просо было въ XVIII ст. пищею кочевъ на Кавказѣ. «Татищевъ и его время» Н. По-

дати, платимой ими царю, указываетъ на значительное развитіе у нихъ скотоводства, на вѣроятную доходность этого занятія, тогда какъ съ обработаннаго поля они ничего не давали своему царю, что врядъ ли могло бы быть, если бы земледѣліе составляло значительную отрасль ихъ занятій [1]). Наконецъ за преобладаніе скотоводства у нихъ говоритъ и то обстоятельство, что главнымъ мѣстомъ ихъ жизни и дѣятельности, какъ это можно видѣть изъ развалинъ ихъ городовъ, была луговая сторона р. Волги, мѣсто особенно привольное для скотоводства [2]). На основаніи сказаннаго, кажется, можно допустить, что Волжскіе Болгары послѣ торговли болѣе всего занимались скотоводствомъ. Что же касается до вышеприведеннаго мѣста изъ арабскаго писателя, то оно можетъ быть истолковано такъ, что земледѣліе было болѣе развито у Болгаръ, чѣмъ у ихъ сосѣдей Буртасъ, о которыхъ предъ этимъ авторъ говоритъ: „занимаются они и землепашествомъ“ [3]).

---

[1]) Какъ ни первобытно должно было быть земледѣліе у славянскихъ племенъ X го вѣка, но дань они платили съ плуга и рала, слѣдовательно, занятіе это было сравнительно доходнымъ у нихъ.

[2]) Биб. дл. чт. ст. Григорьева, с. 12.

[3]) «Ибнъ-Даста» Хвольсона, гл. II.

ГЛАВА I.

Славяне и Финны на сѣверозападной равнинѣ. Отношенія между ними. Страна, въ которой они жили. Бытъ, религія и занятія ихъ. Перенесеніе центра исторической жизни съ сѣвера на югъ. Рѣдкость населенія на югѣ. Старанія объ умноженіи населенія. Степняки и ихъ отношенія къ Россіи. Переселенія съ юга на сѣверъ. Юрій Долгорукій. Построеніе городовъ въ Поволжьѣ. Болгары и Мордва. Походы русскихъ князей на Болгаръ и на Мордву. Слѣдствія. Нашествіе Татаръ.

Девятое столѣтіе было временемъ, когда въ сѣверозападной части великой восточной равнины началось движеніе между нѣкоторыми славянскими и финскими племенами, которое повело къ основанію союза, ставшаго коренною основою русскаго государства. Преданіе объ этомъ движеніи и о племенахъ, участвовавшихъ въ немъ, очень кратко занесено на страницы начальной лѣтописи. Намъ становится извѣстно, что нѣкоторыя племена Славянъ и Финновъ подчинены были на сѣверѣ Варягамъ въ томъ же родѣ, какъ на югѣ они были въ зависимости отъ Хазарскаго царства. Здѣсь мы узнаемъ впервые о связи между этими племенами, вслѣдствіе ихъ общей зависимости отъ завоевателей. Такъ какъ тягость дани и, быть можетъ, произволъ побѣдителей, давали себя равно чувствовать всѣмъ подчиненнымъ, то поэтому имъ естественно было общими силами постараться сбросить иго, тяготѣвшее надъ ними. Но родовой бытъ и совокупность вытекавшихъ отсюда отношеній помѣшали имъ организовать своими собственными, такъ сказать, домашними средствами правильный об-

щественный порядокъ, а заставили ихъ, по сказанію, обратиться къ средѣ, находившейся въ сторонѣ отъ ихъ родовыхъ споровъ и неурядицъ, которые, по всей вѣроятности, и дѣлали ихъ легкою добычей воинственныхъ сосѣдей. Такъ образовался общественный союзъ, ставшій ядромъ будущаго великаго государства славянскаго. Эти преданія указываютъ на раннюю связь между Славянами и Финнами на сѣверозападѣ Европы, обусловленную совокупностью тѣхъ отношеній, въ которыхъ они находились въ то время. Преданіе не только называетъ тѣ племена Славянъ и Финновъ, которыя были соединены варяжскимъ завоеваніемъ и позднѣе призвали князей, но довольно точно означаетъ и мѣста ихъ поселеній. Въ этомъ общемъ дѣлѣ участвовали изъ славянскихъ племенъ Славяне Ильменскіе, или Новгородскіе, и довольно многочисленное племя Кривичей, которые жили по верховьямъ Волги, Западной Двины и Днѣпра; изъ финскихъ племенъ—Весь, обитавшая около Бѣлоозера, и Меря, расположенная около озеръ Неро (Ростовскаго) и Клещина (Переяславскаго) [1]). Обозрѣвая мѣстность, гдѣ жили означенныя племена, мы замѣчаемъ нѣкоторыя естественныя условія, которыя, вмѣстѣ съ бытовыми особенностями племенъ, должны были рано оказать вліяніе въ извѣстномъ направленіи, вызывая опредѣленныя слѣдствія.

Страна, въ которой происходили эти событія, еще и теперь обилуетъ озерами, болотами и лѣсомъ; въ прежнее же, отъ насъ отдаленное время ихъ должно было быть гораздо болѣе, чѣмъ въ настоящее время.

---

[1]) Лавр. л. (2-ое изд.), 6 и 10 стр.

Поэтому ясно, какъ должны были бы быть трудны сообщенія между людьми, населявшими эти земли, если бы посреди непроходимыхъ болотъ и лѣсовъ природа не провела рѣкъ, которыя въ самыя древнія времена и долго послѣ были почти единственными путями сообщенія между населеніемъ, раскинутымъ въ здѣшнихъ мѣстахъ. Большое количество рѣкъ въ этой странѣ имѣетъ еще и потому значеніе, что онѣ сами въ тѣ времена должны были быть многоводнѣе, ибо лѣса и болота въ изобиліи питали рѣки водою [1]). Особенно богато рѣчными развѣтвленіями верхнее теченіе рѣки Волги; притоки ея, текущіе здѣсь въ разныхъ направленіяхъ, сближаютъ ее съ озерною областью, лежащею на сѣверозападъ и западъ отъ нея; съ Западною Двиною она сближается рѣкою Селижаровкою и озеромъ Селигеромъ; съ Днѣпромъ—рѣками Вазузою и Угрою [2]) Но эти притоки не только соединяютъ рѣчную область Волги съ другими странами, они сближаютъ также между собою тѣ земли, по которымъ протекаютъ [3]). Изслѣдователи насчитываютъ до пяти водныхъ путей, коими Волга соединяется съ озерною областью [4]); особенно между ними выдаются пути по слѣдующимъ притокамъ рѣки Волги: Тверцѣ, Мологѣ и Шекснѣ; всѣ эти притоки либо съ самаго начала, либо при своемъ приближеніи къ Волгѣ

---

[1]) «Очерки Рус. ист. геогр.» Н. Барсова, 16 стр. Въ доказательство этой мысли авторъ указываетъ на обломки большихъ судовъ, находимые теперь у самыхъ истоковъ нѣкоторыхъ изъ притоковъ Днѣпра.

[2]) Ibid. 24.

[3]) Ibidem.

[4]) «Меря и Ростов. княж» Д. Корсакова, 52, 53 с.

принимаютъ юго-восточное направленіе. Область верхняго теченія рѣки Волги въ древнее время была покрыта сплошною массою почти непроходимыхъ лѣсовъ, которые состояли изъ разныхъ лиственныхъ и хвойныхъ породъ [1]). Нѣкоторыя изъ первыхъ породъ, напримѣръ, дубъ и ясень, въ настоящее время мѣстами уже исчезли и о прежнемъ ихъ произрастаніи въ этихъ странахъ можно заключить лишь по огромнымъ обломкамъ, попадающимся здѣсь въ землѣ, особенно по берегамъ рѣкъ [2]). Климатъ земель верхняго Поволжья не отличается рѣзкостью, потому что близость Балтійскаго моря умѣряетъ холодъ; поэтому здѣсь мѣстами удается пшеница, хотя, вообще, почва бѣдна, кромѣ нѣкоторыхъ пространствъ по берегамъ р. Волги, гдѣ она ежегодно оплодотворяется слоемъ ила послѣ весенняго разлива [3]).

---

[1]) Въ настоящее время около трети всей поверхности Тверской губерніи покрыта лѣсомъ; внѣ этого, довольно часто встрѣчающіяся въ этихъ мѣстахъ такія названія деревень, какъ Горѣлье, Огнище, Опеньково, Боръ, Пожары, Большія и Малыя Гари, указываютъ на очищеніе и истребленіе лѣса издавна. Можно поэтому вполнѣ согласиться съ изслѣдователями, которые полагаютъ, что въ древности вся Тверская губернія была покрыта лѣсами. «Ист. Твер. княж.» Борзаковскаго, 8, 11 стр. и прим. 61.

Относительно нынѣшнихъ Ярославской и Костромской губер. можно повторить то же самое, ибо одна треть 1-ой до сихъ поръ покрыта лѣсомъ; въ Костромской же губ. и теперь на 1000 десят. земли приходится 726. десятинъ лѣсу. Какъ въ этой, такъ и въ другой довольно часто попадаются такія названія поселеній: Боръ, Выгорь, Гарь, Горѣлое, Погорѣлово, Жары, Ожигино, Палы, Пенье, Пеньки, Раменье и проч. «Меря», Д. Корсакова, 55—57—и примѣч. 101.

[2]) «Ист. Твер княж.» Борзаковскаго, 8 стр.

[3]) Магазинъ землевѣд. т. I, «Рѣчная область Волги» И. Бабста 402 с.—«Ист. Твер. Княж.» Борзаковскаго, 9 с.

Лѣтописное преданіе помѣщаетъ соединившихся между собою Славянъ и Финновъ по берегамъ рѣкъ и озеръ, связанныхъ между собою цѣлою сѣтью рѣчекъ и притоковъ. Рѣки и проточныя озера могли привлекать къ себѣ населеніе не однимъ удобствомъ сообщенія по нимъ, но также и сравнительно бо̀льшимъ плодородіемъ береговыхъ пространствъ и изобиліемъ рыбы, которымъ издревле славилась и сама рѣка Волга, и нѣкоторые изъ ея притоковъ: Шексна, напримѣръ. Славяне новгородскіе, населявшіе страну около озера Ильменя, и Кривичи, жившіе по верховьямъ р. Волги и по другимъ рѣкамъ, не были здѣсь туземцами, а пришлымъ народомъ [1]). Между тѣмъ финскія племена Весь и Меря, жившія отчасти въ озерной области, отчасти населявшія среднее теченіе рѣки Волги, были туземцами въ этихъ мѣстахъ. Страны, которыя были населены ими, до сихъ поръ сохраняютъ, въ той или другой формѣ, слѣды ихъ пребыванія и дѣятельности [2]).

---

[1]) Очерки Н. Барсова—167 с. «Нѣтъ сомнѣнія», говоритъ авторъ, вообще довольно осторожный, «что вся вѣтвь Новгородскихъ Славянъ, суть древнѣйшіе переселенцы изъ Славянскаго Поднѣпровья, вытѣснившіе первоначальное населеніе инородческое».

Относительно пришлости Кривичей, населявшихъ, между прочимъ, также и верховья Волги, можетъ служить доказательствомъ то обстоятельство, что около озера Селигера, слѣдовательно у самыхъ истоковъ Волги, живутъ еще и теперь Финны. Ж. М. Нар. Просв. 1876 г. 4 ч. 250 с.

[2]) Такъ, наименованія деревень и селъ, нерѣдко попадающіяся на Волгѣ и на нѣкоторыхъ изъ ея притоковъ, и созвучныя слову Весь: Веси, Весково, Висы, указываютъ на то, что племя это нѣкогда занимало область верхняго Поволжья,

О жизни и дѣятельности племенъ славянскаго и финскаго происхожденія, населявшихъ означенныя мѣста, можно замѣтить слѣдующее. Бытъ Славянъ былъ родовой, со сходками городскихъ старцевъ или старѣйшинъ, что зависѣло отъ того, жили ли они въ городѣ или внѣ его. Религія племенъ славянскихъ, какъ народа, стоявшаго на низшихъ ступеняхъ развитія, представляла собой олицетвореніе природныхъ явленій, среди которыхъ они жили. Занятія ихъ, судя по подати, которою большая часть изъ нихъ была обложена со стороны побѣдителей сосѣдей, а также и по тому, чѣмъ позднѣе они сами одаривали иностранцевъ, были земледѣліе и скотоводство, въ лѣсахъ же—звѣроловство и бортничество [1]); преобладающимъ изъ этихъ занятій было, вѣроятно, земледѣльческое. Что же касается быта финскихъ племенъ Веси и Мери, то они, по всему вѣроятію, жили приблизительно въ тѣхъ же бытовыхъ формахъ, какъ и соплеменные сосѣди ихъ Черемисы и Мордва, успѣвшіе сохранить нѣкоторыя черты своего древняго быта до нашего времени. Нѣ-

---

нынѣшнюю Тверскую губ. «Очерки» Барсова 43—44. «Истор. Тверск. княж.» Борзаковскаго, 3 с.

Другое финское племя, Меря, занимало по р. Волгѣ область, лежащую между рѣками Мологой и Шексной, съ одной стороны, и Унжой, съ другой. Здѣсь, кромѣ оставленныхъ этимъ племенемъ послѣ себя кургановъ, изъ которыхъ добываются вещи, указывающія на его занятія и бытъ, нерѣдко встрѣчаются рѣки и мѣстности съ наименованіями: Меря, Мерлино, Мериново и друг. созвучныя, свидѣтельствующія о существованіи Мери въ этихъ мѣстахъ. Труды Арх. Общ. т. II: «Меря и бытъ ихъ», изслѣд. гр. А. Уварова, 647—649. Авторъ полагаетъ, что Меря и Финны вообще здѣсь туземцы.

[1]) Лавр. лѣт. 859, 885, 945, 946, 955, 964 года. Исторія Рос. С. Соловьева I, 276.

которые полагаютъ даже, что такъ называемая Меря Нестора есть, быть можетъ, финское племя Черемисы или близкая, родственная его отрасль. Основываются въ этомъ случаѣ главнымъ образомъ на томъ, что Черемисы до сихъ поръ называютъ себя „Мара", что означаетъ на ихъ языкѣ „человѣкъ"; наименованіе же Черемисы они получили отъ соплеменныхъ сосѣдей своихъ Мордвы, на языкѣ которыхъ это слово значитъ „восточные", т. е. живущіе на востокъ отъ нихъ [1]). Жилища мерянъ, судя по курганамъ, располагались обыкновенно по скату высокихъ береговъ, недалеко отъ озеръ или рѣкъ. Кромѣ береговыхъ пространствъ озеръ Переяславскаго и Ростовскаго, обозначенныхъ уже начальною лѣтописью, какъ центральныя мѣста мерянскихъ поселеній, они жили, между прочимъ, еще по берегамъ Волги и Клязьмы. Изо-

---

[1]) A. Castren Ethnolog. Vorles. über die Altaischen Völker 1857 г. 133 стр. Его же «Reiseberichte und Briefe» 16—17 стр.

Нѣкоторыя выдающіяся черты быта Мордвы въ настоящее время, какъ напримѣръ, институтъ старѣйшинства, поклоненіе предкамъ (у русскихъ князей въ XII вѣкѣ встрѣчается случай, что въ опасности князь вмѣстѣ съ именемъ Божіимъ призываетъ имя отца своего, Ип. л. 1126), изъ коихъ каждый покровительствуетъ своему роду, указываютъ на родовой бытъ у нихъ. Религія Мордвы, по наблюденію изслѣдователей, очень сходна съ древне-славянскою языческою религіею; сходство до того велико, что по религіознымъ обрядамъ и преданіямъ, сохранившимся у современной Мордвы, можно объяснить нѣкоторые древнерусскіе обычаи и преданія, и даже загадочныя явленія въ народной жизни на сѣверѣ, которыя попадаются иногда въ нашихъ лѣтописяхъ (Русскій Вѣстникъ 1867 г. № 9, статья П. И. Мельникова «Мордва». 225—226, 240—249; № 10, 430 ст. Самар. Губерн. вѣдом. № 48: «О Мордвѣ Бугульминскаго уѣзда). Отсюда можно предположить большое сходство въ бытѣ между нѣкоторыми Финнами и Славянами.

биліе ихъ могилъ (кургановъ) въ мѣстахъ болѣе древняго поселенія указываетъ намъ причину ихъ выселеній отсюда, а также отчасти и пути, которыми направлялись ихъ выселки [1]). Вслѣдствіе мерянскаго обычая класть въ могилу вмѣстѣ съ покойникомъ предметы, которые онъ употреблялъ при своей жизни, мы можемъ по вещамъ, выкапываемымъ изъ кургановъ, ознакомиться съ ихъ дѣятельностію и занятіями *). Остатки земледѣльческихъ орудій и изображенія серповъ, попадающіеся иногда въ могилахъ Мери, свидѣтельствуютъ о ихъ занятіи земледѣліемъ, между тѣмъ какъ ножницы для стрижки овецъ вмѣстѣ съ остатками шерстяной одежды указываютъ на ихъ занятіе скотоводствомъ. Бусы съ ожерельями изъ монетъ восточныхъ и западно-европейскихъ, находимые въ довольно значительномъ числѣ въ ихъ курганахъ, будучи сопоставлены съ извѣстіями арабскихъ писателей о сношеніяхъ древнихъ Болгаръ съ поволжскими народами, доказываютъ участіе Мери въ торговлѣ съ востокомъ, съ одной стороны, и съ западной Европой, съ другой. Большее, сравнительно, количество восточныхъ монетъ и ихъ древность (изъ найденныхъ монетъ самая древняя относится къ концу VII вѣка) свидѣтельствуютъ о раннихъ торго-

---

[1]) Тр. Арх. Общ. II: «Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ» Гр. А. С. Уварова.

*) Обычай класть вмѣстѣ съ покойникомъ въ могилу вещи, которыми онъ работалъ при жизни, сохранился до сихъ поръ, у соплеменниковъ древнихъ Мерянъ—у Черемисъ и у Чувашъ, См. объ этомъ «Мат. эт. Россіи, Казанская губерн». Риттиха 119 и 192 сс. и «Инородцы Казанск. губерн.» (Чуваши) Сбоева. 131 с.

выхъ сношеніяхъ Меря съ азіатскимъ востокомъ и объ оживленности этихъ сношеній. Путемъ для ихъ восточной торговли была р. Волга со своими притоками, удобнымъ расположеніемъ которыхъ и ихъ соединеніемъ съ Ростовскимъ и Переяславскимъ озерами они пользовались съ большою выгодою для себя. Съ западною Европою, откуда они получали оружіе (мечи), янтарь и нѣкоторые предметы для домашняго быта, они сносились верховьями р. Волги съ ея притоками и, кромѣ того, Западною Двиною и озерною областью [1]. Отсюда мы можемъ видѣть, что Меряне пользовались всѣми выгодами, которыя могла имъ доставить занимаемая ими страна своими свойствами и географическимъ положеніемъ относительно сосѣднихъ странъ. Такъ жили въ сосѣдствѣ племена славянскія и финскія въ странахъ, соединенныхъ между собою водною сѣтью, въ формахъ быта сходныхъ; жили, вѣроятно, во взаимныхъ между собою сношеніяхъ, благодаря тѣмъ удобствамъ, которыя какъ одни, такъ и другіе, извлекали изъ этого.

Одна изъ основныхъ чертъ русскаго славянина, встрѣчаемая въ самой отдаленной древности, проходящая чрезъ всю нашу исторію и вызывающая въ настоящее время удивленіе иноземцевъ,—это легкость передвиженія русскаго человѣка изъ одного мѣста въ другое, не только сосѣднее, но даже и отдаленное, лишь бы переселеніе это совершалось въ сообществѣ съ земляками и односельцами [2]. Какъ въ XI вѣкѣ кіевляне грозили покинуть городъ и уйти въ Греціи,

---

[1] Труды Арх. Общ. II. 652, 707, 712, 717, 747.

[2] Haxthausen «Studien über die inneren Zustände Russlands» III, 138 стр.

какъ въ XVII столѣтіи жители Рожественской волости (на Самарской лукѣ) грозили уйти, если имъ не отдадутъ на р. Волгѣ острова, захваченнаго самарцами, такъ и въ нынѣшнемъ столѣтіи жители многихъ губерній при появленіи лишь одного слуха о разрѣшеніи помѣщичьимъ крестьянамъ селиться на казенныхъ земляхъ, покидали массами свои дома и семейства и отправлялись на Дарью рѣку, большею частью пѣшкомъ, питаясь подаяніемъ [1]). Вслѣдствіе, быть можетъ, этого кореннаго свойства своей природы славяно-русское племя такъ широко раскинулось и колонизовало такія обширныя пространства въ Европѣ и въ Азіи. Къ природному расположенію бродить, чѣмъ всегда отличались русскіе, въ отдаленныя времена могли присоединиться и нѣкоторыя другія причины, побуждавшія ихъ выселяться изъ своей страны и селиться въ отечествѣ Веси и Мери.

Страна, занятая Ильменскими славянами, представляла мало удобствъ для земледѣльческаго занятія, которое, однако, по преданію, издревле составляло главное занятіе Славянъ, обрабатывавшихъ „нивы своя и землѣ своя". Позднѣе, когда въ Новгородѣ стала вестись лѣтопись, мы нерѣдко встрѣчаемъ извѣстія о голодахъ въ ихъ землѣ [2]). Въ иные года, при обстоятельствахъ особенно тяжелыхъ, встрѣчаются извѣстія, что люди изъ города и изъ области расходились

---

[1]) Лав. 1069 г.—Ж. М. В. Дѣлъ 1858 г. 427 с.—«Списки населен. мѣстъ. Симб. губ.» О переселеніи на Новую линію и на Дарью рѣку въ 1823 г., стр. 22—23.

[2]) Такъ, въ продолженіе одного столѣтія, отъ 1126 г. до 1228 г., упоминается о семи годахъ, частью голодныхъ, частью съ высокими цѣнами на хлѣбъ. Полн. соб. лѣт. т. III, стр. 5—43.

по чужимъ землямъ [1]). Если принять во вниманіе извѣстія, что неблагопріятныя климатическія условія губили иногда посѣвы собственно въ Новгородской волости, между тѣмъ какъ въ сторонѣ къ Поволжью, около Торжка, „все чѣло бысть", то понятно будетъ направленіе, въ которомъ въ подобныхъ случаяхъ должны были совершаться выселенія племенъ, особенно при удобствахъ, представляемыхъ водными путями. Заселеніе Лапландіи въ голодные годы русскими и финнами служитъ косвеннымъ подкрѣпленіемъ того, какъ можетъ въ такихъ случаяхъ происходить колонизація. Побуждаемые нуждою, они выходили изъ своей земли и селились сперва только на время, но потомъ, нашедши мѣста удобныя для рыболовства, оставались здѣсь навсегда. Слухъ объ этомъ доходилъ до тѣхъ, которые остались на родинѣ, и тѣ въ свою очередь также переселялись въ Лапландію [2]).

Бытъ славянскихъ племенъ, жившихъ въ сосѣдствѣ съ Весью и Мерею, былъ родовой, потому что лѣтописное извѣстіе о жизни Полянъ (племени сравнитель-

---

[1]) П. с. л. т. III. Подъ 1127 г: «Въ се же лѣто лютѣ бяше..... ядяху люди листъ липовъ, кору березову, мохъ, конину, и тако другымъ падъшимъ отъ глада..... туга бѣда на всѣхъ! отецъ и мать чадо свое въсажаше въ лодью даромъ гостьмъ ово ихъ измьроша, а друзіи разидошася по чюжимъ землямъ». Подъ 1215 г.: «поби мразъ обилье въ волости; а на Торжку все чѣло бысть..... и тако по грѣхомъ нашимъ, разъидеся власть наша и градъ нашъ». Гораздо позднѣе, въ 1436 г.: (см. Татищева «Ист. Рос.» т. IV.) «Обиліе всякое мразъ поби уже въ жатву во всей русской землѣ, и бысть дороговь велія по всей землѣ; изъ Новагорода мнози изидоша въ Нѣмцы, понеже толикъ гладъ умножися».

[2]) A. Castren «Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838—1844», 149—150 стр.

но болѣе развитаго), равно какъ преданіе о происхожденіи Радимичей и Вятичей, въ соединеніи съ послѣдующими междукняжескими отношеніями, врядъ ли допускаютъ сомнѣніе относительно существованія и силы родовыхъ отношеній среди славянскихъ племенъ. Родовыми же отношеніями, по всей вѣроятности, обусловливается значительное количество названій, которыми обозначаются въ нашихъ старинныхъ памятникахъ различныя степени родства [1]). Слѣдствіе, вытекающее изъ этого быта, довольно ясно изображено въ лѣтописномъ сказаніи, когда говорится о стремленіи племенъ учредить нарядъ у себя: „воста родъ на родъ и не бѣ въ нихъ правды". Дѣйствительно, послѣдующія междоусобія русскихъ князей, отчасти носящія характеръ несомнѣнныхъ родовыхъ отношеній, наглядно показываютъ легкость возникновенія несогласій въ обществѣ, которое руководствуется подобными началами. Эти несогласія естественно могли вести къ выселеніямъ въ сосѣднія области. Является вопросъ—въ какія?

Мы знаемъ, что въ періодъ политической независимости Новгорода, во время преобладанія въ немъ партій и несогласій, встрѣчаются факты выселенія нѣкоторыхъ личностей, вслѣдствіе ихъ отношеній къ князьямъ, въ Ростово-Суздальскую область [2]). Не могли ли и раньше, въ эпоху родовыхъ распрей между славянскими племенами, происходить подобныя же выселенія въ Поволжье?

---

[1]) П. Лавровскаго. «Коренное значеніе въ названіяхъ родства у Славянъ», 70, 94 сс.

[2]) П. с л. т. III, 1-ая Новг. л., 1141 г.; Ник. л. II ч, 1140 г.

Далѣе, оживленныя торговыя сношенія съ Волжскими Болгарами и востокомъ вообще, происходившія издревле у народовъ поволжскихъ, и значительныя выгоды, которыя они извлекали изъ своего участія въ этихъ сношеніяхъ, должны были привлекать сюда и предпріимчивыхъ Славянъ, жившихъ по сосѣдству съ финскими племенами. Эти выселенія, при обиліи водныхъ путей, тѣмъ вѣроятнѣе, что впослѣдствіи торговыя сношенія Мерянъ съ Западною Европою происходили чрезъ землю Ильменскихъ Славянъ и Кривичей и совершались не безъ посредства послѣднихъ [1]). Въ заключеніе, быть можетъ, не лишнимъ будетъ указать еще на одно изъ условій, которое при поселеніи Славянъ между финскими племенами могло способствовать ускоренію процесса слитія ихъ между собою: это доступность женщинъ у нѣкоторыхъ изъ племенъ финскихъ, сильно помогавшая метисаціи [2]).

Таковы были условія, при которыхъ могли происходить не одни только сношенія, но и выселенія славянскихъ племенъ и поселеніе ихъ по верховьямъ Волги и по нѣкоторымъ изъ ея притоковъ. Только близкими отношеніями, вытекавшими изъ подобныхъ поселеній Славянъ посреди Веси и Мери, можно объяснить славянское названіе значительнаго города въ землѣ Веси, Бѣлаозера, и, можетъ быть, также главна-

---

[1]) Труды Арх. Общ. II, 717 с.

[2]) Извѣстія о нравахъ женщинъ у Веси и Мери мы не имѣемъ; но Меряне жили по сосѣдству съ соплеменными имъ Черемисами и Мордвою, легкость же женскихъ нравовъ у этихъ послѣднихъ племенъ засвидѣтельствована древними и современными наблюденіями. Voyages. Rubriquis, 30 p.—Мат. эт. Рос. Казан. губ. Риттиха 151. «Меря.» Д. Корсакова, 35, 60.

го города Мери, Ростова [1]). Такимъ образомъ соединеніе племенъ, о которомъ говоритъ лѣтописное сказаніе, есть, по всей вѣроятности, не болѣе, какъ результатъ предшествовавшихъ сношеній, вслѣдствіе которыхъ они дошли до сознанія близости и общности своихъ интересовъ.

Относительно того, что въ древности происходили выселенія славянскихъ племенъ на востокъ, въ страну Веси и Мери, подтвержденіемъ могутъ служить попадающіяся нерѣдко въ верхнемъ Поволжьѣ названія, созвучныя имени Кривичей. Особенно часто встрѣчаются подобныя наименованія къ сѣверу отъ р. Клязьмы, въ излучинѣ, образуемой теченіемъ Волги, между устьями р. Тверцы и Костромы [2]); въ этихъ же мѣстахъ попадаются также названія, напоминающія имя Славянъ (Славино, озеро Славинское, Уславино, Сеславино и пр.), и указывающія еще на языческую вѣру нѣкогда селившагося здѣсь славянства (Перуново, Волосово, Велесево, Игрищи и пр.) [3]). Политическое единеніе, въ которомъ, по сказанію, находились Славяне и Финны въ концѣ IX-го и въ началѣ X вѣка, должно было способствовать дальнѣйшему сближенію ихъ между собою.

Такъ какъ заселеніе верхняго Поволжья славянскими племенами, по всей вѣроятности, обусловлива-

---

[1]) Относительно города Ростова не говорю утвердительно потому, что нѣкоторые склонны производить это названіе отъ финскаго волхва, который именовался Ростіофъ. Ж. М. Нар. Пр. 1876 г. № 4, ст. Щеглова: «Первыя стран. Рус. исторіи», 249—250.

[2]) Очерки Н. Барсова, 153—154 сс.

[3]) Ibid. Примѣч. 269.

лось естественными и бытовыми началами, среди которыхъ жили Финны и Славяне, и не зависѣло отъ произвола власти, то перенесеніе центра исторической жизни, совершившееся, по лѣтописному извѣстію, въ началѣ X столѣтія, не могло ослабить его,—оно, вѣроятно, продолжалось по прежнему: только этимъ можно объяснить нѣкоторые факты, указывающіе на исчезновеніе племенныхъ названій у Финновъ. Такъ, при описаніи походовъ Игоря на Византію рядомъ съ племенами славянскими уже не упоминается Меря, какъ при описаніи похода Олега на Константинополь (907 г.). Нѣкоторыя изъ позднѣйшихъ явленій доказываютъ, что на югѣ князья не дѣлали большаго различія между Славянами и Финнами, приближая къ себѣ послѣднихъ наравнѣ съ первыми [1]). Не мало должна была способствовать постепенному сліянію этихъ племенъ одинаковая степень ихъ развитія, мягкость Славянъ и совершенное отсутствіе у этихъ послѣднихъ нетерпимости къ другимъ племенамъ [2]). Когда на югѣ усилилась опасность со стороны Печенѣговъ и явилась потребность защитить страну противъ вторженій кочевниковъ укрѣпленіями, или, по тогдашнему, городами,—Владиміръ Св. „нача ставити грады по Деснѣ, по Востри, по Трубежеви, по Сулѣ и по Стугнѣ; поча нарубати мужѣ лучьшіѣ отъ Словѣнъ, отъ Кривичь, отъ Чюди и отъ Вятичь и отъ сихъ насели грады“ [3]). Изъ этого можно видѣть, что въ то время сѣверъ не былъ особенно бѣденъ народонаселе-

---

[1]) Бояринъ Чюдинъ, правившій Вышегородомъ, и братъ его Тукы, Лав. 1068, 1072 гг.

[2]) Собр. соч. Ешевскаго, т. III, 608—609, 628 сс.

[3]) Лав. 988 г.

ніемъ и что князья прибѣгали для защиты страны одинаково къ энергіи Славянъ и Финновъ. Въ этомъ случаѣ мы впервые сталкиваемся съ хроническимъ, такъ сказать, недугомъ, который проходитъ чрезъ всю русскую исторію и противъ котораго предпринимались въ разное время различныя мѣры: недугъ этотъ—недостаточная населенность земель, гдѣ осѣло и основалось русское общество. Земледѣльческое занятіе племенъ въ соединеніи съ первобытностію состоянія его въ тогдашнее время, по всей вѣроятности, требовало для разработки природныхъ силъ страны большаго количества человѣческаго труда. Отсюда погоня за человѣкомъ, какъ за рабочею силой; каждый князь при всякомъ случаѣ старается добыть населеніе для своей рѣдко населенной области. Такъ, Ярославъ I и Мстиславъ, возвратившись изъ похода на Польшу, вывели оттуда значительное количество плѣнныхъ, часть которыхъ Ярославъ поселилъ по р. Роси. На слѣдующій годъ онъ уже долженъ былъ защищать эти поселенія городами, которые были тутъ построены [1]). Позднѣе, когда Ярославъ выдалъ свою сестру замужъ за короля Польскаго Казиміра, послѣдній, по тогдашнему обычаю, далъ ему въ вѣно 800 человѣкъ плѣнныхъ, отнятыхъ у Ярослава прежде, во время его войны съ Болеславомъ Храбрымъ, союзникомъ Святополка Окаяннаго [2]). Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что стремленіе увеличить населеніе страны, чтобы пользоваться его рабочею силою, господствовало въ это время не только на Руси, но и въ сосѣднихъ стра-

---

[1]) Лав. л. 1031 и 1032 гг.
[2]) Ib. 1043 г.

нахъ, вѣроятно, также слабо населенныхъ. Средствомъ для этого у нихъ, какъ и на Руси, была преимущественно война. Такъ, Болеславъ Великій захватилъ однажды съ р. Эльбы 30 тысячъ жителей; другой разъ, въ началѣ XII столѣтія, Болеславъ Кривоустый забралъ въ Поморьѣ 8 тысячъ жителей съ женами и дѣтьми, которыхъ разселилъ по своимъ городамъ. Евреи, удовлетворяя этой потребности, вели около р. Эльбы и по р. Вислѣ настоящую торговлю людьми [1]). Нѣсколько позднѣе, въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка, въ Польшѣ и въ сосѣднихъ съ нею славянскихъ земляхъ начинается мирное колонизаціонное движеніе и заселеніе городовъ и пустынныхъ пространствъ нѣмецкими колонистами. Доступъ въ Польшу и другія славянскія земли открылся нѣмцамъ вслѣдствіе преимущества ихъ въ образованіи, а также по связи Польши съ Германскою имперіею и католическимъ міромъ. Нѣмецкія принцессы, выйдя замужъ за королей Польскихъ, помогали переселенію своихъ единоплеменниковъ. Нѣмецкіе монахи и монахини, основавшіе первые монастыри въ Польшѣ, получили въ даръ значительныя пространства пустыхъ земель, покрытыхъ лѣсомъ; они для обработки ихъ вызывали своихъ земляковъ и селили ихъ на принадлежавшихъ имъ земляхъ. Польскіе князья, замѣтивши выгоды, получаемыя другими отъ заселенія земель, въ свою очередь стали вызывать въ свои города ремесленниковъ, а въ села поселянъ [2]), Слѣдовательно стремленіе достать рабочихъ въ эту эпоху у русскихъ князей было об-

---

[1]) «Dzieje Rzeczy pospolitej polskiej», Moraczewskiego, I, 77—78 p.
[2]) Gesch. Polens von Roepell, I. 445—447 p.

щее съ сосѣдями ихъ въ славянскихъ земляхъ. Рѣдкій изъ энергическихъ князей на Руси въ періодъ междукняжескихъ отношеній не задумывался или не хлопоталъ объ увеличеніи населенія своей волости. Ослѣпленный Василько, бывшій князь Теребовльскій *), дѣятельность котораго до его ослѣпленія пугала сосѣднихъ князей, его родственниковъ, въ несчастіи сознавался, что его завѣтной мыслью было „переяти Болгары Дунайскыѣ и посадити я у собе“ [1]). Для достиженія этой цѣли князья не пренебрегали подъ часъ и насильственнымъ уводомъ жителей изъ сосѣднихъ странъ. Такъ, около половины XII вѣка, въ періодъ междоусобія въ Польшѣ, изъ Руси явилось къ Владиславу на помощь противъ меньшихъ братьевъ нѣсколько князей; по окончаніи похода русскіе князья возвратились домой, „болѣ вземше мирныхъ ляховъ, нежели ратныхъ“ [2]). Князья въ своихъ междоусобіяхъ старались изъ области своего противника вывести побольше плѣнниковъ, желая, по всей вѣроятности, этимъ самымъ его ослабить, а себя усилить. Изяславъ Мстиславичъ, знаменитый противникъ Юрія Долгорукаго, пошелъ зимою въ Юрьеву область, взялъ 6 городовъ на Волгѣ, опустошилъ Поволжье до самаго Ярославля, захватилъ 7000 плѣнныхъ и изъ Углича возвратился въ Новгородъ [3]). Въ началѣ XIII столѣтія, во время войны, которую вели Даніилъ Галицкій и братъ его Василько противъ Александра Всеволодовича Бѣльзскаго, по выраженію лѣтописи,

*) Теребовль гор. на притокѣ р. Днѣстра.

[1]) Лавр. 1097 г.

[2]) Лавр. 1142 г.

[3]) П. с. л. III т. 1-ая Новг. лѣт. 1148 г.

„поплѣнена бысть вся земля около Бѣлза и около Червена: бояринъ боярина плѣнивше, смердъ смерда, градъ града, якоже не остатися ни единой веси не плѣненѣ". Сами Бѣлжане назвали ночь, во время которой сдѣлано было на нихъ нападеніе, „злою" [1]).

Не малый контингентъ насельниковъ Южной Руси доставляли степняки, въ сосѣдствѣ съ которыми она находилась въ древности. Живя, опредѣленіемъ судебъ, по сосѣдству съ этими бичами всякой культуры, на которыхъ благочестивые современники смотрѣли, какъ на „батогъ—имъ же Богъ обращаетъ ны къ покаянію, да быхомся въстягнули отъ злыхъ дѣлъ" [2]), русскіе князья стараются защитить свою страну отъ ихъ набѣговъ разными средствами. Среди подобныхъ мѣръ довольно рано встрѣчаемъ поселеніе въ пограничныхъ городахъ южной Руси Черныхъ Клобуковъ; съ этою же цѣлію нѣкоторые изъ начальниковъ Торковъ получали иногда во владѣніе русскіе украинные города на югѣ [3]). Кромѣ того, почти каждый удачный походъ русскихъ князей въ землю Половецкую сопровождался выводомъ въ Русь изъ ихъ страны множества полона, чади и челяди [4]). Знатные плѣнники давали въ окупъ за себя „злато и сребро и конѣ и скотъ", а бѣдные на Руси, какъ и въ Польшѣ, селились обыкновенно на землѣ, которая составляла въ это время главное богатство людей и которую плѣн-

---

[1]) Ип. л. 1221 г.

[2]) Лавр. 1093 г.
Ипат. 1177 г.

[3]) Россійск. истор. Татищева, II, 1060 г.—Ипат. л. 1192 г. Очерки Н. Барсова, 117—118, 120 сс.

[4]) Лавр. л. 1103, 1185, 1186, 1202 гг.—Ипат. л. 1173 и 1193 гг.

ные должны были обработывать своимъ трудомъ [1]). Имущество русскихъ князей, не только въ это время, но и позднѣе, состояло главнымъ образомъ изъ селъ, въ которыхъ они вели свое хозяйство такъ же, какъ и обыкновенные люди, только въ болѣе обширныхъ размѣрахъ: стоги съ хлѣбомъ, многочисленныя стада коней, погреба съ виномъ, медами и со всякими припасами („готовизною"), при этомъ многочисленная челядь для работы около всего,—вотъ въ чемъ заключалось ихъ богатство, или, по неоднократному выраженію лѣтописи, ихъ „жизнь" [2]) Обыкновенно русскіе князья собирали подати въ своихъ земляхъ естественными произведеніями, которыя, слѣдовательно, накоплялись у нихъ иногда въ большомъ количествѣ, такъ что въ случаѣ большой нужды, напримѣръ, голода въ своей или сосѣдней странѣ, князья продажею этихъ произведеній могли извлекать для себя значительныя выгоды [3]) Походы русскихъ князей на Литву и въ Польшу обыкновенно также сопровождались уводомъ плѣнныхъ, какъ и отъ Половцевъ [4]).

Но, не взирая на старанія южнорусскихъ князей заселить и увеличить населеніе своихъ областей, условія, въ которыхъ находилась южная, или Кіевская Русь, были до того неблагопріятны, что всѣ ихъ усилія сопровождались едва замѣтными результатами.

---

[1]) Dzieje Moraczewskiego, I, 80 p.—Ист. Гос. Рос. Карамзина II, 166—167 сс.—Изслѣд. Погодина III, 226 с.—Ист. Рос. С. Соловьева III, 7 с.

[2]) Ип. л. 1146—1150 гг.

[3]) Ип. л. 1238 и 1279 гг.

[4]) Лав. л. 1131; Ип. л. 1245 г. Ист. Гос. Р. Карамзина III, прим. 114.

Пока на востокѣ еще существовало Хазарское царство, оно нѣсколько защищало собою южную Русь отъ напора и нападеній кочевыхъ народовъ съ этой стороны [1]). Но съ паденіемъ его въ XI столѣтія совершенно обнажилась восточная граница Россіи, и русскимъ князьямъ нужно было съ юга и востока стоять на постоянной стражѣ отъ нападеній сперва Печенѣговъ, а потомъ Половцевъ. Правда, южные князья для защиты отъ ихъ вторженій воздвигали на границѣ укрѣпленные валы съ частоколомъ и воротами [2]), сами нерѣдко предпринимали походы внутрь половецкой страны, чтобы освободить томившихся въ плѣну русскихъ плѣнниковъ, самимъ ополониться челядью и чадью половецкою и навести страхъ на нихъ; но всѣ подобныя мѣры, равно какъ и родство съ половецкими начальниками [3]), заключаемое, быть можетъ, не безъ политическихъ намѣреній, были только палліативами, которые не привели къ желаемой цѣли.

Много выказали доблести русскіе князья въ своей борьбѣ съ погаными, не малую славу и хвалу себѣ пріобрѣли нѣкоторые изъ нихъ во время походовъ въ землю Половецкую; но сами князья своими междоусобіями и союзами съ Половцами доставляли имъ возможность часто грабить и пустошить землю русскую. Вотъ въ какихъ словахъ изображаетъ современникъ положеніе земледѣльца, сосѣдняго со степью: „оже начнетъ орати смердъ и пріѣхавъ половчинъ

---

[1]) Очерки Н. Барсова 66 с.

[2]) «Русь и Половцы» П. Мельгунова, прим. 26.—Лав. л. 1093 и 1095 гг. Ип. л. 1151 г.—Сузд. л. 1223 г.

[3]) Лав. л. 1096 г.—Ип. л. 1146 г.

ударитъ и стрѣлою, а лошадь его поиметъ, а въ село въѣхавъ иметъ жену его и дѣти и все имѣнье"; поэтому уже въ концѣ XI вѣка отъ ихъ набѣговъ „города и села вси опустѣша, поля, идѣже пасома бѣша стада конь, овца и волове, все тоще нынѣ видимъ, нивы поростъше звѣремъ жилища быша" [1]). Особенно, по свидѣтельству самихъ русскихъ князей, страдали отъ ихъ набѣговъ области, сосѣднія со степью, Черниговская и Переяславская: въ городахъ первой жили только псари и Половцы; вторая была „пуста" отъ набѣговъ Половецкихъ [2]). Во второй половинѣ XII столѣтія Кіевскій князь Мстиславъ Изяславичъ, уговаривая русскихъ князей къ походу на Половцевъ, говоритъ, что эти послѣдніе „на всяко лѣто несутъ крестьяны у вежѣ свои", что Половцы у Руси „и Гречьскій путъ и Соляный и Залозный" отняли [3]). Какъ далеко въ качествѣ союзниковъ русскихъ князей заходили Половцы, во что иногда обходились русской землѣ союзы съ ними, показываетъ извѣстіе также второй половины XII вѣка, изъ котораго узнаемъ, что Изяславъ Черниговскій вмѣстѣ съ ними отправился на Смоленскую область, при чемъ, по замѣчанію лѣтописца, „много зла створиша Половци, взяша душь болѣе тмы, а иныя изсѣкоша" [4]). Такимъ образомъ частыя вторженія и опустошенія Половцевъ (при чемъ подъ часъ исчезали съ лица земли цѣлые города, а жители, оставшіеся живыми, полные страха,

---

[1]) Лав. л. 1093 и 1103 гг.
[2]) Ип. л. 1159 г.—Лавр. л. 1169, 1185 гг.
[3]) Ип. л. 1170 г.
[4]) Ип. л. 1160 г.

строили себѣ новый городъ [1]), частыя разорительныя междоусобныя войны князей [2]), которыя сопровождались передвиженіями изъ одной волости въ другую, такъ что сами князья упрекали иногда другъ друга за подобную перекочевку [3]),—вотъ тѣ условія, которыя особенно сильно тяготѣли въ древности надъ богатою по природѣ Кіевскою Русью. Поэтому понятно стремленіе южно-русскаго населенія избавиться отъ сосѣдства съ степью и съ гибельными случайностями, соединенными съ нею. При безпрерывныхъ передвиженіяхъ князей и ихъ дружинъ съ юга на сѣверъ и обратно, при несомнѣнномъ участіи въ княжескихъ походахъ городоваго населенія, черныхъ людей и поселянъ [4]), люди могли хорошо ознакомиться съ сравнительно болѣе покойными условіями жизни на сѣверѣ, гдѣ почва была, правда, бѣднѣе, но гдѣ безопасность отъ Половцевъ вознаграждала поселенца за многое. Самая бѣдность почвы не могла особенно смущать земледѣльца, при изобиліи на сѣверѣ лѣсовъ и при возможности вести здѣсь хозяйство лядное или новинное, т. е. выжигать лѣсъ и удобрять землю золою, такъ что урожай на нѣсколько лѣтъ могъ быть обезпеченъ; послѣ этого можно было перей-

---

[1]) Лав. л. 1095 г.

[2]) По разсчету автора «Исторіи Россіи», войны между князьями происходили черезъ годъ. Ист. Рос. С. Соловьева, т. III, 40 с.

[3]) Такъ, великій князь Кіевскій Ярополкъ говоритъ брату своему Вячеславу, переходящему безпрестанно изъ Турова въ Переяславль и обратно: «сиди не волнуися, не взимай права Половецкаго». Ник. л. II, 67 с., 1134 г.

[4]) Лав. л. 1093 г. — Сузд. л. 1216 г.—Ип. л. 1132, 1147 и 1184 гг.

ти на новый участокъ, хозяйничая подобнымъ же образомъ. Распространеніе этого хозяйства не только въ восточной, но и въ западной Россіи, равно и то, что оно сохранилось до нашихъ дней, не взирая на энергическіе протесты противъ него съ конца прошлаго столѣтія, доказываетъ древность и, такъ сказать, обычность подобнаго хозяйства на Руси [1]). При такихъ условіяхъ много значило появленіе энергическаго князя, который нашелъ свой интересъ въ этомъ расположеніи южнаго населенія и воспользовался имъ для своихъ цѣлей. Есть извѣстіе, указывающее на Юрія Долгорукаго, какъ на князя, который, „видя себя Русской земли совсѣмъ лишена, основалъ престолъ свой въ Бѣлой Руси *).... зачалъ строить въ области своей многіе града, и началъ тѣ града населять, созывая людей отвсюду, которымъ давалъ не малую ссуду въ строеніяхъ и другими подаяніями помогалъ", вслѣдствіе чего, кромѣ Русскихъ, къ нему явилось множество Болгаръ, Мордвы, Венгровъ, и населеніе области его умножилось такимъ образомъ тысячами людей [2]). Нѣкоторыя свѣдѣнія, сообщаемыя въ этомъ извѣстіи, согласны съ послѣдующими событіями, происходящими въ Россіи. Позднѣе встрѣчаемъ много грамотъ, содержащихъ въ себѣ привилегіи населенію, которое селилось на „сыромъ корени" на „дикомъ полѣ", на пустошахъ, и, вообще, пришлымъ людямъ. Относительно же разноплеменности привлекаемаго населенія слѣдуетъ замѣтить, что подобныя

---

[1]) Ак. отн. къ Ист. Зап. Росс. I, №№ 55 и 123. Зап. Лепехина I, 63 с.

*) Тутъ разумѣется, безъ сомнѣнія, сѣверовосточная Русь.

[2]) Ист. Рос. Татищева, III, 76 стр., 1152 г.

явленія встрѣчались также въ юго-западной Россіи, отчасти и въ Польшѣ, гдѣ во вновь основанные города старались привлекать всякое населеніе, не стѣсняясь его племенною и религіозною пестротою [1]). Юрій Долгорукій, какъ извѣстно, довольно часто бывалъ на югѣ, гдѣ въ союзѣ съ Владиміркомъ велъ упорную и долгую борьбу съ Изяславомъ; поэтому поводы къ выводу населенія съ юга ему могли представляться нерѣдко. При такихъ условіяхъ предположеніе нѣкоторыхъ изслѣдователей объ усиленномъ переселеніи населенія съ юга на сѣверъ получаетъ большую вѣроятность [2]). Что касается строительной дѣятельности Юрія на сѣверѣ Россіи, то она, по предположенію Щапова, оставила слѣдъ въ народныхъ сказаніяхъ [3]). Такимъ образомъ къ прежнимъ путямъ, которыми, по всей вѣроятности, шла колонизація славянскими племенами верхняго Поволжья присоединяется позднѣе еще новый; различіе между ними заключается въ томъ, что во время послѣдняго движенія выдвигается личность князя, и подобное явленіе не могло остаться безъ вліянія на отношеніе населенія къ княжеской власти на сѣверѣ. Поэтому, быть мо-

---

[1]) Ипат. л. 1259 г.

[2]) Очерки Н. Барсова. 126 с.

[3]) Покойный Щаповъ сближаетъ дѣятельность Юрія Долгорукаго съ воспѣваемымъ въ русскихъ народныхъ сказаніяхъ Егоріемъ Храбрымъ. «Побѣдоносный Юрій Долгорукій, говоритъ онъ, какъ изображаемый народнымъ эпосомъ Егорій Храбрый, героически носился по русской землѣ..... онъ рубилъ лѣса и строилъ въ полѣ свои польскіе и залѣсскіе города.... строя города, Юрій признавалъ своимъ сподвижникомъ— въ борьбѣ съ дикой природой и различными народами сѣверной Руси Св. Георгія Храбраго». — Жур. М. Н. Пр. 1863 г. I— 26—27.

жетъ, въ сѣверныхъ князьяхъ и проявляется стремленіе относиться самовластно къ населенію, которое усаживалось на сѣверѣ при матеріальной поддержкѣ князя и съ помощью полученныхъ отъ него привилегій [1]).

Что же происходило въ частности въ странѣ верхняго Поволжья въ ту эпоху, когда главный интересъ былъ сосредоточенъ около Кіева? Сперва область верхней Волги тянула нѣкоторое время къ Новгороду и входила въ его составъ; вслѣдствіе этого можно предположить, что Славяне продолжали выселяться изъ Ильменской области въ страну верхняго Поволжья. Нѣсколько позднѣе (1076 г.) Поволжье составляетъ волость пятаго сына Ярослава—Всеволода, князя Переяславскаго [2]). Но въ это время она носитъ уже названіе Ростовской земли, что, по замѣчанію нѣкоторыхъ изслѣдователей, указываетъ на полное перерожденіе населенія мерянской земли, на окончательное торжество въ ней славянскаго элемента [3]). Это торжество въ такое время, когда одновременно происходило на сѣверѣ и утвержденіе христіанства, не могло, по всей вѣроятности, обойтись безъ нѣкоторой борьбы, отголоски которой какъ будто дошли до насъ въ преданіи, что нѣкоторые туземцы Ростовской области и даже „языка словенскаго“ ушли отъ крещенія и поселились въ Болгаріи, гдѣ они „кочевное житіе татарское, вѣры бесерменскія изволиша“ [4]).

---

[1]) Истор. Росс. С. Соловьева IV, 396—397 сс.

[2]) «Меря» Д. Корсакова, 70 с.

[3]) Очерки Н. Барсова, 172 с.

[4]) «Меря» Д. Корсакова, примѣч. 63 (выдержка изъ Космографіи XVII в.).

Для защиты и поддержанія своего господства на сѣверѣ князья строятъ въ удобныхъ мѣстахъ города, которые становятся обыкновенно мѣстопребываніемъ власти и къ которымъ всегда тянетъ окружное населеніе. Такими мѣстами были въ то время берега и особенно устья рѣкъ. Къ основанію нѣкоторыхъ городовъ князей, по преданію, побуждали случайныя обстоятельства: такъ, г. Ярославль въ началѣ XI вѣка построенъ былъ, говорятъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Ярославъ Мудрый убилъ медвѣдицу, отставъ однажды отъ своей дружины. Плѣненный красотою здѣшняго мѣстоположенія, онъ велѣлъ на этомъ мѣстѣ срубить городъ, который назвалъ своимъ именемъ [1]). Гораздо позднѣе (въ началѣ XIII ст.) городъ Юрьевецъ былъ, по преданію, построенъ на мѣстѣ чудеснаго обрѣтенія великимъ княземъ Юріемъ Всеволодовичемъ иконы св. великомученика и побѣдоносца Георгія [2]). Оба эти города лежатъ при впаденіи въ Волгу довольно значительныхъ ея притоковъ [*]), поэтому при построеніи ихъ хозяйственныя и политическія соображенія едва ли не имѣли рѣшающаго значенія [3]). Положеніе новопостроенныхъ городовъ въ странѣ и отношенія ихъ къ окружному населенію нѣсколько отличались отъ отношеній прежнихъ племенныхъ центровъ. Въ новыхъ городахъ располагался чаще всего князь съ дружиною или посадникъ его;

---

[1]) Город. посел. Росс. Имп. V, 448 с.

[2]) Журн. Мин. Вн. Дѣлъ 1848 г. ч. 22, 14—15 с.

[*]) Г. Ярославль при впаденіи р. Которосли, на правомъ берегу, а Юрьевецъ при впаденіи р. Унжи, на лѣвой сторонѣ Волги.

[3]) Ист. Росс. С. Соловьева, т. I, 21 с.

они сильнѣе тяготѣли надъ областью, чѣмъ городъ, гдѣ жилъ племенной князь, ограниченный въ отправленіи своихъ обязанностей старѣйшими и лучшими людьми. Естественнымъ послѣдствіемъ этого должно было явиться постепенное исчезновеніе племенныхъ наименованій, равно какъ и названій, происшедшихъ отъ старыхъ городовъ, на мѣсто которыхъ выступаютъ новые города, которые свое имя сообщаютъ цѣлой волости [1]). Впослѣдствіи построеніе городовъ по Волгѣ значительно усиливается, потому что она становится пограничною рѣкою между княжествами Новгородскимъ и Ростово-Суздальскимъ [2]). Вслѣдствіе войнъ, нерѣдко бывавшихъ между ними, они не могли не обратить вниманія на мѣста болѣе или менѣе удобныя для переправы чрезъ рѣку, и здѣсь для защиты отъ вторженій врага должны были основать укрѣпленія. Подобные оплоты должны были чаще всего возникать при впаденіи рѣки, потому что рѣки, какъ уже замѣчено, были въ то время лучшими путями сообщенія, онѣ нерѣдко вели внутрь страны или даже къ стольному городу, вслѣдствіе чего врагъ могъ дѣйствовать по нимъ удобнѣе всего; такимъ образомъ, необходимость заставляла укрѣплять такія мѣста, чтобы защититься при ихъ посредствѣ [3]). Только этимъ можно объяснить себѣ остатки укрѣпленій, которые встрѣчаются при устьѣ всѣхъ сколько нибудь значительныхъ притоковъ Волги и носятъ большею частью названіе городищъ. О построеніи нѣко-

---

[1]) Очерки Н. Барсова, 77—78 сс.

[2]) П. соб. лѣт. т. I и III, 1216 г.

[3]) Арх. ист. и практ. свѣд. Н. Калачова, II: «Записка о городѣ Калязинѣ», 3 с.

торыхъ изъ нихъ сохранились лѣтописныя извѣстія: такъ, городъ Константинъ (нынѣ село Сахтинъ) построенъ былъ въ 1134 году Юріемъ Долгорукимъ на устьѣ р. Нерли, при впаденіи ея въ Волгу [1]). Построеніемъ его Юрій, по всей вѣроятности, желалъ воспрепятствовать непріязненнымъ ему Новгородцамъ, нерѣдко сходившимся на устьѣ р. Медвѣдицы, спускаться Волгою на низъ и опустошить его область [2]). Гораздо позже встрѣчаются городки при впаденіи въ Волгу Шоши и Дубны; объ этомъ можно догадываться изъ извѣстій, сохранившихся объ опустошеніи этихъ мѣстъ въ 1216 г. [3]). Но если появлялось укрѣпленіе на одномъ берегу рѣки, то необходимость принуждала сосѣда городиться на другомъ, чтобъ въ свою очередь не быть открыту для непріятеля. Остатки подобныхъ укрѣпленій на обѣихъ сторонахъ рѣки попадаются нерѣдко [4]). Вслѣдствіе большей возвышенности праваго берега онъ менѣе подвергался наводненію и, кромѣ того, былъ удобнѣе для защиты, поэтому и укрѣпленія чаще воздвигались на этой сторонѣ. Тверь сперва была построена на лѣвой сторонѣ Волги, при впаденіи въ нее рѣки Тверцы, но позднѣе разорительныя наводненія заставили жителей постепенно выселяться на болѣе безопасный, правый берегъ, на который въ первой половинѣ XIII в. былъ перенесенъ и дѣтинецъ [5]) Городъ Кострома (построе-

---

[1]) Ник. л. II, 1134 г.

[2]) Истор. Твер. княж. Борзаковскаго, 15 с,

[3]) Истор. Гос. Р. Карамзина, III, прим. 164.

[4]) Ар. ист. и практ. свѣд. Н. Калачова II. 3 ст. Город. посел. Рос. Имп. V т. 75 стр.

[5]) Ист. Твер. княж. 21 с. Авторъ послѣдняго сочиненія г.

ніе его приписываютъ Юрію Долгорукому), напротивъ, первоначально стоялъ на правой сторонѣ Волги и только позднѣе, для большаго удобства въ сношеніи съ заволжскими городами, былъ переведенъ на лѣвый берегъ, который, благодаря значительному изгибу, дѣлаемому здѣсь рѣкою, въ этомъ мѣстѣ довольно высокъ [1]). Воздвигаемые города, судя по находившимся въ нихъ монастырямъ и по ихъ развалинамъ, были довольно значительны; это было необходимо уже и потому, что во время войнъ въ нихъ искало себѣ убѣжища и населеніе округа, въ которомъ они находились [2]). Не мало должно было способствовать умноженію населенія верхняго Поволжья постепенное увеличеніе числа монастырей, которые въ древности удовлетворяли религіозной потребности народа русскаго и его представителей. Особую ревность въ построеніи ихъ выказалъ знаменитый Андрей Боголюбскій, о которомъ лѣтописецъ говоритъ, что онъ „монастыри

Борзаковскій, вслѣдствіе первоначальнаго построенія крѣпости на лѣвой сторонѣ Волги, полагаетъ, что Тверь, быть можетъ, сначала воздвигнута была Новгородцами противъ Ростово-Суздальскаго княжества, см. 18 с.

[1]) Город. посел. Рос. Им. II, 543—546 сс.

Нѣкоторые изъ городовъ съ такими названіями, какъ Кострома, Кинешма, Балахна и др., врядъ ли были впервые построены Славянами; вѣроятнѣе будетъ допустить заселеніе подобныхъ мѣстъ племенами, жившими здѣсь еще до прибытія Славянъ. Кромѣ названія городовъ, инородческія племена оставили здѣсь еще слѣды своего пребыванія въ названіяхъ рѣкъ, изъ коихъ главныя почти всегда носятъ имя чуждое языку славянскому. См. «Очерки» Н. Барсова, прим. III.—Относительно названій Кострома, Кинешма и пр. см. «Меря» Корсакова, 18 с.

[2]) Ипат. л. 1267 г.—П. с. л. III, 1-ая Новг. л., 1197 г.

многи созда" [1]). Встрѣчаются факты основанія монастырей въ Новгородской области личностями, пришедшими на сѣверъ съ юга [2]). Вѣроятно, большая безопасность сѣверныхъ странъ сравнительно съ южными побуждала иногда южнаго монаха направляться на отдаленный сѣверъ.

Таковы были условія, при которыхъ могли происходить выселенія славянскихъ племенъ изъ разныхъ земель и по различнымъ путямъ. Славянскія поселенія въ странѣ Веси и Мери должны были сперва представлять не сплошное населеніе, но колоніи, которыя отсюда могли иногда переходить и далѣе въ землю Мордвы и Муромы. Эти колоніи поддерживались, по всей вѣроятности, городами, которые строились отчасти съ этою цѣлію [3]). Понятно, что процессъ постепеннаго слитія и перерожденія Финновъ въ Славянъ долженъ былъ ускориться съ того времени, какъ князья стали управлять сами, а не чрезъ посадниковъ, какъ это было во время пребыванія ихъ на югѣ.

Еще въ то время, какъ вниманіе русскихъ князей было обращено преимущественно на южныя событія, на сѣверѣ начинаются непріязненныя столкновенія Руси съ Волжскими Болгарами и Мордвою. Они оканчивались сперва не въ пользу Руси. Въ концѣ XI вѣка (1088 г.) Болгары овладѣли русскимъ порубеж-

---

[1]) Ип. л. 1175 г.

Преосвященный Макарій въ своемъ сочиненіи перечисляетъ довольно много монастырей, которые могли быть основаны Андреемъ Боголюбскимъ.—Ист. Рус. Цер. III, 52—55.

[2]) Ист. Гос. Рос. Карамзина, IV, прим. 117.

Ист. Рус. Цер. Преосв. Макарія, т. I, 211 с.

[3]) «Очерки» Н. Барсова, 65 с.

Исторія Русской жизни, Ивана Забѣлина, I, 560 с.

нымъ городомъ, Муромомъ, который находился въ землѣ финскаго племени Муромы, считавшейся данницею Руси [1]). Племя это, вѣроятно, очень рано подпало вліянію Руси и слилось съ нею, потому что о какихъ-либо враждебныхъ съ ихъ стороны движеніяхъ нѣтъ извѣстій. Впрочемъ полагать слѣдуетъ, что захватъ города Мурома Болгарами произошелъ болѣе случайно, потому что онъ недолго оставался въ ихъ власти: уже подъ 1095 г. въ Муромѣ упоминается посадникъ князя Олега Святославича.

О Мордвѣ лѣтописное преданіе говоритъ также, какъ о племени, платящемъ дань Руси. Это многочисленное племя раскинулось на огромномъ пространствѣ нынѣшней Нижегородской, Пензенской, Симбирской и частью Саратовской губерній [2]) и въ древности уже дѣлилось на нѣсколько вѣтвей *). Впрочемъ зависимость отъ Россіи можно предположить лишь за одною какою-либо изъ ея отраслей. Быть можетъ, такою раннею связью нѣкоторой части Мордвы съ Русью обусловливается появленіе въ началѣ XIII вѣка посреди этого племени князя-союзника Руси. Во всякомъ случаѣ эта зависимость Мордвы не могла быть

---

[1]) Мурома, по объясненію Кастрена, означаетъ на финскомъ языкѣ «люди на землѣ»; слово Мар, Мор, Муръ—значитъ человѣкъ, ма—земля. Мордва, по его же объясненію—«люди у воды». A. Castren Reiseberichte und Briefe. 15—17 p.

[2]) Мѣстожительство Мордвы опредѣлено по статьѣ г. Мельникова. Рус. Вѣст. 1867 г. «Мордва» № 6, 488. Г. А. Кастренъ мѣстожительство этого племени опредѣляетъ точно такъ же. См. Reiseberich. und Briefe 12 p.

*) Эрза, Мокша, Каратаи. Первая и послѣдняя упоминается у арабскихъ писателей, а 2-я у Рубриквиса и Плано Карпини въ XIII ст. См. «Мух. нумизм.» П. Савельева, 66 с. Voyage Bergeron Plano Carpin 48 p. Rubriquis—30 p.

общею, потому что позднѣе (XIV в.) у нихъ упоминаются свои независимые князья [1]), и русскимъ князьямъ нужно было употребить много труда, чтобъ утвердиться въ землѣ Мордовской; можно сказать даже болѣе—утвержденіе это сопровождалось страстною и истребительною войною съ ними. Первое непріязненное столкновеніе Руси съ Мордвой (1103 г.) было для Руси такъ же неудачно, какъ и съ Болгарами: Ярославъ Святославичъ, воевавшій съ нею, потерпѣлъ отъ нея пораженіе. Перевѣсъ этотъ объясняется не столько слабостью Руси въ это время, сколько тѣмъ обстоятельствомъ, что русскіе князья, вѣроятно, все свое вниманіе посвящали въ то время югу. Но стоило появиться на Кіевскомъ столѣ такому энергическому князю, какъ Владиміръ Мономахъ, который заботился о всей землѣ Русской („страдалецъ за Русскую землю“)—и начались успѣшныя дѣйствія противъ Болгаръ, сопровождаемыя, по обыкновенію, уводомъ плѣнныхъ [2]). Въ походъ отправленъ былъ Юрій Долгорукій, родоначальникъ сѣверныхъ князей, которые впослѣдствіи продолжали съ успѣхомъ дѣйствовать въ этомъ направленіи. Андрей Боголюбскій, старшій сынъ Юрія, первый изъ русскихъ князей утвердился окончательно на сѣверѣ; вѣроятно, поэтому при немъ начинаются уже болѣе серіозныя движенія на волжскихъ Болгаръ, а въ связи съ ними позднѣе предпринимаются походы и въ Мордовскую землю, на Мордву.

Первый значительный походъ на Болгаръ (1164)

---

[1]) Пол. соб. лѣт. VIII, 1377 г.

[2]) Лав. л. 1120 г.

былъ совершенъ Андреемъ въ союзѣ съ Муромскимъ княземъ, который жилъ по сосѣдству съ Болгарами и, слѣдовательно, болѣе другихъ могъ быть заинтересованъ въ этомъ предпріятіи. Боголюбскій раздѣлилъ войско на двѣ части: одна состояла изъ пѣхоты, въ другой же, вѣроятно, преобладала конница. Великій князь Андрей направился впередъ со второю половиною прямо на Болгаръ, которые находились подъ начальствомъ своего князя. Послѣдовало полное пораженіе Болгаръ: у нихъ отняли знамена, и самъ предводитель съ небольшою дружиною едва спасся бѣгствомъ въ Великій городъ *). Пользуясь побѣдою, Андрей Боголюбскій овладѣлъ тремя ихъ городами и между прочимъ славнымъ Бряхимовымъ. Восемь лѣтъ спустя, зимою, собрались молодые князья на Болгаръ: Боголюбскій послалъ своего сына Мстислава, а князья Муромскій и Рязанскій своихъ сыновей. Не смотря на то, что походъ былъ предпринятъ не во время, вслѣдствіе чего и войско шло неохотно, онъ окончился удачно. Соединившись у устья р. Оки, князья, не дожидаясь прихода всей дружины, съ одною только переднею вторглись неожиданно въ землю Болгаръ,

---

*) Карамзинъ (III т. пр. 63) полагаетъ, что Великій городъ находился около р. Малой Цывили, которая прежде будто бы носила названіе Черемшана. Но въ Ип. Лѣт. (1182 г.) при описаніи похода говорится, что Великій городъ былъ въ землѣ Серебряныхъ Болгаръ, а они, по предположенію оріенталистовъ (см. изслѣд. В. Григорьева), жили около р. Камы; поэтому съ большою вѣроятностью можно принять, что Великій городъ нашихъ лѣтописей былъ гор. Биляръ, лежавшій на рѣкѣ Маломъ Черемшанѣ, гдѣ и нынѣ находятся его развалины. Такъ смотритъ на Великій городъ г. Артемьевъ. «Списки населен. мѣстъ Росс. Имп. Казанская губ.» 48 с.

овладѣли городомъ и нѣсколькими селами, въ которыхъ истребили мущинъ, а женъ и дѣтей увели въ плѣнъ. Болгары, узнавъ, что Мстиславъ воюетъ лишь съ небольшою частью дружины, собрались въ числѣ 6000 человѣкъ и отправились за нимъ въ погоню, но не могли его настигнуть [1]). Нѣкоторые изъ походовъ, предпринятыхъ позднѣе сѣверо-восточными князьями, по смѣлости своего замысла и по успѣшности предпріятія, во многомъ превосходили только что упомянутые; добываемые ими результаты каждый разъ указывали на значительную силу и превосходство сѣверовосточной Руси надъ волжскими Болгарами. По нѣкоторымъ явленіямъ можно предполагать, что въ Болгаріи по временамъ происходили внутренніе раздоры, которые должны были не мало ослаблять ихъ царство. Такъ, въ походѣ, предпринятомъ въ 1184 г. великимъ княземъ Владимірскимъ Всеволодомъ въ союзѣ съ другими русскими князьями, когда войско высадилось на берегу рѣки Волги и направилось къ Великому городу, оно встрѣтило въ полѣ Половцевъ, которые вмѣстѣ съ болгарскимъ княземъ шли тоже на Болгаръ; они пожелали соединиться съ русскими князьями и дѣйствовали вмѣстѣ противъ Болгаръ [2]). Этотъ князь, вѣроятно, былъ изъ недовольныхъ болгарскихъ князей и привелъ Половцевъ, чтобы съ ихъ помощью одолѣть враговъ и добиться власти въ своемъ отечествѣ. Впрочемъ, пользуясь междоусобіями князей русскихъ, Болгары по прежнему иногда захватывали отдѣльные русскіе города; такъ это слу-

---

[1]) Лав. л. 1172 г.
[2]) Лав. л. 1184 г.

чилось съ Устюгомъ, который въ 1217 году былъ взятъ Болгарами [1]). Особенно замѣчателенъ былъ походъ, предпринятый въ XIII ст. (1220 г.) великимъ княземъ Юріемъ Всеволодовичемъ въ союзѣ со многими русскими князьями, среди которыхъ были также Муромскіе и Рязанскіе князья. Во главѣ предпріятія сталъ братъ Юрія Святославъ; онъ изъ Городца, что на Волгѣ, двинулся къ устью Оки, чтобъ соединиться здѣсь съ остальными князьями. Такъ какъ цѣлью похода былъ назначенъ болгарскій городъ Ошелъ, стоявшій неподалеку отъ устья рѣки Камы, то изъ г.г. Ростова и Устюга посланы были полки верховьями Камы. Походъ завершился пораженіемъ Болгаръ и сожженіемъ Ошела. Послѣ этого предпріятія между Болгарами до того усилился страхъ предъ Русскими, что, когда въ томъ же году самъ Юрій сталъ снаряжаться зимою на нихъ, они нѣсколько разъ присылали къ нему пословъ съ выгодными мирными условіями; послѣ третьей присылки великій князь даровалъ имъ миръ, и, вѣроятно, на условіяхъ очень выгодныхъ для Руси [2]).

Въ походахъ, предпринимаемыхъ русскими противъ Болгаръ, мы замѣчаемъ, что сборнымъ пунктомъ для союзныхъ князей и ихъ войскъ нерѣдко является устье р. Оки. Пунктъ этотъ былъ особенно удобенъ потому, что въ предпріятіяхъ этихъ участвовали князья Ростовскіе (Которосль), Владимірскіе (Клязьма), Городецкіе (р. Волга), Муромскіе и Рязанскіе (р. Ока) *). Между тѣмъ мѣста эти были населены

[1]) Сузд. л. 1218 г.

[2]) Ник. л. II, 1218 г.—Карамзинъ, III прим. 187.

*) Существуетъ извѣстіе, что на этомъ мѣстѣ еще Болгарами

Мордвой, съ которою поэтому необходимо и должны были воспослѣдовать столкновенія; но возможность ихъ не могла, разумѣется, остановить русскихъ людей, узнавшихъ на опытѣ стратегическую важность вышеупомянутаго пункта [1]). И вотъ, должно быть, въ виду вѣроятныхъ въ будущемъ столкновеній русскихъ съ Болгарами, Юрій Всеволодовичъ основываетъ въ 1221 году при впаденіи р. Оки въ Волгу, на правомъ берегу ея, Новгородъ, который получаетъ названіе Нижняго въ отличіе отъ Великаго Новгорода, стоящаго на Волховѣ, такъ какъ Новгородскія земли назывались верховыми сравнительно съ Поволжьемъ, именовавшимся низомъ [2]). Необходимымъ слѣдствіемъ основанія Нижняго Новгорода на Мордовской землѣ были войны съ Мордвою и походы русскихъ князей въ Мордовскую землю. Изъ извѣстія, что Всеволодъ Юрьевичъ въ 1184 г. на обратномъ пути изъ болгарскаго похода пустилъ свою конницу на Мордву, можно, кажется, вывести заключеніе, что отношенія сѣверовосточной Руси къ Мордвѣ были и прежде непріязненны. Быть можетъ, отдѣльныя отрасли Мордвы были даже въ союзѣ съ Болгарами; на

построенъ былъ городъ, который будто бы разоренъ былъ Андреемъ Боголюбскимъ. Татищевъ. Ист. Росс. III. стр. 428. Мѣстныя преданія подтверждаютъ это извѣстіе. Ниж. Губ. Вѣд. 1847, № 2, 6 с. примѣч.

[1]) Русск. Вѣст. 1867 г. № 6. «Мордва» П. Мельникова 493 с.

[2]) Очерки Н. Барсова 15 с.

Нижній Новгородъ стоялъ сначала на Дятловыхъ горахъ около устья Оки, что видно изъ книги «Большаго Чертежа», гдѣ сказано: «Нижній Новгородъ на Дятловыхъ горахъ». Долгое время послѣ въ лѣтописи отличали старый городъ отъ новаго. См. П. с. л. VIII, 1445 и 1469 гг.

подобную мысль, по крайней мѣрѣ, могутъ навести послѣдующія событія, когда Болгары своимъ движеніемъ противъ мордовскаго князя Пурейши, русскаго присяжника, являются какъ бы союзниками другаго мордовскаго князя Пургаса, который съ энергіею сражался противъ владимірскаго великаго князя Юрія Всеволодовича. Но если прежде столкновенія сѣверовосточныхъ князей съ Мордвою были рѣдки и имѣли видъ случайныхъ, то послѣ основанія Нижняго Новгорода они являются болѣе постоянными и становятся гораздо серіознѣе—борьба принимаетъ характеръ истребительный [1]). Много помогло сѣворовосточной Руси въ ея войнахъ съ Мордвою то обстоятельство, что въ первой половинѣ XIII в. среди Мордвы выдѣлились два князя—Пурейша и Пургасъ: первый далъ присягу великому князю владимірскому Юрію Всеволодовичу и помогалъ ему въ войнѣ съ враждебнымъ ему княземъ Пургасомъ. Походы въ Мордовскую землю, какъ и противъ Болгаръ, князья сѣверовосточной Руси предпринимали сообща. Они сопровождались по тогдашнему обыкновенію разрушеніемъ жилищъ и уводомъ плѣнной Мордвы, которую князья и дружинники могли селить на своихъ земляхъ, на сѣверѣ, такъ же, какъ это дѣлалось, въ южной Руси. Мордва чаще всего уходила въ свои непроходимые лѣса, гдѣ и запиралась въ своихъ „твердяхъ“ (крѣпостяхъ); слѣдовать за ними въ чащу лѣсовъ не рисковали русскія дружины, потому что противники легко могли уничтожить ихъ тамъ. Въ 1228 году болгарскій князь пошелъ на Пурейшу, быть можетъ, на помощь Пур-

---

[1]) Вивліоѳ. ч. 18. Нижегор. лѣт. 1227 г.

гасу; но, узнавъ, что въ Мордовской землѣ воюетъ Юрій Всеволодовичъ владимірскій съ союзными князьями, ушелъ скоро обратно. На слѣдующій годъ Пургасъ съ войскомъ отправился къ Нижнему Новгороду, желая разрушить этотъ оплотъ русской власти на землѣ Мордовской, но взять его не могъ. На обратномъ пути, между тѣмъ, на самого Пургаса напалъ сынъ Пурейши съ Половцами (хоть изрѣдка, но заходили и сюда эти опасные союзники Руси) и истребилъ большую часть войска Пургасова *), такъ что самъ Пургасъ едва ушелъ съ нѣсколькими воинами [1]).

Таковы были отношенія сѣверовосточной Руси, которая обладала верхнимъ теченіемъ Волги, къ Болгарамъ и къ Мордвѣ, господствовавшимъ на среднемъ теченіи этой рѣки. Какъ ни отрывочны по нашимъ лѣтописямъ извѣстія о столкновеніяхъ съ этими народами, но все-таки ясно, что столкновенія эти начинаются съ довольно ранняго времени: нападенія дѣлаются то съ одной, то съ другой стороны, смотря по обстоятельствамъ, въ которыхъ находились стороны въ извѣстное время. Борьба сѣверовосточныхъ русскихъ князей съ Болгарами и Мордвой происходитъ, если и не безпрерывная, то, во всякомъ случаѣ, постоянная, съ большею или меньшею энергіею, смотря по личности, которая стояла во главѣ похода въ то или въ другое время. Постоянность борьбы обусловливается отсутствіемъ естественныхъ границъ между сѣверовосточной Русью, съ одной стороны, и Болгарами и Мордвою, съ другой. Напротивъ, рѣки, на ко-

*) [illegible] ю и Пургасову Русь (?)».
[illegible] 1238—1239, 1232 гг.

торыхъ всѣ они жили, облегчали доступъ въ земли другъ друга. Къ этому впослѣдствіи присоединилась религіозная ревность русскихъ по отношенію къ магометанамъ-Болгарамъ, у которыхъ, въ свою очередь, не было недостатка въ религіозномъ фанатизмѣ [1]). Русскіе князья смотрѣли на походы противъ Болгаръ такъ же, какъ и на войну половецкую, т. е. какъ на дѣло отчасти благочестивое („брань на поганыя" [2]). Если присоединить сюда выгоды отъ военнаго грабежа и отъ увода плѣнныхъ, которыхъ Болгары сбывали на азіатскихъ рынкахъ, а русскіе могли селить у себя и употреблять на работу, то частыя ихъ столкновенія станутъ вполнѣ понятны намъ. Успѣхъ сѣверовосточной Руси, замѣтный уже въ началѣ ея борьбы съ Волжскими Болгарами, есть естественный перевѣсъ земледѣльческаго и трудолюбиваго христіанскаго общества надъ полукочевымъ, торговымъ царствомъ магометанскимъ. Торжество славяно-русскаго народа въ это же время надъ Мордвой и другими финскими племенами было слѣдствіемъ того, „что Русь, помимо всѣхъ препятствій къ своему государственному развитію, все подвигалась впередъ на этомъ пути, между тѣмъ какъ финскія племена стояли и теперь на той же почти ступени развитія, на какой находились Славяне въ половинѣ IX-го вѣка: жили особными и потому безсильными племенами, которыя, раздробляясь, враждовали другъ съ другомъ" [3]). Но этотъ успѣхъ могъ совершиться только при посредствѣ времени и труда, подъятаго князьями сѣверовосточной Руси:

[1]) Лавр. лѣт. 1229—1230 г.
[2]) Ип. л. 1182 г.
[3]) Ист. Россіи С. Соловьева II, 401 с.

три съ половиною вѣка истекло прежде, чѣмъ русское населеніе успѣло утвердить за собою устье р. Оки, между тѣмъ какъ до того украиннымъ на Руси городомъ былъ Муромъ [1]).

Такимъ образомъ постепенное движеніе сѣверовосточной Руси по рѣкамъ въ направленіи къ востоку совершалось несомнѣнно. Съ значительною вѣроятностью можно предположить, что врядъ ли бы Болгары вмѣстѣ съ финскими племенами были въ состояніи надолго сдержать это движеніе, которое притомъ со временемъ должно было усилиться вслѣдствіе наростанія населенія и тѣхъ выгодъ, какія получало земледѣльческое населеніе Руси при своемъ выселеніи въ эти богатыя страны. Но совершилось иное: въ 1236 году множество Болгаръ, спасаясь отъ татарскаго плѣна, прибѣжало въ Россію, возвѣстило Юрію Всеволодовичу о приходѣ Татаръ на ихъ землю и просило его дать имъ пріютъ въ своей землѣ. Говорятъ, великій князь обрадовался приходу столькихъ людей и разселилъ ихъ по волжскимъ городамъ [2]). Но эта радость объ умноженіи населенія продолжалась очень недолго, потому что Татары, разоривъ страну Болгаръ, въ слѣдующемъ же году направились, подобно саранчѣ, на сѣверовосточную Русь, гдѣ, раздѣлившись на нѣсколько отрядовъ, разсѣялись по разнымъ направленіямъ, брали города, жгли и опустошали всё; несчастный, испуганный народъ бѣжалъ въ страхѣ, самъ не зная куда. Особенно должно было пострадать отъ нихъ Поволжье, гдѣ въ это время бы-

---

[1]) Очерки Н. Барсова 149 с.

[2]) Ист. Росс. Татищева III, 465 с.

ло уже не мало городовъ и населеніе мѣстами было довольно густое [1]). Въ продолженіе одного мѣсяца Татары овладѣли 14 русскими городами, кромѣ слободъ и погостовъ: „нѣсть мѣста, ни вси, ни селъ тацѣхъ рѣдко идеже не воеваша“; все опустошили они до самаго почти Новгорода Великаго. Въ Твери, въ Ярославлѣ, въ Юрьевѣ и въ Городцѣ они побывали: „поплѣниша все по Волзѣ“, говоритъ лаконически, но многозначительно лѣтопись о ихъ хозяйничаньѣ въ этихъ мѣстахъ [2]). Нашествіе Татаръ и утвержденіе ихъ власти въ Поволжьѣ и надъ Русью надолго остановило колонизаціонное движеніе русскаго народа на востокъ по Волгѣ; позднѣе оно снова совершается, но уже въ сѣверовосточномъ направленіи [3]).

---

[1]) Архивъ ист. и практ. свѣд. о Россіи, Н. Калачова II. «Записка о городѣ Калязинѣ», 5—6 с.

[2]) Лавр. лѣт. 1237 г. Сузд. лѣт. 1237—1238 гг.

[3]) Ист. Росс. С. Соловьева III, 352 с.

ГЛАВА II.

Русь приднѣпровская и сѣверовосточная послѣ нашествія Монголовъ. Переселеніе съ юга на сѣверовостокъ. Дѣятельность князей сѣверовосточной Руси въ своихъ княжествахъ въ XIV в. Нижегородское княжество и его значеніе въ это время. Дѣятельность его князей. Татары и ушкуйники въ Поволжьѣ. Присоединеніе Нижегородскаго княжества къ Москвѣ. Луговая сторона Волги въ началѣ XV в. Преподобный Макарій. Пребываніе Макарія въ Юрьевскомъ уѣздѣ. Дѣятельность преподобнаго на Желтыхъ водахъ. Вторженія Татаръ и послѣдній періодъ дѣятельности преподобнаго Макарія. Колонизаціонное движеніе во второй половинѣ XV в. Макарій Калязинскій. Рыболовный промыселъ въ Поволжьѣ.

Послѣ погрома татарскаго югъ и сѣверъ Россіи представляли повидимому одинъ и тотъ же видъ—разоренія и опустошенія. На самомъ же дѣлѣ Приднѣпровье, которое, какъ извѣстно, подвергалось издавна и постоянно нашествію степныхъ народовъ, теряло въ такихъ случаяхъ значительную часть своего населенія и предъ нашествіемъ Монголовъ было слабѣе сѣвера; поэтому татарское разореніе легло на него тяжелѣе и подняться ему было гораздо труднѣе. О состояніи сѣверовостока и приднѣпровской Руси въ это время отчасти можно судить по тому, какое впечатлѣніе произвелъ татарскій разгромъ на представителей Кіева и Владиміра. Ярославъ Всеволодовичъ, владимірскій князь, на слѣдующій же годъ послѣ на-

шествія Татаръ является въ свой городъ и вступаетъ въ свои права на радость сѣверному населенію; на юговостокѣ же страхъ предъ Татарами былъ такъ силенъ, что бывшій кіевскій князь боится воротиться въ Кіевъ и проживаетъ у своихъ сосѣдей—родственниковъ въ западной Россіи, питаясь ихъ подачками [1]). Самое населеніе сѣверовосточной Руси сравнительно довольно скоро опомнилось отъ страха предъ Татарами, вслѣдствіе чего мы встрѣчаемъ здѣсь протесты со стороны народа противъ самоуправствъ и насилій Монголовъ, протесты, которые не могли остаться безъ вліянія на нихъ: они нѣсколько сдерживали кровожадные инстинкты Татаръ [2]). Переселеніе митрополита съ юга на сѣверъ доказываетъ то же: лѣтописецъ говоритъ, что онъ на это рѣшился, „не стерпя насилья отъ Татаръ въ Кіевѣ", прибавляя далѣе, что весь Кіевъ разбѣжался отъ этихъ насилій [3]). Переселеніе съ юга на сѣверовостокъ столь авторитетнаго человѣка, какъ митрополитъ, не могло конечно, остановить на югѣ татарскихъ насилій; поэтому естественно было другимъ вліятельнымъ и со средствами людямъ слѣдовать по этому же пути, чтобы хоть такимъ образомъ избавиться отъ монгольскихъ притѣсненій. Но, какъ впослѣдствіи митрополитъ, оріентировавшись, перешелъ изъ Владиміра въ Москву, такъ и послѣдующія

---

[1]) Лавр. и Ипат. лѣт. 1238 г.

[2]) Такъ, въ 1262 году, по рѣшенію народнаго вѣча, изгнаны были Татары изъ городовъ Ростова, Суздаля и Ярославля «не терпяче насилья поганыхъ». Лавр. л. То же повторилось въ городѣ Ростовѣ въ 1289 и 1320 гг. (Сузд. лѣт.); въ 1326 г. въ гор. Твери. (Ник. III, 137 с.).

[3]) Лавр. л. 1300 г. Ник. л. III, 1299 г.

переселенія преимущественно направились въ это княжество, потому что его представитель (Калита) пользовался расположеніемъ хановъ, и оно, слѣдовательно, было безопасно отъ татарскихъ опустошеній. Извѣстія сохранились о переселеніи только выдающихся людей (вельможи съ довольно многочисленнымъ дворомъ и боярина), но, по справедливому замѣчанію автора „Исторіи Россіи", изъ этихъ выселеній мы можемъ заключить о переселеніи также и людей другихъ сословій, ибо причины, которыя ихъ побуждали къ выселенію, были болѣе общаго, чѣмъ спеціальнаго свойства [1]). На сколько въ это время на сѣверѣ дорожили людьми, лучше всего можно видѣть изъ того обстоятельства, что здѣсь нѣкоторыя княжества помѣщаютъ нерѣдко во взаимныхъ договорахъ условіе, чтобъ изъ извѣстныхъ волостей людей не выводили [2]). Рядомъ съ выселеніями съ юга, сѣверные князья стремятся прежнимъ порядкомъ увеличивать населеніе своихъ областей: въ войнѣ со своими соперниками они захватываютъ людей и уводятъ ихъ съ собою, выкупаютъ плѣнниковъ изъ орды и селятъ ихъ въ своихъ княжествахъ [3]). Но въ своихъ стремленіяхъ сѣверные князья встрѣчаютъ часто помѣху въ Монголахъ, которые своимъ грабежомъ и опустоше-

---

[1]) Ист. Карамзина IV, прим. 324. Истор. Рос. С. Соловьева IV, 132 с.

[2]) «А изъ Бѣжицъ, княже, людьи не выводити въ свою волость ни зъ иныхъ волостьи Новгородскихъ». Собр. госуд. грам. и дог. I, № 7 и 8. Догов. грам. 1305 г. Великаго Новгорода съ вел. княз. Михаиломъ Ярославичемъ тверскимъ. Это же условіе повторяется и въ договорн. грам. съ Москвою отъ 1434 и 1456 гг. См. А. И. I, № 256 и А. А. Э. I, № 57.

[3]) Ист. Рос. С. Соловьева III, 859 с. IV, 132 с.

ніями вызываютъ иногда движеніе въ населеніи. Особенно страдало отъ нихъ Низовье: въ 1322 г. съ Иваномъ Даниловичемъ въ Русь пришелъ изъ орды посолъ Ахмылъ, „силенъ зѣло", взялъ Ярославль и вывелъ съ собою множество плѣнниковъ въ орду [1]). Кромѣ этого, и княжескія междоусобія по прежнему были причиною того, что населеніе уходило изъ областей, подвергавшихся нападенію, и только наступающій миръ побуждалъ иногда людей возвращаться обратно въ свои дома [2]).

Особенное стараніе должны были прилагать къ увеличенію населенія своей области тѣ князья, которымъ достались княжества, населенныя инородцами, людьми чуждыми Руси по вѣрѣ и языку. Подобнымъ княжествомъ было Суздальско-Нижегородское, и главнымъ образомъ его восточная сторона, гдѣ еще такъ недавно всецѣло господствовали мордовскіе князья. Уже объ основателѣ Нижняго Новгорода говорится, что онъ „поганую Мордву отогналъ, жилища ихъ и зимницы разорилъ", слѣдовательно стремился ослабить и устрашить мѣстное инородческое населеніе, дабы такимъ образомъ упрочить свою власть въ новопріобрѣтенной области [3]). Но подобное утвержденіе русской власти врядъ ли могло быть прочно: для этого требовались мѣры болѣе дѣйствительныя, которыя могли быть приняты только въ то время, когда суздальскіе князья, побуждаемые отчасти соперничествомъ съ князьями московскими, обратили вниманіе свое на Нижній, куда скоро перенесли и столъ свой.

[1]) Ник. л. III, 1322 г.

[2]) Ник. л. III, 1347 и 1348 гг.

[3]) Вивл. 18-я ч. Нижегород. лѣт. 1227 г.

Нижній долженъ былъ обратить на себя вниманіе мѣстныхъ князей еще и вслѣдствіе тѣхъ условій, которыя наступили для Руси въ XIII и XIV столѣтіяхъ.

Раньше уже было указано на торговое значеніе Волги для различныхъ племенъ, которыя жили по ней и принимали болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ сношеніяхъ съ азіатскимъ востокомъ и отчасти съ европейскимъ западомъ. Вторженіе Монголовъ и страхъ, ими навѣянный, остановилъ на время торговое движеніе на востокѣ Европы: „изъ этихъ (восточно-европейскихъ) странъ не привозили болѣе ни черныхъ лисицъ, ни бѣлокъ, ни бобровыхъ шкуръ и никакихъ другихъ товаровъ, которые обыкновенно привозимы были изъ этихъ странъ; когда же Татары удалились, большія дороги опять оживились купцами и опять начали доставлять товары изъ тѣхъ странъ на востокъ (Азію)“ [1],—такъ повѣствуетъ арабскій писатель о 1223 годѣ и о времени, непосредственно слѣдовавшемъ за нимъ. Подчинивъ своей власти Русь, Татары сами расположились на низовьяхъ рѣки Волги въ обширныхъ степяхъ, удобныхъ для кочевой жизни и напоминавшихъ имъ отчасти родную Азію. Здѣсь, на берегу многоводной еще въ то время Ахтубы, они построили себѣ юртъ-Сарай, нѣкогда столь памятный русскимъ князьямъ. Такимъ образомъ политическимъ центромъ для русскихъ князей стало на долгое время волжское низовье. Путешествія русскихъ въ орду должны были совершаться довольно часто, потому что споры о волостяхъ всего чаще разрѣшались въ ордѣ; всякій князь, прежде чѣмъ вступить на престолъ,

---

[1]) «Ибнъ-Даста» Хвольсона 188 стр.

долженъ былъ добыть себѣ ярлыкъ на княженіе также въ ордѣ; къ каждому хану, вновь появившемуся въ Сараѣ, русскіе князья являлись обыкновенно либо для обновленія своихъ ярлыковъ, либо просто на поклонъ своему новому властелину [1]). Вслѣдствіе непроходимыхъ лѣсовъ и степей, которые наполняли собою огромное пространство между Сараемъ и сѣверовосточною Русью, подобныя путешествія удобнѣе могли совершаться водою, т. е. притоками р. Оки, затѣмъ Окою и Волгою [2]). Но и восточная торговля, остановившаяся на время отъ татарскаго погрома, начинаетъ оживать и впослѣдствіи развивается, благодаря покровительству Монголовъ, которые несомнѣнно получали отъ нея свои выгоды [3]); полагаютъ даже, что одновременное господство Монголовъ на берегахъ Волги и въ средней Азіи способствовало развитію восточной торговли [4]). При такихъ обстоятельствахъ должно было выясниться и подняться значеніе области, находившейся при сліяніи Оки и Волги. Вѣроятно, поэтому дальновидные московскіе князья уже въ лицѣ первыхъ князей своихъ стремятся утвердить свою власть въ Нижнемъ Новгородѣ [5]). Но уже въ 1341 году, по распоряженію хана, Владиміръ и Москва достались Симеону, сыну умершаго Калиты, а Суздаль и Нижній его родственнику, Константину Васильеви-

---

[1]) Ник. III, 1352, 1356, 1358 гг.—П. с. р. л. VIII. 1360, 1377 гг.

[2]) Ист. Рос. Соловьева IV, 263 с.

[3]) Ник. л. III, 1359 г.

[4]) Ист. Рос. С. Соловьева IV, 264 с.

[5]) Въ 1311 или 1312 году Нижнимъ Новгородомъ владѣлъ Юрій московскій; а въ 1340 г. княжилъ въ Нижнемъ Симеонъ, впослѣдствіи извѣстный подъ именемъ Гордаго. Ниж. Губ. Вѣд. 1847 г. № 4. Ист. Рос. С. Соловьева III, 270.

чу [1]). Послѣдній, быть можетъ, съ цѣлію усилить княжество перенесъ свой столъ изъ Суздаля въ Нижній Новгородъ; отсюда онъ старался расширить предѣлы своей области на счетъ Мордвы, которая еще обитала въ это время по Волгѣ, Окѣ, Кудьмѣ *) и нѣкоторымъ сосѣднимъ рѣкамъ. Чтобы упрочить здѣсь свою власть, Константинъ Васильевичъ, по словамъ лѣтописи, „повелѣ русскимъ людямъ селиться по рѣкамъ Окѣ, Волгѣ, Кудьмѣ и на мордовскихъ жилищахъ, гдѣ кто похощетъ" [2]). Не изъ одной только Суздальской области, но и изъ сосѣднихъ княжествъ стремилось сюда русское населеніе, привлекаемое обыкновенно княжескими льготами и милостями [3]). Такимъ образомъ князь населилъ эту область русскими людьми и распространилъ свою власть по Волгѣ до впаденія въ нее р. Суры [4]).

Относительно внѣшнихъ отношеній нижегородскаго князя Константина Васильевича можно привести краткія и выразительныя слова лѣтописи, что онъ княжилъ „честно и грозно, бороня отчину свою отъ Татаръ и отъ сильныхъ князей"; послѣднее выраженіе, быть можетъ, намекаетъ на современника Константинова, московскаго князя Симеона, получившаго отъ своихъ соотечественниковъ за свои отношенія къ остальнымъ князьямъ прозваніе Гордаго [5]).

Константинъ Васильевичъ намѣтилъ путь, которымъ должны были идти его преемники, чтобы усилить и

---

[1]) Т. I. П. с. л. Сузд. лѣт. 1341 г. Ниж. Губ. Вѣд. 1847 г. № 4.

*) Кудьма—небольшой притокъ Волги, съ правой стороны.

[2]) Рус. Вивл. ч. 18. Нижегор. лѣт. 72 с.

[3]) Русс. Вѣст. 1867 г. 6 ч. «Очерки Мордвы» П. Мельникова, 502.

[4]) Нижегор. Губ. Вѣд. 1847 г. № 4.

[5]) Ibidem.

укрѣпить навсегда за Россіею свою область. Послѣ смерти его сыновья продолжали заселеніе нагорной стороны за р. Кудьму: селенія и рыбныя ловли по Волгѣ, принадлежавшія Борису Константиновичу, доходили уже до устья р. Суры [1]). Нѣкоторые изъ болѣе богатыхъ и предпріимчивыхъ купцовъ нижегородскихъ, возбуждаемые, быть можетъ, примѣромъ своихъ князей, рѣшились около этого времени заняться тоже заселеніемъ земель: Тарасъ Петровъ, одинъ изъ богатѣйшихъ купцовъ нижегородскихъ, купилъ себѣ у князя въ вотчину шесть селъ на рѣчкѣ Сундовакѣ [*]) и населилъ ихъ разными плѣнными людьми, которыхъ онъ самъ и выкупилъ [2]). Въ то время, какъ все это совершалось на Руси, въ ордѣ происходили событія, которыя, вслѣдствіе извѣстныхъ къ ней отношеній Россіи, не могли остаться безъ вліянія для послѣдней. Въ ордѣ началось, по словамъ лѣтописи, „нестроеніе и замятня многа", послѣ которыхъ появились двѣ независимыя орды, съ двумя царями во главѣ ихъ [3]). Предводитель каждой орды старался извлечь для себя какъ можно больше выгодъ. Ярлыки въ это время продавались русскимъ князьямъ безъ вниманія къ отношеніямъ князей и къ ихъ наслѣдственнымъ правамъ и старѣйшинству [4]). Одни изъ татарскихъ князей въ этотъ періодъ времени отдѣлились и, подчинивъ себѣ часть Мордвы, основали особую орду [5]).

---

[1]) П. с. л. VIII, 1367. А. А. Э. I, № 12.

[*]) Сундовакъ—притокъ Волги, съ правой стороны, за р. Кудьмою.

[2]) Рус. Вивл. ч. 18; Нижегор. лѣт. 1371 г.

[3]) Ник. л. III, 1360 и 1361. П. с. л. VIII т. 1360 г.

[4]) П. с. л. VIII т. 1360, 1365, 1371 гг.

[5]) Рус. Вѣст. 1867 г. 6 ч. 503 с.

Другіе, какъ Булатъ-Темиръ, овладѣли городами и улусами по Волгѣ рѣкѣ и, захвативши такимъ образомъ волжскій путь, старались обогатиться грабежомъ и разбоемъ. Не стѣсняясь зависимостью Руси отъ своихъ соплеменниковъ, Булатъ-Темиръ вторгся Волгою въ предѣлы Нижегородской области и ограбилъ Нижегородскій уѣздъ до р. Сундовака; селенія князя Бориса Константиновича, находившіяся въ Поволжьѣ, подверглись участи, общей со всѣми другими поселеніями мѣстности. Нижегородскій князь Дмитрій Константиновичъ вмѣстѣ съ своими дѣтьми и Борисомъ Константиновичемъ выступилъ противъ Татаръ, которые разграбили уѣздъ и ушли обратно такъ скоро, что князь могъ настигнуть и наказать только отставшихъ почему-либо [1]). Подобныя опустошенія заставляли такихъ богатыхъ землевладѣльцевъ въ этихъ мѣстахъ, какъ Тарасъ Петровъ, покидать не только свои вновь устроенныя вотчины, но и самое княжество Нижегородское и переселяться въ Москву, которая сравнительно была гораздо безопаснѣе отъ такихъ случайностей [2])

Выгодное въ торговомъ отношеніи мѣстоположеніе Нижняго и его области, дававшее возможность здѣшнимъ людямъ легко наживаться отъ торговли и отъ различныхъ промысловъ, должно было привлекать сюда толпы не однихъ только Татаръ, но и своихъ удальцовъ, которые также стремились поживиться на счетъ населенія. Дошедшія до насъ извѣстія подтверждаютъ, что Нижній Новгородъ не одинъ разъ былъ осаждаемъ

---

[1]) П. с. л. VIII т. 1367 г.

[2]) Вивл. ч. 18 Нижег. лѣт. 1371 г. 78 с.—Ист. Росс. С. Соловьева III, 324 с

и разграбленъ толпами смѣлыхъ удальцовъ *). Впрочемъ не одинъ Нижній Новгородъ, а все Поволжье терпѣло отъ „разбойниковъ-ушкуйниковъ", которые иногда „безъ новгородскаго слова", подъ предводительствомъ свободно избранныхъ начальниковъ, гуляли по Волгѣ, Ветлугѣ, Камѣ и Вяткѣ, грабя безъ разбору своихъ и чужихъ, христіанъ и бусурманъ. По временамъ они вступали въ сраженія съ княжескими воеводами, захватывали въ свои руки большіе города по Волгѣ (Ярославль, Кострома, Нижній и Болгары перебывали у нихъ въ рукахъ), съ которыхъ иногда довольствовались значительнымъ окупомъ; иногда же располагались въ нихъ на нѣсколько дней, распоряжаясь такимъ образомъ: найденное имущество выносили на средину города и, что́ было получше и полегче, брали себѣ, а что̀ потяжелѣе, то бросали въ Волгу, а иное жгли; множество людей, безъ различія возраста и пола, уводили обыкновенно въ плѣнъ съ собою. Своихъ плѣнниковъ ушкуйники сбывали чаще всего въ Казани или въ Астрахани, откуда не всегда возвращались „по здорову" домой, потому что, получивъ иногда отъ князя астраханскаго „многу честь и кормы", упивались „аки мертвы", и въ такомъ состояніи съ ними легко покончивали астраханцы [1]).

Подобные грабежи, со стороны новгородскихъ ушкуйниковъ и татаръ, населенія, расположеннаго около Волги, должны были необходимо вызывать противодѣйствіе со стороны князей, жившихъ здѣсь и близ-

*) Относительно разграбленій Нижняго Новгорода Татарами въ XIV ст. см. Вивл. ч. 18. Ниж. лѣт. 75—77 с.

[1]) Ibidem 1378 г. П. с. л. VIII, 1371, 1374, 1375, 1391, 1392 гг. Ник. IV, 1374 г.

ко заинтересованныхъ въ торговлѣ и благосостоянiи своихъ людей. Противъ ушкуйниковъ высылаемы были ратные люди, которые нерѣдко убивали ихъ вмѣстѣ съ предводителями; иногда князья воевали съ самимъ Новгородомъ за грабежи и опустошенiя, производимые его гражданами [1]). Относительно Татаръ, сосѣднихъ съ Русью, русскiе князья въ эту эпоху уже рѣшаются дѣйствовать въ томъ же наступательномъ направленiи, какъ въ прежнее время противъ Болгаръ. Въ первомъ удачномъ походѣ (1376 г.), предпринятомъ на Казань соединенными усилiями князей московскаго и нижегородскаго, отчасти высказался и планъ будущихъ дѣйствiй Россiи по отношенiю къ этому татарскому царству: за разоренiя русскихъ областей отплачивать опустошенiемъ ихъ жилищъ и поселенiй, показывая этимъ, что земли ихъ могутъ въ свою очередь быть доступны русскому войску; кромѣ того, поставить ихъ въ нѣкоторую зависимость отъ Россiи, чтобы на будущее время избавиться отъ ихъ вторженiй [2]). Спустя годъ послѣ этого похода, лѣтомъ, мордовскiе князья навели тайно на Русь татарскую рать; вѣроятно, поэтому князья московскiй и нижегородскiй послали зимой свои войска на Мордовскую землю, опустошили её, взрослыхъ жителей перерѣзали, а женъ и дѣтей плѣнили, такъ что мало кто изъ нихъ спасся [3]).

Кромѣ походовъ, для защиты промышленниковъ и вновь поселившихся на р. Волгѣ земледѣльцевъ въ

---

[1]) П. с. л. VIII т. 1366, 1379, 1386 г.г.

[2]) Ник. л. IV, 1375 г., 47 стр. П. с. л. VIII т., 1376 г. Рус. Вивл. ч. 18, Ник. лѣт. 74 с.

[3]) П. с. л. VIII, 1377 г.

1372 году построенъ былъ на р. Сурѣ городокъ Курмышъ *). Для этой же цѣли, по всей вѣроятности, назначались и семейства, которыя были поселены на Оленьей горѣ **) и на которыхъ, какъ извѣстно, была возложена обязанность защиты въ случаѣ осаднаго времени [1]). Всѣми этими и подобными имъ мѣрами нижегородскіе князья достигли того, что населеніе ихъ области, а слѣдовательно, и значеніе увеличилось. Но это-то увеличившееся значеніе и побудило, вѣроятно, московскаго князя воспользоваться слабымъ характеромъ нижегородскаго князя Бориса Константиновича, чтобы присоединить его владѣнія къ Московскому княжеству. Зная продажность Татаръ, московскій князь Василій вскорѣ послѣ своего вступленія на престолъ поѣхалъ въ орду, подкупилъ дарами и золотомъ ордынскихъ князей, которые склонили на его сторону царя Тохтамыша, въ свою очередь взявшаго отъ Василія „много злата, сребра и дары великіе". За это московскій князь получилъ отъ царя ярлыкъ сперва на Нижній, а потомъ на Городецъ, что́ на Волгѣ, и нѣкоторые другіе города Нижегородской области. При помощи боярина Румянца, измѣнившаго князю Борису, этотъ послѣдній былъ захваченъ московскимъ княземъ, и Нижній получилъ московскихъ

*) Курмышъ помордовски значитъ деревня. Не указываетъ ли это на то, что прежде здѣсь было мордовское поселеніе?

**) Гора Оленья находится въ Нижегор. губ. около села Лыскова, отъ котораго отдѣляется рѣкою Сундовакомъ. По сказаніямъ лѣтописей, встарину она была укрѣплена съ одной стороны валомъ.

[1]) Ibid. 1372 г.—Гор. посел. Рос. Имп. IV, 533. Ниж. Губ. Вѣд. 1850 г. № 16.

намѣстниковъ [1]). Хотя, спустя нѣсколько лѣтъ, Семенъ Дмитріевичъ, сынъ бывшаго нижегородскаго князя, и явился вмѣстѣ съ казанскими Татарами подъ Нижній, но только обманомъ они могли войти въ него и разграбить. Московскій князь, въ свою очередь, не остался въ долгу у Татаръ: онъ отплатилъ имъ разореніемъ ихъ городовъ, между которыми находилась и самая Казань. Послѣдняя оставалась разоренною до тѣхъ поръ, пока татарскій царь Улу-Махметъ не овладѣлъ ею и не возобновилъ её на зло Россіи [2]).

Уже находясь въ плѣну, Борисъ Константиновичъ, бывшій князь нижегородскій, незадолго до своей смерти (1393 г.) пожаловалъ Спасско-Благовѣщенскому монастырю свои пахотныя земли („роздерти"), рыбныя ловли и бобровые гоны по р. Сурѣ, отъ рѣчки Курмышки внизъ до Волги [3]). Благодаря монастырской дѣятельности, здѣсь стали скоро появляться цѣлыя поселенія, какъ наприм. Мигино и другія [4]). Вмѣстѣ съ присоединеніемъ къ Москвѣ Нижегородскаго княжества центромъ восточно-колонизаціоннаго движенія по Волгѣ становится Москва [5]). Такъ какъ князья московскіе обладали несомнѣнно болѣе значительными средствами, чѣмъ бывшіе нижегородскіе, то и колонизація правой, нагорной стороны Волги, до

---

[1]) Ник. л. IV, 1391 г. 239—241 с.с.

[2]) Ibid. 1396 г., 267 с. Ник. VII, 1555 г., 233 с. П. с. л. VIII, 1446 г. Опытъ Казан. ист. Рычкова 81—82 с. Ист. Карамз. V т. (1-е изд.), 264 с.

[3]) А. А. Э. I, № 12.

[4]) Ibid. № 17.

[5]) Собр. соч. Ешевскаго III, 632 с.

впаденія Суры *), по всей вѣроятности, продолжалась безъ остановки. Въ началѣ XV вѣка на р. Сундовакѣ, на которой такъ неудачно поселился въ предшествовавшемъ столѣтіи Тарасъ Петровъ, мы встрѣчаемъ уже Лысково съ московскимъ намѣстникомъ. Это послѣднее обстоятельство указываетъ на то, что эти мѣста оправились отъ татарскихъ опустошеній и заселились въ такой степени, что потребовали учрежденія особаго намѣстничества [1]).

Въ то время, какъ правая, нагорная сторона Волги хотя съ большими трудностями, но заселялась постепенно русскими людьми, лѣвая, низменная сторона ея была покрыта еще „непроходными лѣсами и блаты и дебрьми" [2]), посреди которыхъ, извиваясь, текли болѣе или менѣе значительныя рѣки. На правой сторонѣ, которая всегда была въ непосредственной связи съ Русскими княжествами, успѣла выясниться граница между русскими и татарскими владѣніями (по теченію р. Суры), между тѣмъ какъ на низменной сторонѣ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Нижняго Новгорода уже начинались непроходимые лѣса, среди которыхъ лишь изрѣдка попадались полудикіе инородцы, рыскавшіе съ цѣлью грабежа и убійства. Понятно, что здѣсь и рѣчи не могло быть о границахъ. Даже позднѣе, въ началѣ XVI столѣтія, Россія и Казань одинаково присвоивали себѣ право надъ народами, обитавшими въ здѣшнихъ лѣсахъ [3]). Чтобы рѣшиться

*) Р. Сура была границею между Казанскимъ царствомъ и Московскимъ княжествомъ.

[1]) Ник. л. V, 1409 г. 29 с.—Акты А. Э. т. I, № 21.

[2]) Рукоп. житіе препод. Макарія Желтоводскаго, л. 65.

[3]) Путеш. Герберштейнна Базельское изданіе 1563 г.), 95 с.

на постоянное жительство въ такихъ мѣстахъ, необходимо было быть человѣкомъ особаго закала: нужно было не страшиться дикихъ звѣрей, которыми были наполнены лѣса, не бояться одиночества и его естественныхъ спутниковъ — безпомощности и нужды. Въ подобныхъ людяхъ древняя Русь никогда не имѣла недостатка, особенно въ такое время, когда благочестивые люди должны были быть глубоко поражены уничиженіемъ христіанской Руси предъ азіатскими кочевыми выходцами [1]). Къ этому присоединяются нѣкоторыя физическія явленія, которыя случились около половины XIV вѣка: страшное моровое повѣтріе, опустошившее Русь, засуха и голодъ; они произвели то, что, по словамъ лѣтописца, „опустѣ земля вся и порастѣ лѣсомъ и бысть пустыни непроходимыя всюду". Это, въ соединеніи съ значительными пожарами, посѣщавшими нерѣдко Россію, наводило „скорбь велію, страхъ и трепетъ на всѣхъ человѣцѣхъ", и должно было усилить религіозное настроеніе людей, которые обыкновенно видѣли въ этомъ казнь за грѣхи и напоминаніе о покаяніи [2]). Съ этимъ именно временемъ совпадаютъ первые шаги въ жизни человѣка, рѣшившагося поселиться за Нижнимъ на низменныхъ и пустынныхъ берегахъ волжскихъ, чтобъ сдѣлать ихъ достояніемъ христіанской культуры [*]).

---

[1]) Полное соб. соч. Ежевскаго III, 640.

По замѣчанію преосвящ. Макарія, во время владычества монголовъ надъ Русью въ 200 лѣтъ обителей было основано вдвое болѣе, чѣмъ до того въ 2½ вѣка. Ист. Рус. церкв. IV, 163 с.

[2]) Лав. л. 1068, 1185 гг. II. с. л. VIII т. 1364 г. Ник. лѣт. III, 1351 г. IV, 1360—1366 гг.

[*]) Для изображенія жизни и дѣятельности преподобнаго Ма-

Около половины XIV-го вѣка въ Нижнемъ Новгородѣ, въ зажиточномъ купеческомъ семействѣ, родился мальчикъ, котораго родители съизмала брали обыкновенно съ собою въ церковь. На впечатлительную дѣтскую натуру должна была производить большое вліяніе церковная служба, которая, въ соединеніи съ благочестивыми разговорами въ семьѣ, возбуждала въ ребенкѣ религіозное настроеніе. По достиженіи извѣстнаго возраста мальчика вмѣстѣ съ его сверстниками отдали для обученія грамотѣ.

Въ трехъ верстахъ отъ города находился Печерскій монастырь, куда, по всей вѣроятности, благочестивое семейство иногда ходило къ божественной службѣ *). Уваженіе, съ которымъ въ то время всѣ

карія Желтоводскаго я пользовался сочиненіемъ проф. Іеромонаха Макарія, подъ заглавіемъ «Сказаніе о жизни и чудесахъ препод. Макарія Желтоводскаго и Унженскаго чудотворца», 1850 г., въ 2-хъ небольшихъ частяхъ. Кромѣ этого, я пользовался рукописнымъ житіемъ, подъ заглавіемъ «Житіе и подвизи преподобнаго и богоноснаго отца нашего Макарія, Желтоводскаго и Унженскаго чудотворца». Рукопись въ полулиста, писана полууставомъ, на 230 листахъ, принадлежитъ В. О. Ключевскому, который обязательно сообщилъ ее мнѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми варіантами изъ другихъ рукописей. Замѣчательна эта рукопись по своей полнотѣ и обстоятельности. Самъ составитель рукописи говоритъ: «прежде писанная отъ различныхъ списателей о немъ (Макаріи) повѣтствованія воедино собрахъ». Изъ варіантовъ другихъ рукописей (Троицкой и Соловецкой библіотекъ) особенно интересны данныя, представляемыя рукописью Соловецкой библіотеки. Подробности о послѣднихъ редакціяхъ см. въ соч. В. О. Ключевскаго «Древнерусскія житія святыхъ», 324 с.

*) Вслѣдъ за разсказомъ объ уходѣ сына въ Печерскій монастырь, въ житіи говорится о посѣщеніи этого семейства знакомымъ печерскимъ старцемъ, отъ котораго отецъ узналъ о пребываніи своего сына въ монастырѣ.

вообще относились къ духовному лицу, особенно же къ монаху, должно было также производить впечатлѣніе на грамотнаго мальчика; онъ сталъ довольно часто посѣщать Печерскій монастырь, гдѣ иногда слушалъ чтеніе изъ житія святыхъ, чтимыхъ нашею церковью. Они возбуждали въ любознательномъ ребенкѣ нѣкоторые вопросы, съ которыми онъ обращался къ авторитетнымъ въ его глазахъ людямъ—къ печерскимъ монахамъ. „Съ етеры“ изъ нихъ, по словамъ житія, отрокъ „любяше бесѣдовати и вопрошати ихъ о человѣчестѣмъ спасеніи, имъ же хвалящимъ житіе иноческаго пребыванія; слышавъ же сія дѣтище зѣло распаляшеся сердечнымъ пламенемъ; и тако любяше иноческій чинъ и бысть ему желаніе облечися во святый иноческій образъ“. Вѣроятно, родители предназначали Макарія, какъ своего единственнаго сына, къ торговой дѣятельности, которою занимался его отецъ, потому что двѣнадцатилѣтній Макарій долженъ былъ „отай родителей“ уйти въ Печерскій монастырь, гдѣ игуменъ постригъ его и принялъ въ свою келью. Въ обители Макарій сталъ упражняться въ духовныхъ подвигахъ и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ превзошелъ всѣхъ.

Распространившаяся о немъ слава гонитъ Макарія изъ Печерскаго монастыря, и онъ тайно уходитъ въ пустыню. Ходя по пустыннымъ мѣстамъ на правой сторонѣ Волги, Макарій встрѣчается, по преданію, и знакомится съ преподобнымъ Тихономъ, Луховскимъ чудотворцемъ, который, подобно ему, искалъ безмолвія въ этихъ мѣстахъ. Одинаково любя уединеніе, монахи пожелали спасаться вмѣстѣ и поселились при

сліяніи двухъ рѣчекъ—Луха и Добрицы [1]). Но окрестные крестьяне, вѣроятно, изъ опасенія, чтобы ихъ земля, какъ это иногда бывало, не отошла къ монастырю, который могли здѣсь основать пустынники, прогнали ихъ отсюда [2]). Послѣ этого они положили разстаться другъ съ другомъ и разошлись въ разныя стороны. Тихонъ отправился вверхъ по р. Луху и, въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ прежняго мѣста, на рѣкѣ Лухѣ и Возополи основалъ Никольскую пустынь. Макарій между тѣмъ пошелъ по р. Добрицѣ и, пройдя около 60 верстъ, остановился въ Юрьевскомъ уѣздѣ, на правомъ берегу Волги, гдѣ недалеко отъ слободы Решмы, построилъ себѣ маленькую хижину, въ которой поселился и жилъ нѣкоторое время „единъ о Бозѣ", по выраженію житія [3]). Но скоро о немъ распространяется слава, и многіе люди, покидая міръ, собираются около него. Такимъ образомъ Макарій соединяетъ здѣсь братію, строитъ церковь и ограждаетъ обитель. Но, устроивши монастырь, онъ начинаетъ тяготиться почетомъ и людскими похвалами и, желая „конечнаго безмолвія", рѣшается покинуть обитель. Предъ своимъ уходомъ Макарій назначилъ братіи игумена, а самъ ушелъ, не сказавъ никому, куда.

На этотъ разъ преподобный рѣшилъ направиться на лѣвый берегъ Волги, во „внутреннюю пустыню",

---

[1]) Сказаніе о жизни и чудесахъ препод. Макарія I, 29—30 с. Рѣка Лугъ, или Лухъ—притокъ р. Клязьмы во Владимірской губерн.

[2]) Ibidem. Житіе Макарія Калязинскаго рукоп. Соловец. биб., л. 370. Ист. Рос. С. Соловьева IV, пр. 595.

[3]) Рукоп. л. 54. «Сказаніе» проф. Макарія I, 31 с.

гдѣ, шествуя по непроходимымъ мѣстамъ, остановился наконецъ на лѣвомъ берегу Волги, около озеръ, на такъ называемыхъ Желтыхъ водахъ *). Здѣсь Макарій для пребыванія своего создаетъ „зѣло малу пещеру". На новомъ мѣстѣ Макарій жилъ сперва одинъ, но скоро и тутъ о немъ прошла молва, и онъ сталъ извѣстенъ на Желтыхъ водахъ не только „въ народѣхъ, но и въ князѣхъ благочестивыхъ". Поэтому и здѣсь стали его посѣщать многіе, нѣкоторые же, отрекшись отъ міра, пожелали и жить съ нимъ: „зане братолюбивъ бяше зѣло во общемъ жительствѣ". По прошествіи нѣкотораго времени Макарій построилъ церковь, и къ нему стеклось много братіи, которая избрала его своимъ игуменомъ. Обаятельное впечатлѣніе долженъ былъ на всѣхъ производить этотъ восьмидесятипятилѣтній старецъ **), который, не смотря на свои года, никогда не оставался безъ дѣла: мололъ, пекъ и варилъ для всѣхъ пищу, „мня себе не наставника и учителя, но яко раба и послушника". Поэтому неудивительно, что къ нему „отвсюду стекахуся міряне множайшіи", которые захотѣли „жительствовать" съ нимъ.

Такъ какъ Макарій поселился въ странѣ, гдѣ жили инородцы—язычники (Черемисы), то онъ по необходимости съ самаго начала своего поселенія здѣсь долженъ былъ соприкасаться съ ними. Его жизнь и мирная дѣятельность въ этихъ мѣстахъ пріобрѣли ему

*) Напротивъ впаденія въ Волгу р. Сундовака.

**) По предположенію проф. Макарія, преподобному во время нападенія Мамотяка было 90 лѣтъ; обитель же Желтоводская существовала только 5 лѣтъ. «Сказ. о чуд. Макаріи» проф. Макарія I, 37—42.

симпатіи этихъ дикарей, которые, „зряще нестяжательное его въ пустыни пребываніе“ удивлялись терпѣнію преподобнаго при перенесеніи тягостей одиночества и при добываніи своего пропитанія; они умилялись сердцемъ и приносили ему, „яже на потребу“, пшеницу и медъ. Макарій, въ свою очередь, не только христіанъ, „но и приходящихъ къ нему сарацынъ любезно пріимаше и упокоиваше“. Вслѣдствіе этого преподобный не своими только, но и „погаными“ былъ „славимъ“. Вскорѣ благочестивые люди стали жертвовать на потребу св. обители „отъ имѣній своихъ“, такъ что она могла вполнѣ устроиться.

Безъ воинскаго шума и безъ оружія, Макарьевская обитель и села, появившіяся около нея, водворили христіанскую культуру на дѣвственной до тѣхъ поръ почвѣ Поволжья. Но эти поселенія находились въ сосѣдствѣ съ Татарами и отдѣлялись отъ остальной Россіи всею шириною р. Волги съ одной стороны, а съ другой непроходимыми лѣсами, слѣдовательно отчасти были изолированы. Татары, между тѣмъ, въ эту эпоху хотя и значительно ослабѣли отъ внутреннихъ междоусобій, но среди нихъ отъ времени до времени все еще появляются энергическія личности, умѣющія возбудить въ нихъ хищническіе инстинкты и направить ихъ на Россію. И теперь еще они могутъ временами разсыпаться по всей землѣ, по городамъ, волостямъ и селамъ,—могутъ въ нихъ располагаться и хозяйничать, „аки зліи волцы“, оставляя въ русской землѣ по своемъ уходѣ „плачъ неутѣшимъ и рыданіе и кричаніе“; и въ началѣ XV вѣка можно было еще видѣть, какъ отряды татарскіе уводили въ плѣнъ съ собою изъ Руси толпы

крѣпко связанныхъ людей, при чемъ на одного татарина приходилось 40 человѣкъ русскихъ [1]).

Въ тридцатыхъ годахъ XV столѣтія въ ордѣ произошла „замятня", впрочемъ нерѣдкая тамъ въ послѣднее время. Одинъ изъ царей Золотой орды, Улу-Махметъ, прогнанъ былъ изъ Сарая своимъ братомъ и бѣжалъ въ Россію; здѣсь онъ жилъ сперва въ Бѣлевѣ, затѣмъ мы встрѣчаемъ его въ Нижнемъ Новгородѣ, подъ Муромомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ русскихъ городахъ. Впослѣдствіи онъ овладѣлъ Казанью, убилъ тамошняго князя и самъ расположился здѣсь царствовать, стараясь укрѣпиться и распространить предѣлы новаго своего царства [2]). Въ 1439 году Улу-Махметъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ сдѣлалъ набѣгъ на Нижній Новгородъ: онъ вторгся съ значительнымъ отрядомъ въ Нижегородскую область, гдѣ войска его, по обыкновенію, разсѣялись для грабежа, все опустошая на пути огнемъ и мечомъ. Русскіе люди въ такихъ случаяхъ сбѣгались обыкновенно въ города и съ помощью воеводъ защищались здѣсь отъ непріятеля. Такъ, по словамъ житія препод. Макарія, было и въ этотъ разъ. Города отсидѣлись, благодаря своимъ стѣнамъ, но многія беззащитныя „веси и села" сдѣлались достояніемъ пламени. Одною изъ первыхъ должна была на этотъ разъ пострадать и беззащитная обитель преподобнаго вмѣстѣ съ жилищами крестьянъ, которые поселились около монастыря. Разореніе было до того полное, что когда въ началѣ XVII ст. благочестивый

---

[1]) П. с. л., VIII, 1408 г.

[2]) Ibidem 1446 г. Ист. Рос. Татищева IV, 537. И. Г. Р. Карамзина V, прим. 289 и 329.

Авраамій захотѣлъ возобновить Желтоводскую обитель, то онъ долгое время, не взирая на усердные распросы окрестныхъ жителей и на свои личные поиски, не могъ найти того мѣста, гдѣ нѣкогда стоялъ монастырь: въ то время на этомъ мѣстѣ стояло глухое болото. Большую часть изъ жившихъ въ монастырѣ Татары „мечи яко класы зрѣлыя пожаша", а оставшихся въ живыхъ увели съ собою въ плѣнъ. Среди послѣднихъ находился и самъ преп. Макарій, который приведенъ былъ къ начальнику вмѣстѣ съ другими плѣнниками [1]). Извѣстность и популярность преподобнаго среди инородцевъ и Татаръ дошла до слуха самого татарскаго военачальника, который „поболѣ о немъ сердцемъ и зѣло сжалися", воиновъ же, приведшихъ его къ нему, съ гнѣвомъ укорялъ за то, что они оскорбили такого человѣка. Начальникъ сейчасъ же отпустилъ Макарія домой; но преподобный, замѣтивъ его расположеніе къ себѣ, рѣшился просить объ освобожденіи плѣнныхъ христіанъ съ ихъ женами и дѣтьми, которыхъ плѣнили въ сосѣднихъ селахъ, чтобъ они могли отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ Россію. Такихъ плѣнныхъ было 40 человѣкъ, кромѣ женъ и дѣтей. Ихъ всѣхъ съ имуществомъ отдалъ начальникъ Макарію, давъ ему „едину заповѣдь сію, да не пребудетъ на онѣхъ мѣстѣхъ Желтоводскихъ, рекъ ему: отиди отче не медля отъ мѣстъ сихъ, амо же хощеши, понеже земля та наша есть, Казанскому царству прилежащая". Похоронивъ съ дозволенія татарскаго началь-

---

[1]) Проф. Макарій въ своемъ сочиненіи предполагаетъ, что преподобный былъ приведенъ въ Казань къ самому Улу-Махмету, потому будто бы, что только онъ лично могъ отпустить плѣнныхъ обратно домой. Сказ. о чуд. I, 38—42 с.

ника убитыхъ христіанъ, Макарій запретилъ освобожденнымъ изъ плѣну возвращаться „на прежняя своя отъ поганыхъ разоренная селенія“, и согласился вмѣстѣ съ ними пойти на сѣверъ, въ Галичскую область. Въ страхѣ отъ Татаръ они шли непроходимыми болотами и лѣсами и страдали отъ голода. Во время своего пути они рѣшили отправиться къ городу Унжѣ, гдѣ въ то время находился только незначительный городокъ съ очень рѣдкимъ населеніемъ въ окрестностяхъ. Прійдя на мѣсто, Макарій, не смотря на просьбу горожанъ, не остался въ городѣ; узнавъ отъ нихъ, что въ 15 верстахъ отъ города есть „мѣсто достойно молчанію“, гдѣ никто не живетъ, онъ водружаетъ здѣсь, на лѣсистомъ берегу озера, крестъ и строитъ себѣ хижину. Пришедшіе же съ Макаріемъ люди отчасти поселяются въ городѣ, отчасти въ окрестныхъ деревняхъ. И на этомъ мѣстѣ около него собралось нѣсколько человѣкъ братіи, но преподобный умеръ, не успѣвъ организовать здѣсь общежительнаго монастыря [1]).

Хотя страна, въ которой поселился Макарій съ спутниками своими, находилась въ сосѣдствѣ съ Казанскою областью и также нерѣдко подвергалась нападеніямъ Татаръ, но тутъ былъ городъ, гдѣ скрывалось окрестное населеніе и отсиживалось въ случаѣ вторженія татарскихъ полчищъ [2]). Относительно при-

---

[1]) О существованіи братіи около Макарія на Унжѣ можно заключить изъ слѣдующаго выраженія житія: «идѣже (въ пустынѣ на Унжѣ) самъ блаженный любяше безмолвствовати съ братіею». Это говорится въ рукоп. Солов. биб. за № 229, 17 л., по случаю погребенія преподобнаго въ пустынѣ.

[2]) Рукоп. житіе, принад. В. О. Ключевскому, 90 и 96 лл.

надлежности этой области Русской землѣ здѣсь не могло быть спора, и она, кромѣ того, непосредственно примыкала къ сѣверозападнымъ областямъ,—между ними не было непроходимыхъ пустынь.

Изъ эпизода съ Желтоводскою обителью можно ясно видѣть, что для Россіи въ XV вѣкѣ еще преждевременно было основывать свои поселенія въ мѣстахъ, подобныхъ описанному, на лѣвомъ берегу Волги: кромѣ физическихъ трудностей, эти поселенія встрѣчались здѣсь съ притязаніями Казани, которая къ этому времени въ лицѣ новаго владѣтеля своего Улу-Махмета успѣла обновиться и подняться изъ прежняго незавиднаго состоянія. Луговая сторона оставалась пустынною, почти ненаселенною областью Казанскаго царства до тѣхъ поръ, пока само оно существовало. Только послѣ покоренія Казани и ея присоединенія къ Россіи „начаша", по словамъ житія, „правовѣрніи христіане помалу въ оныхъ мѣстѣхъ населятися".

Куда же направлялись русскіе промышленники и колонисты за все это время? Предъ ними лежалъ открытымъ сѣверовостокъ Россіи, куда издревле стремились и гдѣ къ этому времени уже успѣли утвердиться промышленные Новгородцы, которые ватагами шли чрезъ лѣса и рѣки для сбора дани съ инородцевъ, строили среди нихъ города и подчиняли ихъ Великому Новгороду [1]). По путямъ, проложеннымъ ватагами новгородскихъ промышленниковъ и разбойниковъ, въ сѣверовосточные лѣса принуждено было устремиться и населеніе средней Руси. Грамоты, уцѣлѣвшія отъ

---

[1]) Ист. Карамз. III, прим. 32 (выдержка изъ Хлыновской лѣт.). П. с. л. III т. 1342 г., 81—82 с.

XV и XVI вѣковъ, подтверждаютъ сказанное [1]). Но, кромѣ странъ сѣверовосточныхъ, въ самой срединѣ Россіи еще оставалось довольно много пространствъ пустынныхъ либо запустѣвшихъ вслѣдствіе того, что были покинуты земледѣльцами [2]). Нѣкоторыя изъ такихъ мѣстъ оставались незаселенными со времени Батыева нашествія и съ того времени успѣли зарости и покрыться вѣковымъ лѣсомъ. Къ подобнымъ мѣстностямъ принадлежали между прочимъ нѣкоторыя изъ земель, лежащихъ около р. Волги [3]). При невозможности населенію двигаться по р. Волгѣ въ направленіи восточномъ, при необходимости переселяться на крайній сѣверъ и сѣверовостокъ, подобныя пространства, какъ ближайшія, должны были также обратить на себя вниманіе населенія и заселиться около этого времени. Благочестивые иноки, искавшіе уединенія, нерѣдко обращали свое вниманіе на такія мѣста, которыя, съ одной стороны, давали имъ возможность уединиться отъ міра, а съ другой—не лишали совершенно сообщества съ благочестивыми мірянами, потому что не въ очень далекомъ разстояніи находилась обыкновенно деревня или же городъ. Такимъ образомъ, какъ мы видѣли, произошло основаніе первой обители Макарія въ Юрьевскомъ уѣздѣ; точно такъ же, только нѣсколько позднѣе, совершилось заселеніе пустынной

---

[1]) А. А. Э. I т., №№ 60, 74, 163, 210, 385. А. И. т. I, № 301. Соч. Ешевскаго III т., 638—640 сс.

[2]) А. А. Э. т. I, № 135. А., отн. до юрид. быта древ. Россіи, Н. Калачова т. I, № 118, гр. 4.

[3]) Арх. ист. и практ. свѣд. Н. Калачова т. II (1860—61 г.). Записка о городѣ Калязинѣ, 6 с.

мѣстности, на которой теперь стоитъ городъ Калязинъ *).

Одинъ изъ иноковъ Клобукова монастыря **), имѣемъ Макарій, пожелавшій безмолвія пустыни, оставляетъ, по благословенію игумена, вмѣстѣ съ семью подобными ему монахами благочестивую обитель и ищетъ „мѣсто угодно къ безмолвію". Макарій „обходитъ многа мѣста пустынная" и наконецъ находитъ удобное мѣсто близъ Волги, между двумя озерами, въ 15 верстахъ отъ города Кашина; здѣсь онъ по обычаю сперва водружаетъ крестъ, а затѣмъ иноки строятъ себѣ для жилища келіи. На новомъ мѣстѣ Макарію стала грозить опасность со стороны Коляги, сосѣдняго землевладѣльца, который, опасаясь, какъ бы Макарій не присоединилъ его земли къ своей пустынѣ, рѣшился было убить его; но болѣзнь и несчастія, постигшія Колягу, заставили его покаяться въ своемъ грѣхѣ Макарію; послѣдній простилъ его и уговорилъ принять постриженіе въ Макарьевской обители. Коляга постригся и отдалъ свою землю монастырю, который по его имени и получилъ прозваніе Колязинскаго. Монастырь сталъ скоро умножаться иноками, между коими, еще при жизни преподобнаго основателя, встрѣчаются благородные иноки, которые, познакомившись съ Макаріемъ, оставили своихъ родителей и приняли постриженіе отъ рукъ его.

---

*) Источниками при изложеніи этого колонизаціоннаго эпизода послужили 2 рукописи Соловецкой библ. за № 817, л.л. 365—382, и № 826, лл. 507—550. Кромѣ этого, мною свѣрены были рукописи изъ библ. Ундольскаго за №№ 335 (XVI стол.) и 336 (XVII ст.).

**) Этотъ монастырь находился около гор. Кашина (Твер. губ.).

Также при жизни Макарія, около половины XV столѣтія, удѣльный князь Борисъ Александровичъ пожаловалъ ему монастырь св. Николы на р. Жабнѣ съ землями, „что къ нему изстари потягло“ [1]). Въ XVI вѣкѣ эта мѣстность не представляла уже того пустыннаго характера, какъ это было во время основанія обители. Разсказывая объ открытіи мощей преподобнаго (1521 г.), житіе говоритъ, что при этомъ было много окрестнаго народа „изъ ту живущихъ близъ“ [2]). Дѣятельность игуменовъ и извѣстность монастыря скоро доставили ему большія средства: почти двѣ трети нынѣшняго Калязинскаго уѣзда уже въ концѣ XV вѣка принадлежали монастырю, который успѣлъ пріобрѣсти ихъ частью посредствомъ вкладовъ, частью мѣною и куплею [3]).

Вмѣстѣ съ естественнымъ приращеніемъ народонаселенія на Руси должно было увеличиваться и количество людей, занимавшихся разными промыслами, которые удовлетворяли тѣмъ или другимъ потребностямъ своихъ соотечественниковъ. Одинъ изъ промысловъ, который долженъ былъ издавна получить значеніе вслѣдствіе большаго потребленія его продукта въ православной Россіи, былъ промыселъ рыболовный. Мы говорили уже объ изобиліи рыбы въ Волгѣ и въ нѣкоторыхъ изъ ея притоковъ. Мѣста, особенно благопріятныя для этого промысла, должны были рано обратить на себя вниманіе промышленнаго населенія сѣверной Россіи; встрѣчаются, напримѣръ, извѣстія,

---

[1]) «Арх. истор. и практич. свѣд. о Россіи» Н. Калачова, т. II: «Записки о Калязинѣ», 6 с.

[2]) Житіе рук. № 826.

[3]) Арх. II, 7 с.

что уже въ первой половинѣ XII вѣка на Волгѣ были рыбацкія селенія, съ которыхъ еще тогда взимаема была „гривна волжская“ [1]). Нѣкоторыя изъ приволжскихъ слободъ, жители которыхъ занимались рыболовствомъ, документально становятся извѣстны только съ того времени, какъ онѣ успѣли подняться на значительную степень своего развитія. Но врядъ ли будетъ смѣло предположеніе, что онѣ были основаны гораздо ранѣе того времени и постепенно поднялись до той степени значенія и благосостоянія, на которой мы позднѣе находимъ ихъ [2]).

При рѣдкости и недостаткѣ населенія въ Поволжьѣ въ это время, для умноженія его здѣсь отчасти практиковались тѣ же пріемы, что и въ остальной Россіи: князья предоставляли привилегіи частнымъ владѣтелямъ, которые въ свою очередь старались ими же привлечь на свои земли работниковъ, свободныхъ отъ общественныхъ тягостей, т. е. „безвытныхъ“, „не тяглыхъ“ и „неписьменныхъ“, или же просто „людей изъ иныхъ княженій“. До насъ дошла подобная грамота,

---

[1]) Нѣкоторые полагаютъ, что подъ именемъ «Рыбанска», упоминаемаго въ уставной грамотѣ новгородскаго князя Олега Святославича въ 1137 г., слѣдуетъ разумѣть нынѣшній Рыбинскъ, находящійся при впаденіи Шексны въ Волгу. См. Город. посел. Росс. Имп., т. V, часть 2-ая, 482 стр. Нельзя не признать, что столь выгодное въ промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ мѣсто, какъ впаденіе Шексны въ Волгу, должно было очень рано обратить на себя вниманіе населенія въ этой странѣ.

[2]) Такъ, напримѣръ, Борисо-Глѣбскъ и Нарская слобода становятся извѣстны, какъ дворцовыя рыбныя слободы на Волгѣ, только во 2-й половинѣ XVI столѣтія. (Город. посел. Рос. Имп. V, 471—497 сс.).

данная въ 1476 году княземъ углицкимъ Покровскому монастырю „собирати слободу на сей (на правой) сторонѣ Волги", при чемъ слобожане, привлеченные изъ другихъ княжествъ, были освобождены отъ податей на 20 лѣтъ, а „безвытные" на 10 лѣтъ [1]). Къ этому же времени, кромѣ того, относится появленіе на Волгѣ нѣкоторыхъ городовъ отчасти вслѣдствіе условій торговыхъ и промышленныхъ, отчасти вслѣдствіе военныхъ соображеній [2]).

---

[1]) А. А. Э. т. I, № 102.

[2]) Вслѣдствіе условій перваго рода могъ появиться городъ Молога у впаденія р. Мологи въ Волгу, гдѣ въ XIV в. были «торги великіе» (Ист. Кар. IV, пр. 323). Во второй половинѣ XIV в. былъ построенъ городокъ Романовъ (Истор. Караз. V, пр. 33. Город. посел. Рос. Инер. V, 470). Въ началѣ XV ст., во время нашествія Едигея на Москву, по повелѣнію Василія Дмитріевича, стоявшаго тогда на Костромѣ, срубленъ былъ городъ Плесо (П. с. л. VIII т. 1410 г.). Во второй половинѣ XV вѣка, послѣ взятія Новгорода Великаго, часть населенія его была поселена на Балахнѣ. По преданію, между ними находились нѣкоторые хорошо знакомые съ солевареніемъ по Старой Русѣ, гдѣ они прежде занимались этимъ: здѣсь они занялись этимъ дѣломъ, и Балахнинское усолье вслѣдствіе этого быстро поднялось (Ниж. Губ. Вѣд. 1849, № 69).

ГЛАВА III.

Казань. Черемисы. Чуваши. Мордва. Татары. Занятія ихъ и религія. Царь и аристократія въ Казани. Ногайцы; страна, ими занимаемая, и образъ жизни ихъ. Ногайскія орды. Внутреннее устройство Ногаевъ. Князь, мирзы и отношенія ихъ между собою. Астрахань. Занятія ея жителей. Русскіе города на окраинахъ и служилые татарскіе царевичи. Отношенія Россіи къ Казани въ концѣ XV столѣтія. Магметъ—Аминь въ Казани. Летифъ. Василій III и его отношеніе къ Казани. Смерть Аминя и Шигъ—Алей на престолѣ казанскомъ. Крымскіе Гирея и ихъ отношеніе къ Казани. Василь—Сурскъ и его значеніе. Послѣдующія отношенія Россіи къ Казани и борьба партій въ послѣдней.

Въ первыхъ извѣстіяхъ нашихъ лѣтописей о Казани *) названіе ея отождествляется съ именемъ Бол-

---

*) О возникновеніи города Казани не сохранилось никакихъ достовѣрныхъ извѣстій; останавливаться же на баснословныхъ извѣстіяхъ, которыя сообщаются неизвѣстнымъ сочинителемъ XVI столѣт. въ его «Исторіи о Казанскомъ царствѣ», я полагаю излишнимъ. Кромѣ печатнаго изданія этой «Исторіи» конца прошлаго столѣтія, мною просмотрѣна была и рукопись (писанная полууставомъ) подъ заглавіемъ «Сказаніе о царствѣ Казанскомъ», которая съ незначительными дополненіями повторяетъ тѣ же свѣдѣнія, что и печатное изданіе «Исторіи». Извѣстія, сообщаемыя здѣсь о началѣ Казани, подвергнуты были сомнѣнію и отвергнуты еще въ прошломъ столѣтіи Рычковымъ въ его «Опытѣ Казанской исторіи» 1767 г. Самъ Рычковъ склоняется къ тому мнѣнію, что Казань построена была Батыемъ, потому будто бы, что «онъ около Волги въ разныхъ мѣстахъ города строилъ и населялъ» (стр. 66—70). Изъ фактовъ, сообщаемыхъ сочинителемъ «Сказанія» относительно на-

гаръ" [1]). Врядъ ли это явленіе случайное: обусловливается оно, вѣроятно, тѣмъ, что въ то время рядомъ съ Казанью въ этихъ мѣстахъ были также и другіе значительные города (Жукотинъ, Кременчугъ и друг.), и Казань, должно быть, еще не успѣла сообщить свое имя всей области; между тѣмъ страна, въ которой находилась Казань, принадлежала къ области древней Болгаріи, память о которой, особенно съ возникновеніемъ изъ развалинъ города Булгара [2]), должна была сохраняться у племенъ, жившихъ по Волгѣ, и у сосѣдей ихъ. Кромѣ того, у Казанцевъ была та же религія (магометанская) и тѣ же занятія (торговля и земледѣліе), что и у Волжскихъ Болгаръ.

Но не даромъ столько времени господствовали здѣсь Монголы, не даромъ самая Казань была возобновлена бывшимъ царемъ Золотой орды: по своимъ хищническимъ инстинктамъ она болѣе напоминаетъ Монголовъ, чѣмъ Волжскихъ Болгаръ. Съ воцареніемъ въ Казани Улу-Махмета она переводится на новое мѣсто ика къ

чала Казани, нѣкоторое основаніе можетъ быть признано лишь за извѣстіемъ о чрезвычайно пестромъ и разнообразномъ составѣ населенія новопостроеннаго города (Болгары, Черемисы, Вотяки, Мордва); впрочемъ и это указаніе могло образоваться позднѣе въ виду пестроты населенія Казанскаго царства. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что при пользованіи извѣстіями, сообщаемыми этимъ риторическимъ сказаніемъ, нужна крайняя осторожность, и едва ли можно упрекнуть автора «Исторіи Россіи» за суровый приговоръ надъ этимъ сочиненіемъ: онъ называетъ его «слишкомъ мутнымъ источникомъ». (Ист. Рос. Соловьева т. V, прим. 358).

[1]) Ник. л. IV, 1374 и 1375 гг. Тамъ же V, 1411 г.

[2]) О возстановленіи города Булгара Батыемъ, о его многолюдствѣ (50.000 ж.) и о пребываніи въ немъ иногда хана см. у Н. Ѳирсова «Полож. инородцевъ». 10 стр.

будто начинаетъ новую дѣятельность, болѣе соотвѣтствующую характеру своихъ повелителей [1]). Поднявшись изъ развалинъ и обстроившись, она не заботится о возстановленіи другихъ болгаро-татарскихъ городовъ, которые были одновременно съ нею разорены Русскими: это какъ бы не входитъ въ ея планъ; она предпочитаетъ жить чуть не ежегоднымъ грабежомъ своего сосѣда и уводомъ въ плѣнъ его жителей. Самый городъ обращается въ депо, гдѣ постоянно содержится огромное количество плѣнныхъ, которыми Казанцы ведутъ торговлю на своемъ и на чужихъ рынкахъ [2]). Поэтому не безъ основанія нѣкоторые видятъ въ Казани не столько наслѣдницу древняго Булгара, сколько преемницу Золотой орды [3]).

Кромѣ Татаръ, бывшихъ основою Казанскаго царства, въ его составъ вошли финскія племена, изъ которыхъ нѣкоторыя, вслѣдствіе долговременнаго совмѣстнаго жительства подъ властью Татаръ, подверглись значительному вліянію съ ихъ стороны: языкъ ихъ наводнился татарскими словами и оборотами, самыя черты лица измѣнились [4]). Изъ финскихъ племенъ, которыя входили въ составъ Казанскаго цар-

---

[1]) Во второй половинѣ XVI столѣтія за рѣкою Казанкою, около рѣчки Ички (притокъ р. Казанки, впадающій въ нее недалеко отъ ея устья), упоминается въ писцовыхъ книгахъ «Казанское городище». Арх. Мин. Юст. Писцовая книга 1565 г. № 643, л. 436.

[2]) П. с. л. т. VIII, 1469; Ник. IV, 1374; Ник. VII, 1551. Герберш. 105 с.

[3]) «Опытъ Казан. истор.» П. Рычкова 26 с. Ист. Карамзина т. VIII, 185 с. «Полож. инор. сѣв. Россіи» Н. Ѳирсова 11 с.

[4]) Müller Stromsyst. 320, 453, 464.—«Инородцы Каз. губ.» Сбоева 168—169 сс.

ства и жили по Волгѣ и около нея, прежде всего слѣдуетъ указать на Черемисъ: они по обширности занимаемой ими страны и по своему участію въ войнахъ Казани съ Москвою занимаютъ выдающееся положеніе. Племя это раскинулось на пространствѣ, границами котораго, съ одной стороны, были р.р. Вятка, Кама и Волга до Нижняго Новгорода, съ другой стороны—г. Вологда: кромѣ указанной области, черемисскія поселенія мы встрѣчаемъ по правой сторонѣ Волги и на низовьяхъ р. Суры [1]). Характеръ странъ, населяемыхъ ими, не одинаковъ: правый берегъ Волги—нагорный, лѣвый—луговой, представляющій однообразную равнину, покрытую лѣсомъ и огромными болотами, въ которыхъ лѣтомъ кишатъ миріады комаровъ, а въ сухое время воздухъ переполняется міазмами. Страна наложила свой отпечатокъ и на людей, и на ихъ занятія. Два типа различаются до сихъ поръ среди Черемисъ: нагорный—красивый и способный, луговой—непривлекательный и не столь даровитый. Относительно образа ихъ жизни извѣстно, что они въ нагорной сторонѣ занимались земледѣліемъ, а на луговой, безъ постоянныхъ жилищъ, питались звѣриною и рыбною ловлею; кромѣ того, есть извѣстіе, что и тѣ и другіе не пренебрегали при случаѣ грабежомъ и войною [2]). Вслѣдствіе постояннаго занятія охотою въ своихъ лѣсахъ они уже въ древности славились мѣткостью въ стрѣльбѣ и свою славу искусныхъ

---

[1]) Герберштейнъ 95 с. Олеарій кн. IV, гл. 4. Никон. л. VII, 1547 и 1557 гг. Мат. этн. Рос. Каз. губ. Риттиха, 132, 128 сс.

[2]) Герберштейнъ 95 с. Ист. Карамзина VIII, прим. 231 (выписки изъ Казанской лѣтописи) Олеарій кн. IV, гл. 4. М. о Р. Каз. губ., Риттиха, 136 и 130 сс.

стрѣлковъ удержали до нашихъ дней. Кромѣ этого свойства, мущины и женщины ихъ отличались, по словамъ Герберштейна, искусствомъ быстро бѣгать [1]). Черемисы раздѣлялись на десятки и сотни, во главѣ которыхъ находились десятскіе и сотскіе; кромѣ того, у нихъ упоминаются князья, „сотные князья" *) и мирзы [2]). Религія ихъ состоитъ въ почитаніи добраго и злаго духа (Юма и Шайтанъ), изъ которыхъ каждый имѣетъ подчиненныхъ себѣ духовъ; въ своихъ молитвахъ они просятъ обыкновенно побольше хлѣба, удачи въ звѣриномъ или рыбномъ промыслахъ, защиты отъ дикихъ звѣрей и проч. [3]). По отношенію къ Казанскому царству они обязаны были вносить дань и оброкъ и служили стрѣлками въ пѣхотномъ войскѣ [4]). Вмѣстѣ съ Черемисами входили въ составъ Казанскаго царства и Чуваши, извѣстіе о которыхъ встрѣчается въ первой четверти XVI вѣка [5]). Они финскаго происхожденія, только подверглись болѣе сильному вліянію тюркскихъ племенъ, чѣмъ Черемисы, и это отразилось въ чертахъ лица ихъ и въ языкѣ; послѣдній проникся тюркскимъ элементомъ въ такой степе-

---

[1]) Герберштт. 95 с. Полковникъ Риттихъ (проведшій около 9 лѣтъ въ Казанской губерн.) говоритъ, что Черемисы уходятъ на цѣлыя недѣли въ лѣсъ и страстно предаются охотѣ; они кладутъ дробину въ ружье и стрѣляютъ ею бѣлку въ голову. Казан. губ., Риттиха, 139—141 с.с.

*) «Сотскіе» и «сотные князья»—не одно ли и то же?

[2]) Ник. VII, 1551 (77—78 сс.) и 1557 гг. (285—286 сс.).

[3]) Миллера «Описаніе живущихъ въ Казан. губ. Черемисъ, Чувашъ и Вотяковъ», 1791 г., 48 с. Риттихъ, Каз. губ. 165—167, 176 сс.

[4]) Ник. VII, 1551 г. (78—79). Герберштт. 101 с.

[5]) П. с. л. т. VIII, 1524 г. Ник. VI, 1524 г. (230 с.).

ни, что нѣкоторые ученые по языку причисляли ихъ къ тюркскимъ племенамъ [1]). Причиною того, что мы сравнительно довольно поздно встрѣчаемся съ Чувашами подъ ихъ собственнымъ именемъ, кажется, служитъ то обстоятельство, что прежде ихъ смѣшивали съ сожженными имъ Черемисами; но крайней мѣрѣ у одного изъ русскихъ писателей XVI столѣт., бывшаго въ ихъ землѣ, встрѣчаемъ такое выраженіе: „Горная Черемиса, а по нихъ, Чуваша зовомая, языкъ особливый" [2]). Чуваши населяли преимущественно правую, нагорную сторону Волги, хотя впрочемъ они встрѣчаются и на лѣвой сторонѣ ея, въ Арской землѣ. Въ XVI вѣкѣ нагорная сторона также, какъ и луговая, была покрыта большими лѣсами, въ которыхъ Чуваши жили селами, расположенными около укрѣпленныхъ мѣстъ. Занимались они хлѣбопашествомъ, но, кромѣ того, славились своимъ судоходствомъ (Schiffkunst) и искусствомъ въ стрѣльбѣ [3]). Бытъ у Чувашъ былъ, по всей вѣроятности, какъ и въ настоящее время, родовой. У нихъ, какъ и у Черемисъ, существовали „черные люди", мирзы и князья: дѣлились они на десятки и сотни, во главѣ которыхъ стояли „десятные и сотные князья", кромѣ того, у Чувашъ упоминаются еще „сотные казаки". Арская земля имѣла своихъ особыхъ князей [4]). Религія ихъ пред-

---

[1]) Къ тюркскимъ народамъ причислялъ ихъ, напр., Клапротъ и друг. Müller «Strom» 455 с. A. Castren «Reiseberichte und Briefe 11 стр. Сборникъ «Инород. Казан. губ.» 168—169. Подробнѣе о нихъ въ введеніи.

[2]) Сказ. кн. Курбскаго г. I, гл. 3, 13 стр. (1-е изд.).

[3]) Ibidem. Ник. VI, 1489 г. (124 с.), VII, 1551 г. Герберштейн. 101 с.

[4]) Ibidem. Исторія Карамзина VI, прим. 310.

ставляетъ тотъ же дуализмъ (Торъ и Шайтанъ), что и черемисская, съ такою же фалангою духовъ, подчиненныхъ доброму и злому началамъ [1]). Что касается до отношенія Чувашъ къ Казани, то, кажется, они несли тѣ же тягости, какъ и Черемисы. Для характеристики этихъ двухъ народовъ, быть можетъ, будетъ не лишнимъ упомянуть, что они еще въ XVIII стол. любили кровь всякаго скота и звѣрей [2]).

Черемисы и Чуваши остались язычниками, не взирая на то, что въ продолженіе длиннаго періода времени они жили по сосѣдству съ магометанами (Болгары и Татары) и даже въ зависимости отъ нихъ. Но понятно, что подобное сожительство для нихъ не мо-

---

[1]) Инород. Казан. губ. Сбоева, 101 с. Каз. губ., Риттиха, 82—83, 87 сс. У Чувашъ и Черемисъ сохранился обычай изгнанія злаго духа изъ дома и анбара. Подобный же обычай, только въ большей первобытности, встрѣчается у родственнаго имъ народа—Башкирскаго, который представляетъ замѣчательную переходную форму отъ кочеваго быта къ осѣдлому: почти круглый годъ они кочуютъ, и только суровость зимы на Уралѣ заставляетъ ихъ проводить это время года въ деревняхъ, которыя обыкновенно состоятъ изъ деревянныхъ избъ, числомъ отъ 10 до 15, похожихъ на русскія. Но, на сколько для нихъ еще тяжело проводить время въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ домовъ своихъ, можно видѣть изъ слѣдующаго обычая: они, предъ вступленіемъ своимъ въ зимнія жилища, останавливаются на нѣкоторомъ разстояніи; женщины ихъ въ это время, вооружившись длинными прутьями, идутъ впередъ и при громкихъ заклинаніяхъ стучатъ у каждой двери; мущины послѣ этого сходятъ въ свою очередь съ лошадей и громкими криками прогоняютъ злаго духа въ лѣсъ. Müller «Der Ugr. Volks». I, 152. Каз. губ., Риттиха, 177 с.

[2]) Гербершт. 101 с. Ник. VII, 1551 г. Миллера «Описаніе Чувашъ и Черемисъ Каз. губ.», 22 с.

ло пройти безслѣдно. Дѣйствительно, мы узнаемъ, что нѣкоторые Черемисы въ XVI в. исповѣдывали исламъ; имена нѣкоторыхъ изъ представителей чувашскихъ (Магометъ), которые отъ всей горной стороны били челомъ Грозному (1551 г.), свидѣтельствуютъ, что магометанская религія и между ними имѣла своихъ послѣдователей. Наконецъ, сохранившійся до настоящаго времени обычай у Черемисъ и Чувашъ праздновать пятницу вмѣсто воскресенья показываетъ также вліяніе магометанъ на нихъ [1]).

Изъ племенъ, обитавшихъ въ Поволжьѣ и населявшихъ предѣлы Казанскаго царства, слѣдуетъ еще указать на племя финскаго происхожденія—Мордву *); впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что значеніе Мордвы въ царствѣ было невелико **).

Земли, занятыя этимъ племенемъ, были большею частію лѣсисты. Въ XIII в. Мордва не имѣла ни городовъ, ни деревень, а жила въ хижинахъ, разбросанныхъ по лѣсу; занималась она ловлею звѣрей и птицъ (соколовъ), разведеніемъ пчелъ и свиней ***); славилась своимъ гостепріимствомъ. Но въ XVI столѣтіи,

---

[1]) Олеарій, кн. IV, глав. 4 (слова Гваньини). Ник. VII, 1551 г. Палласа «Путеш. по разн. провин.» I, 138 с. Казан. губ., Риттиха, 178 с.

*) Еще и теперь это племя живетъ въ Тетюшскомъ и Спасскомъ уѣздахъ Каз. губ. (М. э. Р., Риттиха, 216 с.). Кромѣ Казанской губ., Мордва жила еще въ нынѣшней Симбирской губерн., которая вмѣстѣ съ первою отчасти входила въ составъ обширнаго Казанскаго царства.

**) Во время борьбы Московскаго государства съ Казанью о ней упоминается очень мало. Ник. VII, 1551 г.

***) Послѣднее до сихъ поръ еще мѣстами составляетъ любимое занятіе этого племени. См. Самар. Губ. Вѣд. 1863 г. № 48. «Замѣтки о Мордвѣ Бугульминскаго уѣзда».

по свидѣтельству путешественниковъ, Мордва отличалась уже большею осѣдлостью, чѣмъ соплеменники ея Черемисы [1]). Бытъ ихъ, судя по обычаямъ и устройству, сохранившемуся до сихъ поръ, былъ родовой. Ихъ религія была дуализмъ (Чамъ-Пасъ и Шайтанъ), съ тѣмъ отличіемъ отъ черемисской и чувашской, что въ ней между добрымъ и злымъ началами существуетъ вѣчная борьба; сверхъ того, они поклонялись предкамъ, въ томъ убѣжденіи, что умершіе заботятся о своемъ родѣ и помогаютъ потомкамъ въ ихъ нуждахъ.

Храмовъ и жреческаго сословія не было у нихъ, а жертву въ домѣ приносилъ обыкновенно старѣйшій мущина или женщина. Для общественныхъ и мірскихъ жертвоприношеній въ волостныхъ кереметяхъ *) они избирали по общему согласію нѣсколькихъ уважаемыхъ міромъ стариковъ; должность эту обыкновенно правилъ въ волости старшій по лѣтамъ, который былъ вмѣстѣ жрецъ и судья. Онъ могъ занимать свою должность пожизненно, могъ отказаться отъ нея, но за проступокъ могъ также быть и лишенъ этого званія по общему согласію домохозяевъ волости или деревни [2]).

Главною основою Казанскаго царства были Тата-

---

[1]) Путешеств. Рубриквиса (Voyage Bergeron), 30 стр. Герберштт. 95 с.

*) Кереметями назывались огороженныя мѣста, на которыхъ приносились жертвы.

[2]) «Описан.» Миллера 43 с. Русс. Вѣст. 1867 г. № 9: «Мордва» П. Мельникова, 225—240. Кромѣ этихъ инородцевъ, въ составъ Казанскаго царства входили еще Вотяги и Башкиры, (Курб. I, гл. II, 47 с.), но они жили вдали отъ р. Волги, поэтому я не останавливаюсь на нихъ.

ры, племя, господствовавшее и управлявшее остальными. Казанскіе Татары, по словамъ путешественника первой половины XVI в., были образованнѣе (höflicher und verständiger) другихъ своихъ соплеменниковъ, потому что они обрабатывали свои поля, жили въ домахъ и занимались разными торговыми оборотами [Kaufmanschaften] [1]). Послѣднее занятіе, вѣроятно, особенно процвѣтало въ Казани, которая издавна была значительнымъ рынкомъ, куда сосѣдніе съ нею степные народы тысячами пригоняли своихъ овецъ и лошадей и гдѣ сами казанскіе Татары сбывали азіатскимъ купцамъ своихъ плѣнниковъ, а русскимъ торговцамъ рыбу разной породы. Товары, привозимые Каспійскимъ моремъ и Волгою изъ Персіи и Арменіи, русскіе купцы получали главнымъ образомъ изъ Казани; здѣсь на одномъ изъ острововъ Волги, Гостиномъ, ежегодно устраивалась обширная ярмарка, посѣщавшаяся европейскими и азіатскими купцами [2]). Земледѣліемъ казанскіе Татары врядъ ли занимались охотно и съ усердіемъ. Сомнѣніе свое основываю на томъ фактѣ, что Русскіе, послѣ завоеванія царства, старались пріохотить населеніе въ самомъ центрѣ новопріобрѣтенной области къ земледѣльческому занятію. Кромѣ того, земледѣліе у казанскихъ Татаръ и въ настоящее время находится въ плохомъ состояніи, а любимое и успѣшное занятіе ихъ—торговля [3]).

Господствующею религіею въ Казанскомъ царствѣ, какъ и въ Болгарскомъ, была магометанская. Во гла-

---

[1]) Герберштт. 101 с.

[2]) Герберштт. 106 и 110 с. Ник. л. VII, 1551 г. (80, 88 с.). Рус. Вивл. 27 ч. 350 с., 29 ч. 168—169 с.

[3]) Каз. губ., Риттиха, 16 с.

вѣ здѣшняго духовенства стоялъ сеидъ, которымъ въ Казани также, какъ и въ остальныхъ магометанскихъ государствахъ, могъ быть лишь потомокъ пророка Магомета, происходящій отъ его дочери Фатимы и халифа Алія [1]). Значеніе сеида въ Казани было большое: въ отсутствіе царя, при сношеніи съ другими государствами, онъ становился „въ головахъ"; когда цари казанскіе или тамошніе князья сносились съ Россіею о дѣлахъ чрезвычайной важности, то нерѣдко въ такихъ случаяхъ они прибѣгали къ посредству этого духовнаго сановника [2]). Если сеидъ появлялся публично и въ большомъ обществѣ, то ему всѣ оказывали чрезвычайное уваженіе, начиная съ царя и кончая обыкновеннымъ татариномъ; въ подобныхъ случаяхъ царь, стоя съ наклоненною головою, могъ подать ему свою руку и прикоснуться къ его рукѣ, князья прикасались къ его колѣнямъ, благородные къ ногамъ, простолюдинамъ же дозволено было касаться только его одежды или лошади, на которой онъ ѣхалъ [3]). Магометанскіе Татары Казани отличались такою же ревностью къ своей религіи, какъ и предшественники ихъ Волжскіе Болгары; какъ послѣдніе, увлекаемые религіознымъ фанатизмомъ, побуждали христіанъ обращаться къ исламу и, въ случаѣ отказа, замучивали

---

[1]) Вельяминова—Зернова «Изслѣд. о касимов. царяхъ и царевичахъ» II, 440 с.

Авторъ говоритъ, что «число сеитовъ въ магометанскихъ государствахъ вообще довольно значительно». Дѣйствительно, въ нашихъ лѣтописяхъ это слово иногда употребляется во множественномъ числѣ. П. с. л. т. VIII, 1521, 1531 и др. г.г.

[2]) П. с. л. т. VIII, 1496, 1512, 1516 и 1519 г.г.

[3]) Герберштт. 107 с.

ихъ, такъ позже въ Казани Русскіе были принуждаемы къ отреченію отъ Христа и, при отказѣ, подвергались казни отъ послѣдователей Магомета [1]).

Въ Казанскомъ царствѣ во главѣ управленія находился царь, власть котораго, впрочемъ, была сильно ограничена многочисленнымъ высшимъ дворянствомъ, къ которому нерѣдко примыкали и вліятельные чиновники (уланы). Аристократія казанская по составу своему была довольно разнообразна: къ ней, прежде всего, принадлежали всѣ княжескія фамиліи, каждый членъ которыхъ имѣлъ право на званіе мирзы. Представители выдающихся фамилій носили титулъ бика; бики главнѣйшихъ дворянскихъ родовъ имѣли право на званіе карачія; впрочемъ карачіями иногда именуются также лица, близкія къ представителю власти [2]). Нѣкоторые изъ князей-карачіевъ носили въ Казани фамилію Ширинъ, какъ бы указывая на то, что члены главнѣйшихъ крымскихъ родовъ *), носившихъ званіе карачія, успѣли проникнуть сюда [3]). Между разными сановниками и князьями въ Казани мы встрѣчаемъ еще земскаго или городскаго князя, быть можетъ, представителя не разъ упоминаемыхъ земскихъ лю-

---

[1]) Лав. л. 1229 г.; Ник. л. III, 1323 г. Ист. о Каз. цар., гл. 22: «О мученіи св. мученика Іоанна, плѣнника изъ Нижняго» (1529 г.). Въ рукоп. это событіе описано подробнѣе и помѣщено въ 21 главѣ.

[2]) Изслѣдов. Вельяминова—Зернова II, 410—411, 419 сс.

*) Такихъ родовъ въ Крыму было 4: Ширинъ, Барынъ, Аргыкъ и Кипчакъ. Ib. 411 с.

[3]) Фамилію Ширинъ носилъ знаменитый въ исторіи Казани послѣдняго времени князь Булатъ и его сынъ Муралей. П. с. л. т. VIII, 1519 г. (266 с.). Ник. VII, 1552 г. (90 с.).

дей, и бакшея *); они иногда принимаютъ большое участіе въ сношеніяхъ и переговорахъ казанскаго царя съ великимъ княземъ московскимъ [1]). Значеніе улановъ въ Казани можно видѣть уже изъ того, что грамоты въ отсутствіе царя пишутся всегда отъ сеида, князей и улановъ; нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ (Апай) участвуютъ въ переговорахъ и сношеніяхъ Казанскаго царства съ Москвою на ряду съ такими вліятельными сановниками, какъ князь Ширинъ—Булатъ и другіе [2]). Вообще слѣдуетъ замѣтить, что въ Казани князья пользовались большими правами и доходами, которые переходили къ нимъ по наслѣдству; по смерти отца его доходы переходили къ старшему сыну, а въ случаѣ смерти послѣдняго къ младшему брату [3]). Самое появленіе и существованіе въ Казани такихъ князей, какъ Калиметъ и знаменитый Булатъ **), доказываетъ лучше всего силу и значеніе аристократіи въ Казанскомъ царствѣ. Даже авторитетъ сеида, представителя религіи, не останавливалъ аристократовъ: они убивали его публично, не стѣсняясь его саномъ, коль скоро онъ съ ними расходился въ симпатіяхъ къ той или иной изъ политическихъ партій и дѣлался такимъ образомъ для нихъ опаснымъ [4]).

---

*) Бакша—старшина. См. Слов. Даля.

[1]) П. с. л. VIII, 1505, 1516, 1519 гг. Ник. VI, 1507 и 1512 г.г.

[2]) П. с. л. VIII, 1530 и 1533.

[3]) Ibid. 1541 г. Рус. Вивл. 28 ч. 271 с.

**) Послѣдній располагалъ царскимъ престоломъ въ Казани въ продолженіе очень многихъ лѣтъ.

[4]) П. с. л. VIII, 1496, 1500, 1519, 1536 и 1541 г.г. Русс. Вивл. 28 ч. 144 с. (1549 г.). Герберштт. 107 с.

Обладая подобною властію и такимъ выдающимся положеніемъ въ государствѣ, казанская аристократія по своему образованію мало удовлетворяла самому элементарному его требованію — грамотности: изъ трехъ „большихъ“ пословъ, отправленныхъ въ 1531 году въ Москву *), два князя не могли даже подписать своего имени. И подобное явленіе въ сословіи вовсе не было случайно, потому что когда договорная клятвенная запись (шертная, на которой двое пословъ не умѣли подписаться и только приложили свои печати) отослана была для окончательнаго утвержденія къ царю въ Казань, то при этомъ было велѣно „княземъ, которые грамотѣ умѣютъ, руки своя приложити, а которые грамотѣ не умѣютъ и тѣмъ печати свои прикласти“ [1]). Такому уровню образованія среди казанской аристократіи соотвѣтствовало и ея политическое развитіе. Царство Казанское на своихъ (довольно неопредѣленныхъ) границахъ соприкасалось съ нѣкоторыми ордами, которыя жили въ степяхъ, простиравшихся на сѣверовостокъ, на юговостокъ и на югъ отъ Казани; съ западной же стороны оно граничило съ Русью, при чемъ граница между ними была опредѣлена только въ одномъ мѣстѣ—по рѣкѣ Сурѣ. Такимъ образомъ Казань по необходимости должна была войти въ сношенія съ шибанскими Татарами, жившими въ сосѣдствѣ съ Пермью, на сѣверъ отъ Казани,—съ Ногаями, которые кочевали въ неизмѣримыхъ степяхъ между Волгою, Ураломъ и Каспійскимъ моремъ,

---

*) Въ составъ этого посольства входили: князь Табай, князь Тевекелъ и бакшей Ибреимъ.

[1]) П. с. л. VIII, 1531, 1533 гг.

ки нерѣдко доходили лѣтомъ до окрестностей Казани [1]); принуждена она была сноситься также съ Москвою, потому что изъ Россіи Казанцы получали существенный для себя продуктъ—соль, а русскимъ купцамъ сбывали нѣкоторыя изъ произведеній своей земли (хорошую рыбу) и товары, привозимые съ отдаленнаго востока. Кромѣ этого, Казань была отраслью знаменитой нѣкогда Золотой орды, и поэтому не могла не имѣть сношеній съ подобною себѣ отраслью той же орды—съ Крымомъ, особенно въ виду общаго сосѣдства и столкновеній съ христіанскою Русью. Вслѣдствіе того значенія, какое Казанское царство получило въ глазахъ сосѣдей, эти послѣдніе естественно должны были стараться получить вліяніе въ его дѣлахъ. Такимъ образомъ открылось обширное поприще эгоизму и своекорыстію могущественной и многочисленной аристократіи казанской [2]). Среди ея находились представители самыхъ разнообразныхъ партій, кромѣ только одной—которая имѣла бы въ виду и преслѣдовала бы интересы самого Казанскаго царства. Въ разное время перевѣсъ имѣли въ Казани

---

[1]) Герберштейнъ 111 с. Іовій (Биб. иностр. писат. о Россіи I т.) 25 с. Вивл. 27 ч. 287, 350 сс.

[2]) О многочисленности казанской аристократіи можно судить изъ слѣдующихъ фактовъ: въ 1547 году изъ Казани прибыло служить въ Москву 76 человѣкъ князей (Ник. VII ч. 50 с.). Предъ основаніемъ Свіяжска въ Москвѣ было 500 князей и мирзъ съ родственниками, бѣжавшими изъ Казани въ разное время (ib. 1551 г. 75 с.). Царь Шигъ-Алей предъ оставленіемъ Казани въ 1552 году въ первый разъ убилъ 70 князей, улановъ и мирзъ изъ своихъ противниковъ, а во второй разъ увелъ съ собою изъ Казани 84 князя и мирзъ (ib. 1552 г. 93 и 97 сс.).

разныя партіи: сначала партія ногайская, потомъ московская, затѣмъ партія шибанскихъ Татаръ, съ князем Уракомъ во главѣ; но скоро большинство этой партіи, возмущенное грабежомъ и убійствами шибанскаго царя Мамука, отстаетъ отъ него и соединяется съ русскою партіею, и русскій претендентъ опять вступаетъ на казанскій престолъ. Послѣ этого борьба начинается уже между крымскою партіею и московскою; борьба эта идетъ съ перемѣннымъ счастіемъ и наконецъ завершается разгромомъ Казани и присоединеніемъ Казанскаго царства къ Россіи [1]). Кромѣ высшей аристократіи, въ Казани находились: благородные, земскіе люди и простые, или „черные люди", послѣдніе были обложены ясакомъ въ пользу казанскихъ князей [2]).

Какъ велики были тягости, которыми были обложены въ Казани земскіе и черные люди, нельзя сказать ничего опредѣленнаго, вслѣдствіе отсутствія какихъ-либо прямыхъ извѣстій въ этомъ отношеніи, ибо факты, дошедшіе до насъ, носятъ характеръ слишкомъ общій [3]). Такъ, извѣстно, что нѣкоторые изъ казанскихъ царей грабили земскихъ людей, дѣлали имъ

---

[1]) П. с. л. т. VIII, 1487, 1496, 1499, 1519—1520, 1524, 1530—1531, 1533, 1536, 1541 гг. Ник. л. VII, 1545—1552.

[2]) Герберштт. 107 с. П. с. л. VIII, 1496, 1541 гг. Ник. л. VII, 1553 г. (185 с.), 1557 (286). Русс. Вивл. 29 ч. 112 с.

[3]) Послѣ завоеванія Казани чернымъ и ясачнымъ людямъ велѣно было, чтобы они «ясаки платили, якоже и прежнимъ казанскимъ царямъ». Впослѣдствіи Татары и Чуваши въ имѣніяхъ архіепископа казанскаго платили за землю по полуполтинѣ съ двора. Не можетъ ли это служить косвеннымъ указаніемъ на величину ясака? Ник. лѣт. VII, 184—186 с. Арх. М. Ю. Писц. кн. Казан. у. 1565 г. № 643, л. 402.

„великую продажу“, и это обстоятельство вмѣстѣ съ другими было причиною сильнаго неудовольствія на царя, побуждало вліятельныхъ людей обращаться отъ одной партіи къ другой, усиливая ее такимъ путемъ и подготовляя ей торжество надъ господствовавшею до того партіею [1]). Въ нѣкоторой степени можно согласиться съ мнѣніемъ, по которому положеніе управляемыхъ въ Казанскомъ царствѣ было не особенно тяжелое, ибо „нѣтъ извѣстій о мятежахъ послѣднихъ противъ правившаго класса“ [2]). Мнѣніе это можетъ быть принято только отчасти, потому что казанская аристократія со своими поборами могла относиться не непосредственно къ инородцамъ [*]), а чрезъ посредство вліятельныхъ среди нихъ людей, чрезъ своего рода аристократію—десятныхъ и сотныхъ князей, которымъ въ свою очередь могли быть предоставлены нѣкоторые права и доходы среди подчиненныхъ инородческихъ племенъ. По крайней мѣрѣ на подобную мысль можетъ навести то обстоятельство, что послѣ завоеванія Казани въ продолженіе нѣкотораго времени казанская аристократія подымаетъ инородческія племена именно чрезъ посредство этихъ вліятельныхъ среди инородцевъ людей [3]).

Нельзя не указать въ заключеніе еще на одну особенность Казанскаго царства—на чрезвычайно малое количество въ немъ городовъ. Кромѣ самой Казани,

---

[1]) П. с. л. VIII, 1496, 1541 гг.

[2]) «Полож. инород.» Н. Ѳирсова, 17 с.

[*]) Инородцы главнымъ образомъ составляли массу управляемыхъ въ Казанскомъ царствѣ.

[3]) Ник. л. VII, 1553, 1554, 1556. Д. А. И. I, № 120. Сказ. кн. Курбскаго I, гл. III. 59 с.

упоминается только Арскій городокъ, гдѣ, какъ извѣстно, были особые князья, объ отношеніяхъ которыхъ къ Казани можно сказать лишь то, что они въ послѣднее время находились въ зависимости отъ нея [1]). Внѣ этихъ городовъ въ Казанскомъ царствѣ упоминаются еще остроги и крѣпости по Арской дорогѣ и въ нагорной сторонѣ, въ землѣ Чувашъ [2]). Эти крѣпости, вѣроятно, представляли собою сооруженія въ родѣ мордовскихъ „твердей", которымъ врядъ ли можно придавать значеніе городовъ, укрѣпленныхъ и назначенныхъ для защиты опредѣленной мѣстности. Самый способъ сооруженія Казанской крѣпости, о которой въ лѣтописяхъ сказано: „срубленъ бяше весь градъ изъ дубоваго дерева; стѣны зѣло широки; въ городни же межъ стѣнъ набивано иломъ и каменіемъ многимъ", указываетъ на то, что Казанцы въ построеніи крѣпостей, кажется, недалеко ушли отъ Болгаръ XIII вѣка [3]).

На югъ отъ Казанскаго царства, на обширномъ пространствѣ, опредѣляемомъ многими днями ѣзды, простирались необитаемыя, пустынныя земли [4]). Только лѣтомъ или весною можно было въ этихъ странахъ на томъ или другомъ мѣстѣ встрѣтить толпу кочевыхъ людей, которые располагались обыкновенно со своими телѣгами, домочадцами и разнообразными животными.

---

[1]) Русс. Вивл. 28 ч. 269—270 с.

[2]) Вивл. 28 ч. 277 с. Сказ. кн. Курбскаго I, гл. II.

[3]) Царствен. книга 287 с. (устройство острога Казанскаго). Ср. описаніе Болгарскаго города въ Ник. л. II, 1218 г. (342—343 с.), а также и построеніе города Ногайцами. Рус. Вивл. ч. 30, 18 с.

[4]) Барбаринн (Биб. ин. писат. I) 57 с. Герберштт. 112 с.

Такимъ образомъ на нѣкоторое время эти пустынныя земли оживали: по нимъ двигались табуны лошадей, стада овецъ и рогатаго скота, сопровождаемые крикомъ людей. Но стоило только исчезнуть травѣ, быстро истребляемой стадами животныхъ, какъ эти люди уже отправлялись дальше; крики, движеніе и суета пропадали безслѣдно, и въ этихъ мѣстахъ по прежнему водворялась невозмутимая тишина. Земли эти искони служили поприщемъ для кочевыхъ народовъ, приходившихъ изъ Азіи и располагавшихся въ странѣ, которая имъ напоминала родныя неизмѣримыя степи и производила на нихъ чарующее впечатлѣніе *).

Татары, разгромивши Русь въ тридцатыхъ годахъ XIII вѣка, подчинили ее своей власти; они однако не остались въ ней господствовать, а вышли изъ нея и около половины XIII столѣтія раскинулись на привольныхъ берегахъ Волги. Съ самаго начала пребыванія своего въ этихъ мѣстахъ они стали распредѣлять свою кочевую жизнь сообразно съ характеромъ и климатическими свойствами страны, въ которой имъ пришлось поселиться: зимой они спускались съ стадами своими къ Каспійскому морю, въ окрестностяхъ котораго зимній холодъ смягчался моремъ; лѣтомъ

---

*) Одинъ изъ ногайскихъ мирзъ писалъ въ 1536 году къ царю въ Москву: «А мы съ братьею на Волгѣ стоимъ; на семъ свѣтѣ Волги намъ не мочно оставити». Рус. Вивл. 27 ч. 347—350 с. Въ XVIII ст. калмыкъ Башкура, братъ Дондукъ—Омбо, живя на Кубани, часто говаривалъ: «лучше бъ ему на Волгѣ ѣсть мелкую рыбу, нежели на Кубани баранину; при Волгѣ ихъ мѣсто природное и покойное»... На Кубани же простые Калмыки «руки свои поднимали на небо, прося Бурхановъ (боговъ), чтобы дозволили по прежнему перейти на Волгу». «Татищевъ и его время» Н. Попова 256—257 с.с.

же они обыкновенно направлялись вдоль рѣкъ къ горамъ, которыя доставляли имъ прохладу и гдѣ находились пастбища, богатыя травою [1]). Татары, какъ извѣстно, дѣлились на орды, во главѣ которыхъ стояли отдѣльные начальники, заправлявшіе, вмѣстѣ съ другими ея членами, внутренними и внѣшними отношеніями орды [2]). Между такими ордами, по преданію и по другимъ извѣстіямъ, находилась на Волгѣ въ концѣ XIII в. и ногайская орда *). Впрочемъ большое значеніе эта орда получаетъ только позднѣе: въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтія Ногаи выдвигаются между своими соплеменниками и обращаютъ вниманіе на себя своихъ сосѣдей. Въ XVI столѣтіи Ногаи дѣлились на три большія орды, изъ которыхъ каждая

---

[1]) Voyage en Asie Bergeron. Carpin (1245) 5 с.

[2]) Герберштейнъ 98 с. Іовій 25 с.

*) Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, будто ногайская орда получила названіе свое отъ предводителя Ногая, который во второй половинѣ XIII вѣка отдѣлился отъ Золотой орды, объявилъ себя независимымъ и расположился въ окрестностяхъ Чернаго моря со своею ордою. (Ист. Карамзина IV, 87 с.) Это мнѣніе принято Н. Ѳирсовымъ (см. «Полож. инородц.» 19 с.). Но извѣстно, что у Башкирцевъ сохранилось преданіе, будто они нѣкогда съ своими соплеменниками Ногайцами составляли одинъ народъ подъ именемъ Ногайевъ; кромѣ того, у самихъ Ногайцевъ до сихъ поръ еще существуетъ преданіе о своей родинѣ Великой Татаріи, о своемъ родоначальникѣ—Узбекѣ, о томъ ханѣ, подъ предводительствомъ котораго они двинулись къ Волгѣ, Чанибекѣ; рядомъ съ этимъ у нихъ же сохранилось и сказаніе о томъ, что названіе свое они получили отъ своихъ старшихъ братьевъ, которые ихъ за разбои прозвали Неонгаи, т. е. никогда бы тебѣ не имѣть счастія. Принимая все это во вниманіе, трудно согласиться съ предположеніемъ Карамзина. «Оренб. топогр.» Рычкова, 82—83 с. «Studien» Haxthausen II, 359 с.

жила на опредѣленномъ мѣстѣ и во главѣ своей имѣла одного изъ трехъ братьевъ, потомковъ князя Едигея [1]). Одна изъ этихъ ордъ состояла въ управленіи князя Шійдяка и средоточіемъ своимъ имѣла городъ Сарайчикъ, лежавшій на р. Уралѣ, недалеко отъ Каспійскаго моря; она занимала обширныя пространства по р.р. Волгѣ, Уралу и около Каспійскаго моря. Другая орда была подъ начальствомъ князя Коссума и расположилась въ странѣ между р.р. Кумою и Волгою; кочевья коссумовской орды такимъ образомъ простирались на правой, или крымской сторонѣ Волги, между тѣмъ какъ Шійдякова орда кочевала на лѣвой, или на ногайской сторонѣ Волги и по р. Уралу. Наконецъ, во главѣ послѣдней, сибирской орды, находился третій изъ братьевъ, князь Шихмамай [2]).

Вниманіе свое я останавливаю исключительно на Ногаяхъ, которые кочевали вдоль по. рр. Волгѣ и Уралу и находились въ зависимости отъ князя Шійдяка и преемниковъ его *). Ногайцы по происхожде-

---

[1]) Изслѣд. Вельям.—Зернова II, 410 с.

[2]) Герберштт. 90 с.

*) Нижеслѣдующій очеркъ быта, занятій, устройства и отношеній Ногаевъ къ сосѣднимъ ордамъ и государствамъ сдѣланъ на основаніи ногайскихъ дѣлъ, которыя содержатъ въ себѣ сношенія ногайскихъ князей и мирзъ съ великими князьями и царями московскими и донесенія пословъ русскихъ въ Москву изъ Ногайской земли. Эти дѣла находятся въ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ и заключаются въ тетрадяхъ отъ № 1 до 10 включительно. Хотя въ Архивѣ существуютъ еще 2 тетради ногайскихъ дѣлъ за №№ 11 и 12, но послѣдніе нумера содержатъ уже не сношенія Москвы съ Ногаями: № 11 заключаетъ въ себѣ именной списокъ мирзъ и улусныхъ людей, которые перешли въ 1642 году съ крымской стороны на ногайскую; № 12 содержитъ перепись въ 1659 году ногайской

нію своему причисляются изслѣдователями къ тюрко-

орды Алея, князя Урусова. Кромѣ этого, есть еще тетрадь ногайскихъ дѣлъ безъ нумера, заключающая въ себѣ сношенія отъ 1489 по 1509 г. Ногайскія дѣла за № 1 (1534 г.) начали печататься въ приложеніи къ «Исторіи Россійской» кн. Щербатова, т. V. ч. I-я; затѣмъ печатаніе ихъ продолжалось въ Библіоѳикѣ» Новикова, и они составили собою 27—31 части; въ 27 части акты начинаются съ 225 стр.; остальныя же части всѣ наполнены исключительно ими. Напечатаны акты, заключающіеся въ №№ 1—7; на 8 № (177 л.) печатаніе остановилось. Года, заключающіеся въ нихъ, отъ 1534 до 1565; впрочемъ иногда находятся значительные перерывы въ документахъ, простирающіеся на цѣлые года. Напечатаны акты большею частію удовлетворительно; только въ немногихъ мѣстахъ они потребовали исправленія отъ нѣкоторыхъ неточностей, которыя хотя и незначительны, но иногда не безъ серіознаго значенія. Какъ на примѣръ, укажу на слѣдующій фактъ: въ 29 ч. 30 стр. при передачѣ содержанія актовъ и грамотъ сказано, что въ 1552 году изъ Казани прислали къ ногайскому князю Юсуфу людей, чтобъ имъ на Казань далъ царевича, и людей бы съ ними многихъ посылалъ, и Юсуфъ князь далъ имъ на Казань астраханскаго царевича Едигера, и съ нимъ послалъ своихъ мирзъ (такихъ-то) и людей съ ними послалъ многихъ». Между тѣмъ какъ въ рукоп. (ногайскіе акты № 4 л. 131 и 132) сказано: «А прислали къ Юсуфу князю изъ Казани люди стѣмъ, чтобъ имъ на Казань дали царевича, а людей бы съ ними многихъ не посылалъ. И Юсуфъ князь» и проч. какъ въ печатномъ. Далѣе въ рукоп. «а людей съ нимъ посылалъ не многихъ». Эта незначительная, повидимому, ошибка имѣетъ значеніе, если вспомнить, что Казанцы не разъ возмущались именно тѣмъ, что цари Гирея приводили иногда съ собою изъ Крыму многихъ Крымцевъ, которыхъ въ Казани обыкновенно раздавали значительныя должности и земли, отнимая послѣднія у Казанцевъ, и этимъ, понятно, возбуждали неудовольствіе послѣднихъ. Объ этомъ см. П. с. л. VIII. 1541 г. Ник. VII. 1551 г. (31 с.) Рус. Вивл. 36 ч. 142 с. На 1562 г. оканчиваются собственно сношенія съ Ногаями. Князья и мирзы ногайскіе грамоты свои въ Москву писали обыкновенно на своемъ языкѣ, и онѣ для государя переводились обыкновенно толмачами въ посольскомъ приказѣ.

татарскимъ племенамъ [1]). Занятіе ихъ, какъ народа по преимуществу кочеваго, составляло скотоводство; съ особеннымъ стараніемъ они разводили лошадей, которыя, какъ видно, составляли главное ихъ богатство. Лошадьми они торговали и въ Москвѣ, куда иногда пригоняли ихъ до 50.000 въ годъ (1534 г.). Кромѣ лошадей, они разводили еще рогатый скотъ и верблюдовъ. Рынкомъ для рогатаго скота имъ служила преимущественно Казань, а Москва для лошадей; впрочемъ по временамъ они пригоняли въ Москву также и овецъ. Но не однимъ только скотоводствомъ занимались Ногайцы: у нихъ мы также встрѣчаемъ и нѣкоторые начатки земледѣлія—около города Сарайчика: здѣсь, недалеко отъ р. Урала *), у нихъ находились пашни, на которыхъ они сѣяли пшеницу. По всей вѣроятности, жители Сарайчика главнымъ образомъ и занимались земледѣліемъ; поэтому, должно быть, сами Ногайцы считали ихъ „людьми невоинскими", т. е. болѣе миролюбивыми, чѣмъ остальные Ногаи-кочевники. Въ Сарайчикѣ же, вѣроятно, происходила и незначительная торговля, потому что ногайскій князь Измаилъ во время голода между своими улусами и мора среди стадъ, слѣдовательно въ большой нуждѣ, собирается поставить въ Сарайчикѣ таможеннаго чиновника („дорогу").

Ногайцы раздѣлялись на юртовыхъ, жившихъ въ

---

[1]) «Der Ugriche Volks». Müller I, 36, 144 с. «Истор. обозр. Ойратовъ» Іакинфа 148 с.

*) Предположеніе это сдѣлано на основаніи словъ Измаила князя къ царю въ Москву въ 1557 году: »А пашню Сарайчиковскую вода взяла.... и ты бъ намъ прислалъ на сѣмена судно хлѣба». Рос. Вивл. 29 ч. 284—285 с.

городѣ („юртѣ") Сарайчикѣ, и на улусныхъ, кочевавшихъ со своими стадами и телѣгами, на которыхъ помѣщались ихъ семьи. Остановившись гдѣ-либо, они раскидывали свои шатры и оставались до тѣхъ поръ на мѣстѣ, пока трава не истреблялась ихъ стадами. Обыкновенно они заранѣе распредѣляли, какой части орды, въ какихъ мѣстахъ кочевать; мѣста для кочевокъ чаще всего обозначались именами рѣкъ, вѣроятно, потому, что по ихъ берегамъ находились богатыя пастбища. Ногайцы, какъ и ихъ соплеменники Татары, зиму проводили около Каспійскаго моря, а лѣтомъ уходили вверхъ по Уралу и Волгѣ; такимъ образомъ, подвигаясь постепенно, они доходили нерѣдко до р. Камы и до окрестностей Казани.

Ногаи исповѣдывали магометанскую религію, и ихъ муллы бывали приближенными лицами къ князю, слѣдовательно были не безъ вліянія на общественныя дѣла. Какъ на одну изъ особенностей этого полукочеваго племени, слѣдуетъ указать на особую заботу ихъ о кладбищахъ съ памятниками (кишени) надъ усопшими.

Внутреннее устройство Ногайцевъ вытекало изъ ихъ родоваго быта со всѣми недостатками, характеризующими этотъ бытъ *). У Ногаевъ во главѣ орды стоялъ князь; сыновья его, равно какъ и всѣ члены этого рода, носили званіе мирзъ. По смерти князя его замѣщалъ обыкновенно старшій въ родѣ, т. е. либо слѣдующій за нимъ братъ его, если таковой былъ, ли-

---

*) Останавливаюсь нѣсколько подробнѣе на внутреннихъ отношеніяхъ Ногаевъ въ виду серіознаго значенія, какое вообще имѣетъ родовой бытъ въ Русской исторіи.

бо старшій сынъ его. Князь въ глазахъ своихъ родственниковъ, мирзъ, былъ „отецъ“ и „старѣйшій братъ“, сами же они были „младшими братьями“ его [1]). Когда Ногаи стали въ близкія отношенія къ Россіи, они и на царя московскаго перенесли свои родовыя отношенія. Одинъ изъ ногайскихъ мирзъ писалъ (1555 г.) царю: „если ты старше меня годами, то будешь старшимъ братомъ моимъ, буде же ты меня моложе, въ такомъ случаѣ будешь младшимъ моимъ братомъ“ [2]). Старшій послѣ князя мирза (нурадынъ Урусъ) послѣ смерти своего отца, князя Измаила, писалъ царю (1564 г.): „отецъ нашъ держалъ тебя въ старѣйшинствѣ и, сдѣлавъ насъ (т. е. сыновей) твоими младшими братьями, скончался; нынѣ старѣйшій братъ нашъ (онъ же и князь) хочетъ тебя въ отца мѣсто держать, изъ твоего повелѣнія выступить не желаетъ“ [3]). Мирзы, въ свою очередь, также считались между собою старшинствомъ: одинъ изъ мирзъ въ грамотѣ своей къ царю (1578 г.) именуетъ себя старшимъ предъ 15 мирзами; другой мирза (1549 г.) называетъ себя въ грамотѣ „большимъ братомъ“ пятидесяти мирзамъ [4]). Князь обыкновенно владѣлъ городомъ Сарайчикомъ и въ немъ проводилъ большею частью зиму. Князья и мирзы въ зависимости отъ себя имѣли улусы, которые состояли изъ улусныхъ людей, или простыхъ Ногайцевъ. Количество улусовъ у нихъ обусловливалось отчасти личными свойствами мирзы, т. е. былъ

---

[1]) Рус. Вивл. 28 ч. 103 с.; 29 ч. 5 и 174 с; 30 ч. 26, 127—128 с. Рук. № 8, 250 л.

[2]) Ibid 29 ч. 196 с.; 30 ч. 73, 127 с.с.

[3]) Ib. 30 ч. 73, 115 и 127 с.с.

[4]) Ib. 28 ч. 190 с. Рук. № 8, 373 л.

ли онъ любимъ улусными людьми, или нѣтъ, отчасти же улусы могли переходить къ нему по наслѣдству [1]). Существуетъ извѣстіе, что послѣ смерти ногайскаго князя „люди его собранья" всѣ переходятъ ко второму сыну; карачіи же, уланы и всѣ лучшіе приближенные къ князю люди переходятъ къ третьему сыну; такимъ образомъ старшій сынъ его сталъ княземъ и унаслѣдовалъ потомственные улусы отца, второй сынъ получаетъ званіе нурадына и людей, собранныхъ его отцомъ, а третій—людей чиновныхъ, близкихъ къ отцу и богатыхъ. Впрочемъ иногда послѣ смерти князя улусы его, не смотря на существованіе наслѣдниковъ, расходились кочевать къ разнымъ мирзамъ [2]). Отношенія князя къ мирзамъ и его власть были не совсѣмъ опредѣленны и во многомъ зависѣли отъ личныхъ свойствъ лица, находившагося во главѣ орды. Такъ, напримѣръ, кромѣ качествъ, необходимыхъ всякому предводителю полукочеваго и воинственнаго племени: личнаго мужества и распорядительности, онъ долженъ былъ еще быть „юртный человѣкъ", т. е. онъ обязанъ былъ, вѣроятно, своими заботами о благѣ Ногаевъ вообще и мирзъ въ частности пріобрѣсти себѣ ихъ симпатіи, чтобъ простые люди и мирзы отовсюду шли къ нему. Если же въ немъ не было этого свойства, то Ногайцы расходились по сосѣднимъ землямъ, гдѣ кочевалъ князь другой орды (Коссумъ) или жили народы имъ соплеменные (Крымъ, Киргизъ-Кайсаки, Бухара и друг.); въ такомъ случаѣ трудно бы-

---

[1]) Ibid. 28 ч. 170 с.; 30 ч. 224 и 237; 31 ч. 260, 269. Рукоп. № 8, 192—193 л.

[2]) Ib. 30 ч. 304; 31 ч. 115 с. Рукоп. № 8, 211 л. и № 10, 162 л. Рус. ист. биб. III, 196 с.

ло слѣдить за ними, чтобы удержать ихъ на старыхъ кочевьяхъ въ зависимости отъ князя, къ которому они были мало расположены. У ногайскихъ князей, по ихъ собственнымъ словамъ, „люди живутъ на полѣ, воротъ у нихъ нѣтъ и удержать ихъ они не могутъ“ [1]). Отношенія мирзъ къ князю выражались въ томъ, что всѣ они, „братья и племянники, равно какъ и вся ногайская орда на него смотрятъ“, или, какъ образно выражаются сами Ногайцы, „поводы уздъ своихъ даютъ ему въ руки“ [2]) У Ногайцевъ князь былъ „большой всей ногайской ордѣ“ или „государь всей землѣ Ногайской“, а мирзы были его дѣтьми и холопами [3]). Однако подобныя отношенія не исключали нисколько возможности столкновеній и при случаѣ даже междоусобій между мирзами и княземъ, потому что и мирза въ свою очередь почиталъ себя „государемъ на своемъ государствѣ и въ своей землѣ“ [4]). Сила и значеніе князя въ отношеніи къ сосѣднимъ племенамъ и ордамъ болѣе всего обусловливались количествомъ мирзъ, находившихся подъ его властью. Но мирзы, не исключая и близкихъ родственниковъ князя, могли „отъѣхать“ отъ него, если только были имъ недовольны; хотя князья считали такихъ мирзъ „бѣглыми“, но они не стѣснялись этимъ и переходили со своими улусами къ Коссуму, въ Ас-

---

[1]) Ib. 29 ч. 18—19, 23, 40, 59—60 с с. Рукоп. № 8, 371 л. и № 10, 144 и 162 л.

[2]) Ник. л. VII, 1555 г. (229 и 230 с.). Вивл. 29 ч. 240 с. Рук. № 9, 303 л.

[3]) Вивл. 28 ч. 263 с. Рук. № 9, 152 л. и № 10 л. 5.

[4]) Вивл. 28 ч. 191 и 230 сс. Рукоп. № 8, 345 л.

тражань, въ Крымъ, къ Киргизамъ и въ Бухару [1]). Поводовъ къ неудовольствію на князя имъ могло представляться не мало вслѣдствіе патріархальныхъ и довольно неопредѣленныхъ отношеній между мирзами и княземъ. Въ дѣлахъ, въ которыхъ заинтересована была вся ногайская орда, князь, повидимому, долженъ былъ совѣщаться съ своими родными и вообще со всѣми мирзами; рѣшеніе въ подобныхъ случаяхъ принималось, вѣроятно, всѣми сообща [2]). Въ нѣкоторыхъ же дѣлахъ, напримѣръ, когда необходимо было клятвою подтвердить союзъ орды съ кѣмъ-либо, когда слѣдовало отпустить ногайскихъ пословъ въ сосѣднюю землю или нужно было идти войною на кого-либо,—требовалось участіе не только мирзъ, но и „лучшихъ улусныхъ людей", т. е. старыхъ и болѣе зажиточныхъ Ногайцевъ. Участіе послѣднихъ выражалось подъ часъ даже въ довольно рѣзкой формѣ: ногайскій князь Урусъ, чувствуя себя оскорбленнымъ русскимъ царемъ, собрался въ походъ на русскія украйны, но лучшіе люди съ мирзами „князя съ коня ссадили" и не дозволили ему такимъ образомъ пойти войною на Русь.

Не только лучшіе люди, но и бѣдные, или черные люди принимали участіе у Ногайцевъ въ общественныхъ дѣлахъ, и голосъ ихъ иногда имѣлъ рѣшающее значеніе: такъ, однажды черные люди „отговорили" посылать въ Крымъ ногайскихъ пословъ [3]). Между тѣмъ согласіе въ подобныхъ случаяхъ не всегда могло

---

[1]) Ib. 27 ч. 275, 284; 29 ч. 18—19, 23—40. Рукоп. № 8, л. 371, № 10, 144, 148—149 л.

[2]) Ib. 28 ч. 33 с. Рук. № 10, 87 л.

[3]) Ib. 27 ч. 228 с; 29 ч. 101, 183 с.; 30 ч. 184 с. Рукоп. № 9, 153—154; 156—157, 160 л.л.

быть достигнуто между мирзами и княземъ вслѣдствіе различія ихъ интересовъ: князь, напримѣръ, имѣлъ торговыя сношенія съ Бухарой, и ему выгодно было дѣлать набѣги на русскія украйны, „уводить въ полонъ людей и животину" съ нихъ; вліятельный же мирза могъ вести торговлю съ Россіею, и ему вслѣдствіе торговыхъ выгодъ, получаемыхъ отъ нея, неудобно было ссориться съ Россіею, поэтому онъ не соглашался принимать участіе въ походѣ и могъ отговаривать другихъ мирзъ. Эти послѣдніе могли охотно склоняться на это, потому что отъ русскаго царя можно было за „дружбу" получать богатые дары, пушки, пищали и даже стрѣльцовъ „на обереганье". Такимъ образомъ разнообразіе выгодъ должно было вызывать несогласія и по временамъ даже междоусобія среди Ногайцевъ [1]). Въ подобныхъ случаяхъ происходили сильныя передвиженія между ними: многіе изъ мирзъ и простыхъ людей отъѣзжали безъ боя отъ одного противника къ другому и въ сосѣднія страны, смотря по представлявшимся имъ выгодамъ [2]). Кромѣ такихъ выдающихся случаевъ, неудовольствія въ ордѣ должны были происходить и потому еще, что ногайскій князь вмѣстѣ съ мирзами давали государямъ русскимъ клятвенную запись „дружить прямо"; на дѣлѣ же большая часть мирзъ, иногда и сами князья, смотрѣли на свою клятву только какъ на средство выманить отъ царя побольше подарковъ, и если выгодно было воевать съ Россіею, то они, слѣдуя своимъ хищническимъ инстинктамъ, не стѣснялись грабежомъ не

---

[1]) Ib. 27 ч. 265 с; 28 ч. 83, 86, 127 сс.; 29 ч. 101 с. Ник. VII. 1555 (229—230 с.) Рук. № 8, 345 л.

[2]) Ib. 27 ч. 275 с.; 29 ч. 240, 261 сс. Рук. № 8.

только украйнъ, но и русскихъ пословъ [1]). Сами мирзы въ грамотахъ своихъ къ царю иногда говорили прямо, что они своихъ улусныхъ людей „унять" не могутъ; иногда же въ своихъ записяхъ оговаривались слѣдующимъ образомъ: „коли мои младшіе братья или дѣти захотятъ пойти войною на вашу сторону, то я постараюсь ихъ, если смогу, удержать, если же не буду въ состояніи ихъ отклонить отъ похода, то мы (присягающіе) извѣстимъ тебя о ихъ сборахъ" [2]). Но понятно, что въ случаѣ нападенія русскіе все-таки съ упрекомъ обращались къ князю или къ вліятельнымъ мирзамъ, выговаривая имъ за грабежи русскихъ окраинъ, при чемъ требовали отъ нихъ большей энергіи въ удержаніи младшихъ мирзъ отъ вторженій въ предѣлы Россіи [3]). Въ такихъ случаяхъ мирзы, недовольные тѣмъ, что ихъ удерживали отъ нападеній, могли тоже „отъѣзжать" со своими улусами въ сосѣднія страны, гдѣ жили ихъ же соплеменники, вмѣстѣ съ которыми они могли безнаказанно грабить сосѣдей. Между тѣмъ, значеніе князя какъ внутри, такъ и во внѣшнихъ сношеніяхъ обусловливалось преимущественно числомъ и силой мирзъ и улусныхъ людей; поэтому было естественно его стремленіе привлекать ихъ къ себѣ подарками и даже поблажками хищничеству *). Сыновья и племянники

---

[1]) Ник. л. VII, 1542 г. (32 с.). «Историч. обозрѣніе Ойратовъ, или Калмыковъ» Іакинфа, 31—32 с. «Истор. Рос.» кн. Щербатова т. V, ч. I, прилож. 493—494 с. Вивл. 29 ч. 19, 52 с. Рук. № 10, 63 л.

[2]) Вивл. 28 ч. 103, 169 с; ч. 30, 180 с; 31 ч. 224 с.

[3]) Рук. № 10, 59 и 63 л.л.

*) Характеристичны въ этомъ отношеніи слова ногайскаго князя Юсуфа московскому служилому татарину, ограбленному въ дорогѣ Юсуфовымъ посломъ, вмѣстѣ съ которымъ его посла-

князя уходили легко вмѣстѣ съ остальными мирзами къ сосѣдямъ; когда такимъ образомъ ихъ собиралось въ сосѣдствѣ много, то они становились опасны для самого князя, потому что могли легко соединиться съ тѣмъ, къ кому отъѣхали, и отомстить князю. Поэтому бывали такого рода явленія, что князь совѣщается съ оставшимися при немъ мирзами, чтобы идти вмѣстѣ на сосѣда, къ которому бѣжали многіе мирзы, и потребовать, „либо пусть онъ ихъ выдастъ, либо пусть его помиритъ съ ними, чтобъ они воротились къ нему обратно“ [1]). Кромѣ мирзъ, которые отъѣзжали отъ князя изъ орды, были мирзы, жившіе казаками, т. е. бѣглецами, и, кажется, безъ улусовъ [2]). Кромѣ мирзъ, у Ногаевъ, какъ и въ Казани, были карачіи и уланы, значеніе которыхъ здѣсь было тоже довольно большое [3]).

Городовъ строить Ногайцы, по собственному признанію ихъ, еще не умѣли, и когда имъ необходимо было воздвигнуть для себя таковой, то они обращались въ Москву, прося у государя людей искусныхъ

ли изъ Москвы. На свою жалобу князю объ этомъ обстоятельствѣ онъ получилъ такой отвѣтъ: «мнѣ тебя для своихъ улусовъ не разогнати; а какъ пойдутъ отъ меня Магметово племя (имя посла грабителя) къ Москвѣ, то ты ихъ тамъ ограбь; я ему тебя грабить не велѣлъ». Вивл. 29 ч. 53 с.; 31 ч. 218 с. Рук. № 8, л. 371.

[1]) Вивл. 27 ч. 275, 282 и 283 сс.

[2]) Вивл. 28 ч. 211 с.; 29 ч. 209, 214, 235 сс.; 30 ч. 151 с. Рукоп. № 10, л. 140.

Самое слово казакъ на тюркскомъ нарѣчіи означаетъ бродяга, удалой. «Изслѣд. о касим. царяхъ» Вельяминова-Зернова II, 272 с.

[3]) Вивл. 27 ч. 241, 278 и 287 с.; 30 ч. 128 с. Ник. VII, 1550 (72).

„для городоваго дѣла“ [1]). О степени развитія Ногайцевъ можно судить отчасти по тому, что́ князья и мирзы ихъ получали изъ Россіи: здѣсь, кромѣ боевыхъ принадлежностей (панцырей, шлемовъ, сабель), мы встрѣчаемъ зимнее и лѣтнее платье, поставы суконъ, бумагу, чернильницы, печати, краски, сѣдла, желѣзные гвозди и шатры [2]). Для обученія грамотѣ Ногайцы иногда отправлялись въ Крымъ, гдѣ, вѣроятно, учителя были лучше, чѣмъ у нихъ [3]).

Между рукавами Волги, недалеко отъ впаденія ея и отъ развалинъ древняго Итиля, возникъ татарскій городъ Астрахань [*]). Благодаря своему выгодному мѣстоположенію, Астрахань достигла скоро значительной степени развитія. Было время, когда Венеціанцы получали азіатскіе товары, которыми они торговали исключительно изъ Азова (Тану), откуда они вывозили ихъ на своихъ галерахъ; но эти произведенія на своемъ пути изъ Азіи къ Азовскому морю

---

[1]) Вивл. 28 ч. 65 с.; 29 ч. 304 с.: 30 ч. 12—13 с.

[2]) Ib. 27 ч. 264—267, 291 с.; 28 ч. 83, 176—178, 185—186 с.; 29 ч. 298; 30 ч. 270 сс.

[3]) Ib. 28 ч. 179 с.

[*]) Астрахань въ лѣтописяхъ нашихъ и у иностранныхъ путешественниковъ половины и конца XV столѣтія именуется либо «Хазьторокань», либо «Цистрахань» (П. с. л. VIII, 1375 г. 23 с.; Библ. иностр. писат. I: Барбарини 56 с., Контарини 91 с.). Происхожденіе этого названія объясняютъ различно: одни указываютъ на то, что земля, на которой стоитъ Астрахань, называлась издавна у писателей Цитраканъ; другіе объясняютъ это названіе титуломъ ханскаго чиновника, которому этотъ улусъ отдавался въ управленіе. У турецкихъ и татарскихъ народовъ этотъ городъ именуется Хаджи-Терканъ, что, по замѣчанію нѣкоторыхъ, какъ бы указываетъ на магометанскаго святаго. Müller. Strom. 579. Положен. инор. Н. Ѳирсова, 10 с.

должны были проходить чрезъ Астрахань [1]). Позже, когда предпріимчивые Генуезцы раскинули факторіи свои по берегу Чернаго моря, Астрахань для нихъ стала стоянкою въ ихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Азіею [2]). Понятно поэтому, какъ вслѣдствіе всѣхъ этихъ условій торговыя сношенія съ Астраханью должны были оживиться и какъ этотъ городъ долженъ былъ разбогатѣть и увеличиться. Но отчасти это самое богатство Астрахани могло привлечь къ ней знаменитаго азіатскаго завоевателя Тамерлана, который въ концѣ XIV столѣтія взялъ и разрушилъ ее. Еще около половины XV вѣка она представляла собою печальный видъ разрушенія; но въ началѣ XVI столѣтія она уже упоминается какъ богатый торговый городъ, сообщившій свое имя окрестной странѣ [3]). Внутреннее устройство Астрахани было такое же, какъ и Казани, въ которой жили ихъ соплеменники; по крайней мѣрѣ у нихъ упоминаются тѣ же бики, князья, мирзы и уланы; даже и состояніе черныхъ людей здѣсь было въ общемъ то же, что и въ Казани— они платили ясакъ [4]). Поэтому врядъ ли будетъ смѣлымъ предположеніе, что и отношеніе мѣстной аристократіи къ царю въ Астрахани было такое же, какъ и въ Казани. Земледѣліе и торговля составляли главное занятіе жителей этого царства; но такъ какъ пространства пахотной земли было немного (главнымъ

---

[1]) Биб. иностр. писат. I, 56.

[2]) Strom. Müller, 580.

[3]) Биб. иностр. I, 56. Герберштт. 111 стр.

[4]) Ник. л. VII, 1557 г. (287 с.). «Изслѣдов. о Касим. царяхъ и царевичахъ» Вельяминова—Зернова II, 411 с.

образомъ по р. Бузану *), то и земледѣліемъ, по всей вѣроятности, занимались лишь немногіе изъ Астраханцевъ. Слѣдовательно и здѣсь торговля составляла преимущественное занятіе жителей. Сами Казанцы нѣкоторые свои товары сбывали на астраханскомъ рынкѣ, а отсюда въ свою очередь нѣкоторыя изъ произведеній привозились въ Казань [1]). Господствующая религія въ Астраханскомъ царствѣ была магометанская, хотя впрочемъ еще въ XV столѣтіи среди жителей попадались язычники [2]).

Мы остановились нѣсколько подробнѣе на общественныхъ союзахъ, существовавшихъ въ это время въ Поволжьѣ, потому, что дальнѣйшее колонизаціонное движеніе Россіи по Волгѣ находится въ тѣсной связи съ тѣми отношеніями и столкновеніями, въ которыя по необходимости русское общество должно было вступить съ ними, прежде чѣмъ присоединеніемъ ихъ къ себѣ открыть своимъ людямъ мѣста для поселенія въ этихъ странахъ. Знакомство съ внутреннимъ составомъ этихъ союзовъ уясняетъ намъ отношенія Россіи къ нимъ въ различное время ихъ существованія.

Одна изъ особенностей древней Россіи была, между прочимъ, та, что она находилась въ сосѣдствѣ либо съ малонаселенными, либо съ совершенно пустынными странами. На югѣ, какъ мы видѣли, невыгоды подобнаго сосѣдства дали себя почувствовать народонаселенію очень рано; поэтому здѣсь являлись нѣкоторыя

---

*) Одинъ изъ лѣвыхъ рукавовъ р. Волги.

[1]) Герберштт. 105, 110 сс.

[2]) Биб. иностр. писат. I, 28 с. Ник. л. VII, 1557 г. (287 с.).

средства, которыя князья употребляли для защиты своихъ волостей отъ обитателей степи. Между такими средствами однимъ изъ первыхъ было построеніе городовъ, гдѣ окрестное населеніе въ случаѣ нужды могло находить себѣ убѣжище и гдѣ дружина въ соединеніи съ горожанами защищала себя и свое достояніе. Вмѣстѣ съ построеніемъ городовъ на окраинахъ князья старались иногда для лучшей защиты своей страны привлекать въ такіе города и селить нѣкоторыхъ изъ предводителей степнаго населенія и даже самихъ степняковъ [1]). Нельзя не признать разумности за подобною мѣрою, служившею къ тому, чтобы пользоваться воинственностію и энергіею степныхъ жителей для защиты земледѣльческаго населенія страны отъ ихъ же соплеменниковъ. Сѣверовосточная Русь хотя также находилась въ сосѣдствѣ съ землями, въ которыхъ жили разбросанно полукочевые народы, но послѣдніе отчасти входили въ составъ организованнаго царства, и дѣятельность ихъ такимъ образомъ могла хоть нѣсколько регулироваться общественнымъ союзомъ, къ которому они принадлежали. Не то стало впослѣдствіи, когда въ этихъ мѣстахъ раскинулись кочевыя орды Монголовъ, особенно же когда пала Золотая орда и во главѣ ея отдѣльныхъ отраслей появились военачальники, которые не считали нужнымъ сдерживать своихъ людей и себя отъ вторженій и грабежа русскихъ областей. Тогда и здѣсь, на сѣверѣ, явилась необходимость прибѣгнуть къ средствамъ, которыя практиковались съ нѣкоторымъ успѣхомъ на югѣ Россіи, хотя мы уже въ началѣ XIV вѣка встрѣ-

---

[1]) См. I гл., 62 и 64 стр.

чаемъ въ русской службѣ бывшихъ татарскихъ царевичей [1]), но въ то время это были исключительныя явленія; въ XV же столѣтіи факты поступленія на русскую службу татарскихъ царевичей и мирзъ попадаются уже нерѣдко, и мы замѣчаемъ, что ихъ стараются селить въ пограничныхъ русскихъ городахъ, подвергавшихся частымъ нападеніямъ ихъ соплеменниковъ (Нижній Новгородъ, Касимовъ, Кашира). Случалось, что бѣглый ордынскій царевичъ, находясь въ крайности, самъ предлагалъ, чтобъ его оставили въ пограничномъ русскомъ городѣ „стеречь Русскую землю въ продолженіе всей жизни" [2]). Особенную извѣстность пріобрѣлъ себѣ въ этомъ отношеніи городокъ Касимовъ, которымъ въ теченіе весьма продолжительнаго времени одинъ за другимъ управляли татарскіе царевичи. На присутствіе ихъ въ Русскомъ государствѣ иногда даже указывалось представителямъ магометанства, какъ на рѣшительное доказательство вѣротерпимости по отношенію къ магометанамъ въ Россіи. Въ послѣдующихъ отношеніяхъ Россіи къ сосѣднимъ магометанскимъ общественнымъ союзамъ, въ ея борьбѣ съ ними и въ утвержденіи среди нихъ ея вліянія большое значеніе имѣли служилые татарскіе царевичи: по временамъ они были послушными орудіями въ рукахъ ловкой московской политики.

Казань, возобновленная Улу-Махметомъ, вмѣстѣ съ притязаніями своими относительно границъ по лѣвой сторонѣ Волги даетъ знать и о характерѣ буду-

---

[1]) Ник. л. III, 1301 г. (314 с.).
[2]) П. с. р. л. VIII, 1438 г. (107 с.).

щихъ своихъ отношеній къ Россіи, который главнымъ образомъ состоялъ во вторженіяхъ съ цѣлью грабежа и увода въ плѣнъ населенія. Поэтому русскому правительству нужно было внимательно слѣдить за всѣмъ, что происходило въ Казани; ему нельзя было оставаться равнодушнымъ зрителемъ отношеній между различными партіями, которыя такъ легко составлялись среди многочисленной и сильной аристократіи Казанскаго царства. Во второй половинѣ XV вѣка (1467 г.) московскій служилый царевичъ Касимъ получилъ отъ нѣкоторыхъ казанскихъ князей приглашеніе въ Казань на царскій престолъ. Великій князь московскій Іоаннъ III не желалъ пропускать удобнаго случая пріобрѣсти при посредствѣ Касима вліяніе въ Казани. Поэтому Касимъ получилъ въ помощь довольно значительное русское войско, съ которымъ и отправился къ Казани. Но казанскій царь Ибрагимъ, вѣроятно, предупрежденный уже заранѣе объ этомъ, ожидалъ русскаго претендента на перевозѣ и не допустилъ его даже перейти на лѣвую сторону Волги [1]). Такимъ образомъ эта попытка со стороны московскаго великаго князя окончилась неудачно; только со смертію Ибрагима и при его сыновьяхъ открылась возможность для Россіи утвердить свое вліяніе въ Казани. Послѣ Ибрагима осталось нѣсколько сыновей, изъ которыхъ старшій Алегамъ былъ отъ его первой жены, а слѣдующій Магметъ-Аминь отъ другой жены. Въ Казани образовались двѣ партіи: одна стояла за старшаго брата, а другая за Магметъ-Аминя. Первая партія, поддерживаемая Ногаями, одержала верхъ, и

---

[1]) П. с. р. л. VIII, 1468 г.

Алегамъ сталъ царемъ въ Казани. Тогда Магметъ-Аминь, побуждаемый своею партіею, пріѣхалъ въ Москву, назвалъ Іоанна отцомъ и просилъ помощи противъ Алегама. Великій князь принялъ Магметъ-Аминя и далъ ему въ помѣстье городъ Каширу. Іоанну выгодно было такъ поступить еще и потому, что мать Аминя, царица Нурсалтанъ, сдѣлалась женою вѣрнаго союзника Москвы крымскаго царя Менгли-Гирея, которому это, слѣдовательно, должно было доставить удовольствіе. Однако недолго Магметъ-Аминю пришлось прожить въ Каширѣ, потому что скоро въ Москву пришло извѣстіе отъ казанскихъ вельможъ, что они воюютъ съ своимъ царемъ и просятъ прислать къ нимъ Магметъ-Аминя, котораго они будто бы отпустили только на время въ Россію. Великій князь послалъ своихъ воеводъ съ войскомъ къ Казани, а за ними отправленъ былъ туда и Магметъ-Аминь. Русскіе воеводы осадили Казань и по прошествіи небольшаго времени овладѣли ею вмѣстѣ съ царемъ, его семьею и приверженцами. Магметъ-Аминь былъ возведенъ на казанскій престолъ „изъ руки" великаго князя московскаго; Алегамъ съ семействомъ сосланъ на Бѣлоозеро, а преданные ему князья и уланы казнены въ Москвѣ [1]). Такимъ образомъ въ Казани воцарился человѣкъ, обязанный своимъ престоломъ Россіи, вліяніе которой и утвердилось здѣсь на нѣкоторое время. Но и ногайская партія въ Казани была еще, вѣроятно, довольно сильна, потому что новый царь просилъ въ Москвѣ позволеніе жениться на до-

---

[1]) П. с. л. т. VIII, 1487 г. Карамз. VI, 174, 178, прим. 298. Истор. Рос. С. Соловьева V, 89 с.

чери ногайскаго хана: подобные браки, по крайней мѣрѣ, позднѣе, заключались казанскими царями съ тѣмъ, „чтобъ земля Казанская въ упокоѣ была“ [1]). Значительное вліяніе Россіи въ Казани при Магметъ-Аминѣ замѣтно не въ томъ только, что царь казанскій испрашиваетъ у великаго князя московскаго разрѣшенія для своей женитьбы: при немъ въ Казанскомъ царствѣ мы встрѣчаемъ русскаго, который собираетъ съ подданныхъ Аминя пошлины на великаго князя, что указываетъ уже на зависимость Казани отъ Россіи [2]). Въ надеждѣ на русскую силу и на свое родство съ Ногайцами, Магметъ-Аминь, вѣроятно, поступалъ рѣзко съ казанскими вельможами и этимъ возбудилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ противъ себя; они вошли въ сношенія съ царемъ шибанской орды Мамукомъ (эта орда находилась въ сосѣдствѣ съ Казанскимъ царствомъ) и пригласили его къ себѣ царствовать. Но Магметъ-Аминь узналъ объ этомъ заблаговременно и далъ знать въ Москву, откуда скоро послали воеводу съ значительнымъ войскомъ. При одной вѣсти о движеніи большой помощи къ Казани, недовольные князья убѣжали оттуда къ шибанскому царю, который и самъ, узнавъ о прибытіи въ Казань русскаго войска, уже съ дороги возвратился обратно къ себѣ.

---

[1]) П. с. л. VIII, 1533 г.

[2]) Пошлины взимались натурою: медомъ, конями, овцами, коровами и различными мѣхами; брались даже лишнія и съ насиліемъ, на что собственно и жалуется казанскій царь великому князю московскому. Карамз. VI, прим. 310. Приводя при этомъ выдержку изъ ногайскихъ дѣлъ 1489 г., Карамзинъ вмѣсто «конь коуръ», какъ стоитъ въ рук., пишетъ «конь куръ», подчеркивая послѣднее слово.

Магметъ-Аминь, успокоенный возвращеніемъ Мамука, отпустилъ домой русскаго воеводу съ войскомъ. Между тѣмъ шибанскому царю дали знать объ этомъ изъ Казани его приверженцы, и онъ скоро явился туда съ войскомъ, преданными ему вельможами и Ногайцами. Магметъ-Аминь, опасаясь измѣны среди своихъ вельможъ, убѣжалъ съ семействомъ и съ приближенными князьями въ Москву, гдѣ великій князь принялъ его съ почетомъ. Впрочемъ Мамукъ недолго продержался въ Казани: онъ началъ съ того, что захватилъ князей, которые ради него измѣнили Аминю, потомъ ограбилъ купцовъ и земскихъ людей казанскихъ. Вслѣдствіе этого, когда Мамукъ вмѣстѣ съ отпущенными наконецъ имъ князьями отправился осаждать Арскій городъ, который ему не сдавали тамошніе князья, казанскіе вельможи возвратились въ Казань и заперлись. Отсюда они послали въ Москву сеита къ великому князю съ извиненіемъ, что они ему измѣнили; вину свою они складывали на Аминя, притѣснявшаго и обижавшаго ихъ во время своего управленія въ Казани; при этомъ они просили, чтобъ теперь имъ прислали изъ Москвы другаго царя. Великій князь принялъ посла отъ казанскихъ вельможъ и назначилъ царемъ въ Казань Летифа, меньшаго брата Магметъ-Аминя, давъ послѣднему въ управленіе три русскіе города. Шибанскій царь Мамукъ, узнавъ о согласіи между Казанцами и великимъ княземъ, отступилъ отъ Казани и умеръ на возвратномъ пути домой. Вмѣстѣ съ Летифомъ посланы были изъ Москвы русскіе воеводы, которые его посадили въ Казани на царство, а князей, улановъ и земскихъ людей привели къ присягѣ „за великаго князя по ихъ

вѣрѣ" [1]). Не всѣ князья и партіи были довольны воцареніемъ русскаго претендента, который поэтому нуждался почти постоянно въ поддержкѣ изъ Москвы: чрезъ два года послѣ его восшествія на престолъ нужно было уже посылать изъ Россіи воеводъ съ войскомъ для защиты его противъ царевича Агалака, Мамукова брата, который вмѣстѣ съ казанскимъ княземъ Уракомъ шелъ на Казань. Опять при одномъ слухѣ, что идутъ московскіе воеводы съ войскомъ, противники Летифа бѣжали домой, а воеводы возвратились обратно. Вскорѣ послѣ этого русскіе воеводы снова встрѣчаются въ Казани, должно быть, для поддержки Летифа противъ людей ему непріязненныхъ, которые могли навести на него ногайскихъ мирзъ, не успѣвшихъ ничего ему сдѣлать, только благодаря русскимъ войскамъ, находившимся въ это время въ городѣ [2]). Казанскіе вельможи, замѣтивъ, что Россія обладаетъ достаточными средствами, чтобъ защищать своего кліента противъ непріятелей и поддерживать его на престолѣ казанскомъ, стали дѣйствовать противъ своего царя въ самой Москвѣ. Старанія ихъ увѣнчались успѣхомъ: великій князь послалъ воеводъ своихъ схватить Летифа за его неправду и привести въ Москву, откуда его сослали на Бѣлоозеро, а царемъ въ Казань снова посланъ былъ Магметъ-Аминь [3]). Чрезъ три года прибылъ въ Москву посолъ съ грамотою отъ Магметъ-Аминя, въ которой заключались, должно быть, нѣкоторыя претензіи, потому

---

[1]) П. с. л. т. VIII, 1496 г.
[2]) Ibid. 1499, 1500 гг.
[3]) Ист. Рос. С. Соловьева V, 92 с.

что къ нему былъ посланъ отъ великаго князя посолъ съ отвѣтомъ, „чтобъ онъ (Аминь) тѣмъ рѣчемъ всѣмъ не потакалъ". Быть можетъ, нѣсколько рѣзкій отвѣтъ великаго князя побудилъ казанскаго царя сблизиться съ Ногаями и отложиться отъ Россіи. Московскій посолъ былъ задержанъ въ Казани; русскіе купцы, пріѣхавшіе туда на ярмарку, также были схвачены, и нѣкоторые изъ нихъ были убиты, а другіе ограблены и разосланы „въ Ногаи". Самъ Магметъ-Аминь, соединившись съ 20 тысячами Ногайцевъ, вторгся въ предѣлы Россіи и осадилъ Нижній, отъ котораго впрочемъ бѣжалъ на третій день [1]). Такимъ образомъ не задолго до своей смерти Іоаннъ долженъ былъ видѣть непрочность своей власти въ Казани, въ которой онъ повидимому такъ самовластно распоряжался.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ Василія III, сына и преемника Іоаннова, былъ походъ русскаго войска къ Казани. Не смотря на значительность рати, этотъ походъ не удался, и, какъ кажется, вслѣдствіе неосмотрительности главнаго начальника, которымъ былъ родной братъ великаго князя [2]). Эта неудача не ослабила энергіи Василія, и онъ сталъ готовиться къ новому походу на Казань. Но Магметъ-Аминь поспѣшилъ послать своего человѣка въ Москву, „чтобы великій князь его пожаловалъ, проступку его ему отдалъ, взялъ бы съ нимъ миръ по старинѣ, какъ было съ отцемъ его", обязуясь при этомъ отпустить задержаннаго въ Казани русскаго посла, купцовъ и плѣнныхъ, захваченныхъ въ этой войнѣ. Василій, „приго-

---

[1]) П. с. л. т. VIII, 1506 г. Ист. о Каз. царствѣ 45 с.
[2]) П. с. л. т. VIII, 1506 г. Ник. л. ч. VI, 1506 г. (175 с.).

воря съ братьею и съ бояры", простилъ его и заключилъ съ нимъ миръ на тѣхъ условіяхъ, какія у Аминя были съ его отцомъ [1]). Нѣсколько позднѣе Магметъ-Аминь или отъ раскаянія, или потому, что замѣтилъ послѣ своей измѣны недовѣріе къ себѣ въ Москвѣ, обратился къ великому князю съ просьбою, чтобъ онъ послалъ въ Казань „вѣрнаго человѣка", предъ которымъ онъ бы могъ „великому князю исповѣдатись въ томъ лихомъ дѣлѣ, которое напередъ того учинилъ"; въ будущемъ онъ желаетъ быть съ великимъ княземъ „въ крѣпкой шерти, въ вѣчномъ миру, въ дружбѣ и въ любви". Въ Москвѣ уважили его желаніе, послали въ Казань то довѣренное лицо, которое назвалъ самъ Аминь, и онъ предъ нимъ „свою тайну исповѣдалъ чисто", послѣ чего къ Россіи сталъ въ такія отношенія, какихъ добивался [2]). Чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда Магметъ-Аминь сильно заболѣлъ, въ Казани поднялся естественно вопросъ о преемникѣ ему. Больному царю и его приближеннымъ желательно было передать престолъ злополучному Летифу, который послѣ низложенія, по ходатайству своихъ родственниковъ, былъ прощенъ, но какъ будто для того, чтобъ потомъ снова подвергнуться опалѣ. Изъ Казани прибыло въ Москву посольство отъ Аминя съ просьбою, чтобъ великій князь простилъ Летифа и назначилъ его царемъ въ Казань, „а царь и вся земля Казанская дадутъ великому князю правду, какову онъ похочетъ, что имъ безъ его вѣдома на Казань никакова царя ни царевича не взять". Клятвенная запись написана была въ Москвѣ однимъ изъ пословъ (сеитомъ) и подкрѣплена

[1]) Ник. л. VI, 1507 (178 с.).

[2]) Ibid. 1512 г. (191—192 с. с). П. с. л. т. VIII, 1512 г.

въ Казани присягою царя и всей земли Казанской предъ русскими послами. Летифа простили, и въ помѣстье ему дана была Кашира, гдѣ впрочемъ онъ умеръ еще при жизни своего брата, царя казанскаго [1]). По смерти Магметъ-Аминя изъ Казани пріѣхалъ въ Москву посолъ съ грамотою отъ сеита, улановъ, князей, карачіевъ, ичекъ (бикъ), мирзъ, муллъ и отъ всѣхъ казанскихъ людей. Въ грамотѣ этой они увѣдомляли великаго князя о смерти своего царя и между прочимъ писали: „земля Казанская Божія и твоя, а мы холопи Божіи и твои государевы, и ты бы государь о насъ помыслилъ и о всей землѣ Казанской и государя бы намъ пожаловалъ“ [2]). Царемъ въ Казань назначенъ былъ Шигъ-Алей, астраханскій царевичъ, который съ своимъ отцомъ пріѣхалъ въ Россію и до этого времени владѣлъ городкомъ Мещерскимъ. Но до отпуска его въ Казань великій князь велѣлъ написать клятвенныя грамоты, „какимъ грамотамъ межъ великаго государя и Шигъ-Алея царя пригоже быти“. По одной изъ нихъ Шигъ-Алей обязался великому князю „дѣла его беречи и неотступну быти со всею Казанскою землею до своего живота“; другую грамоту и запись дали казанскіе послы въ Москвѣ за сеита, князей и за всѣхъ людей Казанской земли, „что имъ въ Казани, у Шигъ-Алея царя, дѣла великаго князя беречи и неотступнымъ быти отъ великаго князя со всею Казанскою землею до своего живота и ихъ дѣтемъ“. Только послѣ этого послали изъ Москвы князя и дворецкаго съ дьякомъ „сажати царя на царство“ [3]).

---

[1]) П. с. л. т. VIII, 1516 г. (260 с). Ник. л. VI, 1515 г. (205 с).
[2]) П. с. л. т. VIII, 1519 (266 с.).
[3]) Ibid. 1519 г. (266—267 сс.).

Если политика Россіи относительно Казанскаго царства сопровождалась до сихъ поръ въ общемъ благопріятными послѣдствіями, то этимъ она отчасти обязана была тому, что сходилась съ выгодами крымскихъ хановъ, которые чрезъ Нурсалтанъ (мать Аминя и Летифа) породнились съ претендентами на казанскій престолъ, жившими въ Россіи. За Летифа, напримѣръ, хлопоталъ не только его братъ Магметъ-Аминь, но также и ханъ крымскій. Между тѣмъ со смертію Летифа общность выгодъ крымскихъ и русскихъ въ отношеніи къ Казани рушится и каждая партія начинаетъ преслѣдовать отдѣльно свои интересы. Крымскіе Гиреи начинаютъ стремиться къ тому, чтобы соединить въ рукахъ своей фамиліи Казань и Астрахань. Русскія же выгоды, напротивъ, не могли допускать подобнаго соединенія татарскихъ юртовъ, лежавшихъ въ сосѣдствѣ съ Россіею: для Россіи удобнѣе было, если бы они враждовали между собою и добивались союза съ нею на врага, который и для нея могъ быть таковымъ. Вслѣдствіе этого, должно быть, въ Москвѣ по смерти Аминя назначили царемъ въ Казань родоваго непріятеля Гиреевъ, внука царя Ахмата, Шигъ-Алея, не смотря на усердныя хлопоты Крыма, который добивался согласія Москвы въ пользу одного изъ Гиреевъ. Само собою разумѣется, что съ прибытіемъ Шигъ-Алея въ Казань крымскій царь Магметъ-Гирей не остался въ покоѣ и сталъ дѣйствовать здѣсь въ пользу своей фамиліи противъ новаго царя. Ему тѣмъ легче было пріобрѣсти симпатіи казанскихъ вельможъ, что Шигъ-Алей, въ надеждѣ на русскаго воеводу, находившагося при немъ, совершенно пренебрегалъ ихъ интересами, слѣдуя исключительно московскимъ ви-

дамъ [1]). Поэтому уже чрезъ два года явился подъ Казань, по приглашенію сеита, князей и улановъ, Саипъ-Гирей, братъ Магметъ-Гирея, котораго безпрепятственно пустили въ городъ; русскихъ купцовъ, по обыкновенію, ограбили и задержали у себя, а Шигъ-Алея съ его семьею выслали изъ Казани, дозволивъ ему возвратиться въ Москву [2]). Для того же, чтобъ великій князь не предпринялъ чего-либо въ защиту своего присяжника, лишившагося въ Казани престола, Магметъ-Гирей соединился съ большою заволжскою ордою и Ногаями и вторгнулся въ предѣлы Россіи съ южной стороны, между тѣмъ какъ Саипъ-Гирей, новый царь казанскій, вошелъ въ нее съ другой стороны, восточной. Оба брата соединились между собою и начались опустошенія, какихъ уже давно не видали на Руси. Это нападеніе было особенно тяжело по своей неожиданности для Россіи, которая, въ надеждѣ на клятву крымскаго хана о союзѣ и на своего казанскаго присяжника, считала себя безопасною и не приняла почти никакихъ мѣръ на случай неожиданнаго вторженія. Татары дошли до самой Москвы, которую защищали бояре вмѣстѣ съ крещеннымъ татарскимъ царевичемъ, между тѣмъ какъ великій князь пошелъ на волокъ собирать войско [3]). Но это нападеніе должно было оправдать московскую политику—не допускать соединенія сосѣднихъ царствъ въ рукахъ Гиреевъ. Какъ будто для усиленія тяжелаго положенія Россіи, уже чрезъ два года послѣ восшествія Саипъ-Гирея на

---

[1]) Ист. Росс. С. Соловьева V, 365 с.
[2]) П. с. л. т. VIII, 1521 г.
[3]) Ibid.

казанскій престолъ крымскій ханъ Магметъ-Гирей, въ соединеніи съ княземъ ногайскимъ Мамаемъ, отправился на астраханскаго царя, который въ это время велъ съ Москвою переговоры о союзѣ противъ усилившихся Гиреевъ, и овладѣлъ Астраханью. Такимъ образомъ осуществилась задушевная мысль фамиліи Гиреевъ: Казань, Астрахань и Крымъ были въ ихъ власти. Впрочемъ это продолжалось недолго: могущество крымскаго хана возбудило опасеніе въ ногайскомъ князѣ Агисѣ, жившемъ по сосѣдству съ Астраханью. Онъ сталъ предостерегать своего брата Мамая отъ чрезмѣрнаго усиленія Магметъ-Гирея, который впослѣдствіи можетъ обратиться на нихъ самихъ. Этимъ онъ возбудилъ князя Мамая противъ его союзника, крымскаго царя. Мамай уговорилъ Магметъ-Гирея выступить изъ Астрахани въ поле, чтобы его Татары не изнѣжились отъ городской жизни. Вскорѣ послѣ этого къ Мамаю явился, по его приглашенію, Агисъ со своею ордою; тогда оба брата неожиданно напали на крымскаго хана, убили его вмѣстѣ съ сыномъ и истребили большую часть его войска [1].

Въ то время, какъ эти событія совершались въ отдаленной Астрахани, царь Саипъ-Гирей въ Казани, по выраженію лѣтописца, „много зла христіанству навелъ и кровь пролія яко воду". На этотъ разъ вмѣстѣ со многими другими русскими людьми былъ убитъ и посланникъ великаго князя, находившійся въ Казани. Въ виду этого Россіи нельзя было оставаться въ бездѣйствіи, и великій князь со своими братьями лѣтомъ (1523 г.) отправился въ походъ на Казань. Но, до-

[1]) Герберштт. 114 с. П. с. л. т. VIII, 1523 г.

стигнувъ Нижняго Новгорода, самъ онъ остановился здѣсь, а на Казань послалъ царя Шигъ-Алея съ воеводами. Въ то время, какъ русскіе воеводы воевали съ Казанью, великій князь велѣлъ построить на нагорной сторонѣ Волги, при впаденіи р. Суры, деревянный городъ, который въ честь его названъ былъ Василь-городъ [1]). По поводу построенія этого города на мѣстѣ, гдѣ, по преданію, и до этого находилось поселеніе, только не русское [2]), въ Москвѣ разсуждали различно. Партія доброжелательная великому князю, во главѣ которой стоялъ митрополитъ Даніилъ, придавала большое значеніе этому новому шагу со стороны Россіи противъ Казани: они чрезвычайно хвалили за это великаго князя и утверждали, что „тѣмъ городомъ мы всю землю Казанскую возьмемъ". Люди, не расположенные къ великому князю, порицали постройку города, главнымъ образомъ за то, что онъ былъ воздвигнутъ на казанской сторонѣ, а не на русской; утверждали, что при этомъ будетъ невозможенъ миръ съ Казанью [3]). Этотъ шагъ со стороны Россіи былъ вполнѣ сознательный. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что построеніемъ Василь-города р. Сура изъ пограничной, каковою она была до сихъ поръ, становится рѣкою Русскаго государства; этимъ городомъ она закрѣпляется за Россіею. До сихъ поръ на Волгѣ крайнимъ значительнымъ пунктомъ, изъ котораго Русскіе могли наблюдать за предпріятіями и движеніями казанскихъ Татаръ, былъ Нижній Новгородъ,

---

[1]) Ibidem. Герберштт. 106.
[2]) Нижегор. Губ. Вѣд. 1850 г. № 19.
[3]) А. А. Э. т. I, № 172.

отдѣленный отъ Казани обширными пространствами, которыя за р. Сурою были уже почти безлюдны [1]). Пустынность этихъ странъ была столь же сподручна Татарамъ, какъ незаселенныя степи на югѣ Половцамъ: тѣмъ и другимъ онѣ облегчали вторженіе въ предѣлы Россіи. Построеніе укрѣпленныхъ городовъ, изъ которыхъ Русскіе были въ состояніи наблюдать за появленіемъ Татаръ въ Поволжьѣ и за ихъ движеніями здѣсь, могло быть лучшею защитою для Русской земли отъ неожиданныхъ вторженій хищниковъ. Сверхъ того, Русскіе, какъ мы знаемъ, вели довольно большую торговлю съ Казанью, гдѣ бывали ежегодныя ярмарки, посѣщаемыя усердно нашими купцами. Кромѣ сношеній торговыхъ, Россія имѣла съ казанскими и другими поволжскими Татарами и иныя сношенія, въ которыхъ прямо или косвенно могла быть заинтересована тогдашняя московская политика; подобныя сношенія происходили чрезъ гонцовъ. Какъ купцы, такъ и гонцы находили для себя въ Василь-городѣ безопасныя жилища и ночлеги [2]). Появленіе русскаго города въ этихъ мѣстахъ могло, наконецъ, возбудить и въ бродячемъ людѣ охоту къ поселенію въ странѣ, столь удобной для рыболовнаго и для другихъ промысловъ. Безъ города же въ подобной мѣстности, подвергавшейся частымъ нападеніямъ, люди обыкновенно опасались селиться [3]). Около этого же времени на Волгѣ встрѣчаются „бѣглые люди", которые впослѣдствіи становятся главнымъ контингентомъ для за-

---

[1]) Биб. иностр. писат. I, Павелъ Іовій, 36 с.
[2]) Ibidem.
[3]) Д. А. И. I, № 117.

селенія свободныхъ земель въ Русскомъ государствѣ [1]). Какъ будто для подкрѣпленія мысли, что наступательная дѣятельность Россіи по отношенію къ Казанскому царству усиливается съ построеніемъ Василь-города, въ слѣдующемъ же году былъ снаряженъ великимъ княземъ походъ въ такихъ размѣрахъ, что нѣкоторые полагали цѣлью его завоеваніе самой Казани [2]). По прежнему конное войско отправилось берегомъ, а пѣшее Волгою на судахъ; снова походомъ руководили московскіе воеводы вмѣстѣ съ Шигъ-Алеемъ. Это предпріятіе такъ напугало казанскаго царя Саинъ-Гирея, что онъ вызвалъ тринадцатилѣтняго племянника своего Сафа-Гирея въ Казань и предоставилъ ему на время управленіе царствомъ, а самъ отправился въ Крымъ въ надеждѣ возвратиться оттуда съ помощью отъ турецкаго султана. Впрочемъ, въ Казани въ это время нѣкоторые сочувствовали сближенію съ Россіею: такъ, между прочимъ, самъ сеитъ былъ расположенъ къ Россіи и непрочь былъ даже схватить молодаго царя, связать его и выслать въ Москву; но намѣреніе его было открыто, и онъ за него поплатился своею жизнію [3]).

Между тѣмъ какъ русское войско водою и сухимъ путемъ подвигалось къ Казани, въ ней рѣшено было напасть на конницу, которая шла берегомъ отдѣльно отъ остальнаго войска. На р. Свіягѣ Казанцы напали на русскую конницу, но воеводы разбили ихъ. Вслѣдствіе столкновеній съ Казанцами конница опоздала

---

[1]) П. с. л. ч. VIII. 1536 г. (291 с).
[2]) Герберит. 106 с.
[3]) Ibid. 106—107.

и явилась подъ Казань въ то время, когда сухопутное войско, осаждавшее городъ, стало ощущать недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Но и положеніе осажденныхъ было тяжелое, потому что они не могли дѣйствовать изъ крѣпостныхъ орудій. Это произошло отъ того, что у нихъ при пушкахъ былъ только одинъ артиллеристъ, да и тотъ, къ ихъ несчастію, былъ сраженъ русскою пулею; такимъ образомъ крѣпостная артиллерія оставалась въ бездѣйствіи [1]). Въ подобныхъ обстоятельствахъ Казанцы, „видя свое изнеможеніе", покорились воеводамъ и присягнули „на всей волѣ великаго князя". Вслѣдъ за этимъ изъ Казани въ Москву явились знатные послы, которые били челомъ за свою вину отъ всей земли Казанской" и просили, чтобъ на Руси признали царемъ Сафа-Гирея; съ этою цѣлью отъ великаго князя былъ отправленъ посолъ въ Казань, и мирныя отношенія между Россіею и Казанскимъ царствомъ на нѣкоторое время возстановляются [2]). Можно было думать, что новый царь казанскій въ продолженіе этого времени убѣдился въ важности для него дружественныхъ отношеній къ Москвѣ, не ладить съ которою ему было опасно. Для подобнаго предположенія было тѣмъ болѣе основанія, что въ Москву въ скоромъ времени (1529 г.) прибыли большіе послы отъ казанскаго царя съ извѣщеніемъ, что въ „которыхъ дѣлехъ царь предъ великимъ княземъ неправъ, и онъ хочетъ во всѣхъ тѣхъ дѣлехъ предъ великимъ княземъ исправитися и правду дати". Дѣйствительно, вслѣдъ за этимъ „царь и вся Казан-

---

[1]) Ibid. 109. П. с. л. т. VIII, 1524 г.

[2]) П. с. л. т. VIII, 1525—1527 гг.

ская земля" подтвердили присягою предъ московскимъ посломъ свою клятвенную запись Россіи. Но подобное благопріятное для Россіи настроеніе въ Казани при царѣ изъ фамиліи Гиреевъ продолжалось недолго. Мы видѣли, что среди казанскихъ вельможъ находились представители различныхъ партій, видѣли также, что ногайская партія была одна изъ наиболѣе сильныхъ. При царевичѣ крымскомъ Сафа-Гиреѣ въ Казани должна была необходимо усилиться партія крымская. Извѣстно, что Сафа-Гирей привелъ съ собою въ Казань человѣкъ тридцать Крымцевъ и что потомъ число ихъ въ Казани увеличилось, слѣдовательно должна была усилиться и крымская партія [1]). Пока въ Казани было живо впечатлѣніе отъ русскихъ войскъ и отъ неудачъ, которыя Казанцы потерпѣли отъ нихъ въ послѣднихъ походахъ, русская партія была сильна; когда же изъ Крыма прибыли новыя лица, они естественно должны были стараться усилить себя и свою партію союзомъ съ другою, которая также имѣла вліяніе въ Казани и обладала достаточными силами, чтобы заодно дѣйствовать противъ Россіи въ случаѣ новаго движенія русскихъ войскъ на Казань. Такою именно партіею была ногайская. Для сближенія съ нею молодой царь женился на дочери ногайскаго мирзы Мамая; кромѣ того, быть можетъ, при посредствѣ Ногайцевъ былъ заключенъ союзъ съ Астраханью, въ которой вліяніе Ногаевъ послѣ катастрофы съ Магметъ-Гиреемъ должно было увеличиться. Заручившись, вѣроятно, всѣмъ этимъ, Сафа-Гирей въ тотъ же годъ, когда отъ него были присланы въ Москву „большіе

---

[1]) Вивл. ч. 28, сс. 142, 270.

послы" и дана была присяга, „учинилъ нечесть и срамоту велику" русскому послу въ Казани и перебилъ казанскихъ князей, сочувствовавшихъ дружбѣ съ Россіею [1]). Снова походъ русскихъ воеводъ съ войскомъ сухопутнымъ и коннымъ, водою и сухимъ путемъ (1530 г); опять Казанцы нападаютъ на русскую конницу въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и воеводы московскіе снова не разъ ихъ побиваютъ. Когда, наконецъ, войска соединились подъ Казанью, то противъ нихъ вышли изъ города вмѣстѣ съ Казанцами Астраханцы и 30,000 Ногайцевъ; послѣдніе явились на помощь казанскому царю съ старшимъ сыномъ Мамая мирзы. Послѣдовало большое сраженіе подъ стѣнами Казани, въ которомъ Русскіе одержали верхъ и овладѣли острогомъ на Булакѣ *). Тогда вліятельнѣйшіе изъ вельможъ казанскихъ (князья Булатъ и Табай вмѣстѣ съ уланомъ Апаемъ) выѣхали изъ города и просили воеводъ, чтобъ они прекратили кровопролитіе и „печаловалися" за нихъ великому князю, прибавляя при этомъ отъ себя: „а мы (т. е. Казанцы) посылаемъ государю своему великому князю бити челомъ за свою вину". Воеводы привели всѣхъ Казанцевъ къ присягѣ на томъ, что имъ „за свою вину добивати челомъ великому князю..... и царя имъ на Казань опричь государя не имати ни отколѣ", послѣ чего они возвратились домой [2]). Въ Казани нѣкоторые вельможи снова могли убѣдиться, что имъ въ союзѣ даже съ Ногаями и Астраханью не одолѣть Россіи, что, слѣ-

---

[1]) П. с. л. т. VIII, 1529—1530, 1531 гг.

*) Булакъ маленькая рѣчка, впадающая въ рѣку Казанку.

[2]) Ibid. 1530 г.—Ист. о Каз. цар. 67 с.

довательно, имъ безъ нея, какъ они сами впослѣдствіи говорили, „нельзя быти“ [1]). Это обстоятельство въ соединеніи съ тѣмъ, что казанскіе вельможи могли быть недовольны чрезмѣрнымъ усиленіемъ въ Казани Ногайцевъ и Крымцевъ, лишившихъ ихъ вліянія, должно было усилить среди нихъ расположеніе къ Россіи. Подъ вліяніемъ, вѣроятно, такого настроенія, въ Казани снарядили и послали въ Москву довольно торжественное посольство (двухъ князей и бакшея) отъ царя Сафа-Гирея, князей и отъ всѣхъ людей Казанской земли, чтобъ государь простилъ ихъ царя и снялъ опалу съ князей и со всей земли Казанской, „учинилъ бы Сафа-Гирея братомъ и сыномъ себѣ, а царь хочетъ быти въ государской волѣ..... а князи и люди всей земли Казанской хотятъ..... неотступнымъ быти до своихъ животовъ и ихъ дѣти“. Въ Москвѣ приготовили клятвенныя записи для царя, князей и всей Казанской земли, и послы казанскіе, присягнувшіе здѣсь, скрѣпили ихъ своею подписью и печатями. Съ этими записями великій князь послалъ въ Казань своего посла, предъ которымъ царь и вельможи казанскіе должны были подтвердить ихъ. Но въ то время, какъ въ Москвѣ вели переговоры съ казанскими послами и составляли грамоты, Сафа-Гирей снова успѣлъ сблизиться съ Крымцами и Ногайцами, къ которымъ присоединились и нѣкоторые изъ казанскихъ вельможъ, вслѣдствіе чего онъ отказался утвердить грамоту, написанную въ Москвѣ и скрѣпленную казанскими послами. Понятно неловкое положеніе казанскихъ пословъ въ Москвѣ, когда туда пришла

---

[1]) Вивл. 28 ч. 209 с.

вѣсть объ этомъ. Поэтому, узнавъ отъ своихъ казанскихъ родственниковъ, что рѣшенію царя не сочувствуютъ въ Казани очень многіе, они рѣшились на смѣлый шагъ: они вздумали соединиться съ тѣми соотечественниками, которые предъ этимъ попались въ плѣнъ къ Русскимъ, и, заручившись помощью великаго князя, при посредствѣ многочисленныхъ своихъ родныхъ и друзей въ Казани, низложить Сафа-Гирея и возвести на престолъ Шигъ-Алея. Въ подобныхъ обстоятельствахъ имъ нужно было, по ихъ мнѣнію, находиться въ мѣстѣ, близкомъ къ своему отечеству, чтобы дѣйствовать непосредственно какъ на Казань, такъ и на горную и луговую Черемису, склонить которую на свою сторону было для нихъ не маловажно. Выборъ ихъ остановился на Василь-городѣ, построенномъ на казанской сторонѣ посреди Черемисъ. Сюда просятся они вмѣстѣ съ Шигъ-Алеемъ, обѣщаясь отсюда послать грамоты въ Казань, къ горной и луговой Черемисѣ и къ арскимъ князьямъ „ о государевѣ жалованіи..... какъ было при царѣ Магметъ-Аминѣ". Въ Москвѣ рѣшили сперва послать къ царю въ Казань посла, которому поручено было разузнать подъ рукою настроеніе болѣе вліятельныхъ вельможъ („что ихъ мысль"); до возвращенія же посла Шигъ-Алей съ казанскими послами отпущенъ былъ въ Нижній. Отъ нихъ и изъ Москвы были посланы къ вліятельной въ это время въ Казани царевнѣ Горшеднѣ (сестрѣ Магметъ-Аминя), къ князьямъ и ко всей землѣ Казанской грамоты, въ которыхъ возвѣщалось, „какъ ихъ государь хочетъ жаловати и беречи". Когда эти грамоты прибыли въ Казань, то здѣсь собрались въ одно мѣсто всѣ недовольные царемъ, подъ предводительствомъ

князя Булата, и не только не позволили царю убить русскаго посла, но самого Сафа-Гирея, по московскому наказу, выслали изъ Казани, жену его послали къ отцу, членовъ же противной партіи, „царевыхъ совѣтниковъ Крымцевъ, Ногаи и иныхъ", частью перебили, частью вмѣстѣ съ царскою семьею отослали къ Ногайцамъ. Послѣ этого они послали грамоты въ Москву съ увѣдомленіемъ о совершенномъ переворотѣ и съ просьбою, чтобы имъ прислали царемъ не Шигъ-Алея, а брата его царевича Еналея. Великій князь согласился на это безъ труда. Шигъ-Алея отозвали изъ Нижняго въ Москву *) а царевичу Еналею велѣно было изъ Касимова ѣхать въ Василь-городъ, гдѣ его должны были привести къ присягѣ и отпустить вмѣстѣ съ казанскими послами въ Казань. Здѣсь онъ долженъ былъ снова присягнуть вмѣстѣ съ царевною, князьями и „всѣми людьми Казанской земли" по грамотамъ и записямъ, присланнымъ изъ Москвы. Только послѣ этого Еналей былъ возведенъ на престолъ казанскій и чрезъ своего посла „прислалъ къ великому князю бити челомъ, что его государевымъ жалованіемъ сѣлъ на царство" [1]). Два года спустя, нужно было опять повторить клятву предъ русскимъ посломъ, только на этотъ разъ въ измѣненной формѣ: царь присягалъ, „что ему быти неотступну отъ великаго князя и дѣла его беречи"; царевна же, князья и люди всей земли клялись на этотъ разъ въ неотступной вѣрности не только за себя, но и за своихъ дѣтей, чтобъ имъ „ни царя,

---

*) Впослѣдствіи Шигъ-Алею дали въ помѣстье Серпуховъ и Каширу.

[1]) П. с. л. т. VIII, 1531 г.

ни царевича безъ великаго государя вѣдома никакова не взять" [1]). Но положеніе новаго царя въ Казани, не взирая на поддержку Россіи, было еще, вѣроятно, недостаточно твердо; должно быть, ногайская партія, не смотря на погромъ, которому она подверглась предъ этимъ вмѣстѣ съ крымскою, была еще сильна въ Казани. Дѣйствительно, если принять во вниманіе, что ногайскіе мирзы лѣтомъ прикочевывали обыкновенно къ самой Казани, гдѣ они продавали нерѣдко своихъ овецъ и рогатый скотъ, то будетъ понятно это скорое усиленіе партій, представители которой не всѣ были убиты, а только были высланы къ своимъ. Вслѣдствіе этого-то усиленія ногайской партіи, чрезъ два или три года послѣ вступленія на престолъ Еналея, въ Москву явилось посольство отъ царя, Булата князя („въ головахъ"), улановъ, князей, карачіевъ и отъ всѣхъ людей Казанской земли, съ просьбою, чтобъ великій князь „далъ волю" царю жениться на дочери вліятельнаго ногайскаго мирзы Юсуфа, „того ради, чтобы земля Казанская въ упокоѣ была". При этомъ, вѣроятно, по Еналеевой же просьбѣ, великій князь рѣшилъ и нѣкоторыя казанскія земскія дѣла [2]). Недолго однакожъ Еналей продержался въ Казани. Вѣроятно, князь Булатъ, имѣвшій значительное вліяніе въ Казани изъ-за чего-либо не поладилъ съ царемъ, которымъ большинство впрочемъ было довольно, ибо Булатъ долженъ былъ пригласить на царство Сафа-Гирея „безъ вѣдома всѣхъ людей" и „утаивъ у земли". Какъ бы то ни бы-

---

[1]) Ib. 1533 г.

[2]) Ib. По VIII т. П. с. л. между восшествіемъ на престолъ Еналея и его женитьбою проходитъ 2 года, по Ник. же лѣт. 3 года. Ср. VIII, 1533 г. Ник. л. VI, 1531—1534 гг.

ло, но въ Казани составился заговоръ, во главѣ котораго стала царевна и князь Булатъ: послѣдній послалъ въ Крымъ грамоту къ Сафа-Гирею и призвалъ его на казанскій престолъ. Вслѣдъ за этимъ они убили своего царя, и когда явился въ Казань Сафа-Гирей, то выдали за него Еналееву вдову, дочь Юсуфа, полагая этимъ помирить его съ ногайскою партіею [1]). Перемѣна эта произошла осенью, а зимою казанскіе Татары уже являются въ Поволжье, жгутъ русскія селенія, грабятъ и убиваютъ жителей. Населеніе, для защиты отъ подобныхъ нападеній, обращается къ правительству съ просьбою построить городъ. Съ этою цѣлію построенъ былъ Буй-городокъ на Корегѣ, притокѣ р. Костромы [2]).

Сафа-Гирей по опыту зналъ непостоянство казанскихъ вельможъ, на которыхъ полагаться нельзя; поэтому на этотъ разъ онъ постарался привести съ собою изъ Крыма своихъ земляковъ, въ надеждѣ, что они будутъ поддерживать его въ Казани: всего естественнѣе было присоединиться къ нему людямъ бѣднымъ, невліятельнымъ на родинѣ, разсчитывавшимъ съ его помощью нажиться и пріобрѣсти вліяніе въ Казани. Поэтому прибытіе въ Казань новаго царя съ многочисленною свитою „нагихъ и голодныхъ" Крымцевъ, обѣщало въ будущемъ мало хорошаго для казанскихъ вельможъ [3]). Дѣйствительно, въ скоромъ времени у нихъ поотнимали доходныя мѣста (ясаки) и предоставили ихъ людямъ, которыхъ Сафа-Гирей привелъ съ

---

[1]) П. с. л. т. VIII, 1536 г. Вивл. 28 ч., 142 и 270 сс.

[2]) П. с. л. т. VIII, 1536 г. Журн. Мин. Вн. Д. 1860 г. № 9, 49 с. Ист. Росс. Щербатова т. V, ч. 1-я, 78—79 с.

[3]) Вивл. 28 ч., 142, 271 сс.

собою изъ Крыма. Самъ царь, вѣроятно, замѣтилъ непрочность своего положенія въ Казани и поэтому сталъ стремиться всячески увеличить свое имущество и пересылать его въ Крымъ. Въ такихъ обстоятельствахъ князь Булатъ и на этотъ разъ „вся Казанская земля" послали въ Москву съ просьбою, чтобъ великій князь простилъ ихъ за прошлыя вины и послалъ въ Казань своихъ воеводъ съ войскомъ, а они либо убьютъ своего царя, либо схватятъ и выдадутъ воеводамъ, потому что отъ него „казанскимъ людямъ вельми тяжко" [1]). Въ Москвѣ пословъ приняли благосклонно и обѣщали исполнить ихъ просьбу. Русскимъ воеводамъ въ самомъ дѣлѣ было приказано собраться во Владимірѣ и оттуда ссылаться съ Казанью. Въ это время Россія находилась въ хорошихъ отношеніяхъ къ Крыму, вслѣдствіе чего крымскій посолъ жилъ въ Москвѣ, а московскій посланникъ въ Крыму. Но въ Москвѣ знали хорошо, что царь крымскій „не однословенъ" и что ему вполнѣ вѣрить нельзя, почему на всякій случай на Коломнѣ держали воеводъ съ войскомъ. Дѣйствительно, когда въ Крыму было получено изъ Москвы извѣстіе о сношеніяхъ съ Казанью и о сборѣ русской рати противъ Сафа-Гирея, крымскій царь Саипъ-Гирей не остановился предъ своею клятвою о дружбѣ съ Россіею, поднялся со всею ордою и, соединившись съ Турками, Ногайцами и Астраханцами, пошелъ на Россію. Но вслѣдствіе мѣръ, заранѣе здѣсь принятыхъ, это нашествіе не имѣло тѣхъ послѣдствій, которыхъ можно было ожидать отъ него; даже такой незначительный городъ, какъ Пронскъ,

---

[1]) П. с. л. т. VIII, 1541 г.

Татары не могли взять на своемъ обратномъ пути, не смотря на то, что у нихъ находились пушки и пищали [1]).

Послѣ неудачнаго похода крымскаго хана Сафа-Гирей, вѣроятно, поспѣшилъ примириться съ Булатомъ; это можно видѣть отчасти изъ того, что въ слѣдующемъ году весною пришли отъ Булата и отъ царевны въ Москву грамоты къ боярамъ и къ великому князю о мирѣ съ Казанью. Послѣ этого сношенія о мирѣ продолжались уже между царемъ казанскимъ и великимъ княземъ московскимъ,—признакъ, что самъ Сафа сталъ добиваться хорошихъ отношеній къ Россіи. Въ Москвѣ соглашались на миръ, но требовали присылки изъ Казани „большихъ пословъ", желая, по всей вѣроятности, выиграть время. Рѣшительныя же дѣйствія по отношенію къ Казани начинаются съ того времени, какъ у кормила правленія становится Іоаннъ IV. Въ 1545 году снаряженъ былъ первый походъ на Казань. Ратные люди посланы были къ ней съ двухъ сторонъ: одни должны были отправиться Волгою „въ струзехъ легкимъ дѣломъ", другіе съ Перми и Вятки. Въ этомъ походѣ достойно вниманія то обстоятельство, что воеводы изъ болѣе близкихъ мѣстъ сошлись на устьѣ р. Казанки, по словамъ лѣтописца, „во единъ часъ яко изъ единаго двора" [2]); слѣдовательно, разстоянія путей, которые вели къ Казани, были уже хорошо знакомы русскимъ людямъ: воеводамъ слѣдовало только заранѣе условиться, и если они были распорядительны и на пути не встрѣчалось серіозныхъ задер-

---

[1]) Ibid.

[2]) Ник. л. VII, 1542—1543 (35, 37—39 сс.); 1545 г. (44 с.).

жекъ, то войска могли исправно соединиться подъ стѣнами города, и въ такомъ случаѣ благопріятный результатъ похода былъ обезпеченъ. Одинъ только воевода изъ отдаленной Перми запоздалъ своимъ приходомъ, почему и потерпѣлъ неудачу. Въ Москвѣ государь былъ очень доволенъ благопріятнымъ исходомъ этого предпріятія и наградилъ воеводъ и дѣтей боярскихъ по ихъ челобитью. Послѣ этого похода въ Казани усилилась рознь между царемъ и князьями, которымъ онъ съ этихъ поръ сталъ не довѣрять, упрекая ихъ тѣмъ, что будто бы они привели русскихъ воеводъ на Казань. Какъ результатъ этой розни, послѣдовало убійство нѣкоторыхъ казанскихъ вельможъ и бѣгство другихъ, опасавшихся подобной же участи, въ Москву и въ иныя земли. Но подобными своими дѣйствіями Сафа-Гирей долженъ былъ еще сильнѣе возбудить противъ себя остальныхъ казанскихъ князей, которые поэтому лѣтомъ того же года отправили боярскаго сына къ великому князю съ просьбою, чтобъ онъ послалъ свое войско къ Казани, обѣщая выдать ему своего царя вмѣстѣ съ Крымцами, находящимися у нихъ въ городѣ. Изъ Москвы поспѣшили дать знать имъ, что рать къ Казани будетъ послана, чтобъ они захватили своего царя и держали пока у себя [1]). Въ декабрѣ пришло извѣстіе изъ Казани, что тамъ убили многихъ Крымцевъ, а оставшихся живыми вмѣстѣ съ царемъ изгнали изъ города; при этомъ въ своей грамотѣ сеитъ, уланы, князья и мирзы просили дать имъ въ цари Шигъ-Алея и прислать въ Казань боярскаго сына, который привелъ бы къ присягѣ

---

[1]) Ник. л. VII ч. 1545 г.

сента, улановъ, князей и всю землю Казанскую. Просьба Казанцевъ была исполнена и всѣ они были приведены къ присягѣ на вѣрность великому князю и Шигъ-Алею. Послѣ этого великій князь отправилъ изъ Москвы бояръ, которые лѣтомъ посадили Шигъ-Алея на царство въ Казани. Но недолго на этотъ разъ продержался Шигъ-Алей на казанскомъ престолѣ. Изгнанный изъ Казани, Сафа-Гирей не оставался празднымъ: онъ отправился за помощью въ Астрахань къ тамошнему царю и скоро возвратился съ Астраханцами и Крымцами подъ Казань. Онъ надѣялся, что посреди казанскихъ вельможъ найдетъ себѣ не мало сторонниковъ, которые явятся къ нему, коль скоро онъ будетъ подъ стѣнами Казани; но никто изъ нихъ не явился къ нему, и онъ только напрасно потерялъ время, стоя подъ Казанью. Послѣ этой неудачи Сафа-Гирей, рѣшился обратиться за болѣе серіозной помощью къ Ногайцамъ, въ надеждѣ, вѣроятно, на ихъ сторонниковъ въ Казани и на ногайское войско [1]).

---

[1]) Ibid. 1546 г. Вивл. 28 ч. 271 с.

ГЛАВА IV.

Ногайцы и ихъ сношенія съ Россіею въ концѣ XV-го и въ первой половинѣ XVI-го стол. Отношенія Ногайцевъ къ Казани во второй четверти XVI-го стол. Сафа-Гирей въ Казани и смерть его. Казань послѣ смерти Сафа-Гирея. Походы Русскихъ на Казань. Основаніе Свіяжска и его значеніе въ борьбѣ съ Казанью. Шигъ-Алей въ Казани. Сношенія Казанцевъ съ Ногайцами. Послѣдній походъ на Казань и взятіе ея. Отношенія Россіи къ Ногайцамъ послѣ присоединенія Казани. Юсуфъ и Измаилъ. Возстанія въ Казанской области противъ русской власти. Сношенія возставшихъ съ Ногайцами. Переговоры Измаила съ Москвою объ Астрахани. Астрахань и ея отношенія къ Россіи. Взятіе Астрахани русскими войсками и возведеніе Дербыша на престолъ. Измаилъ—князь ногайскій. Положеніе Дербыша въ Астрахани; сближеніе его съ врагами Россіи и измѣна. Новый походъ на Астрахань, взятіе ея и присоединеніе къ Россіи.

Не въ первый разъ въ Казанскомъ царствѣ мы встрѣчаемся съ Ногайцами. Въ виду того значенія, какое они до сихъ поръ имѣли въ Казани и которое увеличивается съ теченіемъ времени, принимая также во вниманіе послѣдующія отношенія ихъ къ самой Россіи, полагаемъ нужнымъ нѣсколько остановиться на свойствѣ и характерѣ этихъ отношеній въ разное время.

По географическому положенію страны, занимаемой этимъ полукочевымъ племенемъ, и по количеству

войска, которое оно могло выставить въ поле, оно было не безъ серіознаго значенія для Россіи XVI вѣка. На югѣ и востокѣ наше отечество соприкасалось со степями, въ которыхъ жили кочевые или полукочевые народы, стремившіеся всячески поживиться на счетъ осѣдлаго и трудолюбиваго русскаго населенія. Одни нападенія Ногайцевъ на русскія окраины и тѣ опустошенія, коими сопровождались эти нападенія, заставляли Россію относиться со вниманіемъ къ этому народу; сосѣдство же Ногайцевъ съ Казанью и Крымомъ, ихъ родство и единовѣріе съ ними, возможность, слѣдовательно, совмѣстной дѣятельности противъ Россіи,—все это должно было еще болѣе увеличивать ихъ значеніе въ глазахъ русскихъ государственныхъ людей XVI столѣтія.

Сношенія съ Ногаями у Россіи начинаются еще съ конца XV столѣтія; первоначально они носятъ нѣсколько случайный характеръ, и только позднѣе, въ XVI столѣтіи, они становятся постоянными, и въ этомъ постоянствѣ кажутся заинтересованными обѣ стороны. Впервые, по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ отъ конца XV вѣка (1489 г.), ногайскіе послы являются въ Россію вмѣстѣ со своими купцами, которые пригоняютъ на продажу въ Москву своихъ лошадей. Мы говорили уже раньше, что главнымъ занятіемъ Ногайцевъ было скотоводство, и богатство ихъ преимущественно состояло изъ рогатаго скота, овецъ и особенно изъ лошадей. Въ Москву они обыкновенно шли чрезъ Казань, почему великій князь московскій въ концѣ XV столѣтія хлопочетъ о томъ, чтобъ ихъ отпускали оттуда Волгою въ Нижній Новгородъ съ проводниками, дабы имъ отъ подданныхъ Магметъ-Амина

„лиха не было“ [1]). Съ прибытіемъ въ Москву послы ставились чаще всего на ногайскомъ дворѣ, за Москвой рѣкой, а купцы ногайскіе со своими лошадьми располагались противъ Симонова монастыря на лугу. Для сношеній съ ногайскимъ княземъ и мирзами въ Россіи обыкновенно употреблялись служилые татары, казаки и дѣти боярскія (послѣднія посылались къ князю и къ болѣе вліятельнымъ изъ мирзъ, сперва не болѣе двухъ, а впослѣдствіи до восьми [2]). На одного и того же посла возлагалась обязанность сноситься съ княземъ и съ мирзами; когда же желали почтить вліятельнаго въ ордѣ мирзу, то къ нему посылали особаго посла. Кромѣ почета въ такого рода отдѣльныхъ сношеніяхъ, отличіе выражалось, вѣроятно, также и въ дарахъ, или поминкахъ: поминки, посылаемые особо, были больше и цѣннѣе, чѣмъ посылаемые вмѣстѣ; равнымъ образомъ поминки, пересылаемые чрезъ боярскаго сына, естественно, должны были быть цѣннѣе, чѣмъ тѣ, которые посылались со служилымъ татариномъ. Только этимъ и можно объяснить претензіи нѣкоторыхъ ногайскихъ мирзъ, чтобы къ нимъ посылались изъ Россіи отдѣльные послы или дѣти боярскія. Что касается князей и мирзъ, то иногда они сами напоминали въ Москвѣ, чтобъ болѣе вліятельныхъ изъ подчиненныхъ имъ мирзъ честили отдѣльными послами; иногда же, напротивъ, они просили, чтобъ къ нимъ непосредственно присылаемо было все жалованье, которое они уже отъ себя станутъ раздавать своимъ подчиненнымъ и та-

---

[1]) Ар. Мин. Иностр. Дѣл. Ногайск. дѣла 1489—1509 гг. л. л. 1 и 10.

[2]) Русс. Вивл. 27 ч. 258 с.; 28 ч. 95 с.; 31 ч. 278 с. Рукоп. № 8, л. 216; № 9 л. 62.

кимъ образомъ будутъ унимать ихъ отъ нападеній на русскія украйны [1]). Дары и поминки, присылаемые Ногаямъ изъ Россіи, были явные, вручаемые князьямъ и мирзамъ въ присутствіи всѣхъ, и тайные, передаваемые послами наединѣ. Для Россіи особенно были важны тѣ мирзы, которые кочевали по Волгѣ; вѣроятно, поэтому-то въ числѣ обязанностей русскихъ пословъ, отправляемыхъ къ Ногаямъ, было между прочимъ разузнавать о томъ, какіе мирзы и гдѣ станутъ кочевать лѣтомъ, или же, какъ выражались обыкновенно, кто изъ нихъ гдѣ „лѣтовать" будетъ. Такъ какъ въ дѣлѣ этихъ кочевокъ заинтересованы были болѣе или менѣе всѣ мирзы, то поэтому оно рѣшалось, вѣроятно, заранѣе на съѣздахъ княземъ и болѣе вліятельными мирзами [2]). Цѣлью, которую преслѣдовала Москва въ сношеніяхъ съ Ногаями, было удерживать ихъ отъ нападеній на русскія окраины и отъ союза съ Казанью или Крымомъ противъ Россіи. Поэтому ихъ старались ссорить съ Крымомъ и Казанью и склоняли къ тому, чтобы они, кочуя по сосѣдству съ русскими границами, стерегли предѣлы Россіи отъ неожиданныхъ вторженій Крымцевъ, дѣйствуя противъ нихъ или давая знать въ Москву о приготовленіяхъ хана и о его движеніяхъ на украйны. Вмѣстѣ съ этимъ въ клятвенныя записи съ ногайскими князьями и мирзами вносилось условіе, чтобы отъ нихъ московскимъ посламъ и вообще русскимъ людямъ „на полѣ и на Волзѣ и на Дону лиха никакова не было". Ногайскіе послы сперва сами присягали въ Москвѣ по записямъ

---

[1]) Вивл. 30 ч. 180, 225—226 сс.

[2]) Вивл. 27 ч. 234, 237, 247; 28 ч. 31; 29 ч. 18—19, 198 сс.

за князя и своихъ мирзъ, потомъ клятвенныя грамоты отправлялись вмѣстѣ съ ногайскими и русскими послами въ орду, и здѣсь „князь, соединачився со всѣми мирзами, съ братьею и дѣтьми“, долженъ былъ предъ московскимъ посломъ подтвердить эту грамоту клятвою [1]).

Сами Ногайцы посылали въ Москву обыкновенно значительное количество пословъ. Не только мирзы и ихъ сыновья, но даже жены мирзъ и князей присылали своихъ пословъ къ великому князю, будучи увѣрены, что въ Москвѣ ихъ станутъ одаривать. Расположеніемъ женъ никоимъ образомъ не слѣдовало пренебрегать, ибо иногда случалось, что отецъ не былъ въ состояніи остановить сына, собравшагося въ походъ на Русь, и только авторитетъ матери могъ удержать его отъ вторженія въ русскіе предѣлы [2]). При своеобразныхъ отношеніяхъ, какія существовали между княземъ и мирзами, нужно было принимать всѣхъ пословъ и одаривать, потому что въ противномъ случаѣ мирзы обижались и писали такимъ образомъ въ своихъ грамотахъ къ великому князю: „насъ къ людямъ не причелъ, поклона и поминка не прислалъ, и мы нынѣ пошли гдѣ бы добыть себѣ коня или платно“,—или: „если будешь почитать нашего посла, мы и впередъ будемъ посылать къ тебѣ своихъ пословъ; не станешь почитать, такъ только бы мы въ своей землѣ здоровы были: у верховья Волги лѣтуемъ, а на устьѣ зимуемъ; самъ знаешь, что нѣтъ въ твоей землѣ мѣста, котораго бы мы не видали“. Измаилъ,

---

[1]) Ib. 27 ч. 228, 238, 268, 269—270, 331, 336, 350 сс.; 28 ч. 10 с.
[2]) Вивл. 27 ч. 317 с.; 28 ч. 89 с.; 30 ч. 304, 306. сс.

впослѣдствіи извѣстный князь и пріятель Грознаго, будучи въ молодости еще незначительнымъ мирзой, въ своей грамотѣ проситъ прислать ему пушечника, пищальника съ пищалью и доспѣхъ, за что обѣщаетъ великому князю свою дружбу и, въ знакъ ея, не пускать на Русь ногайской и крымской рати,—въ заключеніе же прибавляетъ: „а чево просимъ, не дашь, инъ тебя воевати, а и Крыму тебя воевати“ [1]). Кромѣ подарковъ, которые въ ихъ глазахъ были „дружбѣ знамя“, они требовали еще отъ Россіи, чтобъ на нихъ не нападали и не уводили ихъ лошадей мещерскіе казаки. Сами же въ свою очередь не только обязывались стеречь русскіе предѣлы, но, будто бы въ угоду Россіи, грабили купцовъ казанскихъ и воевали съ Крымомъ [2]).

Таковы были отношенія Москвы къ Ногайцамъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XVI столѣтія. Въ это время Ногайцы были довольно многочисленны и при условіяхъ своего быта, когда всякій взрослый мущина былъ воинъ, могли выставить въ поле довольно многочисленное войско *). Силу ихъ испытали на себѣ уже не разъ ихъ сосѣди—Астрахань, Крымъ, Казань, Бухара и Ташкентъ, которые поэтому старались быть въ

---

[1]) Ib. 27 ч. 365 с. (1535 г.); 28 ч. 36 и 38 с. (1537 г.).

[2]) Ib. 27 ч. 291, 305, 308, 314, 320, 350 сс.; 28 ч. 7, 10, 50, 135, 178, 186, 196, 225.

*) Въ 35 году и въ началѣ 50-хъ годовъ XVI-го ст. сами Ногайцы считали у себя войска—«писменной рати» отъ 200,000 до 300,000. Князь Юсуфъ безъ труда однажды выставилъ 120,000 войска, не смотря на отсутствіе при этомъ нѣкоторыхъ мирзъ, не желавшихъ участвовать въ предпринятомъ имъ походѣ на Россію. Вивл. 27 ч. 251 с.; 28 ч. 303 с.; 29 ч. 101, 110 сс.

хорошихъ отношеніяхъ съ Ногайцами, роднясь съ ихъ князьями и вліятельными мирзами [1]).

Послѣдній переворотъ въ Казани, окончившійся убійствомъ Еналея, по всей вѣроятности, былъ сдѣланъ не безъ вліянія Ногайцевъ. Хотя послѣ женитьбы Еналея на дочери мирзы Юсуфа ногайскій князь и грозилъ (1535 г.) казанскимъ вельможамъ тѣмъ, что если они вышлютъ изъ Казани Еналея, то онъ вмѣстѣ съ Россіею и своими родственниками станетъ воевать ихъ; но мы знаемъ, что уже въ слѣдующемъ году Юсуфъ мирза, кочуя лѣтомъ около Казани и получивъ отъ своей дочери извѣстіе, „что царь Еналей ее не любитъ", послалъ порученіе казанскимъ князьямъ, „чтобъ они Еналея царя съ Казани сослали, а дочь его отдали бы ему" [2]). Правда, что по смерти Сафа-Гирея (1549 г.) князь Юсуфъ и его сынъ въ своихъ грамотахъ къ Грозному (1551 г.) возмущаются убійствомъ Еналея и жалуются на покойнаго царя, что онъ убилъ зятя, а вдову его (дочь Юсуфа) „въ полонъ за себя взялъ", но, по всей вѣроятности, это обусловливалось чувствомъ непріятнаго воспоминанія о томъ, что Сафа-Гирей обманулъ ихъ предъ этимъ, воспользовавшись даромъ ногайскою силою для захвата себѣ Казани [3]). Такимъ образомъ отношенія изгнаннаго царя къ Ногаямъ въ это время не были непріязненны; но Сафа-Гирей обратился сперва за помощью къ Астрахани потому, вѣроятно, что надѣялся на бывшихъ своихъ приверженцевъ между казанскими

---

[1]) Ib. 27 ч. 246, 276 с. Городомъ Астраханью они иногда овладѣвали (въ 1523 и 1538 гг.).

[2]) Ibid. 245—246, 287 с.

[3]) Ibib. 28 ч. 142, 270, 273 сс.

вельможами; быть можетъ, онъ также зналъ, что за свою помощь Ногайцы отъ него потребуютъ большихъ уступокъ, которыхъ онъ не желалъ дѣлать, дабы не увеличить ихъ и безъ того довольно большаго значенія въ Казани. Но неудача принудила Сафа-Гирея обратиться къ Ногайцамъ съ просьбою помочь ему въ достиженіи престола; при этомъ онъ говорилъ имъ, что въ Казани его желаютъ многіе и что если только онъ съ ногайскимъ войскомъ явится подъ городомъ, то овладѣетъ Казанью почти безъ кровопролитія. За помощь онъ обѣщалъ Ногайцамъ уступить нагорную и арскую стороны, а Юнуса, старшаго сына Юсуфа, назначить въ Казани княземъ на „ногайскомъ мѣстѣ" (мангитскомъ) и уступить ему такъ называемые „ногайскіе доходы" въ Казани *). На исполненіи этихъ условій Сафа-Гирей и спутники его (изъ Крымцевъ) присягнули, а въ обезпеченіе оставили Ногайцамъ женъ и дѣтей своихъ. Послѣ этого ногайскій князь съ мирзами вмѣстѣ „приговорили" дать ему въ помощь ногайское войско подъ начальствомъ Юнуса мирзы. Прежде чѣмъ они успѣли дойти до Казани, Шигъ-Алей покинулъ её и убѣжалъ на судахъ внизъ по Волгѣ, откуда полемъ уже пробрался въ городъ Касимовъ. Съ дороги онъ увѣдомилъ великаго князя объ измѣнѣ своихъ подданныхъ, которые хотѣли выдать его врагамъ, и о своемъ бѣгствѣ изъ Казани, гдѣ прожилъ только мѣсяцъ. Не смотря на бѣгство Шигъ-Алея, Сафа-Гирей съ Ногайцами нашелъ городъ запертымъ.

*) Объ этихъ, кажется, доходахъ позднѣе не разъ упоминаетъ въ своихъ грамотахъ къ царю князь Ивиаилъ; такъ напр.: «А коли въ Казани царь былъ и язъ ималъ по 100 рублевъ денегъ да по 100 батманъ меду». Вивл. 29 ч. 27 с.

Изъ него явились къ нему только бѣдные и незнатные люди, изъ князей же не пришелъ никто. Только послѣ осмидневной осады и нѣсколькихъ сраженій подъ городскими стѣнами они овладѣли Казанью. Завладѣвъ ею, Сафа-Гирей расположился тамъ вмѣстѣ съ Крымцами, которые сопровождали его въ числѣ 60 человѣкъ, а своихъ союзниковъ, Ногайцевъ, отпустилъ домой. Чтобъ надежнѣе утвердиться въ Казани, Сафа-Гирей рѣшился отдѣлаться отъ своихъ непріятелей по старому: убилъ сеита вмѣстѣ съ многими знатными и богатыми людьми; многихъ изъ нихъ послалъ къ Ногайцамъ, будто „въ послахъ"; иные же (родственники убитыхъ) сами бѣжали въ Москву. Укрѣпившись въ Казани, Сафа-Гирей послалъ на слѣдующій годъ къ тестю своему Юсуфу, чтобъ онъ съ Юнусомъ прислалъ семейства, оставленныя у Ногаевъ, обѣщая, съ своей стороны, исполнить данныя имъ обѣщанія. Между тѣмъ Юсуфъ съ братьями своими въ это время былъ въ походѣ на Астрахань. Юнусъ мирза, не дожидаясь возвращенія своего отца, отправился вмѣстѣ съ семействомъ царскимъ въ Казань. Но Сафа-Гирей, получивъ семью, не исполнилъ ничего изъ своихъ обѣщаній Ногайцамъ [1]).

Разумѣется, въ Москвѣ не могли относиться безразлично къ событіямъ, которыя происходили въ это время въ Казани. Сафа-Гирей самъ своею кровавою расправою съ вельможами помогалъ теперь Россіи: благодаря этому, число недовольныхъ въ Казанскомъ царствѣ чрезвычайно умножилось. На этотъ разъ недовольные не ограничивались только стѣнами города

---

[1]) Ibid. 143—144, 272 и 274 сс. Ник. л. VII ч., 1546 и 1547 гг.

Казани. Едва прибыли въ Москву служить великому князю многіе князья и мирзы казанскіе, спасшіеся отъ рукъ Сафа-Гирея, какъ сюда же явились послы отъ горныхъ Черемисъ съ просьбою, чтобъ государь послалъ на Казань свое войско, а они вмѣстѣ съ воеводами его станутъ служить ему. Войска были посланы, и русскіе воеводы дошли до устья р. Свіяги, гдѣ повоевали многія мѣста, и возвратились съ плѣнными Черемисами. Этотъ набѣгъ былъ прологомъ другихъ походовъ и значительной дѣятельности, которая началась вскорѣ послѣ этого. Въ слѣдующемъ году (1548 г.) государь рѣшился лично предпринять походъ на Казань во главѣ значительнаго войска, съ пушками; но наступившая зимняя оттепель не позволила ему дойти до Казани: онъ отпустилъ на Казань воеводъ съ Шигъ-Алеемъ, а самъ возвратился въ Нижній „со многими слезами" вслѣдствіе своей неудачи. Легкій походъ воеводъ на Казань удался вполнѣ и доказалъ, что ударъ былъ разсчитанъ молодымъ царемъ вѣрно. Хотя Казанцы въ свою очередь напали въ слѣдующемъ году (1549 г.) на галицкія мѣста, но это предпріятіе ихъ окончилось смертью предводителей похода и плѣномъ многихъ воиновъ: видно, не такъ легко было теперь застать Русскихъ въ расплохъ на пограничныхъ мѣстахъ.

Въ то время, когда Казанское царство находилось въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Россіи и въ натянутыхъ отношеніяхъ къ Ногайцамъ (вслѣдствіе обмана), неожиданно умираетъ Сафа-Гирей (въ мартѣ 1549 г.). Въ подобныхъ обстоятельствахъ Крымцы соединились съ тѣми Казанцами, которые поддерживали Сафа-Гирея, и провозгласили царемъ двухлѣтня-

го сына его Утемишъ-Гирея. Союзники не могли не знать отношеній Казани къ сосѣдямъ и опасностей, грозившихъ ей въ малолѣтство царя, поэтому они обратились въ Крымъ, прося себѣ оттуда помощи „и сверстнаго царя". Къ ихъ несчастію, русскіе казаки схватили пословъ на дорогѣ и убили ихъ, а найденныя грамоты переслали къ государю. Вскорѣ послѣ этого въ Москву прибылъ отъ казанскаго царя человѣкъ его съ грамотою, въ которой заключалось предложеніе о мирѣ между государствами. Съ этимъ же человѣкомъ послали изъ Москвы отвѣтъ, что для такого важнаго дѣла необходимы знатные послы [1]). Съ обѣихъ сторонъ этими ссылками, по всей вѣроятности, старались лишь протянуть время, чтобы лучше приготовиться къ войнѣ. Казанцамъ, какъ мы видѣли, не удалось переслать въ Крымъ своихъ грамотъ, и только позднѣе они успѣли это сдѣлать; но ни помощи, ни царевича оттуда не получили, ибо самъ ханъ въ это время находился въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Ногаямъ и къ Россіи и потому нуждался въ воинахъ [2]). Отношенія Ногайцевъ къ Казани по смерти Сафа-Гирея не стали дружественнѣе, не смотря на то, что казанскимъ царемъ провозглашенъ былъ внукъ ногайскаго князя Юсуфа *): Ногайцы опасались усиленія крымской стороны въ Казани. Дабы воспрепятствовать этому, Юнусъ мирза съ войскомъ отправился къ Казани и сталъ требовать отъ Казанцевъ, чтобы тѣ выслали изъ города Крымцевъ, приняли Шигъ-

---

[1]) Ник. л. VII, 1548—1549 гг. Вивл. 29 ч. 146 с.

[2]) Вивл. 28 ч. 146, 184, 202, 286 сс.

*) Утемишъ-Гирей былъ сынъ Сююнбеки, дочери Юсуфа, которая была прежде женою Еналея.

Алея царемъ, а его самого сдѣлали въ Казани ногайскимъ княземъ. Крымская партія отвѣтила на это выстрѣлами изъ крѣпостныхъ пищалей и пушекъ, и Юнусъ, простоявъ напрасно 8 дней подъ городомъ, ушелъ домой [1]). Послѣ этого столкновенія Ногаи сдѣлались враждебны къ Казани и стали сноситься съ Россіею, чтобы за одно дѣйствовать противъ Казани. Не лишены нѣкотораго интереса пріемы, которые князь ногайскій рекомендуетъ Россіи противъ Казани. Юсуфъ совѣтуетъ впереди русскаго войска послать въ Казань Шигъ-Алея, съ которымъ онъ желаетъ быть въ свойствѣ, присоединить къ нему казанскихъ князей, находящихся въ Москвѣ, съ немногими Черемисами, Чувашами и Мордвою. Самъ же онъ проситъ дать знать ему, когда Шигъ-Алей и русское войско выступятъ изъ Москвы, чтобъ имѣть возможность въ срокъ послать отъ себя къ Казани бывшихъ у Ногайцевъ казанскихъ вельможъ вмѣстѣ съ своимъ войскомъ; всѣ они должны были соединиться подъ Казанью, чтобъ дѣйствовать вмѣстѣ. Русскому войску, по мнѣнію Юсуфа, слѣдовало остановиться на Волгѣ и не подходить къ Казани, дабы не возбудить населенія противъ русскаго претендента. Самъ Алей долженъ былъ въ сопровожденіи казанскихъ князей подойти къ городскимъ стѣнамъ и говорить Казанцамъ: „вотъ вашъ царь, вотъ князья ваши и люди, сколько ихъ у насъ“ [2]). Юсуфъ высказывалъ увѣренность, что при такихъ условіяхъ въ Казани не станутъ сопротивляться и сдадутъ городъ.

---

[1]) Ibid. 202, 209, 216, 276 сс.
[2]) Ibid. 144—145.

Имѣя въ виду подобныя отношенія Ногайцевъ къ Казани и отсутствіе помощи послѣдней изъ Крыму, въ Москвѣ рѣшили было не медлить больше и, обезопасивъ себя перемиріемъ со стороны Польши, въ томъ же году (1549 г.) зимою отправиться на Казань. Между тѣмъ въ Казани, вѣроятно, спохватились, что въ ихъ обстоятельствахъ не слѣдуетъ возбуждать противъ себя сосѣдей, и помирились съ княземъ Юсуфомъ. Вслѣдствіе этого зимою въ Москву явились послы отъ ногайскаго князя съ грамотою, въ которой онъ писалъ, что берется помирить Россію съ Казанью и прикажетъ, чтобъ въ Казани давали царю „оброчныя пошлины"; въ заключеніе же прибавлялъ, что если въ Казани не захотятъ помириться съ Россіею, то онъ лѣтомъ пойдетъ на Казань вмѣстѣ съ царемъ и станутъ ее воевать съ двухъ сторонъ, а теперь проситъ ради его отложить походъ. Должно быть, по этой причинѣ казанскій походъ на этотъ разъ былъ отложенъ [1]).

Зато въ слѣдующемъ году (1550 г.) самъ царь повелъ свое войско на Казань, потому что не могъ больше выносить клятвопреступленій Казанцевъ, которые столько разъ клялись великимъ князьямъ быть въ ихъ волѣ, но постоянно „ложь творяху, яко же зліи звѣріе хапающе многихъ христіанъ въ плѣнъ". Воеводамъ заранѣе велѣно было собираться изъ ближнихъ мѣстъ въ слѣдующіе города: Суздаль, Шую, Муромъ, Ярославль и Юрьевъ; а самъ царь отправился въ ноябрѣ мѣсяцѣ во Владиміръ. Сюда же вызванъ былъ изъ Москвы и митрополитъ, который уговари-

---

[1]) Ник. л. VII, 1549 г. Вивл. 28 ч. 205 стр.

валъ воеводъ отложить на время похода свои мѣстническіе споры и „дѣлать государево земское дѣло“ во взаимномъ согласіи; вслѣдъ за этимъ онъ благословилъ русскихъ воиновъ „на земское дѣло“. Въ январѣ мѣсяцѣ войско съ нарядомъ отправилось къ Казани и расположилось отрядами противъ отдѣльныхъ частей города. Но и это предпріятіе не имѣло успѣха вслѣдствіе наступленія сильныхъ вѣтровъ и большихъ дождей („аерскаго нестроенія“), которые мѣшали стрѣлять изъ пушекъ и пищалей и приступать къ городу. Поэтому въ февралѣ принуждены были снять осаду и двинуться въ обратный путь. Достигнувъ р. Свіяги, царь остановился съ войскомъ на нѣкоторое время, и здѣсь осѣнила его благодатная мысль: построить въ этомъ мѣстѣ русскій городъ, дабы „учинити тѣсноту Казанской землѣ“. Царскіе совѣтники похвалили мысль, а казанскіе князья съ Шигъ-Алеемъ указали для города подходящее мѣсто — круглую гору при впаденіи р. Свіяги въ Волгу [1]). Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, мысль эту не признать благодатною, если принять во вниманіе величину и значеніе рѣки Свіяги, протекавшей по странѣ, населенной инородческими языческими племенами, которыя соединены были съ Казанью только внѣшнимъ образомъ, но мужествомъ своимъ и храбростью много помогали Казанскому царству въ его войнахъ съ Россіею.

Не взирая на неудачный исходъ царскаго похода, изъ Казани пришло предложеніе о мирѣ; посланный прибылъ въ Москву почти одновременно съ посломъ отъ ногайскаго князя Юсуфа, который просилъ царя

---

[1]) Ник. л. VII, 1550 г. Царств. книга 158—159 с.

о томъ же. Въ Казани не могли, безъ сомнѣнія, не видѣть того, что неблагопріятный исходъ послѣднихъ предпріятій обусловливался главнымъ образомъ состояніемъ погоды, а не тѣмъ, сравнительно незначительнымъ, сопротивленіемъ, которое Казанское царство оказало Россіи; по всей вѣроятности, здѣсь замѣтили и настойчивость, проявляемую молодымъ царемъ въ отношеніи къ Казани, и желали съ помощью Юсуфа отстранить отъ своего отечества новые удары. Изъ Москвы по прежнему отвѣчали, что для переговоровъ необходимы знатные послы, а между тѣмъ царь совѣтовался съ своими братьями и боярами о томъ, „какъ промышляти съ Казанью". На совѣщанія приглашали и Шигъ-Алея съ казанскими князьями и мирзами, которыхъ въ это время набралось въ Москвѣ около 500 человѣкъ. Предметомъ совѣщаній главнымъ образомъ былъ городъ, который положено было основать въ 20 верстахъ отъ Казани при впаденіи р. Свіяги въ Волгу. Со стороны жителей этихъ мѣстъ (Чуваши и Черемисы) врядъ ли можно было ожидать серіознаго сопротивленія при построеніи города, ибо нѣсколько лѣтъ тому назадъ они заявляли свою готовность служить Москвѣ противъ Казани. Гораздо большаго противодѣйствія нужно было ожидать отъ самихъ Казанцевъ съ разныхъ сторонъ и преимущественно по рѣкамъ. Поэтому необходимо было устранить послѣднюю помѣху, хоть на то время, когда будетъ строиться городъ; кромѣ того, самый процессъ построенія города слѣдовало ускорить, такъ какъ трудно было заранѣе предусмотрѣть всѣ случайности, которыя могутъ произойти въ это время. Для осуществленія послѣдняго рѣшено было приготовить деревянныя

церкви и зданія, которыя должны стоять въ городѣ. Съ этою цѣлью царь поручилъ дьяку Выродкову вмѣстѣ съ дѣтьми боярскими отправиться въ Углицкій уѣздъ (по Волгѣ) и въ вотчинѣ Ушатыхъ „рубити церквей и города"; приготовленныя такимъ образомъ строенія воеводы должны были на судахъ перевезти къ устью Свіяги и здѣсь установить ихъ. Дабы Казанцы своими нападеніями не мѣшали установкѣ города на горѣ, разослано было множество казаковъ по перевозамъ на Волгѣ, Камѣ и Вяткѣ; имъ велѣно было стоять въ этихъ мѣстахъ, „чтобы воинскіе люди изъ Казани и въ Казань не ѣздили". Къ поселенію въ будущемъ городѣ назначены были, по преданію, жители стариннаго города Пересвитска *); здѣсь же должны были быть поселены многіе казанскіе князья и мирзы со своими товарищами, которые изъ Казани перешли къ царю и жили до того времени въ Москвѣ [1]). Въ маѣ 1551 года русскіе воеводы съ Шигъ-Алеемъ во главѣ приплыли Волгою къ устью Свіяги и, высадившись на берегъ, стали очищать гору отъ покрывавшаго ее лѣса. Очистивъ ее, отслужили молебенъ съ водосвятіемъ и, обошедши со св. крестами то мѣсто, гдѣ должна была стоять городская стѣна, прежде всего заложили церковь. Срубовъ, привезенныхъ съ верховьевъ Волги, стало только на половину города, другую же половину додѣлали воеводы и дѣти боярскія своими людьми. Это произошло отъ того, что гора оказалась гораздо больше, чѣмъ сначала предполагали **). Городъ

*) Городъ, стоявшій на р. Окѣ, между Коломною и Рязанью.

[1]) Ник. л. VII, 1551 г. (75 и 88 с.) Город. посел. Рос. Имп. II, 311 с.

**) Построенный городъ имѣлъ въ окружности почти 2½

оконченъ былъ въ 4 недѣли, и слѣдствія построенія его не замедлили тотчасъ же обнаружиться: инородцы, жившіе на нагорной сторонѣ Волги (Чуваши и Черемисы), увидѣвъ, „что городъ царя православнаго сталъ въ ихъ землѣ", начали пріѣзжать къ Шигъ-Алею и къ воеводамъ и выражать свое желаніе быть въ зависимости отъ Россіи, чтобъ только ихъ не воевали. Объ окончаніи построенія города и о подчиненіи нагорныхъ людей дали знать въ Москву, куда скоро явились и представители отъ Чувашъ и Черемисъ (князья „сотные и десятные") съ увѣдомленіемъ о готовности присягнуть за себя и за своихъ дѣтей въ томъ, „что имъ неотступнымъ быти отъ государя и отъ Свіяжска къ Казани не отложитися"; при этомъ они просили царя облегчить ихъ въ ясакахъ и дать жалованную грамоту, „какъ имъ впередъ быти". Инородцы освобождены были на три года отъ платежей, и имъ дана была жалованная грамота съ золотою печатью, а представители ихъ, явившіеся въ Москву, были богато одарены деньгами и шубами. Послѣ этого инородцы нагорной стороны были приведены русскими воеводами къ присягѣ на вѣрность царю, „чтобъ чернымъ людямъ платить дани и оброки, какъ прежнимъ царямъ платили, и освободить всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, которые находятся у нихъ" *). Вѣрность ино-

---

версты (1200 с.); въ немъ было 7 воротъ, изъ коихъ одни носили названіе Адашевскихъ. Недалеко отъ города и р. Свіяги находились остатки древняго поселенія, которое именовалось городищемъ. Ар. Мин. Юст. Писц. кн. гор. Свіяжска и уѣзда (1565—67 гг.) № 848, л.л. 6, 145 и 147.

*) Кромѣ Чувашъ и Черемисъ, при этомъ упоминаются: Мордва, Можары и Тарханы. (Ник. л. VII, 1551 г. 79 и 81 сс.).

родцевъ новому своему царю испытана была тѣмъ, что они въ присутствіи русскихъ воеводъ должны были сражаться подъ стѣнами Казани противъ бывшихъ своихъ повелителей, послѣ чего они не разъ являлись въ Москву и щедро награждались царемъ, который ихъ жаловалъ „паче своихъ воиновъ".

Эти обстоятельства сильно подѣйствовали на Казанцевъ „въ городѣ и по селамъ". Они почувствовали, что для нихъ наступила „великая нужа": воюютъ ихъ со всѣхъ сторонъ, нѣтъ имъ проѣзду ни съ какой стороны, помощи также не можетъ быть имъ оказано ни откуда, потому что „люди великаго князя стоятъ по Волгѣ отъ Василя—города до Камы, Камою вверхъ до Вятки и Вяткою по всѣмъ перевозамъ стоятъ стрѣльцы и дѣти боярскія". Начались поэтому несогласія между Казанцами и Крымцами, которые до сихъ поръ были единодушны; Чуваши изъ Арской земли пришли въ Казань на царскій дворъ и стали требовать, чтобъ вельможи подчинились желаніямъ Россіи. Хоть Крымцы и побили Чувашу, но послѣ этого многіе изъ князей и мирзъ казанскихъ „пріѣхали къ государю служити, видѣвъ свое изнеможеніе". Царь ихъ жаловалъ и отпускалъ въ Свіяжскъ, гдѣ велѣно было ихъ устраивать вмѣстѣ съ казанскими вельможами, которые поселены были тамъ прежде. Крымцы увидѣли, что ихъ дѣло потеряно и что, вѣроятно, въ концѣ концовъ Казанцы ихъ выдадутъ Россіи; поэтому они собрались въ количествѣ 300 человѣкъ, знатныхъ и богатыхъ, пограбили, что могли, и, бросивъ женъ и дѣтей своихъ, убѣжали на Каму. Замѣтивъ тутъ стрѣльцовъ и дѣтей боярскихъ, они поспѣшили уйти р. Камою вверхъ къ Вяткѣ, въ увѣренности, что уже тамъ

нѣтъ Русскихъ. Но здѣсь „утаясь“ стояли Вятчане съ казаками, которые побили ихъ на голову, плѣнили и послали въ Москву, гдѣ всѣ они были казнены. Послѣ ухода Крымцевъ Казанцы послали къ Шигъ-Алею и къ русскимъ воеводамъ съ предложеніемъ выдать Россіи Утемишъ-Гирея съ матерью, а царемъ къ себѣ принять Шигъ-Алея [1]). Такимъ образомъ построеніемъ Свіяжска и послѣдующими мѣрами Москва достигла того, что русскій претендентъ сталъ снова царемъ въ Казани. Серіозное значеніе постройки города на устьѣ Свіяги было признано сейчасъ же дружественными къ Россіи ногайскими мирзами, которые въ городѣ, воздвигнутомъ близъ Казани, видѣли для государя средство воевать Казань не зимою только, какъ это было до сихъ поръ, а и лѣтомъ („въ жнитву“). Нѣсколько позднѣе, по поводу появленія русскихъ городковъ въ сосѣдствѣ съ Крымомъ, крымскіе Татары (1591 г.) тоже воздали должное Свіяжску слѣдующими словами, сказанными русскому послу въ Крыму: „вашъ государь такъ же хочетъ сдѣлать (съ Крымомъ), какъ надъ Казанью: сначала городъ близко поставилъ, а потомъ и Казань взялъ; но Крымъ не Казань“ [2]).

Послѣдними своими дѣйствіями противъ Казани Россія возбудила противъ себя неудовольствіе ногайскаго князя Юсуфа, который, какъ мы видѣли, старался отвести ударъ отъ Казани, гдѣ царствовалъ внукъ его Утемишъ-Гирей. Это неудовольствіе выразилось въ грубой формѣ: русскій посолъ, отправлен-

---

[1]) Ник. л. VII, 1551 г.

[2]) Вивл. 28 ч. 277 с. Ист. Рос. С. Соловьева VII, 325.

ный къ Юсуфу, былъ ограбленъ имъ и обезчещенъ [1]). Но не только ногайскій князь возбужденъ былъ послѣдними дѣйствіями московскаго царя противъ Казани: турецкій султанъ, верховный повелитель магометанства, былъ также обезпокоенъ этими предпріятіями и полагалъ необходимымъ раскрыть своимъ единовѣрцамъ глаза относительно дѣйствій и видовъ русскаго царя и его подчиненныхъ. Къ вліятельнѣйшему среди ногайскихъ мирзъ, Измаилу, турецкій султанъ прислалъ своего посла, который говорилъ ему отъ лица главы правовѣрныхъ слѣдующее: „Какую обиду русскіе казаки сдѣлали крымскому царю! пришли и повоевали самый Перекопъ, да они же овладѣли Астраханью и берутъ дань съ моего города Азова; оба берега Волги у васъ отняли и воюютъ ваши улусы! Неужели вамъ не стыдно этого („и то не соромоту ли вамъ учинили“)? Какъ же вы стать не умѣете за это? А Казань какъ онъ теперь воюетъ? А вѣдь тамъ паша же мусульманская вѣра! Намъ всѣмъ магометанамъ слѣдуетъ сговориться и вмѣстѣ защищаться. Вы (Ногайцы) вѣдь знаете, что въ Крыму теперь посаженъ мною царь: какъ ему велю, онъ такъ и поступаетъ. Изъ Астрахани ко мнѣ присылали просить царя, и я собираюсь скоро послать его имъ: Киргизъ-Кайсаки также просятъ у меня царя, и я намѣренъ имъ послать его изъ Крыму. Пока я и въ Казань пришлю царя, ты, Измаилъ, оказалъ бы мнѣ большое одолженіе, если бъ на помощь Казани послалъ своихъ людей. Кромѣ того, ты бы постарался помочь и городу Азову противъ русскихъ казаковъ, потому что мнѣ самому

[1]) Вивл. 25 ч. 253, 279—280, 303 сс.

вслѣдствіе отдаленности этого города трудно ему помочь. Я же тебя сдѣлаю за это царемъ въ Азовѣ". Но Измаилъ мирза, извѣдавъ на опытѣ выгоды, получаемыя Ногайцами отъ дружбы съ Россіею (кромѣ подарковъ и выгодъ отъ продажи лошадей, онъ не одинъ уже разъ получалъ отъ нея пушки, пищали и стрѣльцовъ противъ своихъ непріятелей), не послушался султана [1]).

Казанцы изъявили желаніе имѣть царемъ у себя Шигъ-Алея, въ надеждѣ получить вмѣстѣ съ нимъ обратно нагорную сторону, въ которой многіе князья владѣли ясаками и поэтому были близко заинтересованы ея обладаніемъ. Россія между тѣмъ не могла отказаться отъ страны, гдѣ съ такими усиліями былъ построенъ русскій городъ и гдѣ населеніе присягнуло на вѣрность русскому государю, получило отъ царя льготы и успѣло доказать свою вѣрность тѣмъ, что сражалось противъ Казани. Поэтому Казанцы не только не получили нагорной стороны и своихъ старыхъ ясаковъ, но должны были обязаться вмѣстѣ съ Шигъ-Алеемъ возвратить государю всѣхъ русскихъ плѣнныхъ. Послѣднихъ всегда было у нихъ достаточно, но теперь ихъ было особенно много, потому что въ малолѣтство Грознаго бояре, управлявшіе государствомъ, были заняты болѣе своими интригами и честолюбивыми планами, чѣмъ безопасностью и защитою государства отъ своихъ сосѣдей. Вслѣдствіе этого число русскихъ плѣнныхъ въ Казанскомъ царствѣ (въ городѣ, въ нагорной и луговой сторонахъ) достигло

---

[1]) Вивл. 27 ч. 265 с.; 28 ч. 86, 127, 227 — 228, 265—268, 281—282 сс.

огромной цифры *). Понятны убытки, которые должны были отъ этого понести Казанцы, и разочарованіе вельможъ и простыхъ людей въ Казани при воцареніи Шигъ-Алея; на него естественно и обрушилось ихъ неудовольствіе, тѣмъ болѣе, что онъ самъ имѣлъ неосторожность обѣщать Казанцамъ возвратить отъ Россіи нагорную сторону. Хотя государь и старался обезопасить новаго казанскаго царя со стороны Ногайцевъ родствомъ и предоставленіемъ Юнусъ мирзѣ званія „ногайскаго князя" въ Казани [1]), но это мало помогло Шигъ-Алею и не укрѣпило его на казанскомъ престолѣ. Уже 300 касимовскихъ Татаръ и 200 стрѣльцовъ, въѣхавшихъ въ Казань вмѣстѣ съ Шигъ-Алеемъ и расположившихся на царскомъ дворѣ, указывали ясно, что новый царь не вполнѣ довѣрялъ своимъ подданнымъ. Когда же начались требованія объ освобожденіи русскихъ плѣнниковъ, которыхъ Казанцы скрывали у себя, и когда выяснилось, что нагорная сторона не будетъ возвращена обратно, то неудовольствіе среди вельможъ на Шигъ-Алея быстро усилилось; они уже стали сноситься съ Ногайцами въ надеждѣ добыть оттуда себѣ новаго царя. Шигъ-Алей узналъ объ этомъ и рѣшилъ избавиться отъ недовольныхъ средствомъ, которое употреблялось нерѣдко его предшественникомъ: началось избіеніе князей, ула-

---

*) 60 тысячъ было только тѣхъ, которые получили «государевъ кормъ» въ Свіяжскѣ, кромѣ плѣнниковъ, взятыхъ Казанцами изъ сосѣднихъ странъ; послѣдніе, не заходя въ Свіяжскъ, разошлись по своимъ землямъ. Но, кромѣ отпущенныхъ, у Казанцевъ остались еще многіе, которыхъ они скрыли у себя («по ямамъ»). Ник. л. VII, 1551 г. (87—88, 92 сс.).

[1]) Вивл. 28 ч. 327, 331; 29 ч. 3, 11, 13 сс.

новъ и мирзъ (70 человѣкъ), вслѣдствіе чего многіе знатные люди уѣхали къ Ногайцамъ и въ другія страны. Въ Москвѣ видѣли ясно, что такими мѣрами Шигъ-Алей не сможетъ утвердиться въ Казани, и поэтому старались его убѣдить, чтобъ онъ „городъ (Казань) укрѣпилъ русскими людьми"; но Шигъ-Алей на это никакъ не соглашался, возражая: „бусурманъ есми, не хочу на свою вѣру стати" [1]). Къ этому же времени относится и увеличеніе (до 500) числа русскихъ стрѣльцовъ ради безопасности Шигъ-Алея. Въ такихъ для казанской аристократіи тяжелыхъ обстоятельствахъ, вельможи рѣшились на крайнее средство: они снеслись съ своими собратьями, оставшимися у царя въ Москвѣ, и государь узналъ отъ нихъ, что Казанская земля желаетъ лучше имѣть русскаго намѣстника, какъ въ Свіяжскѣ, чѣмъ Шигъ-Алея, который грабитъ, убиваетъ ихъ и отнимаетъ женъ и дочерей. Шигъ-Алей и самъ видѣлъ, что ему опасно будетъ далѣе оставаться въ Казани, и потому (1552 г. мартъ) выѣхалъ изъ нея, забравши съ собою казанскихъ вельможъ (84 человѣка), интриговавшихъ противъ него и непріязненныхъ ему. Такимъ образомъ подготовлялось, повидимому мирное, присоединеніе царства, которое стоило Русскимъ не мало страданій и крови за все время своего существованія. Уже многіе казанскіе вельможи присягнули Россіи въ Свіяжскѣ и въ самой Казани, уже стали очищать и дворы, которые должны были отойти подъ помѣщеніе русскихъ людей въ Казани; послѣ знатныхъ стали присягать и сельчане, расходившіеся послѣ присяги спокойно по своимъ домамъ.

---

[1]) Ник. л. VII, 1552 г. (93—94, 95 сс.).

Но казанской аристократіи, привыкшей во время независимаго существованія царства располагать его судьбою по своему произволу и извлекавшей при этомъ для себя большія выгоды, было не такъ легко помириться съ тѣмъ положеніемъ, какое готовило ей присоединеніе къ Москвѣ *). Среди нихъ могла сохраниться еще память о томъ, какъ они съ помощью Крымцевъ или Ногайцевъ не безъ успѣха отбивались по временамъ отъ русскихъ войскъ. Надежду на ногайскую помощь они могли получить во время своихъ сношеній съ Ногайцами при Шигъ-Алеѣ; на ихъ помощь они почитали себя въ правѣ разсчитывать между прочимъ потому, что знали о неудовольствіи Юсуфа на московскаго царя, которое ногайскій князь, кочуя по сосѣдству съ Казанью, могъ высказывать при случаѣ [1]). Смутить же и возбудить народъ противъ иновѣрныхъ Москвитянъ, которые готовились уже войти въ городъ, чтобы утвердиться въ немъ, было не особенно трудно: для этого стоило лишь распустить нелѣпый слухъ, въ родѣ того, напримѣръ, что Русскіе, утвердившись въ городѣ, перебьютъ всѣхъ Татаръ [2]). И вотъ бояре, приготовившіеся было вступить въ го-

---

*) Движеніе противъ Русскихъ въ Казани, которая готова была, повидимому, отдаться Москвѣ, возбудили вельможи (2 князя и мирза), явившіеся въ городъ изъ Россіи. О нихъ говорится въ лѣтописи: «бояре не берегли ихъ, потому что всѣ ихъ князи (т. е. казанскіе) выручали». Къ нимъ же скоро присоединился и Чапкунъ, одинъ изъ казанскихъ князей, жившій долго въ Москвѣ и Свіяжскѣ и выказывавшій свое расположеніе къ Россіи. Ник. л. VII, 1552 г. (99—100 с.). Царствен. кн. 200—201 сс.

[1]) Вивл. 28 ч. 277, 327; 29 ч. 3 с.

[2]) Ник. л. VII, 1552 г. (99 с.).

родъ, нашли городскія ворота запертыми. Казанцы стали вооружаться и послали къ Ногайцамъ съ просьбою прислать имъ царя съ немногими людьми. Въ это время Ногайцы были въ мирныхъ отношеніяхъ съ Россіею и у нихъ находились русскіе послы. Князь и мирзы были въ затруднительномъ положеніи: не помочь Казани—значило отдать ее во власть Россіи, помочь же—значило дѣйствовать явно противъ царя, съ которымъ мирно сносились. Впрочемъ ногайскій князь Юсуфъ какъ прежде, такъ и въ настоящее время не особенно былъ доволенъ Россіею, гдѣ содержались въ плѣну его дочь и внукъ, бывшій казанскій царь. Онъ не прочь былъ послать въ Казань царя, въ надеждѣ сдѣлать ее такимъ образомъ зависимою отъ себя; но присутствіе между Ногайцами русскихъ пословъ должно было затруднять его положеніе. Вѣроятно, вслѣдствіе этого явно онъ рѣшился отказать Казанцамъ въ помощи, сославшись при этомъ на свои отношенія къ Россіи; на самомъ же дѣлѣ онъ послалъ царемъ въ Казань своего родственника, астраханскаго царевича Едигера, съ которымъ вмѣстѣ отпустилъ и нѣкоторыхъ изъ своихъ довѣренныхъ Ногайцевъ *). Кромѣ

*) Такимъ образомъ, полагаю, можно объяснить видимое противорѣчіе. которое встрѣчается въ донесеніяхъ русскихъ пословъ (служилыхъ татаръ), находившихся въ это время у Ногайцевъ. Одинъ изъ нихъ доноситъ, что Едигера отпустилъ Юсуфъ по просьбѣ Казанцевъ съ немногими людьми; другой же (позже), напротивъ, извѣщаетъ, что князь Юсуфъ Казанцамъ отказалъ въ ихъ просьбѣ, а Едигеръ будто бы «пошелъ въ Казань безъ Юсуфова вѣдома». Между тѣмъ, при Едигерѣ среди другихъ Ногайцевъ находился и бывшій посолъ Юсуфа въ Москвѣ, Джанъ-Магметъ. Кромѣ этого, доказательствомъ, что Едигеръ отпущенъ былъ въ Казань съ согласія ногайскаго князя и мирзъ, не исключая и Измаила мирзы, служитъ то

ногайской помощи, Казанцы старались усилиться присоединеніемъ нагорной стороны. Съ этою цѣлію изъ Казани отправили нѣсколькихъ князей съ отрядомъ склонять жителей нагорной части Волги отстать отъ Россіи и снова соединиться съ Казанскимъ царствомъ. Но не истекъ еще срокъ льготамъ, которыя получили нагорные люди, и слишкомъ еще свѣжо было у нихъ впечатлѣніе отъ богатыхъ русскихъ шубъ и однорядокъ, чтобъ они могли въ это время промѣнять Россію на Казань. Когда казанскія событія стали извѣстны въ Москвѣ, то царь поспѣшилъ собрать совѣтъ, на которомъ рѣшено было самому царю предпринять походъ, чтобы покончить съ Казанью. Русскіе воеводы были отправлены впередъ въ г. Свіяжскъ, гдѣ они должны были ожидать царскаго прихода. Наблюдать за перевозами по Камѣ и Вяткѣ посланы были дѣти боярскія, стрѣльцы и казаки; на волжскихъ же перевозахъ велѣно было свіяжскимъ воеводамъ разставить своихъ людей, „чтобы воинскіе люди въ Казань и изъ Казани не ходили“ [1]).

Уже весною къ Казанцамъ присоединилось инородческое населеніе нагорной стороны Волги и стало дѣйствовать противъ Русскихъ около самаго г. Свіяж-

---

обстоятельство, что Измаилъ далъ Едигеру свой панцырь и позднѣе въ своей грамотѣ къ царю самъ говоритъ, что они его отпустили, «чтобъ деи юртъ безъ государя не былъ». (Рук. № 4, 131—134 лл. Вивл. 29 ч. 38, 53, 112, 156, 240 с.). Въ Ник. л. (1552 г. 106 с), сказано про Едигера: «прислали его Ногаи по казанской ссылкѣ»; вмѣстѣ съ нимъ въ Казань прибыло 500 человѣкъ Ногайцевъ. Курбскій говоритъ, что въ Казани находился ногайскій князь Улубій съ двумя тысячами и нѣсколькими стами Ногайцевъ. Сказ. Курб. I, 24 с.

[1]) Ник. л. VII, 104 с. Царств. кн. 205 с.

ска. Между тѣмъ Едигеръ съ Ногайцами успѣлъ пробраться въ Казань. Поэтому Русскимъ необходимо было дѣйствовать быстро и энергично, тѣмъ болѣе, что между войсками, расположенными въ Свіяжскѣ, въ это время появилась нравственная распущенность и цынга, которыя ослабили бодрость воиновъ и доставили непріятелю перевѣсъ въ нѣкоторыхъ столкновеніяхъ съ Русскими. Для возбужденія упадшаго духа въ войскѣ, изъ Москвы послали въ Свіяжскъ нѣкоторыхъ лицъ изъ образованнаго духовенства съ освященною водою и съ посланіемъ отъ митрополита къ войску. Это, вмѣстѣ съ ослабленіемъ болѣзни, благотворно подѣйствовало на нравственность воиновъ, подняло воинственное настроеніе войска. Скоро высказалось и слѣдствіе этого въ подчиненіи нагорныхъ людей: по Свіягѣ и по Волгѣ они „воеводамъ добили челомъ и къ Свіяжскому городу пошли съ женами и съ дѣтьми“ [1]).

Но, рѣшившись на рѣшительное предпріятіе противъ Казани, Москвѣ нельзя было безъ вниманія оставлять юговосточныхъ своихъ сосѣдей — Ногайцевъ и Крымцевъ. Уже на царскомъ совѣтѣ нѣкоторые говорили, что царю не слѣдуетъ самому отправляться въ походъ, потому что отношенія Россіи къ Крыму и къ Ногайцамъ не были надежны и съ ихъ стороны нужно ожидать непріязненныхъ дѣйствій противъ Русскихъ. Въ это время въ Москвѣ знали, что нельзя полагаться на дружескія отношенія князя Юсуфа, который торговалъ главнымъ образомъ съ Бухарою и не разъ уже высказывалъ свое неудовольствіе на

---

[1]) Ник. л. VII, 1552 г. (142, 145 сс.).

русскаго царя и готовность воевать русскія украйны; знали также, что крымскіе Татары въ хорошихъ отношеніяхъ съ Ногайцами, слѣдовательно, съ ихъ стороны можно было ожидать совмѣстныхъ предпріятій противъ Россіи [1]).

Предъ самымъ выступленіемъ въ походъ царя пришло извѣстіе о вторженіи въ Россію крымскаго хана, который полагалъ, что царь съ русскимъ войскомъ стоитъ подъ Казанью, и желалъ воспользоваться этимъ для грабежа. Когда же онъ узналъ, что царь съ войскомъ еще въ Россіи, то остановился на пути и сталъ осаждать городъ Тулу, которою впрочемъ не могъ овладѣть и покинулъ при извѣстіи о приближеніи къ ней русскаго царя съ войскомъ [2]). Такимъ образомъ Россія избавилась отъ опаснаго врага, который послѣ неудачи не могъ скоро собраться въ новый походъ. Слѣдовало остерегаться нападеній и со стороны ногайскаго князя Юсуфа, который, отпустивъ въ Казань на царство Едигера, самъ могъ неожиданно напасть на Россію, чтобы поддержать своего родственника въ Казани. Это было тѣмъ вѣроятнѣе, что Русскіе, возвращавшіеся лѣтомъ отъ Ногайцевъ, слышали въ улусахъ отъ нѣкоторыхъ мирзъ, собиравшихся кочевать по Волгѣ, что они намѣрены воевать русскія окраины [3]). Поэтому для защиты отъ Ногайцевъ нѣкоторымъ воеводамъ съ частью войска велѣно было идти правою стороною, въ разстояніи пяти дней ѣзды отъ главнаго войска подъ личнымъ

---

[1]) Вивл. 28 ч. 304, 327 сс.; 29 ч. 3—4, 47—48, 104 сс.

[2]) Ник. л. VII, 1552 г. (126 с). Сказ. кн. Курбскаго I, гл. II, 16 с.

[3]) Вивл. 29 ч. 34 с.

начальствомъ царя [1]). Послѣ трудностей и лишеній продолжительнаго похода войско наконецъ достигло Свіяжска; здѣсь царь узналъ о новомъ подчиненіи нагорной стороны, и воиновъ ожидали съѣстные припасы, подвезенные Волгою въ такомъ изобиліи, что, по выраженію участника этого похода, каждый изъ нихъ пріѣхалъ сюда, „какъ въ свой домъ“ [2]). Соединившись съ воеводами и войскомъ, высланнымъ сюда заранѣе, царь, послѣ короткаго пребыванія въ Свіяжскѣ, гдѣ старался привлечь нагорныхъ жителей, чтобы тѣ дѣйствовали вмѣстѣ съ Русскими, отправился къ Казани и приступилъ къ ея осадѣ *). Около полутора мѣсяца длилась казанская осада, во время которой русскимъ войскомъ были перенесены большія трудности. Осажденные, съ своей стороны, проявляли единодушіе въ соединеніи съ твердостью и самоотверженіемъ. Мужество и отчаянная храбрость Казанцевъ обусловливались чувствомъ государственнаго самосохраненія, которое, вмѣстѣ съ религіознымъ фанатизмомъ, одушевляло, по всей вѣроятности, каждаго бойца въ это многозначительное для ихъ царства время. Доблестная храбрость и неустрашимое мужество русскихъ воиновъ при осадѣ и взятіи Казани были слѣдствіемъ религіознаго воодушевленія войска и сознанія того, что безопасность большей части русскаго сѣверовостока невозможна при существованіи Казанскаго царства, этого „сильнаго и можнаго мучителя христіанскаго“, про-

---

[1]) Сказ. кн. Курбскаго I, гл. II, 17 с.

[2]) Ibid.

*) Описывать осаду и взятіе Казани послѣ мастерскаго изображенія этого эпизода у Карамзина полагаю совершенно излишнимъ.

русскаго царя и готовность воевать русскія украйны; знали также, что крымскіе Татары въ хорошихъ отношеніяхъ съ Ногайцами, слѣдовательно, съ ихъ стороны можно было ожидать совмѣстныхъ предпріятій противъ Россіи [1]).

Предъ самымъ выступленіемъ въ походъ царя пришло извѣстіе о вторженіи въ Россію крымскаго хана, который полагалъ, что царь съ русскимъ войскомъ стоитъ подъ Казанью, и желалъ воспользоваться этимъ для грабежа. Когда же онъ узналъ, что царь съ войскомъ еще въ Россіи, то остановился на пути и сталъ осаждать городъ Тулу, которою впрочемъ не могъ овладѣть и покинулъ при извѣстіи о приближеніи къ ней русскаго царя съ войскомъ [2]). Такимъ образомъ Россія избавилась отъ опаснаго врага, который послѣ неудачи не могъ скоро собраться въ новый походъ. Слѣдовало остерегаться нападеній и со стороны ногайскаго князя Юсуфа, который, отпустивъ въ Казань на царство Едигера, самъ могъ неожиданно напасть на Россію, чтобы поддержать своего родственника въ Казани. Это было тѣмъ вѣроятнѣе, что Русскіе, возвращавшіеся лѣтомъ отъ Ногайцевъ, слышали въ улусахъ отъ нѣкоторыхъ мирзъ, собиравшихся кочевать по Волгѣ, что они намѣрены воевать русскія окраины [3]). Поэтому для защиты отъ Ногайцевъ нѣкоторымъ воеводамъ съ частью войска велѣно было идти правою стороною, въ разстояніи пяти дней ѣзды отъ главнаго войска подъ личнымъ

---

[1]) Вивл. 28 ч. 304, 327 сс.; 29 ч. 3—4, 47—48, 104 сс.

[2]) Ник. л. VII, 1552 г. (126 с). Сказ. кн. Курбскаго I, гл. II, 16 с.

[3]) Вивл. 29 ч. 34 с.

начальствомъ царя [1]). Послѣ трудностей и лишеній продолжительнаго похода войско наконецъ достигло Свіяжска; здѣсь царь узналъ о новомъ подчиненіи нагорной стороны, и воиновъ ожидали съѣстные припасы, подвезенные Волгою въ такомъ изобиліи, что, по выраженію участника этого похода, каждый изъ нихъ пріѣхалъ сюда, „какъ въ свой домъ" [2]). Соединившись съ воеводами и войскомъ, высланнымъ сюда заранѣе, царь, послѣ короткаго пребыванія въ Свіяжскѣ, гдѣ старался привлечь нагорныхъ жителей, чтобы тѣ дѣйствовали вмѣстѣ съ Русскими, отправился къ Казани и приступилъ къ ея осадѣ *). Около полутора мѣсяца длилась казанская осада, во время которой русскимъ войскомъ были перенесены большія трудности. Осажденные, съ своей стороны, проявляли единодушіе въ соединеніи съ твердостью и самоотверженіемъ. Мужество и отчаянная храбрость Казанцевъ обусловливались чувствомъ государственнаго самосохраненія, которое, вмѣстѣ съ религіознымъ фанатизмомъ, одушевляло, по всей вѣроятности, каждаго бойца въ это многозначительное для ихъ царства время. Доблестная храбрость и неустрашимое мужество русскихъ воиновъ при осадѣ и взятіи Казани были слѣдствіемъ религіознаго воодушевленія войска и сознанія того, что безопасность большей части русскаго сѣверовостока невозможна при существованіи Казанскаго царства, этого „сильнаго и можнаго мучителя христіанскаго", про-

---

[1]) Сказ. кн. Курбскаго I, гл. II, 17 с.

[2]) Ibid.

*) Описывать осаду и взятіе Казани послѣ мастерскаго изображенія этого эпизода у Карамзина полагаю совершенно излишнимъ.

изводившаго „безчисленное плѣненіе и кровопролитіе“ въ сосѣднихъ Русскихъ областяхъ, такъ что за 18 миль до Москвы все пусто было [1]). Не говоримъ уже о такихъ мотивахъ для мужества воиновъ, какъ личное присутствіе царя, честолюбіе, надежды на богатство Казанцевъ, на награды и т. д., что, какъ обыкновенно, долженствовало возбуждать энергію отдѣльныхъ личностей.

Большая часть Казанцевъ, защищавшихся въ городѣ, погибла въ сраженіяхъ во время осады и взятія Казани, а Едигеръ попался въ плѣнъ.

Присоединеніе Казанскаго царства къ Россіи имѣло громадное значеніе для русской колонизаціи, которая доселѣ могла двигаться по Волгѣ лишь построеніемъ укрѣпленныхъ городовъ, гдѣ располагались войска съ воеводами. Хотя этотъ характеръ русская колонизація сохраняетъ въ Поволжьѣ еще на долгое время, но, рядомъ съ этимъ, появляются и дѣйствуютъ новые способы заселенія приволжскихъ странъ промышленными и земледѣльческими силами.

Возобновляя въ памяти главные моменты борьбы между Казанью и Москвою, мы должны будемъ признать, что паденіе Казани было естественнымъ и необходимымъ результатомъ ея внутренняго устройства, какъ политическаго организма. Прежде всего въ глаза бросается пестрота Казанскаго царства: въ его составъ входили народы, хотя отчасти и родственные между собою, но различной культуры, съ разными религіями и обычаями; они находились въ совершенно внѣшнихъ отношеніяхъ къ государственному ор-

[1]) Сказ. кн. Курбскаго I, гл. I, 8 с.

ганизму, къ которому принадлежали. Для крѣпости ихъ соединенія съ цѣлымъ огромную важность имѣла власть, представлявшая собою политическое единство этого организма: чѣмъ она была бы сильнѣе, тѣмъ крѣпче, очевидно, были бы соединены части съ цѣлымъ и между собой. Между тѣмъ царская власть въ Казани была, какъ мы видѣли, сильно ограничена вліяніемъ вельможъ, которые преслѣдовали только свои эгоистическіе интересы. Слабость Казани при подобныхъ условіяхъ проявилась довольно рано уже въ той легкости, съ какою въ ней утверждали и проводили свое вліяніе сосѣди. А это по необходимости вело къ тому, что Казанское царство еще задолго до своего паденія находилось въ зависимости отъ Россіи и отъ Ногайцевъ, не говоря уже о Крымцахъ, которые заправляли всѣмъ при царяхъ изъ фамиліи Гиреевъ. Средства Казани для защиты отъ нападеній со стороны ея сосѣдей не всегда указывали на ея силу. Отъ Ногайцевъ они могли еще съ успѣхомъ отбиваться, потому что у тѣхъ не было ни судовъ, ни пушекъ, чтобы дѣйствовать успѣшно противъ ихъ столицы [1]); въ столкновеніяхъ же съ Россіею имъ приходилось иногда испытывать вполнѣ свою слабость. Такъ, напримѣръ, въ двадцатыхъ годахъ XVI столѣтія стоило Казанцамъ во время осады потерять пушечнаго мастера, который стрѣлялъ изъ ихъ крѣпостныхъ орудій, чтобъ они очутились въ безпомощномъ состояніи относительно Русскихъ, осаждавшихъ ихъ городъ. Можно ли было такому царству слишкомъ долго выдерживать столкновенія и защи-

---

[1]) Вивл. 28 ч. 209, 276 сс.; 29 ч. 110 с.

щаться отъ государства, въ которомъ преобладало одно племя, исповѣдывавшее одну религію, судившееся одними законами и во главѣ котораго находилась власть, возбуждавшая своею силою удивленіе иностранцевъ XVI столѣтія?

Мы видѣли, что царь, отправляясь въ походъ на Казань, полагалъ необходимымъ отдѣлить отъ своего войска значительный отрядъ (30,000) и послалъ его съ воеводами особою дорогою для прикрытія главнаго войска отъ Ногайцевъ, которымъ онъ имѣлъ причины не довѣрять. Когда царь подошелъ къ Казани и сталъ осаждать ее, то онъ могъ лично удостовѣриться въ значительной помощи, которую Казань получила отъ Ногайцевъ *). Еще до прибытія русскаго войска къ Казани, довѣренное лицо князя Юсуфа **) присылало оттуда посла къ Ногайцамъ съ извѣстіемъ, „что къ Казани идетъ сила великая и они бъ Казани помогли". Юсуфъ и всѣ мирзы, кромѣ Измаила, выражали готовность идти войною на русскія окраины вмѣстѣ съ Крымцами, которые чрезъ своихъ пословъ тоже возбуждали ихъ къ войнѣ съ Россіею, заявляя при этомъ свою готовность дѣйствовать за одно съ ними. Но на съѣздѣ, который былъ собранъ по этому поводу, Измаилъ мирза успѣлъ отговорить Ногайцевъ тѣмъ, что указалъ имъ на ногайскихъ пословъ, отправленныхъ въ Москву и возвращенія которыхъ необходимо подождать, чтобы узнать вѣсти, которыя имъ могутъ пригодиться. Къ счастію, осада Казани

---

* Князь ногайскій Улубій съ своими ногайцами.

** Джанъ-Магметъ, отступившій вмѣстѣ съ царевичемъ Бидеромъ.

продолжалась не особенно долго, а послы отъ Юсуфа и Измаила задержаны были въ Москвѣ до возвращенія изъ-подъ Казани царя, который самъ уже отпустилъ ихъ домой (январь 1553 г.) [1]).

Послѣ присоединенія Казанскаго царства отношенія Россіи къ Юсуфу не могли улучшиться: напротивъ, къ прежнимъ поводамъ неудовольствія на царя за то, что онъ не выдаетъ ему дочь и внука, присоединился новый: неудача ногайскаго князя въ попыткѣ его отстоять Казань и поставить ее въ зависимость отъ себя. Кромѣ того, въ Ногайской землѣ на слѣдующій годъ открылся голодъ, который принуждалъ ихъ брать съ собою въ походъ даже верблюдовъ. Эти обстоятельства оказали такое вліяніе на Юсуфа, что онъ въ концѣ лѣта 1553 года вмѣстѣ со многими мирзами и съ 120 тысячами Ногайцевъ приготовился пойти на самую Москву и собиралъ подъ рукою свѣдѣнія, можно ли будетъ ему прокормиться подъ Москвою; было сдѣлано уже распоряженіе о томъ, сколько верблюдовъ брать зажиточнымъ Ногайцамъ (каждому 2-хъ или 3-хъ верблюдовъ), сколько бѣднымъ (тремъ человѣкамъ одного верблюда) и какой кормъ на дорогу *). Когда Юсуфъ предложилъ Измаилу принять участіе въ этомъ походѣ, то послѣдній и на этотъ разъ отказался, мотивируя отказъ различіемъ въ торговыхъ выгодахъ своихъ и Юсуфа, торговавшаго въ Бухарѣ, между тѣмъ какъ онъ велъ торговлю въ Москвѣ; онъ говорилъ: „только мнѣ завоеваться, и мнѣ самому ходити нагу, а которые люди умирать

[1]) Вивл. 29 ч. 47—48, 53—54, 59 сс.

*) Каждому ногайцу по 3 овцы и крупъ, сколько человѣку можно поднять съ собою.

станутъ, тѣмъ и савановъ не будетъ". Юсуфъ въ настоящемъ предпріятіи противъ Россіи разсчитывалъ дѣйствовать въ союзѣ съ астраханскимъ царемъ, который обѣщалъ ему суда для перевоза чрезъ Волгу Ногайцевъ и 500 человѣкъ своихъ воиновъ. Между тѣмъ Измаилъ мирза не только самъ отказался отъ участія въ походѣ на Россію, но отклонилъ отъ этого и другихъ вліятельныхъ мирзъ, а самому Юсуфу объявилъ, что если тотъ пойдетъ на русскія украйны, то онъ уйдетъ за Яикъ и не станетъ защищаться противъ крымскаго хана, который собирался идти воевать Ногайцевъ. Эти представленія, въ соединеніи съ рѣшимостью другихъ мирзъ, остановили грозное предпріятіе ногайскаго князя [1]). Непріязненное расположеніе Юсуфа должно было особенно озабочивать русское правительство въ настоящее время, когда началось возстаніе среди народовъ вновь присоединеннаго Казанскаго царства. Эти племена, склонныя нѣсколько къ набѣгамъ и разбоямъ [2]), могли находить для себя болѣе выгодною власть бывшаго Казанскаго царства, которое само расположено было къ хищничеству. Намъ извѣстна многочисленность казанской аристократіи и то, какими свойствами и инстинктами она была исполнена. Поэтому неудивительно, что бывшіе казанскіе князья и мирзы не чувствовали себя удовлетворенными въ своемъ новомъ положеніи и старались съ помощью знатныхъ инородцевъ арской, луговой и отчасти нагорной сторонъ возбудить движеніе противъ Россіи. Мы знаемъ, что

---

[1]) Вивл. 29 ч. 101—103, 106—107, 111, 114, 132, 143 сс.
[2]) Герберштейнъ 113 с.

московскій царь послѣ завоеванія Казани объявилъ чернымъ людямъ луговой и Арской земли, чтобъ они ему платили тѣ же „прямые ясаки", которые взимались съ нихъ при Магметъ-Аминѣ [1]). Но намъ извѣстно также, что послѣ присоединенія къ Россіи Казанскаго царства бояре московскіе, не смотря на царское приказаніе, „казанское строеніе поотложиша, а начаша о кормленіяхъ сѣдѣти", потому что, объясняетъ далѣе извѣстіе, они захотѣли богатства [2]). Относительно же того, какъ въ то время бояре, князья и боярскія дѣти кормились по русскимъ областямъ и городамъ, есть также извѣстіе, свидѣтельствующее, что они „не пастыри и учители имъ быша, но гонители и разорители имъ сотворишася..... презрѣвъ страхъ Божій и государскіе уставы, многіе грады и волости пусты учинили" [3]). Принявъ во вниманіе все это, естественнымъ явится непріязненное движеніе инородцевъ противъ Россіи въ разныхъ частяхъ Казанскаго царства. Движеніе это началось чрезъ два мѣсяца послѣ завоеванія Казани и продолжалось много лѣтъ, съ перерывами, болѣе или менѣе значительными. Русскіе воеводы не всегда успѣшно дѣйствовали противъ возставшихъ: бывали довольно значительныя неудачи, поддерживавшія надежды въ поднявшихся племенахъ, которыя между прочимъ построили себѣ

---

[1]) Ник. л. VII, 1553 г. (184—186).

[2]) Царств. книга 337 с.

[3]) Ник. л. VII, 1556 г. (259 с).

Флетчеръ также свидѣтельствуетъ, что ему случалось видѣть «многія деревни и города, въ полъ-мили или цѣлую милю длины, совершенно пустыя, народъ весь разбѣжался по другимъ мѣстамъ отъ дурнаго съ ними обращенія и насилій». «О государствѣ Русскомъ» гл. 13, 45 с.

городъ на р. Мешѣ, въ разстояніи 70 верстъ отъ Казани, и укрѣпили его, думая „тутъ отсидѣться". Воевода, высланный противъ нихъ изъ Свіяжска, былъ разбитъ ими и взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ со многими боярскими дѣтьми. Когда въ Москвѣ узнали объ этомъ, то послали Данилу Адашева (брата царскаго любимца) съ боярскими дѣтьми, поручивъ ему дѣйствовать на Камѣ, Вяткѣ и по Волгѣ вмѣстѣ съ казаками, посланными на помощь ему. Снова появилась дѣятельность на перевозахъ по упомянутымъ рѣкамъ; начались сраженія между русскими воинами и возставшими племенами, находившими себѣ косвенную поддержку въ Ногайцахъ [1]. Жители луговой стороны не довольствовались повидимому своими успѣхами въ отдѣльныхъ сраженіяхъ и простою поддержкою со стороны Ногайцевъ: они стремились усилить себя болѣе рѣшительнымъ образомъ. Узнавъ о значеніи Измаила мирзы въ ногайской ордѣ, они снарядили къ нему посольство, которое повезло ему подарокъ, свидѣтельствовавшій о ихъ успѣхахъ въ борьбѣ съ Россіею: они послали ему доспѣхъ, снятый съ русскаго боярина-воеводы, взятаго въ плѣнъ; при этомъ они просили его дать имъ на княженіе старшаго своего сына Магметъ мирзу. Измаилъ отказалъ имъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что на него собирается войною крымскій ханъ и, слѣдовательно, онъ самъ будетъ нуждаться въ сынѣ. Получивъ съ этой стороны отказъ, Казанцы отправили одного изъ своихъ князей къ Юсуфу, съ просьбой дать имъ на княженіе Али мирзу, одного изъ своихъ сыновей [2]. Въ Москвѣ очень

---

[1]) Ник. л. VII, 1553 г., 202 с.

[2]) Вивл. 29 ч. 106—107, 115 сс.

хорошо знали враждебное настроеніе ногайскаго князя, который и безъ того, быть можетъ, поддерживалъ возставшихъ противъ Россіи Казанцевъ своими Ногайцами. Эти обстоятельства, въ связи съ непріязненными отношеніями Россіи къ Крыму и къ Астрахани, которая сблизилась въ послѣднее время съ Юсуфомъ и съ Крымомъ [1]), побуждали московскаго царя къ рѣшительному шагу, чтобъ выйти изъ тяжелаго положенія.

Въ началѣ 1554 (октябрь мѣсяцъ) въ Москву прибыли послы отъ Измаила и отъ нѣкоторыхъ другихъ ногайскихъ мирзъ съ просьбою, „чтобъ царь ихъ оборонилъ отъ Ямгурчея, царя астраханскаго, отпустилъ бы Дербыша царя, да послалъ свою рать и посадилъ бы его въ Астрахань“, они же, съ своей стороны, обѣщаются въ этомъ дѣлѣ дѣйствовать по приказанію великаго князя [2]).

Не въ первый разъ Измаилъ въ своихъ сношеніяхъ съ царемъ хлопоталъ объ этомъ дѣлѣ. Астраханскій царевичъ Дербышъ былъ близкій родственникъ Измаила мирзы и принадлежалъ къ татарскимъ служилымъ царевичамъ, число которыхъ на Руси увеличилось въ послѣднее время. Около половины XVI столѣтія (1548 г.) ногайскіе мирзы въ своихъ грамотахъ къ царю стали хлопотать о томъ, чтобъ царевича Дербыша отпустили изъ Россіи къ нимъ. Цѣлью Ногайцевъ было сдѣлать его царемъ въ Астрахани, чтобъ избавиться такимъ образомъ отъ врага въ сосѣдствѣ и усилить себя [3]). Изъ Москвы отпустили

---

[1]) Вивл. 29 ч. 49—50. 101 сс.
[2]) Ник. л. VII, 1554 г. (208 с.).
[3]) Вивл. 28 ч. 104, 107, 316—317 сс.

Дербыша, предварительно взявъ съ него клятву въ томъ, что ему, „пришедъ въ Ногаи, царя и великаго князя другу другомъ быти, а недругу недругомъ, и у князя и у мирзъ дѣла царя и великаго князя беречи“ [1]). Ногайцы впрочемъ скоро замѣтили, что имъ самимъ очень трудно овладѣть Астраханью, ибо у нихъ не было ни судовъ, ни пушекъ, ни пищалей; поэтому они стали стремиться къ тому, чтобы достигнуть своей цѣли при помощи Россіи. Еще во время пребыванія у нихъ царевича Дербыша Измаилъ мирза (1551 г. весною) въ своей грамотѣ къ царю писалъ: „вы бъ, Астрахань взявъ, ему (Дербышу) дали“. Царь обѣщалъ въ слѣдующемъ году исполнить его просьбу [2]). Но подоспѣло казанское дѣло, потребовавшее большихъ усилій со стороны царя и всего его вниманія, и дѣло Дербыша съ Астраханью на время было отложено. Дербышъ же, убѣдившись въ невозможности овладѣть Астраханью съ помощью Ногайцевъ, возвратился въ Россію. Послѣ завоеванія Казани и присоединенія царства къ Россіи Измаилъ мирза въ грамотѣ къ царю (1553 г. дек.) съ настоятельностію возобновляетъ свое ходатайство о царевичѣ Дербышѣ и Астрахани, не смотря на старанія астраханскаго царя Ямгурчея снискать Измаилово расположеніе и на его дружбу съ ногайскимъ княземъ Юсуфомъ [3]). Въ началѣ слѣдующаго года та же просьба отъ Измаила, съ присоединеніемъ еще прошенія о защитѣ его отъ астраханскаго царя Ямгурчея. Хотя нѣкоторые воеводы съ частью русскаго войска и бы-

---

[1]) Ibid. 116 с.
[2]) Ibid. 229, 283, 288 сс.
[3]) Ib. 29 ч. 101, 107, 110—111 с.

ли въ это время заняты усмиреніемъ возставшаго населенія въ ново-присоединенномъ царствѣ, но двинуть нѣсколько отрядовъ, чтобы попытаться овладѣть съ помощью Ногайцевъ Астраханью, Россіи еще можно было безъ особенно большихъ усилій. Но въ Москвѣ пожелали воспользоваться этимъ случаемъ для того, чтобъ избавиться отъ князя Юсуфа, который почти постоянно относился непріязненно къ Россіи, а въ послѣднее время сблизился даже съ ея врагами и держалъ у себя въ оковахъ русскаго посла. Въ Москвѣ знали давно, что Юсуфъ не пользуется большимъ авторитетомъ среди Ногайцевъ; знали, сверхъ того, о послѣднихъ столкновеніяхъ между Юсуфомъ и Измаиломъ, и о томъ, что первый не разъ собирался въ походъ на Россію, а послѣдній своимъ вліяніемъ въ ордѣ разстраивалъ эти предпріятія; поэтому въ Москвѣ были увѣрены, что „великая нелюбка" [1]), существовавшая прежде между ними, не могла за это время исчезнуть, и царь рѣшился въ настоящемъ случаѣ воспользоваться Измаиломъ, его вліяніемъ и силою въ ордѣ, чтобъ избавиться отъ враждебнаго Россіи князя Юсуфа. Посламъ Измаила отъ имени царя объявили согласіе на его просьбу, но при этомъ прибавили, что Измаилъ мирза, кромѣ помощи при завоеваніи Астрахани, обязанъ, послѣ возведенія Дербыша на астраханскій престолъ, пойти на своего брата Юсуфа, который государю „не прямитъ и безчествуетъ его пословъ" [2]).

Не смотря на вліяніе между Ногайцами родоваго

---

[1]) Вивл. 28 ч. 327 с.

[2]) Ник. л. VII, 1554 г. (209 с.).

старѣйшинства, большое значеніе у нихъ имѣли также и личныя свойства лица, занимавшаго то или другое положеніе въ ордѣ. Они сами въ своихъ грамотахъ къ царю высказывались объ этомъ такимъ образомъ: „и то бываетъ, что большой братъ въ меньшинствѣ живетъ, а меньшой братъ въ большинствѣ бываетъ“ [1]). Власть и авторитетъ князя зависѣли во многомъ отъ качествъ лица, занимавшаго этотъ выдающійся посреди Ногайцевъ постъ. Бывали князья, авторитетъ которыхъ былъ до того незначителенъ, что, напримѣръ, пастбища, предназначаемыя для улусовъ князя, вытравливали мирзы, не обращая на него вниманія, вслѣдствіе чего собственныя дѣти князя и карачіи, разсердившись, покидали его. Такому князю даже на съѣздъ трудно было созвать мирзъ и карачіевъ, потому что нѣкоторые улусы и мирзы совсѣмъ „не глядѣли на князя“ [2]). Подобнымъ малоавторитетнымъ въ ногайской ордѣ княземъ былъ, между прочимъ, Юсуфъ. Петръ Тургеневъ, одинъ изъ наблюдательныхъ русскихъ пословъ, отправленный спеціально къ Юсуфу, доносилъ (1551 г.), что у этого князя „правды никакъ нѣтъ..... дѣти его и орда вся не слушаетъ“ [3]). Этимъ, по всей вѣроятности, обусловливается большое вліяніе и значеніе въ ордѣ Юсуфова брата, Измаила мирзы, съ которымъ сносился самъ турецкій султанъ и расположенія котораго добивался союзникъ Юсуфа, астраханскій царь Ямгурчей, бывшій во враждѣ съ Россіею и въ союзѣ съ крымскимъ ханомъ, отъ котораго онъ получалъ пушки. При по-

---

[1]) Вивл. 28 ч. 184 с. (Слова Уразлы мирзы).
[2]) Ib. 27 ч. 277—289 сс.
[3]) Ib. 28 ч. 253 с.

добныхъ-то условіяхъ заключенъ былъ въ Москвѣ союзъ съ Измаиломъ, его дѣтьми и племянниками „на всѣхъ недруговъ царя и великаго князя“ [1]).

Астраханское царство, какъ мы видѣли, походило во многомъ на Казанское: тотъ же народъ, то же преобладающее занятіе жителей, та же религія и такая же многочисленная аристократія, только съ сравнительно меньшимъ числомъ подчиненныхъ ей черныхъ людей *). Астраханское царство было повидимому гораздо слабѣе Казанскаго; это можно видѣть уже изъ той легкости, съ которою сосѣди ея въ разное время завладѣвали городомъ Астраханью. Такъ, мы знаемъ, что въ 1523 году Астраханью овладѣлъ крымскій ханъ Магметъ-Гирей въ союзѣ съ ногайскимъ княземъ Мамаемъ; въ 1532 году ею завладѣли Черкасы и возвели на престолъ своего претендента; въ 1538 году ее захватили Ногаи, изгнали астраханскаго царя и провозгласили царемъ своего кліента [2]). Въ подобныхъ случаяхъ цари всего чаще покидали городъ и бѣгствомъ спасали свою жизнь и свободу.

Сношенія астраханскихъ царей съ Россіею начинаются еще со второй половины XV столѣтія; по свидѣтельству людей того времени, они, кромѣ незначительной торговли, имѣли въ виду главнымъ образомъ

---

[1]) Вивл. 28 ч. 260, 265 с.; 29 ч. 49 и 107 сс. Ник. л. VII, 1554 г. (209—210 с.).

*) Отношеніе знатныхъ и богатыхъ къ бѣднымъ въ это время въ Астрахани было приблизительно слѣдующее: князей и мирзъ около 500 человѣкъ, а черныхъ людей около 10,000. (Ник. лѣт. VII, 1554 г., 225 с.).

[2]) Герберштт. 114 с. П. с. л. т. VIII, 1523 и 1532 гг. Вивл. 28 ч. 229 с. Ист. Карамзина VIII, 19 с. прим. 22.

подарки, которые въ подобныхъ случаяхъ великій князь московскій вручалъ астраханскому послу [1]). Впослѣдствіи сношенія астраханскихъ царей съ Москвою получаютъ характеръ политическій: Астрахань находилась въ сосѣдствѣ съ крымскою ордою и соприкасалась съ Казанью, поэтому общность интересовъ побуждала иногда Россію вступать въ переговоры съ астраханскими царями противъ Гиреевъ, усиленіе которыхъ было одинаково невыгодно какъ Россіи, такъ и Астрахани. Астраханскіе царевичи являлись въ Москву и поступали здѣсь на службу, увеличивая собою такимъ образомъ число служилыхъ царевичей татарскихъ на Руси и укрѣпляя связь между Москвою и Астраханью *). Лѣтомъ 1551 года, когда въ Казани царствовалъ Шигъ-Алей, какъ русскій присяжникъ, въ Москву прибыли послы отъ астраханскаго царя Ямгурчея (князь Ишимъ съ товарищи), и отъ имени своего повелителя „били челомъ царю, чтобъ царь пожаловалъ, велѣлъ себѣ служити со юртомъ и жаловалъ бы его, какъ и Шигъ-Алея царя и иныхъ царей, которые ему служатъ". Вслѣдствіе этого государь въ слѣдующемъ же году отправилъ въ Астрахань вмѣстѣ съ Ямгурчеевыми послами своего посла „видѣти царевы Ямгурчеевы правды" и привести астраханскаго царя и его землю къ присягѣ на вѣрность Россіи [2]). Немного впрочемъ правды пришлось видѣть русскому послу у царя Ямгурчея въ Астрахани: его не пустили обрат-

---

[1]) Библ. иностр. писат. I., Контарини 91 с.

*) Кромѣ Шигъ-Алея и Дербыша, въ 1542 году пріѣхалъ въ Россію на службу астраханскій царевичъ Едигеръ (Ник. л. VII, 1542 г. 37 с.).

[2]) Ник. л. VII, 1551 и 1552 гг. (89—90 с.).

но, а задержали здѣсь, сперва подъ тѣмъ предлогомъ, что на Волгѣ неспокойно, происходятъ разбои, а позднѣе безъ всякаго предлога.

Въ самый годъ завоеванія Казани (май 1552 г.), пріѣхалъ въ Москву къ царю на службу царевичъ Кайбула, сынъ прежняго астраханскаго царя (Аккубека), который былъ съ Россіею въ хорошихъ отношеніяхъ. Царь принялъ его милостиво, позволилъ ему жениться на Шигъ-Алеевой племянницѣ и далъ ему въ помѣстье городъ Юрьевъ съ данью [1]). Послѣ этого Ямгурчей тѣснѣе сблизился съ крымскимъ ханомъ и Юсуфомъ и сталъ окончательно во враждебное отношеніе къ Россіи. Царю нельзя было болѣе медлить, ибо Ямгурчей не только не сдержалъ своего обѣщанія по своему челобитью, но даже ограбилъ русскаго посла. Государь рѣшился „за свою обиду и срамоту" отправить въ Астрахань царевича Дербыша вмѣстѣ съ русскимъ войскомъ и воеводами (1554 г.). Лѣтопись прибавляетъ при этомъ любопытное извѣстіе, будто царь вспомнилъ въ этомъ случаѣ и о своемъ правѣ на этотъ городъ, потому что Астрахань „древнее отечество" его, которою владѣли предки царя подъ именемъ Тмуторокани.

Дербышу и русскимъ воеводамъ поручено было сойтись въ іюнѣ съ Измаиломъ мирзою противъ переволоки, откуда они должны были вмѣстѣ пойти на Астрахань, чтобы тамъ дѣйствовать сообща. Но союзники не соединились между собою, ибо, когда Русскіе съ царевичемъ Дербышемъ явились (въ іюнѣ) на переволоку, Измаилу въ то время было уже „не до

---

[1]) Ник. л. VII, 1552 г. (102 с.) Вивл. 28 ч. 335 с.

Астрахань до себя", по его словамъ. Дѣло въ томъ, что Измаилъ-мирза, получивъ извѣстіе о заключеніи договора между своими послами и царемъ, отправился съ дѣтьми и преданными ему мирзами на своего брата Юсуфа князя. Тотъ, въ свою очередь, вѣроятно, предупрежденный, ожидалъ его съ своими дѣтьми и мирзами, и они такимъ образомъ простояли на коняхъ другъ противъ друга три недѣли. Въ это время къ нему прибылъ посолъ отъ царя съ извѣщеніемъ, чтобъ онъ спѣшилъ къ переволокѣ для соединенія съ Дербышемъ и русскими войсками [1]) Силы Астраханскаго царства оказались, къ счастію, до того незначительными, что высланныхъ войскъ (30,000) было даже слишкомъ достаточно, чтобъ овладѣть его. Русскимъ воеводамъ пришлось выдержать лишь небольшое сраженіе съ отрядомъ, посланнымъ Ямгурчеемъ для развѣдыванія о непріятелѣ. Сама Астрахань, покинутая своимъ царемъ, не оказала ни малѣйшаго сопротивленія, и Русскіе заняли её свободно. Астраханскій царь, узнавъ о прибытіи русскаго войска, убѣжалъ безъ сраженія, и воеводы, посланные на его станъ, не были въ состояніи настигнуть его. Астраханское войско большею частію разбѣжалось въ разныя стороны; царское семейство попалось въ плѣнъ; пушки и пищали очутились также въ русскихъ рукахъ. Воеводы, согласно своему наказу, посадили на астраханскій престолъ царевича Дербыша, а пойманныхъ въ разныхъ мѣстахъ Астраханцевъ привели, по ихъ желанію, къ присягѣ. Послѣ этого и вельможи астраханскіе (князья, мирзы и уланы) присягнули вмѣстѣ съ простыми людь-

---

[1]) Вивл. 29 ч. 150—151. Ник. л. VII, 1554 (210—211, 216—217 сс.).

ми „на томъ, что имъ царю и великому князю и Дербышъ-Алею царю служити прямо и полонъ русскій весь отдати, откуда ни веденъ и въ которой ни буди ордѣ купленъ“; послѣ же Дербыша, кого имъ изъ Москвы назначатъ царемъ, „тотъ имъ любъ“. Самъ Дербышъ обязался посылать въ Москву ежегодно 40,000 алтынъ и три тысячи рыбъ; кромѣ того, великокняжескіе рыболовы получили право ловить рыбу отъ Казани до моря „безданно и безъявочно“ вмѣстѣ съ астраханскими ловцами [1]).

Около этого времени Россія избавилась также отъ своего стараго недоброжелателя—ногайскаго князя Юсуфа. Борьба Измаила съ Юсуфомъ проходила разныя фазы. Мы оставили ихъ стоящими другъ противъ друга во главѣ своихъ приверженцевъ; при посредствѣ мирзъ они помирились было на этотъ разъ, но не надолго; скоро между ними снова началась борьба, въ которой Юсуфъ одержалъ верхъ надъ своимъ братомъ. Но Измаилъ не упалъ духомъ, а собрался съ союзными ему мирзами и, вѣроятно, не безъ русской помощи, разбилъ Юсуфа, который погибъ при этомъ вмѣстѣ со многими изъ своихъ родственниковъ; дѣти же его вмѣстѣ съ приверженцами принуждены были спасать свою жизнь бѣгствомъ. Война между братьями велась съ большимъ ожесточеніемъ. Русскій посолъ, находившійся у Юсуфа въ плѣну, свидѣтельствуетъ, что въ этой борьбѣ съ обѣихъ сторонъ легло Ногайцевъ „многое множество, какъ и стала орда ногайская такого падежа не бывало надъ ними“. По окончаніи войны (1555 г. фев.), въ Москву прибыли послы отъ

---

[1]) Ник. л. VII, 1554 г. (221—222 сс.).

Астрахань до себя", по его словамъ. Дѣло въ томъ, что Измаилъ мирза, получивъ извѣстіе о заключеніи договора между своими послами и царемъ, отправился съ дѣтьми и преданными ему мирзами на своего брата Юсуфа князя. Тотъ, въ свою очередь, вѣроятно, предупрежденный, ожидалъ его съ своими дѣтьми и мирзами, и они такимъ образомъ простояли на коняхъ другъ противъ друга три недѣли. Въ это время къ нему прибылъ посолъ отъ царя съ извѣщеніемъ, чтобъ онъ спѣшилъ къ переволокѣ для соединенія съ Дербышемъ и русскими войсками [1]) Силы Астраханскаго царства оказались, къ счастію, до того незначительными, что высланныхъ войскъ (30,000) было даже слишкомъ достаточно, чтобъ овладѣть его. Русскимъ воеводамъ пришлось выдержать лишь небольшое сраженіе съ отрядомъ, посланнымъ Ямгурчеемъ для развѣдыванія о непріятелѣ. Сама Астрахань, покинутая своимъ царемъ, не оказала ни малѣйшаго сопротивленія, и Русскіе заняли её свободно. Астраханскій царь, узнавъ о прибытіи русскаго войска, убѣжалъ безъ сраженія, и воеводы, посланные на его станъ, не были въ состояніи настигнуть его. Астраханское войско большею частію разбѣжалось въ разныя стороны; царское семейство попалось въ плѣнъ; пушки и пищали очутились также въ русскихъ рукахъ. Воеводы, согласно своему наказу, посадили на астраханскій престолъ царевича Дербыша, а пойманныхъ въ разныхъ мѣстахъ Астраханцевъ привели, по ихъ желанію, къ присягѣ. Послѣ этого и вельможи астраханскіе (князья, мирзы и уланы) присягнули вмѣстѣ съ простыми людь-

---

[1]) Вивл. 29 ч. 150—151. Ник. л. VII, 1554 (210—211, 216—217 сс.).

ми „на томъ, что имъ царю и великому князю и Дербышъ-Алею царю служити прямо и полонъ русскій весь отдати, откуда ни веденъ и въ которой ни буди ордѣ купленъ“; послѣ же Дербыша, кого имъ изъ Москвы назначатъ царемъ, „тотъ имъ любъ“. Самъ Дербышъ обязался посылать въ Москву ежегодно 40,000 алтынъ и три тысячи рыбъ; кромѣ того, великокняжескіе рыболовы получили право ловить рыбу отъ Казани до моря „безданно и безъявочно“ вмѣстѣ съ астраханскими ловцами [1]).

Около этого времени Россія избавилась также отъ своего стараго недоброжелателя—ногайскаго князя Юсуфа. Борьба Измаила съ Юсуфомъ проходила разныя фазы. Мы оставили ихъ стоящими другъ противъ друга во главѣ своихъ приверженцевъ; при посредствѣ мирзъ они помирились было на этотъ разъ, но не надолго; скоро между ними снова началась борьба, въ которой Юсуфъ одержалъ верхъ надъ своимъ братомъ. Но Измаилъ не упалъ духомъ, а собрался съ союзными ему мирзами и, вѣроятно, не безъ русской помощи, разбилъ Юсуфа, который погибъ при этомъ вмѣстѣ со многими изъ своихъ родственниковъ; дѣти же его вмѣстѣ съ приверженцами принуждены были спасать свою жизнь бѣгствомъ. Война между братьями велась съ большимъ ожесточеніемъ. Русскій посолъ, находившійся у Юсуфа въ плѣну, свидѣтельствуетъ, что въ этой борьбѣ съ обѣихъ сторонъ легло Ногайцевъ „многое множество, какъ и стала орда ногайская такого падежа не бывало надъ ними“. По окончаніи войны (1555 г. фев.), въ Москву прибыли послы отъ

---

[1]) Ник. л. VII, 1554 г. (221—222 сс.).

ми вскочив на лошадей и спастись бѣгствомъ [1]). Такимъ образомъ племянники восторжествовали надъ дядею. Но торжество Юнуса продолжалось недолго. Измаилъ, вѣроятно, успѣлъ получить помощь, которую послали ему изъ Россіи и сталъ вслѣдствіе этого сильнѣе; Дербышъ же, союзникъ Юнуса, не смотря на довольно значительную помощь изъ Крыма *), убѣжалъ изъ города со всѣми своими Астраханцами при одной вѣсти, что на него идетъ русская рать. Начальникъ русскаго отряда, прибывши съ войскомъ въ Астрахань, долженъ былъ настоятельно уговаривать астраханскаго царя и его подданныхъ возвратиться обратно въ городъ. Поэтому Измаилу съ помощью Россіи, а также своихъ дѣтей и племянниковъ не стоило, должно быть, большаго труда одержать верхъ надъ своими противниками и лѣтомъ того же года снова сдѣлаться княземъ въ ногайской ордѣ [2]).

Дербышъ хотя и оставался царемъ въ Астрахани, но въ Москвѣ не могли обманываться относительно его чувствъ: съ самаго начала уже было ясно, въ какую сторону склоняются симпатіи этого данника. Дербышъ сознавалъ себя слишкомъ магометаниномъ и татарскимъ царевичемъ, чтобы быть во враждѣ со своимъ единовѣрнымъ и единоплеменнымъ сосѣдомъ, крымскимъ ханомъ, и оставаться постояннымъ данникомъ отдаленнаго христіанскаго государя среди своихъ мусульманскихъ подданныхъ. Поэтому онъ постарался завязать дружескія сношенія съ Крымомъ, при-

---

[1]) Вивл. 29 ч. 158—162, 182—186 сс.

*) Къ нему оттуда прибыли 3 царевича съ пушками и пищалями.

[2]) Ник. л. VII, 1555 г. (245 с.).

что Дербышъ въ этомъ случаѣ соединился съ Юсуфовыми дѣтьми, которыя разбили Ямгурчей и Крымцевъ, а Дербышъ за это перевезъ Юсуфовыхъ дѣтей съ ихъ союзниками чрезъ Волгу, на Измаила, не смотря на сопротивленіе этому со стороны его, Тургенева; онъ же увѣдомлялъ царя о томъ, что Дербышъ взялъ къ себѣ „въ калги" царевича изъ Крыма и ссылается съ крымскимъ ханомъ [1]).

Получивъ это извѣстіе, царь поспѣшилъ увѣдомить объ этомъ Измаила князя и велѣлъ отряду русскихъ войскъ поспѣшить на Волгу, чтобы стоять тамъ и охранять отъ непріятелей астраханскій и другіе перевозы; при этомъ Измаилу послали 50 человѣкъ стрѣльцовъ и 30 человѣкъ пищальниковъ. Но помощь не могла поспѣть вò время, потому что уже въ іюнѣ въ Москву пришла грамота отъ посла, отправленнаго къ Измаилу, въ которой посолъ извѣщалъ государя, что Дербышъ Тургенева „выслалъ вонъ изъ Астрахани", и что Юсуфовы дѣти съ своими приверженцами сперва овладѣли городомъ Сарайчикомъ, а 30-го мая пришли на своего дядю. Измаилъ самъ сомнѣвался въ возможности одержать верхъ надъ своими противниками; это можно видѣть изъ того, что онъ совѣтовалъ русскому послу, находившемуся въ это время у него, живымъ не даваться въ руки враговъ, „чтобъ тайное слово государя явно не было". Вскорѣ Измаиловы противники напали на него и заставили его съ дѣтьми и немногими людьми бѣжать. Побѣдители овладѣли ордою, княжескими улусами и всѣмъ имуществомъ Измаила. Русскій посолъ едва успѣлъ съ своими людь-

---

[1]) Ник. л. 1555 г. (224, 240). Вивл. 29 ч. 157—158.

однако Россіи выслать довольно значительный отрядъ на Волгу съ порученіемъ его предводителю беречь Астрахань, надзирать за царемъ Дербышемъ и охранять перевозы на Волгѣ. Въ ноябрѣ слѣдующаго года (1556) въ Москву прибылъ изъ Астрахани Петръ Тургеневъ вмѣстѣ съ другими Русскими и посломъ отъ царя Дербыша. Тургеневъ передавалъ, что Дербышъ ссылается съ Крымомъ и тѣснѣе соединился съ Юсуфовыми сыновьями. Теперь уже было ясно, что дальше оставлять это дѣло въ такомъ положеніи не слѣдуетъ. Такой оборотъ дѣла особенно долженъ былъ безпокоить царя въ настоящее время, когда отношенія Россіи къ Крыму были натянуты, а возстаніе въ Казанской области, не смотря на усиліе правительства, не уменьшалось.

Зимою 1556 года (нояб. — дек.) прибыли въ Москву ногайскіе послы отъ князя Измаила и отъ нѣкоторыхъ вліятельныхъ въ ордѣ мирзъ съ грамотами и челобитіемъ, „чтобъ ихъ государь оборонилъ отъ Дербыша и учинилъ бы въ Астрахани своихъ людей, такъ же, какъ и въ Казани, потому что онъ не прямитъ великому князю и имъ подѣлалъ нужи великія“ [1]). Вслѣдъ за этимъ явился и другой посолъ отъ Измаила съ грамотою, въ которой онъ подтверждалъ Тургеневское извѣстіе о союзѣ („братствѣ“) Дербыша съ крымскимъ ханомъ и съ враждебными Измаилу мирзами. Въ послѣдней Измайловой грамотѣ можно замѣтить нѣкоторое съ его стороны сомнѣніе относительно того, не склоненъ ли государь къ сближенію съ мирзами, непріязненными ему. Измаилъ въ послѣдней грамотѣ

---

[1]) Ник. л. VII, 1556 г. (251 с.). Вивл. 29 ч. 195—196 сс.

нявъ къ себѣ на службу крымскаго царевича, потомъ онъ ухватился за первый, представившійся ему случай, чтобы усилить себя союзомъ съ Юсуповыми сыновьями, въ надеждѣ на ихъ торжество надъ княземъ Измаиломъ. Парализовать же Россію могъ обѣщать ему крымскій ханъ, который въ это время (приблизительно лѣтомъ 1555 г.) задумывалъ походъ на Москву. Чтобы предпріятіе лучше удалось, ханъ въ концѣ мая прислалъ въ Москву вмѣстѣ съ русскимъ посломъ своего гонца и писалъ царю о своемъ желаніи быть съ Россіею въ дружбѣ, для чего будто бы онъ уже отправилъ своего посла. Поступалъ онъ такимъ образомъ, по всей вѣроятности, для того, чтобы обнадежить царя, дабы не было предпринято никакихъ мѣръ на случай ханскаго вторженія. Предъ самымъ походомъ ханъ распустилъ слухъ, что идетъ на пятигорскихъ Черкесовъ, которые незадолго предъ этимъ вступили въ подданство Россіи, а на самомъ дѣлѣ съ 60,000 войскомъ вторгнулся въ русскіе предѣлы. Но успѣхъ предпріятія далеко не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ хана и его приготовленіямъ. Въ Москвѣ хорошо знали давній обычай крымскаго царя „инуды лукъ натянуть, а инуды стрѣлять“ [1]; поэтому ханъ не засталъ врасплохъ Русскихъ, которые собрались довольно скоро и подъ начальствомъ царя направились къ Тулѣ. Когда крымскій ханъ, который былъ уже ослабленъ сраженіемъ съ русскимъ отрядомъ, посланнымъ было на помощь пятигорскимъ Черкесамъ, узналъ объ этомъ движеніи царя, то поспѣшилъ возвратиться домой. Эти событія не помѣшали

[1]) Сказ. кн. Курбскаго I, гл. III, 61 с.

мощь къ которому уже явился отъ Ногайцевъ царевичъ вмѣстѣ съ ногайскимъ войскомъ. Чрезъ нѣсколько дней прибылъ и гонецъ изъ Астрахани отъ русскаго посла, который съ волжской переволоки подробно увѣдомлялъ, какъ онъ со своими людьми защищался „въ маломъ городѣ у Волги" противъ измѣнившаго Дербыша и Астраханцевъ, но наконецъ принужденъ былъ уйти вверхъ по Волгѣ на судахъ. При подобныхъ условіяхъ медлить было нельзя; поэтому въ Москвѣ поспѣшили отпустить Измаилова посла съ вѣстью, что русское войско на дняхъ выступитъ къ Астрахани. Для подкрѣпленія же Измаила подъ Астраханью отпустили съ его посломъ 50 человѣкъ пищальниковъ, да полемъ послано было на Волгу 500 казаковъ подъ начальствомъ атамана Ляпуна Филимонова [1]). Въ томъ же мѣсяцѣ отправлено было на Астрахань и главное русское войско, состоявшее преимущественно изъ стрѣльцовъ. Дербышъ съ своей стороны тоже старался приготовиться къ войнѣ съ Россіею: уже весною крымскій ханъ прислалъ ему для защиты пушекъ и отрядъ войска въ 1000 человѣкъ, въ составъ котораго входило и 300 янычаръ съ пищалями. Но немного сопротивленія оказалъ Россіи послѣдній царь астраханскій. Когда Русскіе подошли къ Астрахани, то опять нашли городъ пустымъ: царь и его подданные бѣжали изъ города, такъ что русскія войска свободно заняли Астрахань, укрѣпили её и утвердили за Россіею. Оказалось, что еще до прихода русскаго войска приходилъ на Астрахань атаманъ Ляпунъ съ казаками, который побилъ и плѣнилъ здѣсь множество

---

[1]) Ник. л. VII, 1556 г. Сказ. князя Курбскаго I, гл. III, 67 с.

настоятельно проситъ царя прислать раннею весною русское войско на Астрахань, предупреждая при этомъ, что если такимъ образомъ не будетъ поступлено, то Астраханцы съ царемъ Дербышемъ „на лѣто пристанутъ къ Крыму". На случай же предположенія, „что Астрахани безъ царя и безъ Татаръ нельзя быти", Измаилъ совѣтуетъ сдѣлать царемъ служилаго астраханскаго царевича Кайбулу [1]). Опасенія Измаила относительно расположенія царя къ Юнусу съ товарищами были напрасны. Въ Москвѣ, конечно, не могли колебаться между испытанною вѣрностію Измаила и Юнусомъ, отецъ котораго большею частію былъ непріязненъ Москвѣ и даже былъ убитъ отчасти въ угоду царю, о чемъ, разумѣется, не могъ не знать Юсуфовъ сынъ. Поэтому царь поспѣшилъ успокоить Измаила грамотою, которою увѣдомлялъ его, что весною пошлетъ большое войско, чтобы покончить съ Астраханью; при этомъ обѣщалъ также и ему послать 200 стрѣльцовъ. Дербышъ между тѣмъ рѣшился открыто выступить противъ Россіи: онъ соединился съ крымскимъ ханомъ и съ дѣтьми Юсуфа и принудилъ московскаго посла вмѣстѣ съ другими Русскими, находившимися въ Астрахани, уйти. Обо всемъ этомъ Измаилъ далъ знать царю, при чемъ увѣдомлялъ его, что самъ онъ пошелъ на Астрахань, и просилъ поспѣшить присылкою русскаго войска. Въ это время въ Москву пришло извѣстіе изъ Казани, что арскіе и побережные люди, незадолго передъ тѣмъ изъявившіе свою покорность, снова возмутились и сносятся съ луговымъ сотнымъ княземъ Мамичъ-Бердѣемъ, на по-

---

[1]) Вивл. 29 ч. 209—211.

мощь къ которому уже явился отъ Ногайцевъ царевичъ вмѣстѣ съ ногайскимъ войскомъ. Чрезъ нѣсколько дней прибылъ и гонецъ изъ Астрахани отъ русскаго посла, который съ волжской переволоки подробно увѣдомлялъ, какъ онъ со своими людьми защищался „въ маломъ городѣ у Волги" противъ измѣнившаго Дербыша и Астраханцевъ, но наконецъ принужденъ былъ уйти вверхъ по Волгѣ на судахъ. При подобныхъ условіяхъ медлить было нельзя; поэтому въ Москвѣ поспѣшили отпустить Измаилова посла съ вѣстью, что русское войско на дняхъ выступитъ къ Астрахани. Для подкрѣпленія же Измаила подъ Астраханью отпустили съ его посломъ 50 человѣкъ пищальниковъ, да полемъ послано было на Волгу 500 казаковъ подъ начальствомъ атамана Ляпуна Филимонова [1]). Въ томъ же мѣсяцѣ отправлено было на Астрахань и главное русское войско, состоявшее преимущественно изъ стрѣльцовъ. Дербышъ съ своей стороны тоже старался приготовиться къ войнѣ съ Россіею: уже весною крымскій ханъ прислалъ ему для защиты пушекъ и отрядъ войска въ 1000 человѣкъ, въ составъ котораго входило и 300 янычаръ съ пищалями. Но немного сопротивленія оказалъ Россіи послѣдній царь астраханскій. Когда Русскіе подошли къ Астрахани, то опять нашли городъ пустымъ: царь и его подданные бѣжали изъ города, такъ что русскія войска свободно заняли Астрахань, укрѣпили её и утвердили за Россіею. Оказалось, что еще до прихода русскаго войска приходилъ на Астрахань атаманъ Ляпунъ съ казаками, который побилъ и плѣнилъ здѣсь множество

---

[1]) Нек. л. VII, 1556 г. Сказ. князя Курбскаго I, гл. III, 67 с.

людей, почему жители и разбѣжались изъ города. Самого же Дербыша съ войскомъ Русскіе лишь послѣ поисковъ настигли въ двадцати верстахъ отъ Астрахани. Здѣсь Дербышъ, не взирая на поддержку Крымцевъ и ногайскихъ мирзъ, послѣ нѣсколькихъ сраженій уже сталъ сноситься съ предводителемъ русскаго войска и просить о милости, говоря, „что онъ государю измѣнилъ неволею", при чемъ клялся возвратиться въ городъ вмѣстѣ съ Астраханцами и служить государю. Замѣчательно со стороны Дербыша признаніе объ измѣнѣ Россіи „неволею"; оно окажется совершенно справедливымъ, если принять во вниманіе тѣ обстоятельства, въ которыхъ онъ находился и долженъ былъ дѣйствовать. Представитель магометанскаго царства, самъ царевичъ магометанскій, окруженный подданными магометанами, въ постоянныхъ сношеніяхъ съ сосѣдними магометанскими царствами и ордами, онъ долженъ былъ оставаться вѣрнымъ данникомъ христіанскаго государя, который жилъ довольно далеко отъ него! Свыше силъ его было удержаться при подобныхъ условіяхъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ Москвѣ и наблюдать интересы русскаго царя среди магометанскихъ общественныхъ союзовъ и между своими мусульманскими подданными. Поэтому и теперь, не смотря на свою клятву поселиться снова въ Астрахани и оставаться вѣрнымъ Россіи, онъ, должно быть, невольно поддался убѣжденіямъ своихъ магометанскихъ союзниковъ и не исполнилъ своего обѣщанія. Но отъ Дербыша скоро отстали Юсуфовы сыновья; они помирились съ своимъ дядею и пошли войною на Дербыша, прогнали его въ г. Азовъ, а отобранныя пушки прислали Русскимъ въ Астра-

хань. Послѣ этого Астраханцы („черные люди") возвратились домой и умоляли простить ихъ, говоря, что они шли противъ Русскихъ „неволей: водилъ ихъ царь и князи". Впослѣдствіи явились въ Астрахань къ русскимъ воеводамъ князья, мирзы, шейхи и „вся чернь Астраханская земля" и присягнули Россіи. Имъ роздали острова и пашни „по старинѣ", съ обязанностію чернымъ людямъ платить ясаки, какъ платили прежнимъ царямъ [1]).

Вмѣстѣ съ присоединеніемъ Астрахани завязываются сношенія между Россіею и новыми ея сосѣдями. Въ Астрахани же, какъ и въ остальныхъ городахъ русскихъ, водворяются воеводы, управляющіе ею по наказу, которымъ снабжали ихъ въ московскомъ приказѣ. Видно, царь рѣшился на этотъ разъ покончить съ Астраханью и не назначалъ туда болѣе никакого царевича, находя это излишнимъ. Только позднѣе и лишь на короткое время встрѣчаемъ въ Астрахани крымскаго царевича Муратъ-Гирея. Но московская политика пользуется имъ, какъ орудіемъ, вовсе не относительно Астрахани, а по отношенію къ Ногайцамъ и Крыму [2]).

---

[1]) Ник. л. VII, 1556—1557 гг. (269—287 сс.).

[2]) Арх. Мин. Ин. Д. Крымск. дѣла 1586 г. л. л. 13, 15 и 26.

ГЛАВА V.

Слѣдствіе завоеванія Казани и Астрахани для Русскаго государства. Казанская аристократія и ея отношеніе къ русской власти; участіе ея въ возстаніяхъ. Волга и ея значеніе во время возстаній. Появленіе на ней новыхъ городовъ и ихъ значеніе. Духовенство и служилые люди въ новопріобрѣтенной области. Раздѣлъ и опись казанскихъ земель въ луговой и нагорной сторонахъ. Поселеніе русскихъ людей въ Казанской области. Слободы, села, деревни и починки. Дѣятельность православнаго духовенства. Правительственныя мѣропріятія. Русскіе крестьяне и туземцы. Выводы.

Послѣ завоеванія Астрахани устье Волги закрѣплено было за Россіею, вслѣдствіе чего Волга стала окончательно рѣкою Русскаго государства. Такимъ образомъ, все Поволжье отъ Казани до Астрахани со всѣми своими естественными богатствами, для земледѣльческаго и промысловаго занятій, стало достояніемъ русскихъ людей, которымъ до сихъ поръ открытъ былъ лишь суровый сѣверъ и сѣверовостокъ съ скудною своею природою, куда поэтому преимущественно и двигались „неписьмянные и нетяглые“ люди изъ русскаго общества, рубившіе здѣсь вѣковые лѣса и расчищавшіе пространства для жилищъ и для пашни. Они располагались иногда вдали отъ всякаго жилья и угодій на мѣстахъ, гдѣ „отъ вѣка не бывали дворы и пашни“, за что отъ правительства получали на нѣсколько

лѣтъ *) льготы относительно уплаты податей, долговъ, самоуправленія и пр. Почти до самаго завоеванія Казани русскіе люди принуждены были направляться въ бѣдныя, негостепріимныя и слабонаселенныя сѣверовосточныя страны [1]). Вслѣдъ за присоединеніемъ Казанскаго царства сюда возобновляется движеніе русскаго народа, прерванное и надолго остановленное татарскимъ нашествіемъ.

Завоеваніемъ Казани и утвержденіемъ здѣсь русскихъ воеводъ Казанское царство еще не было покорено окончательно. Это видѣли уже и нѣкоторые изъ сподвижниковъ царя по завоеванію, но они для окончательнаго утвержденія этого края за Россіею предлагали средство, едва ли по тогдашнему времени пригодное: оставаться на мѣстѣ до весны со всѣмъ войскомъ, — войскомъ, состоящимъ изъ помѣстныхъ людей, изъ которыхъ нѣкоторые еще предъ отправленіемъ жаловались на продолжительность похода и выражали желаніе возвратиться домой [2]).

Съ существованіемъ Казанскаго царства были тѣсно соединены интересы слишкомъ многихъ людей, чтобы съ ихъ стороны не было сдѣлано никакихъ попытокъ къ его возстановленію: трудно было имъ примириться съ тѣмъ состояніемъ, которое выпало на ихъ долю въ Московскомъ государствѣ. Казанское царство удовлетворяло ихъ честолюбію, давало имъ власть, вліяніе и значительныя матеріальныя средства. Слишкомъ долгое время знатные люди управляли въ

---

*) Большею частью встрѣчается десятилѣтній срокъ.

[1]) А. А. Э. т. I, №№ 210 и 235. А. И. т. I, №№ 147 и 310.

[2]) Сказан. кн. Курбскаго I, гл. II, 47 с. Ник. л. VII, 1552 г. (138).

Казани, слишкомъ были развиты ихъ честолюбивые инстинкты, чтобы они могли довольствоваться тѣмъ скромнымъ и маловліятельнымъ положеніемъ, которое они должны были занять при новомъ порядкѣ вещей. При связяхъ и при вліяніи, которыми они, по всей вѣроятности, обладали между инородческимъ населеніемъ, имъ не особенно трудно было организовать возстаніе въ странѣ, гдѣ столько времени они управляли и гдѣ, слѣдовательно, вся администрація края находилась отъ нихъ въ зависимости. Въ возникшихъ въ скоромъ времени возстаніяхъ, на ряду съ казанскими князьями и мирзами, дѣйствуютъ также выдающіеся люди изъ инородцевъ, „сотенные князья“ [1]).

Русскіе воеводы въ своей борьбѣ съ возставшими особенное вниманіе обращали на князей, мирзъ и сотенныхъ князей, какъ на руководителей возстанія, почему и не щадили ихъ, а старались истребить поголовно. Между самими инородцами тѣ, которые желали возстановленія спокойствія въ своей странѣ, тоже ловили возставшихъ начальниковъ, приводили къ русскимъ воеводамъ и умерщвляли ихъ предъ глазами послѣднихъ *). Эти возстанія были усмирены лишь тогда, когда усиліями русскихъ воеводъ „извелися всѣ лучшіе казанскіе люди, ихъ князи, мирзы и каза-

---

[1]) Сотенные князья были, кажется, и начальниками волостей; по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя волости прозываются именами отдѣльныхъ людей, называющихся при этомъ «сотенными князьями». Ник. л. VII, 1555 г. (227, 229 сс.).

*) Сохранившіяся цифры убитыхъ ясно показываютъ многочисленность знатныхъ людей въ странѣ и ихъ силу. Такъ, осенью 1555 года убито было 1560 человѣкъ «именныхъ людей, князей и мирзъ, да сотныхъ князей, да лучшихъ казаковъ». Ibidem.

ки, которые лихо дѣлали"; только послѣ этого „черные люди всѣ въ холопствѣ и въ дани учинилися" [1]). Съ самаго начала возстанія возставшіе старались укрѣпиться въ странѣ, имъ очень хорошо извѣстной, чѣмъ, по сознанію своихъ противниковъ, они умѣли пользоваться съ большою для себя выгодою [2]). Чтобы имѣть центръ, откуда бы можно было дѣйствовать противъ Русскихъ, они построили себѣ городъ на р. Мешѣ; кромѣ этого, повоздвигали для себя городки и въ другихъ мѣстахъ, почему-либо для нихъ важныхъ *). Для своего усиленія возставшіе вошли въ сношенія съ Ногаями, отъ которыхъ получили въ помощь царевича съ небольшимъ числомъ Ногайцевъ. Но города, построенные возставшими, были русскими воеводами разрушены, а помощь отъ ногайскаго царевича оказалась до того незначительною, что возставшіе порѣшили сами отъ него отдѣлаться: они убили его вмѣстѣ съ тремя стами Ногайцевъ. Самому царевичу они отрѣзали голову и воткнули её на высокое дерево, сопровождая это слѣдующими словами: „Мы взяли было тебя съ твоимъ дворомъ на царство, чтобъ ты насъ оборонялъ, а ты между тѣмъ съ свои-

---

[1]) Ibid. 1557 г. (286 с.). Сказ. кн. Курбскаго I, гл. III, 59.

[2]) Сказ. кн. Курбскаго I, гл. III, 60 с.

*) Такъ, построенный ими Чалымскій городокъ, кажется, основанъ былъ на одномъ изъ камскихъ перевозовъ,—можетъ быть, для обезпеченія своихъ сообщеній съ Ногайцами, съ которыми они еще раньше вошли въ сношенія. На такую мысль наводитъ названіе камскаго перевоза «Чаллыевъ», на который сами Ногайцы въ своихъ грамотахъ указывали предъ этимъ, какъ на важный для нихъ пунктъ. Ник. л. 1556 г. (263 с.). Вивл. 28 ч. 278 с.

ми товарищами не столько оказывалъ намъ помощи, сколько поѣлъ нашихъ воловъ и коровъ: да царствуетъ же теперь твоя голова на высокомъ колѣ". Хотя послѣ этого Мамичъ-Бердѣй, одинъ изъ болѣе выдающихся дѣятелей этого движенія, былъ взятъ въ плѣнъ и приведенъ въ Москву, но возстаніе еще не было потушено [1]): и послѣ этого не разъ сходились между собою инородцы, появлялись подъ начальствомъ своихъ предводителей на Волгѣ, осаждали здѣсь города и отсюда вторгались рѣками даже во внутренніе предѣлы Россіи, грабя и разоряя здѣсь села и деревни. Но главнымъ поприщемъ для дѣятельности возставшихъ является рѣка Волга, какъ въ началѣ движенія, такъ и впослѣдствіи. Происходило это потому, что преимущественно на Волгѣ они находили для себя хорошую добычу: здѣсь встрѣчались имъ русскія суда, на которыхъ всегда было чѣмъ поживиться; около Волги расположены были промышленныя и зажиточныя русскія села, грабежомъ которыхъ съ лихвою вознаграждались ихъ собственныя разоренія отъ русскихъ войскъ и рискъ предпріятія [2]). Спрашивается: какимъ образомъ возставшія племена могли собираться на Волгѣ? Намъ извѣстно уже, что ихъ страна была покрыта почти сплошными и непроходимыми лѣсами, по которымъ протекали разной величины рѣки;

---

[1]) Сказан. кн. Курбскаго I, гл. III, 67 с. Ник. л. VII, 1554 и 1556 г. (213 и 258 сс.).

[2]) Акты нижегородскихъ монастырей: Печерскаго и Благовѣщенскаго, напечатанные въ Нижегород. Губер. Вѣд. подъ редакціей П. Мельникова. См. Ниж. Губ. Вѣд. 1848 г. №№ 5 и 6. Акты подъ № 14 и подъ № 19.—Сказ. кн. Курбскаго I, гл. III, 59 с.—Ник. л. VII, 1555 г. (227 с.).

извѣстно также, что нѣкоторые инородцы (Чуваши) давно славились своимъ судоходствомъ. Вслѣдствіе этого становится вѣроятнымъ слѣдующее: возставшіе инородцы сходились къ рѣкамъ, направленіе и теченіе которыхъ имъ, какъ туземцамъ, было хорошо извѣстно; по нимъ они соединялись между собою и ими же спускались въ Волгу для совмѣстнаго дѣйствія противъ Русскихъ. По причинѣ подобныхъ движеній въ глазахъ правительства должны были получить особенное значеніе устья различныхъ рѣкъ, которыя въ предѣлахъ бывшаго Казанскаго царства съ обѣихъ сторонъ впадаютъ въ Волгу. Съ устья рѣки всего удобнѣе можно было слѣдить за предпріятіями мятежниковъ и не пускать ихъ въ Волгу. На ряду съ этимъ соображеніемъ у правительства могли быть еще и другія, которыми оно руководилось при основаніи первыхъ городовъ въ Казанской области. Однимъ изъ таковыхъ должно было быть разстояніе между существующими уже въ краѣ городами, къ которымъ въ случаѣ надобности могли приставать во время пути суда, чтобы запасаться жизненными припасами, а иногда, быть можетъ, и служилыми людьми. Притомъ, городъ являлся здѣсь центромъ, откуда должны были высылаться противъ мятежниковъ отряды; подобныхъ центровъ было пока только два: Казань и Свіяжскъ. Не могли не обращать вниманія при постройкѣ городовъ въ Поволжьѣ и на мѣстныя условія; къ нимъ слѣдуетъ отнести рѣчные разливы, особенно въ половодье, когда вода въ Волгѣ и въ притокахъ подымается очень высоко; вслѣдствіе этого выборъ строителей естественно останавливался на мѣстахъ гористыхъ и вообще возвышенныхъ. По всей вѣроятности, при

основаніи. Васильсурска и Свіяжска было принято во вниманіе и это послѣднее соображеніе. При впаденіи рѣки Свіяги въ Волгу все пространство, за исключеніемъ круглой горы, на которой стоитъ Свіяжскъ, весной на огромное пространство заливается водою, вслѣдствіе чего городъ является какъ бы на островѣ. Васильсурскъ, хотя былъ построенъ съ самаго начала на возвышенномъ мѣстѣ, но около половины XVI столѣтія оказалось необходимымъ убавить его снизу и поднять „по горѣ" [1]). Подобныя возвышенныя мѣста были выгодны и для наблюденія надъ окрестными мѣстами, и для защиты отъ нападеній, что особенно важно было для городскаго населенія, состоящаго главнымъ образомъ изъ служилыхъ людей.

Между Нижнимъ Новгородомъ и Казанью, какъ двумя крайними пунктами, уже находились Васильсурскъ и Свіяжскъ, между которыми по Волгѣ разстоянія было около 400 верстъ [2]). Въ нагорной сторонѣ при впаденіи рѣки Чебоксарки въ Волгу приходилась почти середина разстоянія между этими городами. На этомъ мѣстѣ, какъ утверждаетъ преданіе, издавна находилась чувашская деревня, получившая свое названіе Чебоксары отъ жителя этой деревни, именовавшагося Шабксаръ; онъ за свою доброту пользовался большимъ уваженіемъ не только отъ своихъ односельчанъ, но также и отъ окрестныхъ жите-

---

[1]) Ник. л. VII, 1556 г. и 1557 г. (269 и 285 сс.). Спис. насел. мѣстъ Рос. имп. Каз. губ. 6 с.

[2]) При опредѣленіи разстояній по Волгѣ, я пользовался «Атласомъ рѣки Волги отъ Твери до Астрахани», издан. военно-топограф. отдѣл. 1871 г.

лей [1]). По лѣтописнымъ же извѣстіямъ мы можемъ указать лишь на то, что это мѣсто Русскимъ было извѣстно еще во второй половинѣ XV столѣтія, потому что при описаніи въ это время русскаго похода на Казань говорится, что воины ночевали „на Чебоксари" [2]). Въ этомъ мѣстѣ берегъ крутъ и высокъ, такъ что люди, поселившіеся здѣсь, могли быть безопасны отъ наводненій. Въ наказѣ, данномъ въ 1555 г. первому казанскому архіепископу Гурію, ему поручено было остановиться на день въ Чебоксарѣ „и назнаменати мѣсто, гдѣ граду быти, и молебная пѣвъ и молитва граду говорити.... по знаменанному мѣсту градскому со кресты ходити" [3]). Вскорѣ послѣ основанія, Чебоксары на ряду съ Казанью и Свіяжскомъ становятся центромъ, откуда высылаются отряды противъ бунтующихъ инородцевъ и куда являются начальники возставшихъ для заявленія своей покорности. Такъ, мы узнаемъ, что въ Чебоксары приходили выражать свою покорность Россіи дѣти извѣстнаго луговаго сотеннаго князя Мамичъ-Бердѣя [4]), который управлялъ своею волостью до того времени, какъ его взяли въ плѣнъ горные люди; быть можетъ, и новый городъ построенъ былъ не въ далекомъ отъ нея разстояніи. Когда позднѣе (1574 г.) возгорѣлось снова возстаніе среди Черемисъ, то, по повелѣнію царя, новый городъ основанъ былъ уже на луговой сторонѣ

---

[1]) Жур. М. В. Д. 1855 г. Дек. 115 с. Сообщеніе это сдѣлано мѣстнымъ священникомъ по рукописи XVIII в., которую онъ нашелъ въ библіотекѣ одного чебоксарскаго помѣщика.

[2]) П. с. л. т. VIII, 1469 г. (156 с.). Ник. л. VI, 10 с.

[3]) А. А. Э. I, № 241.

[4]) Ник. л. VII, 1557 г. (285 с.).

Волги, между Чебоксарами и Свіяжскомъ. Новый городъ построенъ былъ среди устьевъ двухъ значительныхъ рѣкъ—Большой и Малой Кокшагъ, отъ которыхъ онъ получилъ названіе Кокшайска, съ эпитетомъ „новый городъ" въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ [1]). Наконецъ, незадолго до смерти Грознаго, вспыхнулъ новый бунтъ Черемисъ, особенно опасный, съ одной стороны, вслѣдствіе сношеній возставшихъ съ крымскимъ ханомъ, съ другой—вслѣдствіе движеній между Ногайцами по р. Камѣ. На этотъ разъ противъ мятежниковъ воздвигнутъ былъ Козьмодемьянскъ. Городъ основанъ былъ въ нагорной сторонѣ, почти посрединѣ между Василь-городомъ и Чебоксарами, противъ устья рѣки Рутки и недалеко отъ впаденія Ветлуги въ Волгу; построенъ онъ былъ подлѣ высокаго кургана, на которомъ устроили главный сторожевой маякъ для наблюденія за черемисскими движеніями въ этой сторонѣ [2]).

Но русскіе города возникали въ Казанской области не только среди Черемисъ и Чувашъ, съ цѣлью удержать ихъ въ покорности,—они появляются также и въ другихъ мѣстахъ, но уже, какъ кажется, вслѣдствіе другихъ условій.

За Волгою жили и по ней кочевали ногайскіе мирзы съ своими улусами. Лѣтомъ они обыкновенно доходили до Камы; нѣкоторые изъ нихъ располагались здѣсь и оставались до тѣхъ поръ, пока не покрыва-

---

[1]) Вивл. 13 ч. 445 с.; 14 ч. 347 с. (Разрядныя книги).

[2]) Ист. Карамзина т. IX, примѣч. 732.—Памят. книжка Казан. губ. за 1868—69 г. 18 с.

лись льдомъ рѣки [1]). Близость и продолжительность ногайскаго сосѣдства были не безъ опасностей для казанскихъ царей, которые принуждены были покупать свою безопасность отъ ихъ нападеній различными уступками и родствомъ съ мирзами. Но, прежде чѣмъ вторгнуться для грабежа, Ногайцы должны были переправиться черезъ Каму или Волгу: вслѣдствіе этого въ ихъ глазахъ получаютъ большое значеніе рѣчные перевозы, изъ которыхъ нѣкоторые даже носили у нихъ особыя названія, упоминаемыя при случаѣ въ ихъ грамотахъ въ Москву [2]). На одномъ изъ такихъ перевозовъ, недалеко отъ устья Камы, на правой, возвышенной сторонѣ этой рѣки, казанскій воевода велѣлъ арскимъ и побережнымъ Татарамъ въ 1557 году поставить городъ, который отъ перевоза получилъ названіе Лаишева. Назначеніе города было служить защитою противъ „прихода ногайскихъ людей": величина его была незначительна, и съ двухъ сторонъ, болѣе доступныхъ, онъ былъ укрѣпленъ неглубокимъ рвомъ. Въ городѣ водворены были дѣти боярскія и стрѣльцы съ своими головами, а на посадѣ поселены были плѣнники изъ туземцевъ, принявшіе христіанство и пожалованные пашнями и сѣнокосами около Лаишева [3]). Кромѣ Лаишева, кажется, вскорѣ

---

[1]) Вивл. 28 ч. 277 с.

[2]) Ibid. 278 с.

[3]) Ник. л. VII, 1557 г. (284). Арх. Мин. Юст. Писц. кн. Казан. уѣзда 1565 г. № 643. л. л. 226, 504—508. По помѣщенному здѣсь описанію города Лаишева, городская стѣна простиралась на 284 саж., а ровъ имѣлъ сажень глубины и ширины. Стрѣльцовъ въ городѣ было 25 съ 2 головами. Внутри города находилась церковь. На посадѣ жило 150 плѣнниковъ и была особая церковь «построенія мірскаго, лаишевскихъ жильцовъ»—

же послѣ завоеванія Казани построенъ былъ на Волгѣ (40 верстъ ниже впаденія Камы), на правой сторонѣ ея, на возвышенномъ мѣстѣ, городъ Тетюшевъ *). Что касается населенія вновь основанныхъ городовъ Казанской области, почти исключительно воздвигае-

*) Говорятъ, что названіе города происходитъ отъ имени татарскаго князя, нѣкогда имѣвшаго здѣсь свое мѣстопребываніе. Мѣстность, на которой былъ построенъ городъ, была между прочимъ удобна для устройства перевоза: по крайней мѣрѣ, такое удобство это мѣсто сохраняло еще за собою во 2-й половинѣ XVIII столѣтія. Кромѣ перевоза, на выборъ этой мѣстности подъ городъ могли имѣть вліяніе источники чистой и вкусной воды, пробивающіеся на 2 сажени ниже прибрежной возвышенности и до сихъ поръ служащіе городскимъ жителямъ для удовлетворенія всѣхъ ихъ нуждъ. Что касается самаго основанія города, то объ этомъ положительныхъ извѣстій пока нѣтъ. Нѣкоторые относятъ его основаніе къ 1555 году, не приводя данныхъ для этого. (Пам. книжка Каз. губ. 1866—67 г. 16 с.). Въ грамотѣ 1560 года, данной царемъ Иваномъ Васильевичемъ Илантовскому казанскому монастырю, между прочимъ говорится о томъ, что казанскій воевода Петръ Ивановичъ Шуйскій далъ этому монастырю для рыбной ловли три связки (мережи) въ тетюшскихъ водахъ на р. Волгѣ. Если подобное выраженіе можетъ быть принято за указаніе на существованіе въ то время города Тетюшева, то въ такомъ случаѣ онъ уже существовалъ въ 1557 году (время, когда, по лѣтописному извѣстію, произошла эта раздача). Положительное же указаніе на существованіе города мы встрѣтили впервые въ распоряженіяхъ 1571 года (февр.) Михаила Ивановича Воротынскаго о надзорѣ стоялыхъ головъ за сторожами въ Поволжьѣ; затѣмъ, въ актахъ, собранныхъ Степ. Мельниковымъ, въ 1-й грамотѣ упоминается о тетюшскихъ книгахъ 1574 года «письма и мѣры Василья Соколова». Въ разрядныхъ книгахъ о Тетюшахъ впервые упоминается подъ 1578 годомъ. (Пам. кн. Казан. губ. 1866—67, 16 с. «Путешест. по разнымъ провинціямъ Росс. Имп.» Палласа I, 184 с. Записки Лепехина I, 303 стр. Ист. Росс. Іерархія Амвросія VI, 532 с. Чтенія Общ. Ист. и Древ. 1846 г. IV, 21—22 с. Вивл. 14 ч. 347 с.).

мыхъ съ одною цѣлью — сдерживать жителей въ покорности и утвердить русское господство въ краѣ, то въ соотвѣтствіи съ этимъ оно состояло главнымъ образомъ изъ стрѣльцовъ и боярскихъ дѣтей, которые, вѣроятно, въ данное время также, какъ и позднѣе, переводились сюда изъ другихъ русскихъ городовъ *). Каждый изъ вновь построенныхъ городовъ имѣлъ своего воеводу, часто съ товарищами, и свой уѣздъ, въ которомъ обыкновенно верстались „по государевымъ присыльнымъ грамотамъ" дьяками и воеводами служилые люди города и уѣзда и назначались также оброки землямъ, поступавшимъ на оброкъ [1]).

При основаніи каждаго новаго города Русскіе выбирали прежде всего мѣсто для храма, который немедленно воздвигался. Построеніемъ церкви удовлетворялась одна изъ существенныхъ потребностей древне-русскаго человѣка, отличавшагося преимущественно благочестіемъ. На ряду съ церковью иногда основывались и монастыри [2]). Послѣдніе были особенно необходимы въ странѣ, гдѣ издавна водворилось и господствовало магометанство, отчасти еще жило и

*) Такъ, при основаніи г. Сызрани въ 1685 году и г. Сергіевска въ 1703 году переселены были сюда солдаты и служилые люди съ женами и дѣтьми изъ другихъ русскихъ городовъ и преимущественно изъ приволжскихъ: Казани, Тетюшъ, Симбирска и др. (Доп. А. И. т. X, № 86. Топогр. Оренб. губ. Рычкова II т. 112—113 сс.)

[1]) Ник. л. VII, 1557 г. (286 с.). Арх. Мин. Юст. Писц. кн. Каз. у. № 643, л. 204. Писц. кн. Свіяж. у. № 848, л. л. 129 и 156. Городъ Лаишевъ не имѣлъ воеводы, а только 2-хъ головъ стрѣлецкихъ и принадлежалъ къ Казан. уѣзду.

[2]) О Зилантовскомъ монастырѣ въ Казани Грозный въ своемъ письмѣ 1555 года къ архіепископу Гурію говоритъ: «еже азъ начахъ». Истор. Рус. Іерархіи Амвросія VI, 528 с.

язычество,—гдѣ, слѣдовательно, открывалось обширное поприще для апостольской дѣятельности православнаго духовенства. Но первые монастыри воздвигались здѣсь обыкновенно въ городахъ или около города, что было естественно въ странѣ, которую и послѣ взятія Казани приходилось еще долгое время завоевывать.

Въ 1555 году въ Москвѣ рѣшили въ новопріобрѣтенной области учредить новую епархію, къ которой, кромѣ бывшаго царства, присоединили Василь-городъ и всю Вятскую землю. Зимою совершилось избраніе Гурія архіепископомъ казанскимъ и свіяжскимъ, а весной (май) онъ вмѣстѣ съ архимандритами, игуменами и священниками Волгою отправился въ Казань [1]). Какъ благосостояніе служилыхъ людей въ непріязненной странѣ, такъ и существованіе тамъ русскаго духовенства правительству слѣдовало обезпечить матеріально. Обезпеченіе это, сообразно понятіямъ тогдашняго времени, должно было состоять главнымъ образомъ изъ земель, т. е. изъ вотчинъ и помѣстій, которыя должны были быть предоставлены имъ въ странѣ, гдѣ сосредоточена была ихъ дѣятельность на пользу русскому обществу и государству [2]).

Бывшее Казанское царство обладало довольно обширною территоріею, и масса земель, находившихся

---

[1]) А. А. Эк. т. I, № 241. Ник. лѣт. VII, 1555 г. (231—232 сс.).

[2]) Собр. сочиненій Неволина, IV т. 223 с. «Крестьяне на Руси» И. Бѣляева, 97 с. Кромѣ земель, въ Казанской области государь «уложилъ владыкѣ и всѣмъ церквамъ десятое изо всѣхъ доходовъ Казанские земли, а сперва митрополитъ и всѣ владыки и монастыри пособствуютъ казанскому владыкѣ деньгами и хлѣбомъ». Ник. VII, 1555 г. (231 с.).

въ его власти, очутилась теперь въ распоряженіи Русскаго государства. Но не всѣ земли, по понятіямъ тогдашняго человѣка, имѣли значеніе цѣнности, а лишь тѣ, которыя въ то время и при тогдашнихъ условіяхъ могли доставить ему извѣстный опредѣленный доходъ, чтобъ онъ могъ за свою службу государству кормиться, или, какъ иногда выражались, „сытымъ быти" [1]). На первомъ планѣ въ этомъ случаѣ стояли земли, уже обработанныя и населенныя, съ которыхъ государствомъ получался опредѣленный доходъ, или оброкъ; такими землями было слободы, села, деревни и проч. Подобныя населенныя земли чаще всего находились въ мѣстахъ, лежавшихъ недалеко отъ городовъ, либо на путяхъ, которыми въ то время производились сношенія и торговля. Но, кромѣ населенныхъ мѣстъ, были земли, по тѣмъ или инымъ причинамъ покинутыя своимъ населеніемъ и именовавшіяся вслѣдствіе этого пустошами, селищами, городищами и т. п. названіями, которыя всѣ указывали на то, что въ прошломъ онѣ были обитаемы. Наконецъ, существовали еще дикія поля, нови, лѣса, пашенные и непашенные, и другія угодья, обладаніе которыми при извѣстныхъ обстоятельствахъ могло быть выгодно. Казанское царство хотя и имѣло, какъ мы видѣли, очень мало городовъ, но землями населенными, и притомъ мѣстами издавна, оно повидимому обладало въ достаточномъ количествѣ [2]).

На этихъ земляхъ жили Черемисы, Чуваши, Морд-

---

[1]) А. И. т. I, № 110.

[2]) Такъ, напримѣръ, село Маркваши, на правомъ берегу Волги, упоминается еще въ концѣ XIV вѣка. П. с. л. т. VIII, 1374 г. (21 с.).

ва и Татары; они населяли земли на правой и на лѣвой сторонѣ Волги смѣшанно, такъ что въ это время трудно опредѣлить мѣстожительство ихъ въ отдѣльности. Населенныя земли въ бывшемъ Казанскомъ царствѣ находились отчасти во владѣніи царя и вліятельной многочисленной аристократіи, отчасти же „были изстари татарскія и чувашскія и мордовскія"; населеніе послѣднихъ земель вносило, по всей вѣроятности, ясакъ въ царскую казну [1]).

Въ XVI столѣтіи въ писцовыхъ книгахъ Казанскаго и Свіяжскаго уѣздовъ (1565—1567 гг.) встрѣчаемъ огромное число пустошей, свидѣтельствующихъ наглядно о томъ, что этотъ край до опустошительныхъ войнъ, происходившихъ въ немъ при завоеваніи Казани и во время возстаній здѣшняго населенія противъ Москвы, не былъ бѣденъ людьми. Говоря это, мы, разумѣется, далеки отъ того, чтобы утверждать, что всѣ городища и пустоши, встрѣчаемыя здѣсь, были населены предъ присоединеніемъ царства къ Россіи. Этого нельзя сказать уже и потому, что самый способъ обработки въ то время земли Чувашами и Мордвою отчасти способствовалъ умноженію въ Казанскомъ царствѣ пустошей. Мордва и Чуваши въ XVI столѣтіи относились къ землѣ такъ же, какъ позднѣе, по наблюденію ученыхъ XVIII вѣка, относились къ ней Черемисы. Мордва довольно часто въ это время пахала земли „наѣздомъ", т. е. приходила на время въ Свіяжскій уѣздъ съ береговъ Суры и Мокши, гдѣ она постоянно жила, а потомъ покидала её и возвра-

---

[1]) Ар. Мин. Юст. Писц. кн. Казан. у. № 643, л. 239. Ник. л. VII, 1551, 1553, 1557 гг.

щалась къ себѣ на Суру „по своимъ старымъ улусамъ". Чуваши также нерѣдко оставляли свои пашни и „хоромы свои перевозили" либо на новыя мѣста на той же рѣкѣ, либо съ новыхъ возвращались къ себѣ на старыя, либо просто покидали землю и расходились „въ села и въ деревни въ татарскія и въ чувашскія" [1]).

Раздѣлъ и назначеніе земель во владѣніе въ новопріобрѣтенной области произошло лишь послѣ того, какъ „казанское дѣло въ конечное смиреніе пришло", что̀, какъ извѣстно, совершилось тогда, когда лучшіе люди бывшаго Казанскаго царства „извелися". Тогда-то (1557 г.) казанскій намѣстникъ, бояринъ князь Петръ Ивановичъ Шуйскій, опредѣлилъ: села, находившіяся во владѣніи у казанскихъ царей и князей, раздѣлить между государемъ, казанскимъ намѣстникомъ, духовенствомъ и дѣтьми боярскими. Въ это же время русскіе люди (отчасти, вѣроятно, тѣ же боярскія дѣти) поселены были около Казани и по пустымъ селамъ, и стали они пахать „на государя и на всѣхъ" вмѣстѣ съ новокрещенными и Чувашами [2]). По этому

---

[1]) Арх. Мин. Юст. Писц. кн. № 643, л. л. 232—233, № 848. л. л. 143, 186, 225. «Описаніе языческихъ народ. Казан. губ. Черемисъ, Чувашъ и Вотяковъ» Миллера 7 стр.

[2]) Ник. л, VII, 1557 г. (284 и 286 сс.). Въ лѣтописи сказано буквально такъ (286 стр.): «и пахати учали на государя и на всѣхъ русские люди и на новокрещенныи на Чувашу». У Татищева (V ч. 465 с.) это мѣсто приведено почти такъ же, какъ и въ Никоновской лѣтописи; разница только въ словѣ «русскіе», вмѣсто котораго у него стоитъ «русскихъ». Это мѣсто я считаю испорченнымъ. Мое мнѣніе подтверждается тѣмъ, что Чуваши занимались земледѣліемъ и, слѣдовательно, пахали сами на себя. О новокрещенцахъ же въ самой лѣтописи въ другомъ мѣстѣ (284 с.) говорятся, что имъ наравнѣ съ русскими людьми было велѣно «пашни пахати». Изъ писцовой книги

распредѣленію земли, находящіяся около Волги, достались большею частью архіепископу и новопостроеннымъ монастырямъ. Такъ, извѣстно, что первому казанскому архіепископу Гурію пожалованы были въ 1555 году по царскому наказу семь селъ съ двумя тысячами четвертей земли, которыя лежатъ частью на Волгѣ, а частью недалеко отъ нея *). Сверхъ того Гурію даны были „рыбныя ловли и съ островы, опричь покосовъ, на которыхъ рыбная ловля, отъ казанскаго устья по обѣ стороны р. Волги, по казанской сторонѣ и по свіяжской, до р. Камы, и съ вешними пологи около города, доколѣ вешняя вода стоитъ". Нѣсколько позже въ распоряженіи казанскаго епископа находимъ также „зимняя и лѣтняя ловля" въ рѣкѣ Казани, въ озерѣ царскомъ съ сосѣдними къ нему озерами [1]).

Казанскаго уѣзда также можно видѣть, что новокрещенные и Чуваши въ шестидесятыхъ годахъ XVI-го стол. жили въ деревняхъ за боярскими дѣтьми «во крестьянъ мѣсто» и пахали на нихъ и на себя землю. Арх. Мин. Юст. № 643, л. л. 187 и 207.

*) Вслѣдствіе такого ихъ положенія сѣно имъ по писцовой книгѣ (1565—67) назначается обыкновенно «въ отходѣ на р. на Волгѣ». А. М. Юст. № 643 л. л. 395—397.

[1]) Ак. Ист. т. I, № 162. Ар. Мин. Юст. № 643, л. л. 403—404. Слѣдуетъ замѣтить, что владѣніе это, какъ видно, впрочемъ, изъ оговорки въ самой грамотѣ, было условно, и, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, условность эта соблюдалась довольно строго. Такъ, изъ писцовой книги Казанскаго уѣзда мы узнаемъ, что казанскій архіепископъ въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія долженъ былъ испрашивать у государя особое разрѣшеніе на то, чтобы «на тенковской сторонѣ (на прав. бер. Волги) къ его заволжскимъ озерамъ приписано было мѣсто подъ дворъ на пріѣздъ его рыбнымъ ловцомъ и на выпуски лошадямъ, на которыхъ неводы привозятъ, и для сторожи; что въ тѣхъ заволжскихъ озерахъ ловятъ рыбу крадучи и наѣздомъ, где того уберечи не мочно». Вслѣдствіе этого

Нѣкоторые изъ земель, покосовъ и рыбныхъ ловель, пожалованныхъ казанскимъ монастырямъ (Илантову и Преображенскому), находились тоже около р. Волги, или на ея островахъ, или на рѣчкахъ, протекающихъ недалеко отъ нея. Илантовъ монастырь получилъ еще право на рыбную ловлю нѣсколькими связками въ тетюшскихъ водахъ рѣки Волги [1]). Въ нагорной сторонѣ по Волгѣ также встрѣчаются земли и угодья, пожалованныя свіяжскимъ монастырямъ (Богородскому и Троицкому), но здѣсь по рѣкѣ попадаются нерѣдко земли и служилыхъ людей, которые согласно царскому наказу поселены были въ Свіяжскѣ; хоть изрѣдка, но мѣстами встрѣчаемъ и оброчныя земли инородцевъ недалеко отъ Волги, въ нагорной части. Вслѣдъ за распредѣленіемъ земель между разными владѣтелями, послѣдовало, по царскому повелѣнію, описаніе ихъ (въ 1563 и въ 1565—67 годахъ) въ писцовыхъ книгахъ. Это сдѣлано было для того, чтобъ можно было знать, какія земли заняты и кѣмъ, какія

челобитья епископу велѣно отмѣрить «5 десятинъ сухаго чистаго берегу некоси, или лѣсу расчистити, въ которомъ мѣстѣ пашня не бывала и гдѣ вешняя вода не поимаетъ, близко р. Волги и озеръ архіепископскихъ». Позднѣе на этомъ мѣстѣ уже появился «дворъ домовой для его архіерейскаго приѣзду, и изъ работныхъ людей.... селились дворами жъ во крестьянство, и, росчистя изъ того пустошю чернаго лѣсу, учинили малое число пашни»; такимъ путемъ могла, слѣдовательно, образоваться и деревня; но съ самаго начала, какъ это можно видѣть изъ челобитья, позволеніе на рыбную ловлю въ р. Волгѣ еще не давало права архіепископамъ заводить въ этихъ мѣстахъ слободы съ поселенцами. Ар. Мин. Юст. № 643, л. 470. Акты, собр. Ст. Мельниковымъ, т. I, № 53.

[1]) Арх. Мин. Юст. № 643, л. л. 412—413, 417, 418, 422. Ист. Россійс. Іер. Амвросія VI т. 532—537.

лежатъ впустѣ и никѣмъ не заняты, „а впередъ въ помѣстье раздати доведется“. Описи подвергались въ нагорной и въ луговой сторонахъ сперва дворцовыя земли (1563 г.), а потомъ уже (1565—1567 г.) земли „верстанныхъ людей“, пустыя земли и тѣ, „что изстари были татарскія и чувашскія и мордовскія, которыя въ помѣстья роздати доведися“, и которыя не подвергались описи съ дворцовыми селами и деревнями. Далѣе описываются земли оброчныя, „которыя давали на оброкъ свіяжскіе воеводы и дьяки“, равно какъ и „полоняничныя земли въ татарскихъ и въ чувашскихъ селѣхъ и въ деревняхъ, которые полоняники живутъ съ татарою и съ чувашею вмѣстѣ“ [1]). Земли описываются въ писцовыхъ книгахъ слѣдующимъ образомъ: сперва обозначается лицо, за которымъ записано помѣстье или вотчина, затѣмъ названіе помѣстья, мѣсто, гдѣ оно находится, и чья была прежде земля; потомъ отмѣчается, сколько дворовъ въ помѣстьѣ крестьянскихъ или инородческихъ и имя каждаго владѣтеля двора; послѣ этого записывается, сколько числится доброй земли въ населенномъ участкѣ, какія угодья при немъ и ихъ величина (т. е. сколько перелогу, зарослей, дубравъ, лѣсу пашеннаго и непашеннаго). Далѣе обозначается, сколько копенъ сѣна и, наконецъ, сколько вытей „ въ живущемъ“, если только онѣ опредѣлены. Въ выть положено было на этотъ разъ (1565—1567 г.) „пашенныя добрыя земли по 10 четвертей.... а переложная земля и заросли и дубровы въ выти не мѣчено; а лѣса пашенные рамени и непашенные лѣса

---

[1]) Арх. Мин. Юст. Писц. кн. № 643, л. л. 208, 229, 239; № 848 л. л. 128—130.

черные къ селамъ и къ деревнямъ и къ пустошамъ писано въ угодья десятинами по смѣтѣ" [1]).

Около Свіяжска между тѣмъ за это время раскинулись довольно значительныя слободы *), съ народонаселеніемъ, судя по именамъ, большею частію русскимъ. Слободскіе жители въ большинствѣ еще занимаются земледѣліемъ, но у нѣкоторыхъ изъ нихъ „пашни и сѣна..... нѣтъ, а сказали дѣлаютъ всякое дѣло на монастырѣ". Среди населенія этихъ слободъ нерѣдко встрѣчаются такія прозвища, какъ: рыболовъ, кузнецъ, мельникъ, бочаръ, кожевникъ, скорнякъ, швецъ, кирпичникъ, серебряный мастеръ,—прозвища, довольно ясно указывающія на занятія слобожанъ въ это время **). Число дворовъ въ слободахъ доходитъ иногда до 140 (Бусурманская слобода) [2]). Само собою понятно, какъ подобныя слободы способствовали увеличенію населенія въ нагорной сторонѣ. Пригородныя слободы описаны были сначала, какъ дворцовыя земли, и только впослѣдствіи были назначены въ помѣстье служилымъ людямъ Московскаго государства, которыхъ присылали на житье въ Свіяжскъ ***). Но не одни слобожане въ это время занимались пахотою, а также и горожане; это обусловливается отчасти тѣмъ, что въ составъ городскихъ жителей входили крестьяне,

---

[1]) Ibid. № 613, л. 241. Лѣса непашенные чаще всего опредѣляются верстами въ длину и поперекъ.

*) Жилецкая, Бусурманская, Медвѣдева.

**) Имена ихъ все русскія, напримѣръ: Овдокимко—серебряный мастеръ, Проня—мельникъ, Митька—бочаръ, Овдейко—кожевникъ, и проч. въ этомъ же родѣ.

[2]) Ар. Мин. Юст. Рук. № 848, л.л. 159, 161—171, 240—241.

***) Слободы описывались отдѣльными дворами и по улицамъ.

отчасти же тѣмъ, что члены воинскаго сословія сами занимались еще земледѣліемъ, только пахали они „наѣздомъ“ изъ города [1]). Русскіе люди въ нагорной сторонѣ населяли не только новопостроенный городъ и находящіяся около него слободы, но также и села, изъ коихъ нѣкоторыя уже издавна существовали здѣсь, напримѣръ, село Маркваши. Село это въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія находилось въ помѣстьѣ за нѣсколькими служилыми людьми, и населеніе въ немъ въ это время большею частію было русское; это доказывается именами большинства марквашскихъ крестьянъ, а равно и тѣмъ, что здѣсь находилась православная церковь съ дворомъ для священника и съ особыми пристройками (кельи) для пономаря и просвирни [2]).

Всѣхъ служилыхъ людей, которыхъ въ Свіяжскомъ уѣздѣ „верстали помѣстьемъ“, было 34 человѣка, изъ коихъ дѣтей боярскихъ было 28, а остальные были воеводы, князья да дьякъ. За ними числились помѣстья: подгородныя слободы, 6 селъ, 24 деревни (безъ трети), 6 починковъ, 4 пустоши и селище, да „въ припускѣ“ пустошь. Помѣщичьихъ дворовъ въ помѣстьяхъ было только три, съ пятью людскими дворами; крестьянскихъ дворовъ считалось за всѣми помѣстными людьми 485, изъ которыхъ 34 двора (слободскіе) безпашенные; всѣхъ же людей въ нихъ было 543 человѣка. Пашни отмѣрено было имъ всего 5551 четверть „въ полѣ, а въ дву по томужъ“; сѣна 22,001

---

[1]) Ibid. л. 145.

[2]) Всѣхъ дворовъ въ этомъ селѣ было около 70. Ар. Мин. Юст. № 848, л.л. 149—154, 188.

копна, лѣсу пашеннаго 60 десятинъ, да лѣсу пашеннаго и непашеннаго на 54 версты въ длину и на 33 версты безъ трети поперекъ *). За духовенствомъ въ этомъ уѣздѣ (за двумя монастырями и соборнымъ протопопомъ) было 2 сельца, 2 слободки, 10 деревень, 3 починка, займище и пустошь. Въ нихъ расположены были 6 дворовъ монастырскихъ, 83 двора крестьянскихъ и 27 дворовъ безпашенныхъ людей; всего же числилось 116 человѣкъ. Земли отмѣрено было: пашни доброй земли 372 четверти, сѣна 4000 копенъ, лѣсу пашеннаго 515 десятинъ, да пашеннаго и непашеннаго лѣсу на 9 верстъ въ длину и на 5 поперекъ [1]).

Казанскій уѣздъ по составу помѣстныхъ людей былъ нѣсколько разнообразнѣе предыдущаго: въ немъ, кромѣ тѣхъ, которые встрѣчаются въ Свіяжскомъ уѣздѣ, упоминаются еще вдовы, недоросли и толмачи. Всего въ этомъ уѣздѣ верстано служилыхъ людей 155 человѣкъ, за которыми числилось въ помѣстьѣ 5 селъ (безъ трети), 2 сельца, 68 деревень, 4 починка, займище, 14 пустошей и 2 селища, да „въ припускѣ" 3 пустоши. Въ нихъ находилось: помѣщичьихъ 121 дворъ, людскихъ 48 дворовъ, да 50 дворовъ крестьянскихъ; всѣхъ людей считалось въ нихъ 222 человѣка. Пашни за ними числилось всего 9087 четвертей „въ полѣ, а въ дву по томужъ"; сѣна 32,441 копна,

*) Среди пахотной земли обыкновенно различается: добрая земля, перелогъ, дикое поле, заросли и дубровы; при чемъ «перелогъ помѣченъ въ полтора, а заросли и дубровы въ двое». Четверть, или четь, равнялась половинѣ десятины. («Крестьяне на Руси» И. Бѣляева, 117 с.).

[1]) Арх. Мин. Юст. № 848, л. л. 218, 243, 249—250.

лѣсу пашеннаго 195 десятинъ, да лѣсу пашеннаго и непашеннаго на 158 верстъ въ длину и 76½ верстъ поперекъ. Кромѣ того, въ этомъ уѣздѣ испомѣщены были: 8 вдовъ, 13 человѣкъ недорослей, 6 стрѣлецкихъ сотниковъ и 19 человѣкъ толмачей, за которыми въ 1565 году были утверждены прежнія ихъ помѣстья, состоящія изъ трети села, 6 деревень, 3 починковъ и 2 пустошей; въ нихъ расположены были: помѣщичьихъ 31 дворъ, 1 людской дворъ, 4 двора безпашенныхъ людей, всего 36 человѣкъ. Сверхъ того, на лаишевскомъ посадѣ поселено было 150 человѣкъ „жалованныхъ полонениковъ", которымъ около города Лаишева отвели сѣна и пахотной земли: по четыре четверти послѣдней и по 14 копенъ сѣна на каждаго изъ нихъ. За духовенствомъ (архіепископомъ и двумя монастырями) въ Казанскомъ уѣздѣ было: 4 села, 4 сельца, 6 деревень, 10 починковъ, 4 пустоши и займище. Въ нихъ находились два двора архіепископскихъ боярскихъ дѣтей и 158 крестьянскихъ дворовъ; всѣхъ людей въ нихъ было 170 человѣкъ. Пашни за ними числилось всего 2,508 четвертей „въ полѣ, а въ дву потому жъ", сѣна 13,270 копенъ, лѣсу пашеннаго и непашеннаго на 33½ версты въ длину и на 20½ верстъ поперекъ [1]).

Если сравнить между собой луговую и нагорную стороны Поволжья, то мы прежде всего замѣтимъ малость населенія въ луговой части сравнительно съ нагорною, не смотря на то, что вообще земель и угодій служилымъ людямъ въ Казанскомъ уѣздѣ отмѣрено было гораздо больше, чѣмъ въ Свіяжскомъ *). Это

[1]) Арх. Мин. Юст. № 643, л.л. 208—209, 228, 423.

*) Впрочемъ и ихъ самихъ было здѣсь гораздо больше, чѣмъ

было естественнымъ и необходимымъ результатомъ того обстоятельства, что Казань во всякомъ случаѣ была узломъ, около котораго велись опустошительныя войны какъ во время самой осады, такъ и при послѣдующихъ возстаніяхъ въ странѣ. Даже городокъ, который построили возставшіе, желая противопоставить его Казани, и который дѣйствительно былъ нѣкоторое время ихъ средоточіемъ, тоже лежалъ на луговой сторонѣ р. Волги *). Далѣе, въ нагорной сторонѣ мы видимъ сравнительно довольно значительное количество безпашенныхъ людей, необходимое слѣдствіе появившихся тамъ слободъ, между тѣмъ какъ въ Казанскомъ уѣздѣ они едва лишь появляются. Въ противоположность этому замѣчаемъ чрезвычайно малое число помѣщичьихъ дворовъ въ Свіяжскомъ уѣздѣ, съ чѣмъ, вѣроятно, находится въ связи количество людскихъ дворовъ въ обоихъ уѣздахъ. Не обусловливается ли послѣднее обстоятельство тѣмъ, что для свіяжскихъ служилыхъ людей, быть можетъ, было обязательно жить въ самомъ городѣ, въ то время, какъ казанскіе служилые люди могли жить въ уѣздѣ? **) Въ

въ Свіяжскомъ уѣздѣ; можетъ быть, послѣднее обусловливается тѣмъ, что въ нагорной сторонѣ около этого времени было уже три города съ уѣздами (Свіяжскъ, Чебоксары и Тетюшевъ), а въ луговой пока только Казань.

*) Городъ находился въ 70 верстахъ отъ Казани на р. Мешѣ, притокѣ Камы съ правой ея стороны.

**) Въ писцовыхъ книгахъ (обѣ книги составлены одними и тѣми же людьми—Кикинымъ и Борисовымъ) сказано слѣдующее: въ свіяжской—что писцы описывали «государевы села и деревни и починки и пустоши и сельца..... которые довелися въ помѣстье роздати княземъ и дѣтемъ боярскимъ, которыхъ государь велѣлъ оставити въ Свіяжскомъ городѣ

Казанскомъ уѣздѣ встрѣчаются отдѣльные случаи отказа служилыхъ людей отъ назначенныхъ имъ населенныхъ помѣстій: такъ, отъ двухъ помѣстій отказался князь Данило Васильевичъ Ушатый, а отъ одного „Мансуръ съ братьею" *).

Туземцамъ въ Казанской области правительство предоставило исключительное владѣніе бортными ухожаями въ лѣсахъ и бобровыми гонами въ рѣкахъ. Это, по всей вѣроятности, сдѣлано было потому, что для успѣшнаго занятія этими промыслами необходимо обладать навыкомъ и знаніемъ мѣстныхъ условій. Кромѣ Татаръ, Черемисъ и Чувашъ, промыслы эти предоставлены были плѣнникамъ, которые, должно быть, состояли изъ туземцевъ же, взятыхъ въ плѣнъ во время возстанія. Намъ извѣстно, что и въ настоящее время нѣкоторые изъ инородцевъ (Черемисы) занимаются пчеловодствомъ съ большою охотою и съ успѣ-

---

на житье»; а въ казанской писцовой книгѣ: «тѣ всѣ земли въ помѣстья роздали княземъ и дѣтемъ боярскимъ, которыхъ государь послалъ въ свою вотчину въ Казань на житье». Относительно вдовъ и недорослей, помѣщенныхъ въ Казанскомъ уѣздѣ, врядъ ли можетъ быть сомнѣніе, что они могли жить и внѣ города Казани.—Арх. Мин. Юст. № 643, л. 289; № 848, л. 129.

*) Помѣстья въ Казанскомъ уѣздѣ, назначенныя князю Ушатому, были: село Царицыно (около Казани) съ 8 дворами и деревня Подсѣкина съ 6 дворами. Имена крестьянъ въ обоихъ помѣстьяхъ русскія: въ деревнѣ, въ одномъ дворѣ встрѣчается Гришка Балахонецъ, а въ другомъ Борисо Углеченинъ. Помѣстье же, отъ котораго отказался Мансуръ, была сторожевая деревня Камбишева: «Мансуру съ братьею съ тое деревни стеречи было ногайскую и крымскую сторожу на Анатовскомъ перевозѣ» на р. Камѣ. Арх. Мин. Юст. № 643, л.л. 369—371.

хомъ [1]). Промышленные люди обложены были пошлинами, которые они давали „по старымъ книгамъ въ государеву казну", въ городъ, къ уѣзду котораго принадлежалъ лѣсъ или рѣка, въ которыхъ промышленникъ занимался своимъ промысломъ. Кромѣ названныхъ промысловъ, здѣшніе туземцы занимались еще земледѣліемъ, но послѣднее, судя по денежному оброку, которымъ они были обложены, шло у нихъ не такъ успѣшно, какъ предыдущія: Татары и Чуваши платили въ это время за землю столько, сколько, немного позднѣе, вносили въ казну въ Казанской области бобыли; притомъ, Чуваши и этотъ оброкъ вносили медомъ вмѣсто денегъ [2]). Изъ туземныхъ племенъ болѣе другихъ занимались земледѣліемъ Мордва и Чуваши, особенно послѣдніе, которые не только основывали новые поселки „на дикомъ полѣ", но селились нерѣдко „на мордовскихъ земляхъ и на выморкехъ" и обрабатывали ихъ „безъ грамотъ", т. е. основывали новыя деревни безъ увѣдомленія правительственной власти, съ цѣлью отбыть отъ платежа оброка за землю [3]). Кромѣ оброковъ, которые туземцы вносили въ царскую казну за обрабатываемую ими землю, Татары, Чуваши, Черемисы и Мордва должны были еще нести „государеву службу"; между тѣмъ какъ плѣнники изъ туземцевъ, жившіе вмѣстѣ съ ними въ однихъ и тѣхъ же деревняхъ и пахавшіе землю „не въ раздѣлѣ съ татарскими и чувашскими пашнями", а „смѣсь пополамъ", — службы не несли, а платили только об-

---

[1]) Арх. Мин. Юст. № 643, л. 240; № 848, л. 130. Мат. эт. Рос. Каз. губ. Риттиха 139—141 сс.

[2]) Ар. М. Юст. Писц. кн. № 643, л.л. 395, 402; № 153, л. 1401.

[3]) Ibid. № 848, л.л. 172, 212, 222—224, 274.

рокъ дьякамъ въ городѣ по оброчнымъ грамотамъ и по книгамъ [1]).

Изъ русскихъ людей, прибывшихъ и поселившихся въ новопріобрѣтенной области, мы упоминали уже о служилыхъ людяхъ, присланныхъ сюда на государеву службу, и о православномъ духовенствѣ, которое тоже явилось въ эту страну, исполняя обязанности, лежавшія на немъ. Но, кромѣ этихъ, такъ сказать, офиціальныхъ дѣятелей въ странѣ, изъ Россіи пришло сюда немало частныхъ людей; послѣдніе, по всей вѣроятности, привлечены были въ этотъ край тѣми выгодами, которыя имъ предоставлялись правительствомъ (въ дворцовыхъ имѣніяхъ) и частными владѣтелями вотчинъ и помѣстій, сильно нуждавшимися въ насельникахъ обширныхъ пустошей, доставшихся имъ во владѣніе. Мы видѣли, что населеніе селъ и слободъ въ Свіяжскомъ уѣздѣ, судя по крестьянскимъ именамъ и по церквамъ, встрѣчающимся въ нихъ, состояло большею частію изъ русскихъ людей. Въ Казанскомъ уѣздѣ количество крестьянъ было, правда, менѣе, но зато тамъ число служилыхъ людей было гораздо больше. Это имѣло значеніе для уѣзда потому, что въ немъ нѣкоторыя деревни повидимому состояли изъ однихъ лишь боярскихъ дѣтей, которыя, не смотря на свою малочисленность, ставили иногда общими силами церковь и сообща же распахивали пашню, къ ней приписанную [2]).

---

[1]) Ibid. л. 219. Ник. л. VII, 1558 г. (293 и 298 сс.).

[2]) Сказанное относится къ деревнѣ Булгакъ; деревня Астрахань, отданная въ помѣстье Оксентью Иванову, сыну Головина, заключала въ себѣ три жеребья и въ нихъ помѣщичьи 3 двора; эти жеребья съ дворами расположены были всего на

Русскіе крестьяне и промышленники устремились въ новопріобрѣтенный край изъ близкихъ и отдаленныхъ мѣстъ: здѣсь мы встрѣчаемъ одинаково какъ васильгородца, вятчанина, галичанина, муромца, рязанца, такъ и угличанина, костромитина, суздальца, жителя Москвы и Балахны; чаще всего поселенецъ и владѣтель двора называется просто „верховецъ", либо „верховцы" такіе-то [1]). Результаты прибытія и водворенія русскихъ людей въ странѣ, которая до сихъ поръ находилась исключительно во владѣніи инородцевъ и Татаръ, не замедлили обнаружиться. Обнаружились они въ названіяхъ рѣкъ, озеръ и мѣстностей этого края. Значительныя рѣки и притоки удержали свои наименованія, но небольшія рѣчки, горы, озера и овраги, около которыхъ поселились русскіе люди, получаютъ русскія названія [2]). Впрочемъ и нѣкоторые изъ значительныхъ притоковъ хотя удержали у русскаго населенія свои туземныя названія, но къ нимъ, коль скоро была возможность, присосѣживалось

---

15 четвертяхъ доброй земли и на 72 четвертяхъ перелогу. Крестьянъ ни въ этихъ, ни въ нѣкоторыхъ другихъ деревняхъ не было. Арх. Мин. Юст. № 643, л.л. 180, 192, 197.

[1]) Ibid. № 643, л. л. 251, 369—370, 398—399; № 848, л. л. 149, 161—162, 173—174, 191—192, 198—199, 244.

[2]) Встрѣчаются, напримѣръ, такія явленія: на правой стор. Волги, недалеко отъ нея, въ Свіяжскомъ уѣздѣ, находилось село Теньки (нынѣ Тетюшскаго уѣзда), около котораго лежало четыре озера; въ селѣ, судя по именамъ и прозваніямъ, жили русскіе крестьяне (21 дворъ); къ нему между другими угодьями были приписаны и эти озера; въ шестидесятыхъ годахъ XVI ст. два изъ этихъ послѣднихъ еще удерживали свои инородческія наименованія (Теньковское и Хозяшево), а остальныя два носили уже русскія (Круглое и Узкое). Ibid. л. 138.

и русское [1]). Изъ населенныхъ мѣстъ почти всѣ села носятъ нерусскія названія; это явленіе объясняется тѣмъ, что села большею частію основаны были на мѣстахъ прежде населенныхъ и носившихъ уже свои имена [2]), или же располагались на рѣкахъ и озерахъ, отъ которыхъ въ такомъ случаѣ получали и свое названіе [3]); когда же, напротивъ, село основывалось на новомъ мѣстѣ, не тронутомъ до тѣхъ поръ поселеніемъ, то оно получало русское названіе [4]); иногда и здѣсь къ туземному названію села присосѣживалось, вѣроятно, для отличія, русское слово (Бурнашево—Красное). Не смотря на нерусскія названія селъ, во многихъ изъ нихъ въ это время мы находимъ русское населеніе, на что указываютъ какъ имена поселенцевъ, такъ и православныя церкви, находившіяся въ нѣкоторыхъ селеніяхъ [5]). Нѣсколько иное произошло съ названіями деревень въ Казанской области. Хотя между ними встрѣчаются также нерусскія на-

---

[1]) Напримѣръ, Чертаныы—Щучка, Большая Бирля, притокъ р. Свіяги, Малая Бирля, и друг. Арх. Мин. Юст. № 848, л. л. 154, 156, 195, 238, 243.

[2]) Напр., «Теньковское селище». Это отчасти можно видѣть и изъ жалованной грамоты епископу казанскому Гурію въ 1555 году, въ которой названы 7 селъ, между тѣмъ какъ это были пустоши. Объ этомъ подробнѣе будетъ сказано впослѣдствіи.

[3]) Такъ, недалеко отъ Волги, въ Казанскомъ уѣздѣ село Сабуголь на озерѣ Сабуголей, село Тарлаши на озерѣ Тарлаши и друг.

[4]) Село Исаково (Преображенскаго Свіяжскаго монастыря) на горѣ Исаковѣ, сельцо Городище, село Новое дикое поле,—всѣ въ Свіяжскомъ уѣздѣ.

[5]) Арх. Мин. Юст. № 643, л. л. 185—186, 369, 394; № 848, л. л. 133, 138, 184—185, 237.

званія, обусловливающіяся, въ общемъ, тѣми же причинами, которыя нами указаны были относительно наименованій селъ, но здѣсь нерѣдко попадаются уже и русскія названія. Иногда изъ самаго наименованія деревни можно видѣть, какъ она образовалась [1]). Въ писцовой книгѣ обозначается иногда прежде нерусское названіе деревни и послѣдующее русское, при чемъ въ деревнѣ упоминается также помѣщичій дворъ [2]). Соединеніе нерусскихъ названій съ русскими словами между деревнями встрѣчается довольно часто, особенно когда нѣсколько деревень носятъ одно и то же наименованіе [3]); иногда деревня съ инородческимъ именемъ, въ которой находится и дворъ помѣщика, переходя въ продолженіе многихъ лѣтъ къ членамъ одной и той же фамиліи, удерживаетъ рядомъ съ своимъ названіемъ имя своихъ помѣщиковъ [4]). О починкахъ въ Казанской области можно повторить то же самое, что сказано было относительно тамошнихъ деревень, съ тѣмъ только отличіемъ, что русскія названія между починками встрѣчаются еще чаще, чѣмъ между деревнями [5]).

---

[1]) Напримѣръ, деревня Ѳедкова, деревня Борисова, деревня Красная горка Звѣздина; въ послѣдней среди людей, въ ней живущихъ, встрѣчаемъ «во дворѣ Гришка Звѣздянъ.... а прежде деревня была на оброкѣ за крестьяны».

[2]) Напримѣръ, въ Казанскомъ уѣздѣ деревня именовалась Теребердѣево, а потомъ Салтыкова.

[3]) Такъ, встрѣчаются Атары Большія, Малыя и Среднія; Новая Кошлоушъ Меньшой, Новый Кушманъ, Новая другой Кушманъ Меньшой (послѣднія названія носятъ деревни, населенныя Чувашами).

[4]) Деревня Дертюли—Чемадурова. Арх. М. Юст. № 463, л. л. 192, 196, 369—370, 415; № 848, л. л. 132, 155, 216—217, 274.

[5]) Естественно, что починки чаще носятъ названіе людей,

Если теперь отъ русскихъ названій, появившихся въ этой новопріобрѣтенной странѣ, обратимся къ обозрѣнію болѣе существенныхъ началъ, которыя внесло съ собою сюда русское населеніе и государственная власть, то замѣтимъ нѣкоторыя новыя явленія, получившія съ самаго начала значеніе въ странѣ,—значеніе, которое позднѣе становится еще замѣтнѣе. Самымъ выдающимся изъ этихъ явленій несомнѣнно было христіанство, которое явилось сюда вмѣстѣ съ русскою властью и православнымъ населеніемъ. Вмѣстѣ съ преосвященнымъ Гуріемъ въ Казанскую область отправились два архимандрита — Германъ и Варсонофій съ значительнымъ числомъ священнослужителей и иноковъ. Германъ остался въ Свіяжскѣ для основанія здѣсь монастыря, а Варсонофій съ нѣкоторыми изъ иноковъ съ тою же цѣлію отправился въ Казань.

Изъ всей просвѣтительной миссіи, отправившейся въ этотъ край, болѣе всѣхъ подготовленъ былъ для будущей дѣятельности архимандритъ Варсонофій. Сынъ серпуховскаго священника, онъ отданъ былъ своимъ отцомъ для наученія грамотѣ и еще предъ достиженіемъ „совершена возраста" былъ взятъ въ плѣнъ крымскими Татарами. По прошествіи трехъ лѣтъ отецъ пришелъ въ Крымъ и выкупилъ сына изъ

которые положили починъ поселенію въ томъ или другомъ мѣстѣ. Это можно отчасти видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ: въ Казанскомъ уѣздѣ, недалеко отъ Волги «починокъ Ѳедковъ, сталъ на лѣсу, у дву озеръ, а въ немъ крестьянъ: во дворѣ Ѳедко, во дворѣ Сенка—верховцы» и проч.; въ Свіяжскомъ уѣздѣ «починокъ Капустинъ, на рѣчкѣ на Волгѣ, на шестой гривѣ, а пахали его наѣздомъ изъ города Свіяжскаго жилецъ крестьянинъ Митка Григорьевъ, да стрѣлецъ Капуста Матвѣевъ» и проч. Арх. Мин. Юст. № 643, л. 399; № 848, л. 145.

плѣна; но юноша прожилъ не даромъ три года въ Крыму: за это время онъ, по словамъ житія, „извыкъ до конца бесерменскій языкъ и сарацынскую грамоту“ и „навыкъ“ хорошо ихъ „писанію и моамефова скверная преданія“.

Съ прибытіемъ миссіонеровъ на мѣсто открылся для просвѣтительной ихъ дѣятельности двоякій путь: они могли и обучать молодое поколѣніе въ истинахъ христіанской вѣры, и убѣжденіемъ дѣйствовать на взрослыхъ. Обоими этими путями дѣйствовало въ этой странѣ православное духовенство: дѣтей для обученія грамотѣ отдавали монастырскимъ старцамъ, со взрослыми же архимандритъ Варсонофій устраивалъ собесѣдованія, „истязаяся съ невѣрными и укоряя ихъ, и препирая и ко крещенію приводя, уча и наказуя вѣровати“. О самомъ епископѣ Гуріи житіе разсказываетъ, что онъ „невѣрныя уча и наказуя познати истиннаго Бога.... и многи невѣрныя въ вѣру приведе и крести ихъ множество мужи и жены и дѣти [1]). Вслѣдствіе такой дѣятельности православнаго духовенства въ новой епархіи здѣсь появляются „новокрещенскія села и деревни“, кромѣ тѣхъ новокрещенцевъ, которые жили вмѣстѣ съ русскими крестьянами, плѣнниками и Чувашами [2]). Быть можетъ, не безъ

---

[1]) Румянц. музей, рук. Ундольск. № 299, л. л. 22—70: Краткое житіе Гурія и Варсонофія казанскихъ, написанное митрополитомъ казанскимъ Гермогеномъ, л. л. 34—40. Г. Ключевскій полагаетъ, что житіе это написано въ 1596 или 1597 год. См. «Дневнерусскія житія святыхъ» 305 с. «Истор. Росс. Іерархія», Амвросія, VI, 529 с. (письмо Грознаго отъ 1555 г. къ Гурію).

[2]) Арх. Мин. Юст. № 643, л. л. 207, 226, 298, 508. Ник. лѣт. VII, 1557 г. (284 с.).

просвѣтительныхъ намѣреній старались льготами привлечь Татаръ и Чувашъ преимущественно на епископскія земли, гдѣ они населили собой цѣлыя села и деревни недалеко отъ Волги, за Казанью. Высказываемъ подобное предположеніе потому, что въ это время (1565 г.) въ архіерейскихъ и монастырскихъ селахъ встрѣчаются новокрещенцы, живущіе вмѣстѣ съ Чувашами и другими инородцами [1]).

Но не эту только культурную миссію исполняло въ этой области православное духовенство, а также и другую, не маловажную. Мы говорили уже о томъ, что духовенству достались здѣсь земли, лежавшія по обѣимъ сторонамъ Волги и занимавшія собою довольно значительныя пространства. Но земли эти, не исключая и семи селъ, пожалованныхъ епископу, были совершенно безъ населенія. Объ этомъ говорится въ выраженіяхъ, не допускающихъ сомнѣнія: „села и деревни и починки архіепископли.... которые послѣ казанскаго взятія были пустоши". Земли, пожалованныя монастырямъ казанскимъ и свіяжскимъ, были тоже безъ населенія, и монастыри должны были сами привлекать сюда людей льготами и такимъ образомъ населять ихъ: „а вытей въ сельцехъ и въ деревнѣ и въ починкехъ и доходъ съ вытей не написанъ, потому что строитель (монастыря) съ братьею сказали—не учинили: живутъ крестьяне на льготѣ", а льгота минуетъ только чрезъ нѣсколько лѣтъ [2]). Населить же земли, пожалованныя духовенству, въ то время и при тогдашнихъ обстоятельствахъ было дѣломъ далеко не

---

[1]) Арх. Мин. Юст. № 643 л. л. 395—398, 401, 412—413.
[2]) Ibid. № 643, л. л. 393, 401, 416; № 848, л. 249.

легкимъ. Одни хронически повторявшіяся возстанія мѣстныхъ жителей въ этомъ неправославномъ краю во многомъ парализовали ихъ усилія; грамоты того времени говорятъ объ этомъ слѣдующее: „а которые, де, ихъ крестьяне были за монастыремъ (Илантовскимъ), и монастырь, де, ихъ и церкви наши измѣнники выжгли и вывоевали, а крестьянъ въ полонъ поимали“ [1]). Сверхъ того, когда владѣтель земли перезывалъ къ себѣ населеніе, то онъ по необходимости сталкивался съ тѣми людьми, у которыхъ крестьяне или посадскіе люди жили до того времени, и такимъ образомъ возбуждалъ противъ себя ихъ неудовольствіе, и если подобные люди были сильны и вліятельны, то ихъ неудовольствіе обходилось дорого перезвавшему. Илантовскій монастырь жалуется, напримѣръ, государю, что съ крестьянъ, которыхъ монахи „на пусто назовутъ изъ за князи и дѣти боярскіе.... емлютъ за дворы пожилого за половинокъ по пяти рублевъ (вмѣсто слѣдуемой полтины), а дворы, де, ихъ наши измѣнники выжгли и вывоевали, а который, де, и лѣсъ былъ около монастыря, и тотъ монастырскій лѣсъ князи и дѣти боярскіе и посадскіе люди, оскорбляя ихъ монастырь, высѣкли, а имъ, де, противъ того князья и дѣти боярскіе въ своемъ лѣсѣ на монастырское строенье на обиходъ и ихъ крестьянъ лѣсу сѣчи не дадутъ, и ихъ крестьянъ въ своемъ лѣсѣ грабятъ.... и въ острогѣ (въ Казани) на монастырскомъ подворьѣ квасу поставити имъ“ (монахамъ) не даютъ [2]). Кромѣ

---

[1]) А. И. т. I, № 191. «Истор. Росс. Іерарх.» Амвросія т. VI, 536 с.

[2]) «Ист. Росс. Іерарх.» Амвросія т. VI, 536 с.

того, само правительство иногда оговаривало, чтобъ монастырь, которому оно предоставляло, напримѣръ, бойкое мѣсто на Волгѣ *), „никоторыхъ людей ни Казани, ни Свіяжскаго города на то займище" не перезывалъ [1]); это, вѣроятно, дѣлалось потому, что самому правительству нелегко было заселять города и посады отдаленной области. При такихъ условіяхъ заселеніе разнообразныхъ земель, доставшихся здѣсь духовенству, затруднялось въ значительной степени, и ему нужно было немало энергіи для того, чтобъ и въ этомъ отношеніи выполнить свое призваніе въ новопріобрѣтенной странѣ. Заселеніе епископскихъ и монастырскихъ земель происходило главнымъ образомъ посредствомъ льготъ, предоставляемыхъ людямъ, которые селились на пустыхъ земляхъ. Этимъ духовенство достигло того, что не только монастырскія слободы (на правой сторонѣ Волги, около Свіяжска), городища, селища и пустоши населились довольно скоро разными людьми, но начали заселяться нови и стали „сѣчи на черномъ дикомъ лѣсу и распахивати пашня и покосы расчищати" [2]). На мѣстахъ, подобныхъ послѣднимъ, поселеніе чаще всего начиналось съ починка, о которомъ обыкновенно говорилось: „сталъ ново на лѣсу", или же просто: „сталъ на лѣсу", впрочемъ попадаются и монастырскія деревни, о которыхъ тоже упоминается, что онѣ „поставлены ново,

---

*) Мѣсто, о которомъ идетъ рѣчь, находилось въ нагорной сторонѣ между городами Свіяжскомъ и Казанью.

[1]) Арх. Мин. Юст. № 848, л. 248.

[2]) Арх. Мин. Юст. № 643, л. л. 394, 398—399; № 848, л. л. 238, 241, 247—248.

на черномъ лѣсу" [1]). Иногда монастырское селеніе само отъ себя выдѣляло новые починки и заселяло такимъ образомъ пустоши, находившіяся около него. Такъ, напримѣръ, о сельцѣ Городищѣ (Свіяжск. уѣзд.) сказано: „тогожъ сельца починки новые, а поставлены на городищенской землѣ: починокъ Притыкинъ, а въ немъ крестьянъ 3 двора" (съ русскими именами), „а выти и доходъ не писанъ, живутъ на льготѣ"; за тѣмъ: „починокъ новой.... а въ немъ дворъ" [2]). Новое поселеніе носило иногда характеръ какъ бы временнаго, но это не мѣшало появляться здѣсь позднѣе монастырскому селу; такъ случилось, напримѣръ, съ Новымъ Займищемъ на Волгѣ, противъ устья р. Казанки: о немъ говорится, что оно стоитъ „на горной сторонѣ, въ черномъ дикомъ лѣсу, а на займищѣ дворъ монастырской, да пять шелашей, а живутъ въ нихъ монастырскіе дѣтеныши, а пашни новыя роспаши въ три поля 6 четвертей, да сѣчи три десятины" [3]). Позднѣе на этомъ мѣстѣ находимъ уже село Верхній Услонъ [4]). Населеніе архіерейскихъ и монастырскихъ земель по своему составу было чрезвычайно разнообразно: между ними встрѣчаются Русскіе люди (въ слободахъ по преимуществу они), Татары, Чуваши, новокрещенцы и плѣнники; иногда въ одномъ и томъ же селѣ („село Куюкъ") жили крестьяне (Русскіе),

---

[1]) Какъ починки, такъ и деревни—около Волги, на луговой и нагорной сторонахъ; имена крестьянъ все русскія (прозванія нѣкоторыхъ—верховцы, костромитинъ и друг.) Ibid. № 643, л. л. 398—399; № 848, л. 241.

[2]) Ibid. № 848, л. 244.

[3]) Ibid. л. 247.

[4]) Памятн. кн. Каз. губ. 1866—67 г. 44 сс.

новокрещенцы, Чуваши и плѣнные. Въ частности сохранилось интересное извѣстіе относительно населенія земель, пожалованныхъ архіепископу Гурію („прежняго государева жалованья"), на которыхъ находилось два двора архіепископскихъ боярскихъ дѣтей, 30 крестьянскихъ дворовъ, 32 татарскихъ двора и 33 двора чувашскихъ, — всего людей въ нихъ было 95 человѣкъ [1]).

Правительственная дѣятельность по заселенію Казанской области была тоже довольно значительна. Кромѣ городовъ, которые были построены въ разныхъ частяхъ края и въ которыхъ главнымъ образомъ были водворены служилые люди Московскаго государства, кромѣ земель, на которыхъ поселены были тѣ же служилые люди, стараніями правительства населены были отчасти и слободы около г. Свіяжска; оно же поселило около Лаишева, на посадѣ, плѣнныхъ новокрещенцевъ, пожаловавъ имъ пахотной земли и сѣнныхъ покосовъ. Наконецъ, правительство путемъ льготъ могло привлекать населеніе на дворцовыя и вообще на свободныя земли, которыя впослѣдствіи становились оброчными, а позднѣе жаловались служилымъ людямъ въ помѣстья [2]). Служилые же люди не только воздѣлывали земли, которыя имъ достались здѣсь, но старались, съ своей стороны, льготами привлекать населеніе на свои земли [3]).

Что касается положенія крестьянъ и туземцевъ въ это время въ Казанской области, то можно сказать,

---

[1]) Арх. Мин. Юст. № 643, л. л. 397, 401, 412—413; № 848, л. 240.

[2]) Арх. М. Юст. № 643, л. л. 226—227, 250—251; № 848, л. л. 147, 155, 173.

[3]) Ibid. № 643, л. л. 185—186; № 848, л. л. 145, 212.

что оно соединено было со многими трудностями и опасностями. Русскій крестьянинъ являлся въ страну, хотя и обильную многими естественными богатствами, но въ которой ему нужно было обзаводиться съизнова всѣмъ, начиная отъ земледѣльческихъ орудій и кончая избой. Съ трудомъ обзаведшись, наконецъ, всѣмъ необходимымъ, онъ, при возбужденномъ и непріязненномъ настроеніи туземнаго населенія, не могъ быть увѣренъ не только въ цѣлости своего имущества, но и въ бозопасности своей жизни, въ жизни близкихъ и дорогихъ ему членовъ семейства. За свою землю крестьянинъ по истеченіи льготнаго времени долженъ былъ обыкновенно либо пахать на владѣтеля заранѣе опредѣленное государствомъ количество земли, либо вносить оброкъ, также опредѣленный государствомъ*). Во вниманіе, вѣроятно, къ тягостямъ, которыя въ новопріобрѣтенномъ краю приходились на долю простыхъ земледѣльцевъ, въ нагорной сторонѣ „съ оброчныхъ селъ, съ деревень и съ починковъ государевъ оброкъ по наказу сложенъ“ [1]). Положеніе туземцевъ въ новомъ состояніи было тоже не легкое: при возмущеніи своихъ земляковъ они, если только не присоединялись къ возставшимъ, подвергались тѣмъ же опасностямъ, какъ и русскіе крестьяне; кромѣ того, они должны были приспособляться къ московскимъ поряд-

*) Пашня опредѣлена была одна для дворцовыхъ и для всѣхъ остальныхъ земель: за выть пахотной земли крестьяне обязаны были пахать «по десятинѣ ржи да по десятинѣ яри». Оброкъ былъ тоже обязателенъ для всѣхъ одинъ—«какъ было за государемъ», т. е. частнымъ людямъ давали тотъ же оброкъ, что и государю; деньгами, кажется, платили по рублю за выть. Ibid. № 643, л. л. 239 и 402; № 848, л. л. 129—130, 142, 243.

[1]) Ар. Мин. Юст. № 848, л. 130.

камъ, къ которымъ въ то время и своему было трудно привыкнуть, а не то что чужому. Формально, впрочемъ, они обложены были небольшимъ оброкомъ и обязаны были еще нести государеву службу. Величина оброка или ясака извѣстна только въ архіепископскихъ имѣніяхъ, въ которыхъ Татары и Чуваши по прошествіи льготныхъ лѣтъ платили по полуполтинѣ съ двора [1]). Но имѣя въ виду въ это время одинаковость тягостей въ имѣніяхъ правительственныхъ и частныхъ, и величину оброка можно предположить одинаковою; это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ противномъ случаѣ туземцы могли легко перейти съ епископскихъ земель на правительственныя или частныя. Плѣнники, поселенные въ странѣ и занимавшіеся земледѣліемъ, какъ мы уже видѣли, были свободны отъ государственныхъ службъ и платили оброкъ меньшій, чѣмъ остальные туземцы [2]).

Обозрѣвая новопріобрѣтенный край послѣ утвержденія въ немъ русской власти, мы можемъ сдѣлать слѣдующіе выводы. Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный послѣ завоеванія Казанскаго царства прежде всего старается закрѣпить этотъ край за Россіею. По этому старанію и по пріемамъ, имъ употребляемымъ при этомъ, онъ является настоящимъ преемникомъ знаменитаго своего дѣда и отца. Онъ поступилъ съ Казанскимъ царствомъ такъ же, какъ его дѣдъ поступилъ съ Великимъ Новгородомъ и Вяткою, а отецъ со Псковомъ. Какъ Іоаннъ III послѣ завоеванія Новгорода и Вятки выселилъ оттуда многихъ лучшихъ

---

[1]) Ibid. № 643, л. 402; № 848, л. 219.
[2]) Ibid. № 848, л. л. 220—222.

людей въ московскіе города, а на ихъ мѣсто водворилъ переселенцевъ изъ Москвы и другихъ городовъ; какъ Василій III послѣ присоединенія Пскова выселилъ оттуда большое число семей въ города Московскаго государства, а на ихъ мѣсто переселилъ гостей, выведенныхъ изъ московскихъ городовъ, — такъ и Грозный распорядился съ Казанскою областью. Послѣ того какъ множество знатныхъ и богатыхъ Казанцевъ погибло въ возстаніяхъ, въ которыхъ они принимали преимущественное участіе,—остальныхъ царь вывелъ вмѣстѣ съ средними людьми и роздалъ имъ помѣстья въ городахъ и волостяхъ московскихъ, новгородскихъ и псковскихъ; въ городѣ Казани, на посадѣ и по селамъ водворились русскіе служилые и неслужилые люди; въ области появились русскіе города, православныя церкви, монастыри — и край такимъ образомъ не номинально только, а на самомъ дѣлѣ сталъ русскимъ [1]). Если разсматривать, на сколько страна и населеніе выиграли отъ водворенія въ ней русскихъ людей и русской власти, то мы, вопервыхъ, увидимъ, что здѣсь рядомъ съ язычествомъ и магометанствомъ водворяется христіанство, къ которому начинаютъ обращаться нѣкоторые изъ туземцевъ; далѣе, русская государственная власть, уничтоживъ преобладаніе въ краѣ аристократіи, сама въ своихъ отношеніяхъ къ населенію русскому и туземному руководится демократическимъ началомъ; послѣднимъ обстоятельствомъ нѣкоторые даже склонны объяснять прочность русской власти между ино-

---

[1]) П. с. л. т. VIII, 1489 г. Псков. лѣт. (изд. Погодина) 1509 г. (179, 181 сс.). Ист. Росс. С. Соловьева т. VI, 286 с.

родцами, среди которыхъ она вслѣдствіе этого находила себѣ сочувствіе [1]). Съ водвореніемъ Русскихъ въ Казанскомъ царствѣ не только стали заселяться пустоши, находившіяся здѣсь въ видѣ городищъ, селищъ и тому подобныхъ пространствъ, но начали вспахиваться дѣвственныя земли—„дикія поля" и „нови"; заскрипѣли подъ топоромъ русскаго крестьянина вѣковыя деревья въ „черныхъ дикихъ лѣсахъ", а среди лѣсовъ появились русскіе починки и деревни, сначала въ видѣ немногихъ дворовъ, число которыхъ потомъ мало по малу увеличивается пристройками и новыми дворами. Вмѣстѣ съ русскимъ человѣкомъ появляется и водворяется въ этой странѣ господствовавшая на Руси система трехпольнаго хозяйства *). Какіе бы крупные недостатки ни находили въ настоящее время въ этомъ хозяйствѣ, но, относясь къ нему исторически, нельзя не признать за нимъ большаго преимущества сравнительно съ системою обработки земли „наѣздомъ", которая довольно часто встрѣчается у инородцевъ, болѣе другихъ занимавшихся здѣсь земледѣліемъ—у Мордвы и у Чувашъ. Сама Мордва, мѣстами жившая еще улусами, и Чуваши, переѣзжавшіе съ мѣста на мѣсто со своими „хоромами", отчасти указывали еще на полукочевой бытъ, между тѣмъ какъ русскій крестьянинъ, не смотря на свою подвижность, уже издавна былъ земледѣльцемъ.

---

[1]) «Положен. инородц. сѣв.-восточн. Россіи въ Москов. госуд.» Н. Ѳирсова, 191—192, 199 сс.

*) «Столько-то въ полѣ, а въ дву потому жъ».

ГЛАВА VI.

Отношенія Ногайцевъ къ Россіи послѣ присоединенія Астрахани. Новое междоусобіе въ ногайской ордѣ и отношеніе Россіи къ враждующимъ сторонамъ. Ногайская орда послѣ внутренней распри. Отношенія ея къ Россіи въ это время. Перевозы на Волгѣ и ихъ значеніе. Ногайская орда въ послѣднее время жизни Измаила князя. Урусъ мирза, его характеръ и значеніе въ ордѣ. Отношенія Россіи къ Ногайцамъ при Тинахметѣ князѣ. Урусъ, князь ногайскій, и его отношенія къ Россіи. Казаки. Состояніе ногайской орды при Урусѣ. Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ и правительственныя мѣры относительно Поволжья. Построеніе новыхъ городовъ въ Поволжьѣ и ихъ значеніе. Заключеніе.

Мы оставили Ногайцевъ въ то время, когда Измаилъ князь и Юнусъ, дядя и племянникъ, помирились между собою и Юнусъ обратилъ оружіе на своего бывшаго союзника — астраханскаго царя Дербыша, котораго онъ успѣлъ отогнать окончательно отъ Астрахани. Когда шла еще борьба между Измаиломъ и Юнусомъ, первый, не совсѣмъ увѣренный въ своемъ торжествѣ, обращался къ царю съ просьбою дать прибѣжище ему съ семействомъ и съ его приверженцами либо въ Астрахани, если русскіе овладѣютъ ею, либо въ Казани (1556 г. іюнь, іюль). Изъ Москвы отвѣчали Измаилу, что для него съ семьею и немногими людь-

ми *) у царя мѣсто всегда готово въ Казани либо въ Астрахани, буде успѣютъ овладѣть этою послѣднею; при этомъ говорилось въ грамотѣ: „А жалованье наше и береженье тебѣ и твоимъ дѣтемъ отъ насъ будетъ таково, какъ нашимъ дѣтемъ, и дружбы твоей не забудемъ, доколѣ Богъ дасть“ [1]). Когда дядя съ племянникомъ помирились, то они прислали въ Москву пословъ, которые увѣдомили объ этомъ государя, при чемъ Измаиловъ посолъ говорилъ, въ частности, царю отъ лица своего князя, „что его (царя) жалованіемъ и страхомъ племянники его добили ему челомъ“; мирзы же, съ своей стороны, вмѣстѣ съ княземъ увѣдомляли царя, что „нынѣ они всѣ единачны; велитъ ли государь имъ самимъ идти на Крымъ или послать братью и племянниковъ—какъ великій князь прикажетъ имъ, такъ и учинятъ“ [2]). Примирились они, какъ видно, на томъ, что Измаилу въ ордѣ быть княземъ, а Юнусъ получитъ нурадынство **); Измаилу съ его мирзами кочевать по Яику, а Юнусу съ его приверженцами около волжскаго устья. Въ Москвѣ были довольны такимъ исходомъ борьбы между дядею и племянникомъ и снарядили къ Ногайцамъ посольство изъ нѣсколькихъ боярскихъ дѣтей, которыхъ отправили къ Измаилу князю и къ Юнусу мирзѣ съ ихъ приверженцами. Русскіе послы вмѣстѣ съ грамотами къ князю и къ мирзамъ принесли съ собою и написанную въ Москвѣ

---

*) «Человѣкъ 50 или 60, какъ бы мочно тѣхъ вашихъ людей въ Казани прокормити».

[1]) Вивл. 29 ч. 227—228, 231—232 сс.

[2]) Ник. л. VII, 1557 г. (275 с.).

**) Нурадынъ былъ вторымъ лицомъ послѣ князя въ ногайской ордѣ.

ГЛАВА VI.

Отношенія Ногайцевъ къ Россіи послѣ присоединенія Астрахани. Новое междоусобіе въ ногайской ордѣ и отношеніе Россіи къ враждующимъ сторонамъ. Ногайская орда послѣ внутренней распри. Отношенія ея къ Россіи въ это время. Перевозы на Волгѣ и ихъ значеніе. Ногайская орда въ послѣднее время жизни Измаила князя. Урусъ мирза, его характеръ и значеніе въ ордѣ. Отношенія Россіи къ Ногайцамъ при Тинахметѣ князѣ. Урусъ, князь ногайскій, и его отношенія къ Россіи. Казаки. Состояніе ногайской орды при Урусѣ. Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ и правительственныя мѣры относительно Поволжья. Построеніе новыхъ городовъ въ Поволжьѣ и ихъ значеніе. Заключеніе.

Мы оставили Ногайцевъ въ то время, когда Измаилъ князь и Юнусъ, дядя и племянникъ, помирились между собою и Юнусъ обратилъ оружіе на своего бывшаго союзника — астраханскаго царя Дербыша, котораго онъ успѣлъ отогнать окончательно отъ Астрахани. Когда шла еще борьба между Измаиломъ и Юнусомъ, первый, не совсѣмъ увѣренный въ своемъ торжествѣ, обращался къ царю съ просьбою дать прибѣжище ему съ семействомъ и съ его приверженцами либо въ Астрахани, если русскіе овладѣютъ ею, либо въ Казани (1556 г. іюнь, іюль). Изъ Москвы отвѣчали Измаилу, что для него съ семьею и немногими людь-

ми *) у царя мѣсто всегда готово въ Казани либо въ Астрахани, буде успѣютъ овладѣть этою послѣднею; при этомъ говорилось въ грамотѣ: „А жалованье наше и береженье тебѣ и твоимъ дѣтемъ отъ насъ будетъ таково, какъ нашимъ дѣтемъ, и дружбы твоей не забудемъ, доколѣ Богъ дасть“ [1]). Когда дядя съ племянникомъ помирились, то они прислали въ Москву пословъ, которые увѣдомили объ этомъ государя, при чемъ Измаиловъ посолъ говорилъ, въ частности, царю отъ лица своего князя, „что его (царя) жалованіемъ и страхомъ племянники его добили ему челомъ“; мирзы же, съ своей стороны, вмѣстѣ съ княземъ увѣдомляли царя, что „нынѣ они всѣ единачны; велитъ ли государь имъ самимъ идти на Крымъ или послать братью и племянниковъ—какъ великій князь прикажетъ имъ, такъ и учинятъ“ [2]). Примирились они, какъ видно, на томъ, что Измаилу въ ордѣ быть княземъ, а Юнусъ получитъ нурадынство **); Измаилу съ его мирзами кочевать по Яику, а Юнусу съ его приверженцами около волжскаго устья. Въ Москвѣ были довольны такимъ исходомъ борьбы между дядею и племянникомъ и снарядили къ Ногайцамъ посольство изъ нѣсколькихъ боярскихъ дѣтей, которыхъ отправили къ Измаилу князю и къ Юнусу мирзѣ съ ихъ приверженцами. Русскіе послы вмѣстѣ съ грамотами къ князю и къ мирзамъ принесли съ собою и написанную въ Москвѣ

*) «Человѣкъ 50 или 60, какъ бы мочно тѣхъ вашихъ людей въ Казани прокормити».

[1]) Вивл. 29 ч. 227—228, 231—232 сс.

[2]) Ник. л. VII, 1557 г. (275 с.).

**) Нурадынъ былъ вторымъ лицомъ послѣ князя въ ногайской ордѣ.

ею и съ дѣтьми" готовъ присягать по государеву наказу, служить государю и быть его холопомъ до вѣка; буде же его, Юнуса, сгонятъ съ княженія, то онъ „его же государевъ холопъ, а иныя надежи нѣтъ ни на кого" [1]). Положеніе Юнуса среди Ногайцевъ было не особенно надежное, потому что отъ него скоро отдѣлился главный виновникъ его торжества, Арсланъ мирза, который снова перешелъ къ Измаилу, стоявшему со своими дѣтьми около Астрахани въ надеждѣ на помощь со стороны Россіи. Уступчивость и покорность со стороны Юнуса, вѣроятно, главнымъ образомъ и обусловливилась непрочностью его положенія посреди Ногайцевъ и страхомъ, чтобъ царь не помогъ Измаилу противъ него. Русскій посолъ говоритъ въ своемъ донесеніи, что новый князь и его мирзы очень опасаются помощи Измаилу со стороны Россіи; простые же Ногайцы при этомъ такъ разсуждаютъ: „только, де, государь Измаилу дастъ пищальниковъ, ино, де, Нагаи всѣ пропали". Дѣйствительно, Россія по прежнему поддержала Измаила, и онъ скоро опять сталъ ногайскимъ княземъ, а его противникъ, Юнусъ мирза, явился въ Москву къ царю „бить челомъ, чтобъ государь его пожаловалъ, промыслилъ имъ и учинилъ его на ногайскомъ княженіи, на юртѣ его отца" [2]).

Чрезвычайно пагубное вліяніе имѣла эта родственная распря на экономическое и нравственное состоя-

---

261—272 с. с.), составляетъ цѣнный матеріалъ для изображенія внутренняго состоянія орды въ это время.

[1]) Вивл. ч. 29, 264, 268 сс. Ник. VII, 1558 г. (290 с.).

[2]) Вив. 29 ч. 267 с. Ник. VII, 1558 г. (290—291, 311 сс).

Ногайцами, будто Измаилъ князь хочетъ уйти въ Мекку и сдать княженіе Юнусу мирзѣ, былъ для перваго чрезвычайно непріятенъ; тѣмъ болѣе, что ему было извѣстно непріязненное расположеніе къ нему племянника, примирившагося съ нимъ болѣе формально, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, и та привязанность, которою Юнусъ пользовался у Ногайцевъ. Къ этому присоединилась въ это время размолвка Измаила съ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ приверженцевъ его, съ Арсланомъ мирзою, у котораго онъ забралъ нѣкоторыхъ изъ его улусныхъ людей. Наконецъ не могъ не знать Юнусъ неблагопріятнаго впечатлѣнія, которое долженъ былъ произвести въ Москвѣ отказъ Измаила князя дать присягу по грамотѣ, присланной къ нему царемъ. Коалиція среди Ногайцевъ противъ князя Измаила была до того значительна и сильна, что когда Арсланъ, соединившись съ Юнусомъ, явился въ собраніе, гдѣ находился князь съ другими мирзами, то послѣдній „побѣжалъ со всѣми своими людьми и дѣтьми, не бився". Послѣ этого „многіе Измаиловы люди отъѣхали къ Юнусу", который такимъ образомъ сдѣлался ногайскимъ княземъ [1]). Но перемѣна князя у Ногайцевъ не измѣнила ихъ отношеній къ Россіи и новый князь уже съ самаго начала старался о пріобрѣтеніи расположенія русскаго царя. Онъ объявилъ прибывшему къ нему русскому послу *), что онъ „съ брать-

---

[1]) Вив. 29 ч. 262, 267, 285; 30 ч. 60 с.

*) Русскій посолъ, отправленный къ Юсуфу, еще какъ къ нурадыну, былъ боярскій сынъ Елизаръ Мальцовъ. Онъ почему-то опоздалъ и прибылъ къ мѣсту своего назначенія уже во время междоусобія и торжества Юнуса мирзы. Донесеніе его въ Москву, помѣщенное въ ногайскихъ актахъ (Вивл. 29 ч.

всѣхъ..... и не отдаетъ, а наши улусы оголодали.... и нашихъ людей Татаръ емлетъ же (Черемисиновъ), а оманываетъ ихъ: язъ, де, васъ стану кормити" [1]). При такихъ условіяхъ положеніе Измаила было очень тяжелое: съ одной стороны, ему грозила опасность отъ крымскаго хана, къ которому бѣжало довольно много недовольныхъ мирзъ и простыхъ Ногайцевъ, которые всегда могли навести на него хана; съ другой стороны, онъ опасался Юнуса и его приверженцевъ посреди Ногайцевъ, которые чрезвычайно любили его и не скрывали этого; къ этому присоединился голодъ между людьми и моръ посреди животныхъ, которыя составляли все богатство этого полукочеваго племени. Въ подобныхъ обстоятельствахъ Измаилъ и вліятельные Ногайцы „приговорили" построить городъ на устьѣ Волги для защиты оставшихся при князѣ людей, боявшихся нападеній со стороны крымскаго хана. Но такъ какъ оказалось, что сами Ногайцы „городоваго дѣла не знаютъ" и людямъ, которымъ жить въ городѣ, „безъ запасу съѣстнаго и безъ судовъ быти нельзѣ", то послѣдовало обращеніе Измаила въ Москву за деньгами, хлѣбомъ, сосновымъ лѣсомъ и за мастерами для построенія домовъ Ногайцамъ; при этомъ была повторена старая просьба о пушкахъ и пищальникахъ [2]). Изъ Россіи и на этотъ разъ, какъ и прежде *), по приказанію царя, присла-

[1]) Ibid. 29 ч. 271, 279—280, 283, 284, 302 сс.

[2]) Ib. 29 ч. 296—298, 304; 30 ч. 11—13, 18—19, 32, 63.

*) Припасовъ Ногайцамъ присылаемо было въ это время довольно много; такъ, за одинъ разъ (авг. 1557 г.) Измаилу прислано было, по царской грамотѣ, 50 четвертей крупъ, 50 четв. толокна, 50 пудъ меду, 50 четв. ржаной муки и 30 четв. пшеницы на сѣмена (Вив. 29 ч. 289 с).

ніе Ногайцевъ. Очевидецъ свидѣтельствуетъ объ этомъ слѣдующее: „Нагаи, государь, изводятца, людей добрыхъ у нихъ мало. Да голодни необычно и пѣши Нагаи, много съ голоду людей мретъ, а другъ другу не вѣритъ межъ себя и родные братья. Земля, государь, ихъ пропала, другъ друга грабитъ“ [1]). Еще до войны съ Юнусомъ Измаилъ увѣдомлялъ царя, что на ихъ „улусы голодъ пришелъ“, что ихъ „улусы животиною обмерли.... коней и запасу у нихъ нѣтъ, оголодали“ они, и просилъ государя „отпустить Волгою въ Астрахань много хлѣба“. Поэтому неудивительно, что въ это время всѣ Астраханцы, бѣжавшіе къ нимъ во время борьбы Дербыша противъ Россіи, возвратились въ Астрахань обратно; но этого мало: вслѣдъ за ними стали заявлять желаніе отправиться туда и Ногайцы, которые хотѣли спастись отъ голода и бывшаго въ ордѣ „великаго неустройства“. Въ подобныхъ обстоятельствахъ мирзы и даже родственники Измаила стали переходить съ своими Ногайцами за Волгу, въ Крымъ и за Яикъ, къ Киргизъ-Кайсакамъ. По окончаніи междоусобія тяжелое состояніе орды естественно должно было усилиться, и князь въ своей грамотѣ къ царю выражается объ этомъ такъ: „А мы года три, четыре уже многимъ волненіемъ отбыли есмя своихъ животовъ и лошадей и одежи, и сего году ни животовъ, ни лошадей ни одежи у насъ не осталось. И нынѣ бъ прислалъ къ намъ кунъ (денегъ) больше того, что еже лѣта къ намъ присылаешь. А русскихъ людей у насъ никого не осталось: Иванъ Черемисиновъ (астраханскій воевода) перебаялъ, взялъ

---

[1]) Вив. 29 ч. 268 с.

всѣхъ..... и не отдаетъ, а наши улусы оголодали.... и нашихъ людей Татаръ емлетъ же (Черемисиновъ), а оманываетъ ихъ: язъ, де, васъ стану кормити" [1]. При такихъ условіяхъ положеніе Измаила было очень тяжелое: съ одной стороны, ему грозила опасность отъ крымскаго хана, къ которому бѣжало довольно много недовольныхъ мирзъ и простыхъ Ногайцевъ, которые всегда могли навести на него хана; съ другой стороны, онъ опасался Юнуса и его приверженцевъ посреди Ногайцевъ, которые чрезвычайно любили его и не скрывали этого; къ этому присоединился голодъ между людьми и моръ посреди животныхъ, которыя составляли все богатство этого полукочеваго племени. Въ подобныхъ обстоятельствахъ Измаилъ и вліятельные Ногайцы „приговорили" построить городъ на устьѣ Волги для защиты оставшихся при князѣ людей, боявшихся нападеній со стороны крымскаго хана. Но такъ какъ оказалось, что сами Ногайцы „городоваго дѣла не знаютъ" и людямъ, которымъ жить въ городѣ, „безъ запасу съѣстнаго и безъ судовъ быти нельзѣ", то послѣдовало обращеніе Измаила въ Москву за деньгами, хлѣбомъ, сосновымъ лѣсомъ и за мастерами для построенія домовъ Ногайцамъ; при этомъ была повторена старая просьба о пушкахъ и пищальникахъ [2]. Изъ Россіи и на этотъ разъ, какъ и прежде *), по приказанію царя, присла-

---

[1]) Ibid. 29 ч. 271, 279—280, 283, 284, 302 сс.

[2]) Ib. 29 ч. 296—298, 304; 30 ч. 11—13, 18—19, 32, 63.

*) Припасовъ Ногайцамъ присылаемо было въ это время довольно много; такъ, за одинъ разъ (авг. 1557 г.) Измаилу прислано было, по царской грамотѣ, 50 четвертей крупъ, 50 четв. толокна, 50 пудъ меду, 50 четв. ржаной муки и 30 четв. пшеницы на сѣмена (Вив. 29 ч. 289 с).

ли Ногайцамъ хлѣбъ, зимнюю и лѣтнюю одежду, суда и пищальниковъ; но ни о сосновомъ лѣсѣ, ни о мастерахъ для построенія укрѣпленнаго города—извѣстій нѣтъ. По всей вѣроятности, и въ настоящее время, какъ прежде, въ планъ русской политики относительно степныхъ обитателей Поволжья не входило помогать имъ въ сооруженіи крѣпостей, которыя при случаѣ могли быть употреблены противъ самой Россіи [1]).

Но, кормя и обувая большое количество людей въ ордѣ, чтобы удержать Ногайцевъ отъ вторженій въ предѣлы Россіи и отъ соединенія съ крымскимъ ханомъ, царь постарался вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить въ это время и характеръ своихъ отношеній къ ногайскимъ князьямъ. Мы встрѣчались уже съ тономъ, какой въ тридцатыхъ годахъ XVI ст. позволяли себѣ иные мирзы въ своихъ сношеніяхъ съ русскими государями; выраженія же, которыя употреблялись въ то время въ грамотахъ къ царю ногайскими князьями, были еще рѣзче и оскорбительнѣе, такъ что бояре въ малолѣтство Іоанна IV въ отвѣтныхъ грамотахъ отъ имени царя иногда замѣчали объ этомъ ногайскому князю [2]). Около половины XVI вѣка (1556 г.) ногайскій князь Измаилъ и старшій сынъ его Магметъ мирза въ своихъ грамотахъ къ царю, рядомъ съ неосновательнымъ притязаніемъ на плату имъ ежегодно „съ Казани двадцати сотъ рублевъ", отнеслись къ царю одинъ съ правами отца, а другой съ правомъ

---

[1]) Ib. 28 ч. 65 с; 29 ч. 289, 292; 30 ч. 5, 31, 36.

[2]) См. грамоты къ великому князю отъ ногайскаго князя Шійдяка (Сеидъ Ахмета) 1536 г. Вивл. 27 ч. 250 и 291 сс.

уже и крымскій царь великаго князя государемъ же назоветъ". Послѣ этого въ своей грамотѣ къ царю Измаилъ пишетъ такъ: „Государю нашему царю и великому князю отъ Измаила князя"; далѣе, въ этой же грамотѣ онъ проситъ, чтобъ царь „велѣлъ Юнуса крѣпко беречи". А московскій посолъ, отправленный съ тѣмъ, чтобы „наводить" Измаила, исполнивъ свое порученіе, пишетъ къ царю въ Москву: „Дай Богъ, ты, государь, здоровъ былъ на многи лѣта, Измаилъ князь тебѣ государю холопъ со всѣми Нагаи" [1]).

Въ первый періодъ борьбы Измаила съ Юнусомъ, когда послѣдній еще находился въ союзѣ съ Дербышемъ, посреди мирзъ и улусныхъ людей господствовала чрезвычайная подвижность: они безпрестанно переходили къ Юнусу и въ Крымъ [2]). Измаилъ между тѣмъ стремился всѣми способами удержать ихъ у себя, или вслѣдствіе того, что онъ могъ, какъ обыкновенно кочевники, видѣть въ нихъ свое родовое имущество и потеря каждаго человѣка могла для него быть потерею личной собственности [3]), или потому, что ими отчасти обусловливалась его сила въ войнѣ съ племянникомъ. Такъ какъ Измаилъ большую часть года проводилъ обыкновенно на Волгѣ *), то поэтому въ его глазахъ получаютъ большое значеніе тѣ мѣста, гдѣ Ногайцы могли переправляться чрезъ эту

---

[1]) Вивл. 30 ч. 20—21, 26, 29 сс.

[2]) Ник. л. VII, 251, 256 сс. Вивл. 29 ч. 279, 283.

[3]) «Историч. обозр. Ойратовъ» Іакинфа 215 с.

*) Измаилъ самъ впослѣдствіи говоритъ: «Въ году большую часть живу на Волгѣ: на Яикѣ живу три мѣсяцы, а на Волгѣ живу девять мѣсяцевъ». Вив. 30 ч. 182 с.

рѣку, т. е. перевозы. Мы говорили уже о томъ, что ногайскіе мирзы лѣтомъ располагались со своими улусами для кочевья по рѣкамъ вслѣдствіе обилія по ихъ берегамъ богатыхъ пастбищъ. Естественно, что чѣмъ значительнѣе была рѣка, тѣмъ большее число Ногайцевъ располагалось по ней и тѣмъ дольше они оставались на ней. Вслѣдствіе этого нѣкоторыя рѣки пользовались особенною ихъ привязанностью, и мы чаще всего встрѣчаемъ ихъ расположенными здѣсь либо на все лѣто, либо на время болѣе или менѣе продолжительное. Изъ притоковъ Волги между такими рѣками, повидимому, болѣе всего обращали на себя вниманіе Ногайцевъ р. Самара и отчасти р. Большой Иргизъ (обѣ эти рѣки впадаютъ въ Волгу съ лѣвой стороны [1]). Располагаясь своими кочевьями на лѣто по рѣкѣ, Ногайцы легче всего могли подыскать здѣсь мѣсто, удобное для переправы, и приготовить даже иногда нѣчто въ родѣ плотовъ для перевоза черезъ Волгу [2]). Но, кромѣ значительныхъ притоковъ, впадающихъ съ лѣвой стороны въ Волгу, на ней было мѣсто, имѣвшее большое значеніе не только для Ногайцевъ, кочевавшихъ по этой рѣкѣ, но и для соплеменныхъ имъ крымскихъ Татаръ: мѣсто это—Переволока, гдѣ Волга

---

[1]) Вивл. 27 ч. 347; 28 ч. 220; 29 ч. 29, 36—37, 154 сс.

[2]) Ibid. 27 ч. 278 с. По донесенію русскаго посла, «мирзы, которые кочуютъ по Волгѣ, дѣлаютъ суды и хотятъ за Волгу перевестись ратью противъ лѣтовища». По всей вѣроятности, здѣсь должно разумѣть не суда въ буквальномъ смыслѣ: ихъ, по словамъ Измаила, Ногайцы совсѣмъ не имѣли (Вив. ч. 29, 110 с.),—а нѣчто въ родѣ плотовъ, о которыхъ разсказываютъ путешественники XV ст., какъ о сооруженіяхъ Татаръ для переправы черезъ Волгу. Библ. ин. писат. I, Барбарини 39 с., Контарини 97 с.

сближается съ другою значительною рѣкою, впадающею въ Азовское море, съ Доном. Если нѣкоторые изъ ногайскихъ мирзъ были почему-либо недовольны своимъ князем и желали перебраться въ Крымъ, то имъ выгоднѣе всего было переправиться около этого мѣста, затѣмъ перейти незначительное пространство степи до Дона, потомъ берегомъ этой рѣки спуститься къ Азовскому морю и здѣсь соединиться съ крымскими Татарами, которые на осень обыкновенно выходили кочевать за предѣлы Таврическаго полуострова [1]). Когда Ногайцы хотѣли соединиться съ крымскими Татарами для грабежа русскихъ окраинъ, то это мѣсто также могло быть сподручнѣе всего для тѣхъ и для другихъ. Въ глазахъ крымскихъ хановъ Переволока получила значеніе еще со времени независимаго существованія Казани и Астрахани, ибо отсюда они могли всего удобнѣе подыматься до Казани или спускаться къ Астрахани [2]). Поэтому перевозы вообще, особенно же въ указанныхъ мѣстахъ, получаютъ большое значеніе въ глазахъ ногайскаго князя, а также и Москвы, ибо въ настоящемъ случаѣ интересы русскаго государя сходились съ интересомъ Измаила князя: не допускать перехода Ногайцевъ въ Крымъ, чтобы не усиливать крымскаго хана новыми улусами,—напротивъ, удерживать Ногайцевъ въ зависимости отъ Измаила, вѣрность котораго царю была уже не разъ испытана. Но Измаилу невозможно было самому удержать Ногайцевъ отъ переходовъ: для этого нужны были средства, которыми онъ не обладалъ;

---

[1]) Вив. 30 ч. 23, 102 с.
[2]) Ibid. 28 ч. 155, 330 сс.

необходимо было на нѣкоторыхъ перевозахъ держать вооруженныхъ людей, которые бы постоянно стерегли ихъ и не позволяли Ногайцамъ переходить или перевозиться черезъ Волгу ни въ этихъ, ни въ какихъ-либо другихъ мѣстахъ. Вслѣдствіе этого Измаилъ, послѣ торжества надъ своимъ братомъ Юсуфомъ и возведенія на астраханскій престолъ Дербыша (1555 г. май), проситъ государя, чтобъ онъ поставилъ „на всѣхъ перевозѣхъ по двѣсти человѣкъ" стеречь, чтобъ враги „не пришли водянымъ путемъ". Въ слѣдующемъ году (1556 г. декабрь) ногайскій князь Измаилъ обращаетъ вниманіе царя на особенно важные пункты на Волгѣ, въ которыхъ, по его мнѣнію, государю слѣдуетъ построить города и водворить воеводъ, для наблюденія за тѣмъ, чтобы враждебные ему мирзы, „отъѣхавшіе" отъ него, не переходили черезъ Волгу ни съ правой стороны на лѣвую, ни обратно. Эти мѣста слѣдующія: „на самарскомъ устьѣ", „на Переволокѣ" и „на Иргизѣ" [1]). Но помимо ногайскихъ интересовъ, близкихъ въ это время для Москвы, нѣкоторые изъ этихъ пунктовъ были не безъ серіознаго значенія для Россіи еще и потому, что въ здѣшнихъ мѣстахъ производились казаками иногда нападенія съ цѣлью грабежа на суда и торговые караваны, плывшіе изъ Казани въ Астрахань и обратно *). Поэтому государь отвѣчалъ Изма-

---

[1]) Вив. 29 ч. 154, 190, 210 сс.

*) Посолъ Савастьянъ, отправленный въ 1551 г. къ астраханскому царю, увѣдомляетъ, что на ихъ караванъ по дорогѣ изъ Казани въ Астрахань «противъ Иргизскаго устья, въ стругѣхъ пришелъ князь Василій Мещерскій да казакъ Личюга хромой, путивлецъ», которые овладѣли Ямгурчеевымъ судномъ и убили при этомъ всѣхъ находившихся на немъ людей. Ib. 28 ч. 325 с.

ину обѣщаніемъ (1556 г. январь), что онъ „въ тѣхъ мѣстахъ, учиня крѣпости, велитъ многимъ людемъ стояти и беречи бѣглыхъ мирзъ на крѣпко“ [1]). Но подоспѣла ливонская война (1557 г. ноябрь), потребовавшая вниманія царя, и постройка городовъ на Волгѣ была отложена; ограничились лишь тѣмъ, что (1557 г. янв.) послали атамана Ляпуна Филимонова на волжскую Переволоку, а стрѣлецкаго сотника Степана Кобелева на Иргизъ, „со многими людьми“, которымъ было поручено стоять на Волгѣ до осени и „беречи Нагаи отъ русскихъ казаковъ и отъ крымскихъ.... чтобъ имъ лиха не было“; кромѣ того, имъ велѣно было помогать Измаилу противъ его непріятелей и перевозить пословъ [2]). Мѣры эти имѣли большое значеніе для Измаила, которому нужно было удерживать своихъ Ногайцевъ отъ перехода въ сосѣднія земли, особенно въ Крымъ, куда въ это время они стремились съ такою силою, что ногайскій князь боялся зимою оставаться около Волги, „потому“, писалъ онъ царю, „какъ Волга станетъ, люди мои по льду перелѣзутъ, да въ Крымъ пойдутъ“ [3]) Какъ бы то ни было, но въ настоящее время уже были намѣчены мѣста, на которыхъ впослѣдствіи возникли города—крѣпости съ воеводами и населеніемъ, состоявшимъ по преимуществу изъ военныхъ людей. Судьба, постигшая вскорѣ атамана Ляпуна Филимонова на Волгѣ—его убили казаки-разбойники вмѣстѣ съ его товарищами, обманомъ заманивъ ихъ къ себѣ [4])—должна была показать царю

---

[1]) Ibid. 215—216.

[2]) Ник. л. VII, 1557 г. (278—279). Вив. 29 ч. 253—254 сс.

[3]) Вив. 30 ч. 18—19, 53, 63, 72 сс.

[4]) Ник. л. VII, 1557 г. (286—287 сс.).

всю недостаточность его распоряженія и необходимость осуществить его намѣреніе относительно построенія городовъ—крѣпостей на Волгѣ. Но разгорѣвшаяся ливонская война и послѣдовавшія за тѣмъ войны съ Швеціею и Польшею заставили государя отложить это дѣло до болѣе благопріятнаго времени. На Волгѣ же и по нѣкоторымъ другимъ рѣкамъ пока учреждены были постоянныя сторо́жи съ станичными головами, вожами, позднѣе со стоялыми головами, „которые своими разъѣздами должны были обхватывать все пространство отъ Волги до Вороны, Оскола и Донца“ [1]). Быть можетъ, государь не спѣшилъ въ то время построеніемъ городовъ еще и потому, что полагался вполнѣ на испытанную преданность князя Измаила, который могъ сдерживать своихъ Ногайцевъ отъ нападеній на русскія окраины. Впослѣдствіи самъ Измаилъ уже не напоминаетъ царю объ его обѣщаніи, вѣроятно, потому, что ему нелегко приходилось и отъ одной Астрахани, куда отъ него то и дѣло уходили люди, и ему, вслѣдствіе этого, трудно было ладить съ русскими воеводами; должно быть, поэтому Измаилъ позднѣе только и настаиваетъ въ своихъ грамотахъ въ Москву на томъ, чтобы астраханскимъ воеводамъ велѣно было по перевозамъ стеречь „Волгу на крѣпко“ и безъ его дозволенія не перевозить Ногайцевъ [2]). Волжскіе перевозы охранялись сперва довольно исправно, и у князя Измаила, не смотря на нерасположеніе къ нему въ послѣднее время Ногайцевъ, улу-

---

[1]) Чт. Общ. Ист. и Др. 1846 г. IV. «О станичной и сторожевой службѣ», И. Д. Бѣляева, стр. 21—22.

[2]) Ibid. 30 ч. 40, 67, 72—73, 81, 92, 117, 120—121 сс.

илу обѣщаніемъ (1556 г. январь), что онъ „въ тѣхъ мѣстахъ, учиня крѣпости, велитъ многимъ людемъ стояти и беречи бѣглыхъ мирзъ на крѣпко“ [1]). Но подоспѣла ливонская война (1557 г. ноябрь), потребовавшая вниманія царя, и постройка городовъ на Волгѣ была отложена; ограничились лишь тѣмъ, что (1557 г. янв.) послали атамана Ляпуна Филимонова на волжскую Переволоку, а стрѣлецкаго сотника Степана Кобелева на Иргизъ, „со многими людьми“, которымъ было поручено стоять на Волгѣ до осени и „беречи Нагаи отъ русскихъ казаковъ и отъ крымскихъ.... чтобъ имъ лиха не было“; кромѣ того, имъ велѣно было помогать Измаилу противъ его непріятелей и перевозить пословъ [2]). Мѣры эти имѣли большое значеніе для Измаила, которому нужно было удерживать своихъ Ногайцевъ отъ перехода въ сосѣднія земли, особенно въ Крымъ, куда въ это время они стремились съ такою силою, что ногайскій князь боялся зимою оставаться около Волги, „потому“, писалъ онъ царю, „какъ Волга станетъ, люди мои по льду перелѣзутъ, да въ Крымъ пойдутъ“ [3]) Какъ бы то ни было, но въ настоящее время уже были намѣчены мѣста, на которыхъ впослѣдствіи возникли города—крѣпости съ воеводами и населеніемъ, состоявшимъ по преимуществу изъ военныхъ людей. Судьба, постигшая вскорѣ атамана Ляпуна Филимонова на Волгѣ—его убили казаки-разбойники вмѣстѣ съ его товарищами, обманомъ заманивъ ихъ къ себѣ [4])—должна была показать царю

---

[1]) Ibid. 215—216.

[2]) Ник. л. VII, 1557 г. (278—279). Вив. 29 ч. 253—254 сс.

[3]) Вив. 30 ч. 18—19, 53, 63, 72 сс.

[4]) Ник. л. VII, 1557 г. (286—287 сс.).

всю недостаточность его распоряженія и необходимость осуществить его намѣреніе относительно построенія городовъ—крѣпостей на Волгѣ. Но разгорѣвшаяся ливонская война и послѣдовавшія за тѣмъ войны съ Швеціею и Польшею заставили государя отложить это дѣло до болѣе благопріятнаго времени. На Волгѣ же и по нѣкоторымъ другимъ рѣкамъ пока учреждены были постоянныя сторóжи съ станичными головами, вожами, позднѣе со стоялыми головами, „которые своими разъѣздами должны были обхватывать все пространство отъ Волги до Вороны, Оскола и Донца“ [1]). Быть можетъ, государь не спѣшилъ въ то время построеніемъ городовъ еще и потому, что полагался вполнѣ на испытанную преданность князя Измаила, который могъ сдерживать своихъ Ногайцевъ отъ нападеній на русскія окраины. Впослѣдствіи самъ Измаилъ уже не напоминаетъ царю объ его обѣщаніи, вѣроятно, потому, что ему нелегко приходилось и отъ одной Астрахани, куда отъ него то и дѣло уходили люди, и ему, вслѣдствіе этого, трудно было ладить съ русскими воеводами; должно быть, поэтому Измаилъ позднѣе только и настаиваетъ въ своихъ грамотахъ въ Москву на томъ, чтобы астраханскимъ воеводамъ велѣно было по перевозамъ стеречь „Волгу на крѣпко“ и безъ его дозволенія не перевозить Ногайцевъ [2]). Волжскіе перевозы охранялись сперва довольно исправно, и у князя Измаила, не смотря на нерасположеніе къ нему въ послѣднее время Ногайцевъ, улу-

---

[1]) Чт. Общ. Ист. и Др. 1846 г. IV. «О станичной и сторожевой службѣ», И. Д. Бѣляева, стр. 21—22.

[2]) Ibid. 30 ч. 40, 67, 72—73, 81, 92, 117, 120—121 сс.

совъ было довольно много; быть можетъ, самое нерасположеніе со стороны Ногайцевъ обусловливалось отчасти тѣмъ, что онъ не дозволялъ своимъ мирзамъ и улусамъ нападать на русскіе предѣлы и грабить ихъ въ то время, какъ Ногайцы терпѣли большія лишенія отъ голоду и мору среди своихъ животныхъ. Когда же вниманіе царя стало все болѣе и болѣе отвлекаться другими дѣлами и перевозы на Волгѣ перестали бдительно охраняться, достаточнымъ оказалось года, чтобъ его улусы разбрелись по сосѣднимъ ордамъ и такимъ образомъ оправдались слова русскаго посла, который за годъ предъ этимъ говорилъ въ своемъ донесеніи: „А людьми, государь, Измаилъ князь и дѣти его еще сильны, улусовъ, государь, у нихъ добрѣ много..... да только твоего къ Измаилу береженья не будетъ, ино, государь, улусомъ ихъ разойтись"; но прошествіи года (1559 г.) тотъ же посолъ пишетъ въ Москву: „А Наган, государь, всѣ пропали, немного ихъ осталось съ Измаиломъ и съ дѣтьми; да и тѣ въ розни, дѣти Измаила (въ то время больнаго) не слушаютъ..... а улусы Измаила метаются, грозятъ ему, хотятъ бѣжать въ Крымъ" [1]). Одною изъ мѣръ, которыя употреблялъ Измаилъ для установленія и поддержанія согласія въ ногайской ордѣ, было—высылать непокорныхъ ему мирзъ въ Москву къ царю, съ просьбою держать ихъ у себя. Въ Москвѣ старались пользоваться ихъ воинственностію и храбростью, и нѣкоторые мирзы оказались столь „къ ратному дѣлу досужи", что государь самъ уже привлекаетъ на службу не только мирзъ, почему-либо не поладившихъ съ

---

[1]) Ib. 30 ч. 19—20, 40, 60—63, 71—72 сс.

княземъ, но и отряды простыхъ Ногайцевъ, которыхъ онъ вмѣстѣ съ своимъ войскомъ отправляетъ на войну противъ непріятелей.

Что касается отношеній Россіи къ Ногайцамъ за это время, то они продолжали развиваться въ томъ же направленіи, какъ и прежде. Царь, по просьбѣ Измаила и мирзъ, постоянно высылалъ имъ деньги, одежду *) и разнаго рода хлѣбъ **). Ногайцы до того привыкли къ этимъ посылкамъ изъ Россіи, что стали смотрѣть на нихъ, какъ на жалованье имъ отъ государя за ихъ службу и впослѣдствіи даже домогаются прибавки, на томъ основаніи, что нѣкоторые мирзы, поступившіе на государеву службу въ Москвѣ, получаютъ больше жалованья, чѣмъ они [1]). Князь и мирзы уже заявляютъ требованія, чтобъ дочерямъ ихъ, при выдачѣ замужъ, присылали изъ Москвы платье и деньги на приданое; при рожденіи у князя дѣтей—новыя просьбы о назначеніи жалованья этимъ послѣднимъ и о присылкѣ имъ изъ Москвы особыхъ подарковъ [2]).

Вслѣдствіе постоянныхъ сношеній Ногайцевъ съ Россіею, отъ которой они получали все, начиная съ оружія и кончая хлѣбомъ, должны были обнаружиться нѣкоторые результаты этихъ продолжительныхъ сношеній. Замѣтно становится, что Ногайцы начинаютъ постепенно поддаваться вліянію Россіи, которое прежде было незамѣтно. Такъ, князь Измаилъ неза-

---

*) Ногайцамъ изъ Россіи присылались главнымъ образомъ: шубы, однорядки и поставы суконъ.

**) Хлѣбъ, высылаемый Ногайцамъ, былъ: пшеница, рожь, мука, крупа и толокно.

[1]) Вив. 30 ч. 31, 36, 171, 204, 239, 261, 283; 31 ч. 44, 46 сс.

[2]) Ib. 30 ч. 171, 254; 31 ч. 22 стр.

долго до своей смерти (1562 г.) просить царя прислать ему, „что лѣтѣ носить опашень зуфной *) добрый“, прибавляя при этомъ, что до сихъ поръ онъ „опашня зуфнаго не нашивалъ“. Эта одежда такъ понравилась Ногайцамъ, что впослѣдствіи въ ногайскихъ грамотахъ не одинъ разъ встрѣчаемъ просьбы мирзъ о присылкѣ имъ ея. Кромѣ лѣтней русской одежды, Ногайцы стали привыкать и къ зимней: около этого же времени они начинаютъ просить въ своихъ грамотахъ о присылкѣ имъ кожуховъ. Далѣе мы видимъ, что среди Ногайцевъ, по словамъ Измаила князя, увеличилось число людей некочевыхъ“ [1]). Рядомъ съ этимъ, и отношенія представителей ногайской орды къ Россіи принимаютъ другой тонъ, другое направленіе. Это отчасти можно видѣть изъ послѣднихъ словъ князя Измаила, которыя переданы были, по его приказанію, государю (1563 г. октяб.): Измаилъ поручаетъ своихъ дѣтей царю, который долженъ рѣшить, „кому на которомъ улусѣ быти; и о всемъ о томъ велѣлъ имъ смотрѣти на тебя (т. е. на царя) и слушать во всемъ. А отъ ихъ недруговъ приказалъ тебѣ, чтобы ты берегъ ихъ“ [2]).

При князѣ Измаилѣ Россія, кормя и одѣвая большую часть вліятельныхъ Ногайцевъ въ ордѣ, могла по крайней мѣрѣ быть спокойна отъ ихъ вторженій и нападеній на свои окраины. Быть можетъ, этою увѣренностію обусловливается отчасти то, что царь не спѣшилъ построеніемъ городовъ въ то время, когда его

---

*) Шерстяной.

[1]) Вив. 30 ч. 40, 227, 232, 270; 31 ч. 17, 25, 77, 102, 126 сс.

[2]) Ibid. 31 ч. 11—12 с.

вниманіе еще не было поглощено западными дѣлами. Не то наступило при сыновьяхъ Измаила. Послѣ него ногайскимъ княземъ сталъ старшій сынъ его Тинахметъ; второй сынъ, Урусъ, сдѣланъ былъ нурадыномъ еще при жизни своего отца и теперь остался имъ. Тинахметъ былъ такой же маловліятельный князь въ ногайской ордѣ, какимъ въ прежнее время былъ его дядя, Юсуфъ князь. Какъ при Юсуфѣ вслѣдствіе слабости его авторитета большое вліяніе среди Ногайцевъ получилъ его братъ Измаилъ, такъ и въ настоящее время выдвинулось вліяніе въ ордѣ брата Тинахметова, нурадына Уруса. Урусъ мирза по своимъ способностямъ довольно сильно выдѣлялся между своими братьями. Еще при жизни самаго старшаго сына Измаила, Магмета (1558 г.), онъ обратилъ на себя вниманіе русскаго посла, который писалъ царю, что Урусъ мирза „хочетъ служить царю, „гдѣ государь ему велитъ"; при этомъ посолъ отзывался о немъ, какъ о „лучшемъ изо всей братьи къ ратному дѣлу" [1]). По рожденію оттѣсненный своими братьями, этотъ энергическій и честолюбивый мирза въ то время уже старался выдѣлиться изъ среды своихъ меньшихъ братьевъ и стремился пріобрѣсти расположеніе русскаго царя, надѣясь, по всей вѣроятности, получить отъ него за свою ревность много денегъ, оружія, богатыхъ сѣделъ и шубъ. Но, должно быть, его преувеличенныя надежды не исполнились, потому что впослѣдствіи (1562 г.) онъ жалуется въ грамотѣ къ царю, что царь его „жалованьемъ оскудилъ", и проситъ, чтобы къ нему отдѣльно отъ отца и отъ старшаго брата, Магмета

---

[1]) Ibid. 30 ч. 20 с.

смерти притязанія его должны были увеличиться. Уже въ послѣднее время жизни Измаила княжескій авторитетъ вслѣдствіе болѣзни и слабости князя значительно ослабѣлъ въ ордѣ, и поэтому, вѣроятно, самъ царь сталъ сноситься съ отдѣльными мирзами, которые начали требовать присылки къ нимъ отдѣльныхъ пословъ и увеличенія жалованья себѣ и своимъ слугамъ *). Послѣ же смерти Измаила авторитетъ его преемника, Тинахмета князя, былъ такъ незначителенъ въ ордѣ, что братъ его Урусъ перезывалъ отъ него къ себѣ нѣкоторыхъ мирзъ, съ которыми потомъ кочевалъ вмѣстѣ [1]). Вслѣдствіе упадка между Ногайцами княжескаго авторитета, въ Москвѣ стали входить въ соглашенія съ отдѣльными вліятельными мирзами и склонять ихъ къ сепаратнымъ договорамъ съ Россіею, которыми ихъ обязывали „караулить по Волгѣ лѣтомъ и зимою, гдѣ они кочуютъ..... и хотя Тинахметъ князь и Урусъ мирза (нурадынъ) или иные ногайскіе мирзы станутъ государю измѣняти, имъ (т. е. присягающимъ), на нихъ войною приходити..... и людей ихъ на государеву украйну и чрезъ Волгу не пропущати и ихъ побивати“ [2]). Понятно, что вслѣдствіе подобныхъ сношеній должно было значительно увеличиться количество боярскихъ дѣтей, отправлявшихся послами къ ногайскимъ мирзамъ (до восьми). Но эта система, кро-

*) Въ это время такъ писали мирзы въ Москву: «и нынѣ только мою мысль просвѣтишь многимъ своимъ жалованьемъ..... и язъ впередъ тебѣ много службу свою учиню». (Затѣмъ исчисляется то, чего требуетъ пишущій: вооруженія, сѣделъ, шубъ, суконъ и пр.) «Инобы и у слугъ моихъ мысли просвѣтились твоимъ жалованьемъ». Вив. 31 ч. 35 с.

[1]) Ib. 31 ч. 183 с.

[2]) Ib. 31 ч. 196—197 сс.

чего онъ „гнѣвенъ". При этомъ Урусъ послалъ въ Москву пословъ отъ четырехъ женъ своихъ и отъ трехъ сыновей, въ надеждѣ, что ихъ хорошо одарятъ въ Москвѣ. Но послы отъ его женъ и дѣтей не были приняты; къ нему же самому на этотъ разъ отправили изъ Москвы боярскаго сына, при чемъ въ грамотѣ, посланной къ нему, царь замѣтилъ, чтобъ онъ „непригожихъ словъ не писалъ" („что твой гнѣвъ"), и что только вѣжливостью ему можно будетъ добиться прибавки себѣ жалованья [1]). Незадолго до смерти Измаила Урусъ мирза сталъ нурадыномъ, и ему поручена была Волга; объ этомъ онъ самъ увѣдомляетъ царя, прибавляя, что теперь станетъ „опричненно посылати своихъ пословъ и людей". Въ этой грамотѣ, послѣ просьбы прислать денегъ, платья, суконъ и хлѣба, онъ, между прочимъ, говоритъ: „тебѣ не бить челомъ, у тебя не просить, да у кого намъ просить? Какъ отцу моему, такъ и мнѣ.... ." Но, не смотря на его нурадынство, изъ Москвы ему присылали меньше, чѣмъ его отцу и старшему брату Тинахмету мирзѣ, который послѣ Измаила долженъ былъ сдѣлаться ногайскимъ княземъ. Этого не могъ выносить Урусъ, и вотъ, еще при жизни своего отца, онъ требуетъ, чтобъ царь его „смотрилъ ровно съ отцомъ и съ большимъ братомъ", говоря, что онъ, Урусъ, „много гнѣвенъ за то", что изъ Москвы ему присылаютъ не то же, что отцу и его старшему брату [2]).

Если Урусъ мирза при жизни своего отца заявлялъ такія претензіи, то понятно, что послѣ Измаиловой

---

[1]) Вив. 30 ч. 187, 211, 218, 272, 295, 306 сс.
[2]) Вив. 31 ч. 31—32 сс.

цевъ дошло до того, что собственный сынъ Уруса мирзы въ своей грамотѣ къ царю пишетъ: „а у меня своихъ воинскихъ людей двадцать тысячъ..... а мнѣ до отца своего до Уруса дѣла нѣтъ и до дяди своего до князя дѣла нѣтъ же“, и проситъ, чтобъ ему государь „прислалъ много денегъ, много шубъ и много добрыхъ однорядокъ..... да сѣдло золотомъ писано“. Сама Москва поэтому старается поддерживать между Ногайцами авторитетъ князя и нурадына, и царь отвѣчаетъ Урусову сыну на его грамоту такъ: „пишешь къ намъ въ своей грамотѣ, что у тебя многіе люди, а тебѣ дѣла нѣтъ ни до отца твоего, ни до дяди, и ты то пишешь молодымъ умомъ: тебѣ пригоже слушать во всемъ дяди своего Тинахмета князя и отца своего Уруса; хотя кто и старѣе тебя былъ въ Нагаехъ, и тѣмъ всѣмъ пригоже начальныхъ людей въ Нагаехъ слушать и чтить,—дядю твоего, что онъ князь, а отца твоего, что онъ нурадынъ въ Нагаехъ“. Въ другой разъ государь пишетъ другому мирзѣ, который проситъ, чтобъ его въ Москвѣ „своимъ жалованьемъ ровно смотрили съ Урусъ мирзою“: „а съ Урусомъ тебѣ въ равенствѣ быти не пригоже: Урусъ тебѣ дядя, а се въ ногайской ордѣ нурадынъ“ [1]). Кромѣ того, при заключеніи отдѣльныхъ договоровъ съ ногайскими мирзами Россія далеко не пріобрѣтала безопасности отъ ногайскихъ вторженій, потому что договаривавшіеся мирзы либо посылали въ Крымъ своихъ Ногайцевъ, которые вмѣстѣ съ Крымцами пустошили русскіе предѣлы, либо улусы ихъ сами вторгались, при чемъ мирзы сваливали вину на Юсуфовыхъ дѣтей, на

---

[1]) Ib. 31 ч. 269, 296, 304, 309, 311 сс.

мѣ того, что соединена была съ бо́льшими расходами— немаловажное обстоятельство для расчетливаго московскаго правительства *)—иногда возбуждала противъ Москвы неудовольствіе князя и нурадына. Первый сердился на то, что „государь жалуетъ Уруса и сверсталъ его“ съ нимъ, княземъ, и дѣтей Урусовыхъ жалуетъ больше его, между тѣмъ какъ онъ „лѣты его больши“, о чемъ и царь знаетъ; поэтому „пригоже ли“ Уруса дѣлать больше его, князя? Второй требовалъ, чтобъ царь свое жалованье и посла присылалъ къ нему одному, „а къ инымъ мирзамъ не посылалъ“; что онъ, Урусъ, отъ себя уже станетъ имъ раздавать государево жалованье и будетъ „уимать“ тѣхъ изъ нихъ, которые съ нимъ кочуютъ [1]). Иной мирза обижался тѣмъ, „что меньшимъ мирзамъ жалуется изъ Россіи много платья и суконъ, и меду, и запасу хлѣбнаго“, а ему присылаютъ всего этого „передъ ними скудно“; младшій, въ свою очередь, бывалъ иногда недоволенъ тѣмъ, что его „бо́льшимъ братьямъ всѣмъ прибавили жалованье“, а ему совсѣмъ нѣтъ, хотя онъ „проступка своего не вѣдаетъ“; правда, „онъ меньше всѣхъ“, но, кромѣ этого, въ немъ никакого „иного зароку нѣтъ“ [2]). Ослабленіе всякаго авторитета среди Ногай-

*) До какой значительности могли доходить расходы московскаго правительства по одариванію разныхъ мирзъ и ихъ семей, можно судить изъ того, что у всякаго мирзы было по нѣскольку женъ (изъ коихъ одна была любимая), по 7 или по 9 сыновей, по 8 или по 14 дочерей; кромѣ того, у каждаго была своя фаланга родственниковъ и любимцевъ, которыхъ тоже приходилось одаривать. См. Вив. 31 ч. 217, 234, 235, 242, 280 сс.

[1]) Ib. 31 ч. 180, 182, 216 сс.

[2]) Ib. 31 ч. 159, 162 сс.

на наши украйны пошлете, а въ иной годъ съ Казыемъ и съ его братьею, съ азовскими людьми, на наши украйны ваши люди придутъ". Въ этой же грамотѣ (а также въ другой—къ Тинахмету князю) содержится и объясненіе царскаго снисхожденія: онъ проситъ у Ногайцевъ въ помощь противъ Шведовъ отрядъ въ 1500 человѣкъ „съ которымъ мирзою, съ добрымъ или съ двумя" [1]).

Не смотря на перемѣну князя у Ногайцевъ и на то, что вниманіе царя было большею частью отвлечено западными дѣлами, отношенія ихъ къ Россіи, разъ принявши опредѣленное направленіе, продолжали въ немъ мало по малу развиваться. Еще Измаилъ незадолго до своей смерти (1562 г.) совѣтуется въ своихъ грамотахъ съ царемъ о томъ, гдѣ онъ намѣренъ „годовати", и государь въ своемъ отвѣтѣ указываетъ мѣсто, въ которомъ ему „пригоже зимовати" (Сарайчикъ). Сынъ и преемникъ Измаила, Тинахметъ князь, (въ 1577 г.) испрашиваетъ у государя разрѣшенія относительно мѣста, гдѣ ему съ своими улусами хотѣлось бы кочевать; по поводу же своей зимовки онъ пишетъ царю: „а сеѣ зимы по Яику ли мнѣ велишь зимовати или по Волгѣ, о томъ бы еси ко мнѣ приказалъ съ симъ моимъ человѣкомъ" [2]). Развитіе ногайскихъ отношеній къ Москвѣ въ этомъ направленіи обусловливалось отчасти слабостью князя и его авторитета между Ногайцами, отчасти-же тѣми выгодами, которыя онъ, мирзы и лучшіе улусные люди извлекали отъ своихъ сношеній съ Москвою какъ въ торговомъ, такъ

---

[1]) Ib. 31 ч. 284, 288—289, 293—294 сс.
[2]) Ib. 30 ч. 224, 237; 31 ч. 180, 312 сс.

и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ. При Тинахметѣ князѣ слабость ногайской орды еще не бросается въ глаза потому, что во главѣ Ногайцевъ стоитъ человѣкъ, небогатый энергіею и предпріимчивостью, который не могъ отважиться на энергическое предпріятіе относительно кого-либо изъ своихъ сосѣдей. Не то происходитъ послѣ смерти Тинахмета, когда его братъ, энергическій и предпріимчивый Урусъ, очутился во главѣ Ногайцевъ. Мы видѣли уже, какъ онъ, будучи третьимъ сыномъ, стремился еще при жизни своего отца выдѣлиться между своими братьями; видѣли, что онъ добился присылки къ нему изъ Москвы боярскаго сына, добился нурадынства при жизни отца и своего старшаго брата, и замѣтили тонъ, которымъ онъ сталъ говорить съ русскимъ царемъ, когда тотъ, послѣ нападеній его Ногайцевъ на русскія окраины, сталъ грозить ему войною: въ результатѣ царь, стѣсненный въ это время своими отношеніями къ западнымъ сосѣдямъ, долженъ былъ понизить тонъ своихъ замѣчаній Урусу мирзѣ по поводу грабежей его улусныхъ людей и просить лично у Уруса отряда изъ пятисотъ Ногайцевъ на войну противъ своего „Свейскаго“ недруга.

Изъ наказа, который былъ данъ (1578 г.) русскому послу, отправленному къ новому князю „здоровати на княженье“, можно видѣть, что въ Москвѣ не обманывались относительно Уруса князя и его расположенія къ Россіи. Послу велѣно было между прочимъ провѣдывать тайно объ отношеніяхъ новаго князя къ Крыму, не намѣренъ ли Урусъ измѣнить государю и не собирается ли онъ на русскія украйны; въ послѣднемъ случаѣ дать объ этомъ знать въ Москву чрезъ

служилаго татарина, которыхъ нѣсколько человѣкъ предоставлено было въ его распоряженіе [1]). Въ послѣдующихъ сношеніяхъ съ княземъ Урусомъ царь продолжаетъ относиться къ нему недовѣрчиво, хотя и проситъ у него присылки вспомогательнаго отряда (1500 человѣкъ) противъ своихъ западныхъ сосѣдей—непріятелей; снова русскому послу поручается наблюдать, не собирается ли самъ Урусъ или кто—либо изъ его мирзъ на русскія украйны. На слѣдующій годъ (1579 г.) въ присутствіи русскихъ пословъ, отправленныхъ изъ Москвы къ князю и къ мирзамъ, уже обнаружилась ненадежность ихъ расположенія къ Россіи. Теперь, какъ не разъ и въ прежнее время, неудовольствіе произошло изъ-за поминковъ или жалованья, которое прислано было съ послами въ орду. Князь Урусъ во время представленія ему царскаго посла умышленно велъ себя невѣжливо и на замѣчаніе по этому поводу посла отвѣчалъ: если государь ему не будетъ посылать того, что шло его отцу Измаилу, то это его „послѣднее слово"; затѣмъ онъ отдалъ русскаго посла своему казначею, который ограбилъ его. Точно такъ же держалъ себя одинъ изъ выдающихся ногайскихъ мирзъ въ ордѣ *) на аудіенціи съ другимъ русскимъ посломъ; когда и ему посолъ замѣтилъ объ этомъ, то онъ отвѣчалъ: „государь твой на Москвѣ, а язъ государь въ Нагаехъ, на своей землѣ, на кехковатѣ..... что, де, государь прислалъ мнѣ мало, кабы на лихо"! И этотъ посолъ былъ ограбленъ,

---

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. Ногайс. дѣла, рукоп. № 8, л. л. 193—196.

*) Это былъ кехковатъ (сановникъ, слѣдующій за нурадыномъ) Бекъ Мирза.

какъ и Урусовскій [1]). Всѣ эти выходки переносились въ Москвѣ безъ рѣзкихъ протестовъ со стороны царя, вслѣдствіе того тяжелаго положенія, въ которомъ находилась въ это время Россія, принужденная вести трудную войну съ Баторіемъ и Швеціею за Ливонію. Царь для увеличенія своихъ силъ въ этихъ войнахъ даже обращается снова къ Урусу и къ другимъ мирзамъ, прося прислать ему три тысячи ногайскаго войска и уговорить мирзъ, которые кочуютъ по Волгѣ, чтобы тѣ отъ себя прислали ему воиновъ, не дожидаясь отправленія Урусовскихъ людей. Не знаемъ, сколько воиновъ на этотъ разъ выслалъ Урусъ на помощь царю; извѣстно только, что отрядъ его воиновъ былъ на царской службѣ и черезъ годъ возвратился обратно въ орду [2]).

Болѣе характерное событіе въ исторіи сношеній царя съ ногайскимъ княземъ Урусомъ произошло въ 1581 году; оно ясно показало государю, съ одной стороны, ненадежность послѣднихъ отношеній Ногайцевъ къ Россіи, съ другой—то вліяніе, которое Москва уже успѣла пріобрѣсти среди нихъ вслѣдствіе своихъ продолжительныхъ и разнообразныхъ сношеній съ ними. Въ 1580 году (май) къ князю Урусу отправленъ былъ изъ Москвы боярскій сынъ Петръ Дѣвочкинъ, который былъ задержанъ Урусомъ до тѣхъ поръ, пока не возвратились въ орду Ногайцы, находившіеся у царя на службѣ. По прошествіи года, когда возвратились Урусовы люди, русскому послу велѣно было собираться въ Москву вмѣстѣ съ ногайски-

---

[1]) Арх. Мин. Иност. Д., рук. № 8, л. л. 339, 345, 346.
[2]) Ib. № 8, л. л. 390, 393, 398, 399; № 9 л. 151.

ми купцами и посломъ отъ князя Уруса; но въ это время прибыли новые послы отъ царя къ Урусу и къ нѣкоторымъ ногайскимъ мирзамъ. Согласно московскому обычаю, къ князю Урусу отправленъ былъ служилый татаринъ, такъ какъ отъ него не возвратился еще посланный къ нему боярскій сынъ; къ мирзамъ же, у которыхъ въ это время не находилось русскихъ пословъ, отправлены были изъ Москвы дѣти боярскія. По этому поводу въ ордѣ произошло слѣдующее: Дѣвочкина князь Урусъ призвалъ къ себѣ и сталъ говорить ему „съ великою кручиною" слѣдующее: „коимъ обычаемъ государь вашъ такъ учинилъ: къ мирзамъ прислалъ пословъ дѣтей боярскихъ и поминки сполна, а ко мнѣ не прислалъ посла сына боярскаго, а татарина. Мнѣ за то съ вашимъ государемъ завоеваться,—то безчестье! Государь вашъ вѣдаетъ ли, что язъ въ Ногайской землѣ князь и государь всей землѣ Ногайской,—холопей моихъ мирзъ великими учинилъ, а меня обезчестилъ!" Напрасно объяснялъ ему посолъ московскіе посольскіе обычаи, состоящіе въ томъ, что царь „пословъ на послы не посылаетъ". Урусъ сталъ, послѣ этого собираться на русскія украйны („на мещерскія и рязанскія мѣста") и послалъ своихъ Татаръ къ луговой Черемисѣ уговаривать ее, чтобы она дѣйствовала вмѣстѣ съ нимъ противъ Россіи. Извѣстіе объ этомъ въ Москву Дѣвочкинъ отправилъ съ служилымъ татариномъ. Послѣ этого Ногайцы, по княжескому повелѣнію, ограбили Дѣвочкина, а самъ „Урусъ князь нарядился на Русь воевати..... и на конь сѣлъ". Но явились мирзы вмѣстѣ съ лучшими людьми ногайскими, ссадили князя съ коня и стали ему говорить: „какъ тебѣ идти на Русь! отъ тебя ушелъ гонецъ ве-

ликаго князя (служилый татаринъ, отправленный Дѣвочкинымъ въ Москву), который всѣ ногайскія вѣсти вѣдаетъ,—и нынче на Волгѣ вездѣ сторожи, и онѣ тебя за Волгу не пустятъ; хотя и за Волгу перейдешь, то московскіе люди будутъ наготовѣ" [1]). На этотъ разъ князь хотя и уступилъ доводамъ представителей ногайскаго общественнаго мнѣнія, но не отказался отъ мысли отплатить русскому царю за нанесенную будто бы ему обиду. Вскорѣ послѣ этого „ногайскіе мирзы и лучшіе улусные люди съѣзжались на думу" у князя Уруса относительно похода на русскія окраины; князь и въ Крымъ собирался отправить посла къ хану „подымать его на весну на государеву украйну". Какъ видно, Ногайцы колебались: идти ли имъ въ походъ на отдаленныя русскія области — Алатырь и Темниковъ, или же направиться зимой на сосѣднюю Астрахань. Почти всѣ мирзы были повидимому не прочь отъ того, чтобы поживиться на счетъ Русскаго государства, которое въ это время должно было обратить всѣ свои силы и все вниманіе на тяжелую войну съ Баторіемъ. Между тѣмъ далеко не всѣ Ногайцы склонны были воевать съ Россіею: старые и лучшіе улусные люди разсуждали у нихъ въ это время: „чтобъ князю Урусу и всѣмъ мирзамъ со государемъ и великимъ княземъ не воевать, а только со государемъ воевать—и ихъ землѣ будетъ во всемъ убытокъ". Впослѣдствіи изъ грамотъ самого Уруса можно видѣть, въ чемъ могъ состоять этотъ убытокъ: онъ проситъ царя, чтобъ онъ его Ногайцамъ „ослободилъ ходити съ торгомъ,—къ Москвѣ хо-

[1]) Арх. Мин. Ин. Д., рукоп. № 9, л. л. 151—154, 176.

дили бъ съ лошадьми, а съ овцами и съ коровами ходили бъ въ Казань" [1]). Вслѣдствіе такого настроенія въ ордѣ неудивительно, что князь Урусъ на этотъ разъ отложилъ свой походъ на Россію, болѣе же войнолюбивые изъ его мирзъ и людей въ настоящемъ случаѣ поступили такъ же, какъ и прежде они не разъ поступали: зимою они перешли чрезъ Волгу, соединились съ казыевскими Ногайцами и Крымцами и подъ предводительствомъ крымскихъ царевичей вторглись (1581 г.) въ русскіе предѣлы, пограбили въ волю и увели въ плѣнъ съ собою немало русскихъ людей [2]).

Но въ то время, когда Россія принуждена была все вниманіе свое обратить на западную границу и была не въ состояніи сама себя защищать на восточной окраинѣ, у нея неожиданно появляются здѣсь союзники, отъ которыхъ, правда, немало въ это время доставалось и самой Россіи, но которые, во всякомъ случаѣ, дѣйствовали подъ русскимъ знаменемъ: союзники эти были казаки. Еще въ малолѣтство Грознаго ногайскіе князья и мирзы начинаютъ въ своихъ грамотахъ къ царю жаловаться на то, что мещерскіе и касимовскіе казаки на нихъ приходятъ и „ежегодъ отгоняютъ отъ нихъ и крадутъ животину, деньги" и людей. Жалобы эти повторяются отъ времени до времени, съ указаніемъ на количество лошадей или людей („паробковъ"), увединенныхъ отъ нихъ казаками и севрюками, и съ присоединеніемъ требованія, чтобы государь „унялъ" казаковъ [3]). Мы видѣли, что отъ нападеній казаковъ нема-

---

[1]) Ibid. № 9, л. л. 156, 159, 160; № 10, л. 87.
[2]) Ibid. № 10, л. л. 10, 140, 144, 148—149, 162.
[3]) Вив. 27 ч. 249, 291, 308, 314, 320 сс.; 28 ч. 33, 50, 225 сс

ло терпѣли сами Русскіе и даже ихъ служилые люди*), изъ чего можно заключить объ ограниченности надъ ними русскаго вліянія и власти. При случаѣ они были полезны Москвѣ **), но нерѣдко приносили и значительный вредъ, особенно на Волгѣ, гдѣ ихъ нападенія и грабежи задерживали развитіе торговли путемъ, который по своему значенію былъ пока для Русскаго государства главнымъ.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ и въ началѣ восьмидесятыхъ XVI столѣтія казачьи отряды на Волгѣ начинаютъ становиться многочисленнѣе и предпріятія ихъ вслѣдствіе этого, разумѣется, дѣлаются смѣлѣе: они уже не ограничиваются Волгою, а выступаютъ и по другимъ рѣкамъ. Такъ, Тинахметъ князь жалуется (1577 г.) русскому послу, что „въ Сарайчикъ приходили государскіе люди и надъ его мертвымъ отцемъ изругалися“ [1]). Въ 1581 году казаки нападаютъ снова на Сарайчикъ и на этотъ разъ овладѣваютъ имъ, перебиваютъ жителей, сожигаютъ городъ и разоряютъ ногайскія кладбища. Это навело большой страхъ на Ногайцевъ, и улусные люди стали говорить, что имъ самимъ и ихъ „животинѣ“ отъ русскихъ казаковъ „на Яику и на Волгѣ добрѣ тѣсно“; болѣе же зажиточные изъ нихъ начали сильно осуждать своего князя за то, что онъ „переграбилъ русскихъ пословъ, отстаетъ отъ государя и хочетъ завоеваться съ нимъ; „а только“, говорили они, „государь велитъ казакамъ отняти у насъ Волгу и Самару и Яикъ—и намъ, де, всѣмъ отъ

*) Убійство атамана Ляпуна Филимонова.

**) Такъ, они, какъ мы видѣли, захватили грамоты, отправленныя изъ Казани по смерти Сафа-Гирея въ Крымъ.

[1]) Ib. 31 ч. 179 с.

ковъ пропасти: улусы наши и женъ и дѣтей поеми-
ъ и намъ гдѣ ся дѣти" [1]). Поэтому, когда крымскіе
евичи вмѣстѣ съ пятнадцатью тысячами Ногай-
въ, между которыми были и Урусовскіе, вторглись
ъ русскіе предѣлы и произвели опустошенія, то царь
челъ нужнымъ пригрозить имъ русскими казаками,
при чемъ велѣно было послать къ Урусу князю и къ
мирзамъ станицу служилыхъ татаръ и „жестоко отпи-
сать къ нимъ, какъ они дѣлаютъ не по наказу отца
своего Измаила". Къ Урусу отправлена была изъ
Москвы грамота, въ которой упрекаютъ его въ томъ,
что онъ „свою рать съ крымскими людьми по вся годы"
посылаетъ на Русскую землю, между тѣмъ какъ къ
нему и къ мирзамъ предъ самымъ ихъ вторженіемъ
царь отпустилъ ногайскихъ пословъ вмѣстѣ съ своими
„съ великимъ жалованьемъ". Въ этой же грамотѣ царь
пишетъ: „а то мы за такія ваши неправды и грубость
предъ нами поволимъ васъ самихъ воевать и ваши
улусы казакамъ астраханскимъ, и волжскимъ, и дон-
скимъ, и казанскимъ, и мещерскимъ, и надъ вами надъ
самими и не таковую досаду учинятъ; и намъ уже ны-
неча своихъ казаковъ унять немочно"; въ заключеніе
царь проситъ у Уруса присылки двухъ тысячъ рат-
ныхъ людей, которые бы прибыли въ Москву съ его
послами. Урусъ князь оправдывался тѣмъ, что отъ не-
го зимою ушли многіе Ногайцы къ Казыю и въ Крымъ, и
что онъ „въ нихъ не воленъ"..... „которые", говоритъ
Урусъ, „казаки на полѣ ходятъ, ты (царь) про нихъ
не вѣдаешь, а которые казаки отъ меня бѣгаютъ, и я
потому жъ про нихъ не вѣдаю, а я нарокомъ войною

[1]) Арх. М. И. Д., рук. № 9, л. 157; № 10, л. л. 140, 265.

не посылаю" (своихъ людей); при этомъ онъ обѣщаетъ царю прислать своихъ воинскихъ людей на помощь, если только самъ не будетъ воевать съ Киргизами; въ заключеніе же, съ своей стороны, жалуется, что отъ нихъ убѣгаютъ въ Астрахань плѣнные Нѣмцы, Литовцы и Русскіе, которыхъ воеводы имъ не отдаютъ назадъ; поэтому онъ проситъ, чтобы царь велѣлъ: будетъ Русакъ—за него деньги платить, а нѣмецкій и литовскій полонъ отдавали бъ". Изъ переписки этого времени можно видѣть также, что ногайскій князь, замѣтивъ тяжелое положеніе царя, постоянно обращающагося къ нему съ просьбою о помощи противъ своихъ враговъ, не желаетъ уже довольствоваться жалованьемъ своего отца и брата, а требуетъ большаго, потому будто бы, что онъ, Урусъ князь, больше своихъ предшественниковъ: „отецъ мой и братъ", объясняетъ этотъ хитрый князь въ своей грамотѣ: „у бухарскаго и ташкентскаго не имывали дани, а ко мнѣ нынѣ Абдула, царь бухарскій, присылаетъ по сту тысячъ бухарскихъ денегъ". Между тѣмъ силы Ногайцевъ въ это время далеко не соотвѣтствовали княжескимъ притязаніямъ: Урусъ и на Киргизовъ не могъ пойти войною, опасаясь русскихъ казаковъ; да и въ самой ордѣ улусныхъ людей при князѣ Урусѣ, по донесенію русскаго посла, было „мало,—только старые и малые..... идти имъ воевать, а не съ кѣмъ" [1]). По всей вѣроятности, Ногайцы не держались около настоящаго своего князя потому, что съ нимъ они все-таки не могли такъ легко вторгаться и грабить русскіе

---

[1]) Ар. Мин. Ин. Д. рук. № 10, л. л. 59, 63, 64, 87—88, 143, 144, 146, 148—149.

предѣлы, какъ, напримѣръ, съ крымскими царевичами или казыевскими улусами, къ которымъ и переходили чрезъ Волгу, какъ только рѣка покрывалась льдомъ. Кромѣ Ногайцевъ, отъ Уруса и отъ его людей уходило въ Астрахань много плѣнныхъ, которыхъ въ послѣднее время особенно много стали покупать Ногайцы въ Москвѣ и въ Казани [1]). Бѣгство этихъ послѣднихъ могло обусловливаться какъ естественнымъ съ ихъ стороны желаніемъ избѣжать неволи, такъ и трудностью человѣку извѣстной культуры ужиться съ непривычными для него условіями полукочевой жизни. Вслѣдствіе настоятельныхъ требованій со стороны Ногайцевъ о выдачѣ имъ бѣглецовъ изъ Астрахани, тамошнимъ воеводамъ велѣно было изъ Москвы „ногайскій полонъ не отдавать, а отсылать вверхъ до Нижняго" [2]).

Таковы были отношенія Россіи къ ногайской урусовской ордѣ въ послѣдніе годы царствованія Грознаго. Царю Ивану Васильевичу, вѣроятно, не одинъ разъ въ послѣднее время приходилось сожалѣть о томъ, что онъ отложилъ постройку городовъ на Волгѣ, которые могли служить оплотомъ Россіи противъ неожиданныхъ вторженій кочевыхъ народовъ, жившихъ по сосѣдству съ нею.

Послѣ смерти Іоанна IV хотя и вступилъ на престолъ сынъ его Ѳеодоръ, но всѣми дѣлами государства, внутренними и внѣшними, какъ извѣстно, заправлялъ шуринъ его, Борисъ Годуновъ; послѣдній же по

---

[1]) Вив. 31 ч. 223, 243, 244, 250, 258 с. Ар. М. Ин. Д. рук. № 8, л. л. 272, 330; № 9, л. 33; № 10, л. л. 57, 89.

[2]) Ар. М. Ин. Д. рук. № 10, л. 59.

своему правительственному воспитанію принадлежалъ всецѣло къ школѣ покойнаго царя [1]). Поэтому слѣдовало ожидать, что новое правительство во многихъ отношеніяхъ будетъ продолжать дѣятельность предшествовавшаго. Дѣйствительно, дѣйствія новаго правительства въ восточныхъ предѣлахъ государства и въ частности въ Поволжьѣ совершенно оправдали подобное предположеніе. Мы знаемъ, что въ послѣдніе годы жизни Грознаго въ Казанской области между Черемисами вспыхнуло возстаніе, которое скоро приняло значительные размѣры; царь Іоаннъ Васильевичъ для усмиренія возставшихъ по прежнему воздвигалъ города въ ихъ землѣ. Новое правительство продолжаетъ строить города *) въ нагорной и луговой сторонахъ и населяетъ ихъ русскими людьми, чѣмъ, по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, главнымъ образомъ и добивается замиренія этого безпокойнаго края [2]). Кромѣ появленія новыхъ городовъ въ Казанской области, здѣсь по прежнему продолжали основываться новыя деревни и починки, которые вмѣстѣ съ довольно быстрымъ увеличеніемъ народонаселенія въ старыхъ русскихъ поселеніяхъ лучше всего закрѣпили этотъ богатый и обширный край за Россіею. Какъ слѣдствіе этого, въ концѣ XVI столѣтія въ нѣкоторыхъ селахъ и деревняхъ Казанскаго уѣзда, въ которыхъ въ шестидесятыхъ годахъ находилось, напримѣръ, всего 8 дворовъ съ 6 вытями или же 3 двора съ половиною выти, населеніе возросло до 28 дво-

---

[1]) Ист. Россіи С. Соловьева VIII, 19 с.

*) Въ это время построены были: Цывильскъ, Уржумъ и Царевококшайскъ.

[2]) Ник. VIII, 7 с. Лѣт. о мног. мят. 1584 г. 9 с.

ровъ съ 10 вытями, въ первомъ случаѣ, и до 10 дворовъ съ 3 вытями, во второмъ. Вновь появившіеся починки либо съ самаго начала основываемы были значительнымъ числомъ людей, либо населеніе ихъ скоро умножалось, такъ какъ они носятъ нерѣдко названіе „деревня починокъ", при чемъ населеніе въ нихъ иногда состоитъ изъ 15 дворовъ, расположенныхъ на 6 вытяхъ [1]). Не мало, по всей вѣроятности, должны были способствовать увеличенію населенія этихъ странъ мѣры, предпринятыя правительствомъ противъ вторженій кочевниковъ; съ этою цѣлію воздвигаемы были города на рѣчныхъ перевозахъ, или же послѣдніе поручались наблюденію отдѣльныхъ людей, которые за это получали извѣстное вознагражденіе отъ правительства *). Кромѣ того, самыя сторо́жи, расположенныя по Волгѣ и по другимъ рѣкамъ для наблюденія въ этихъ пустынныхъ мѣстахъ за движеніями непріятелей, также могли способствовать возникновенію поселеній въ здѣшнихъ мѣстахъ (на правой сторонѣ Волги) [2]). Какъ результатъ нѣкоторой безопасности вслѣдствіе учрежденія сторо́жъ въ

---

[1]) Арх. М. Юст. Писц. кн. № 643 л. л. 247, 369 и 1599 г. № 153 л. л. 1393—1394, 1401, 1406, 1408.—О нѣкоторыхъ деревняхъ и починкахъ здѣсь сказано прямо: «стала послѣ описи», или: «стала послѣ писцовыхъ книгъ Никиты Борисова«, слѣдовательно послѣ 1565—67 гг.

*) Такъ, напримѣръ, Анатовскій, или Анатошскій, перевозъ на р. Камѣ, за городомъ Лаишевымъ, порученъ былъ для охраненія сперва крестьянину «Иванку Вятчанину съ товарищи 10 человѣкъ», а потомъ Мансуру съ братьею, которымъ за это дана была въ помѣстье «деревня сторожевая Каибишева». Ib. № 643 л. л. 370—371.

[2]) Гор. посел. Рос. имп IV, 504, 538 сс.

Поволжьѣ, можетъ быть разсматриваемо и появленіе поселеній за городомъ Тетюшевымъ: по преданію, уже въ царствованіе Іоанна Васильевича Грознаго стали появляться поселки въ нынѣшнемъ Сенгилейскомъ уѣздѣ [1]).

Но увеличивавшіяся въ Поволжьѣ поселенія далеко не могли быть удовлетворительно защищены сторо́жами противъ непріятельскихъ вторженій, о чемъ, конечно, не могли не знать въ Казанскомъ приказѣ *), которымъ въ началѣ царствованія Ѳеодора завѣдывалъ Дружина Пантелѣевъ, „замѣчательный по уму" человѣкъ, по отзыву иноземца современника [2]). Это обусловливалось отчасти самымъ назначеніемъ сторо́жъ: „вѣрнѣе провѣдать про воинскихъ людей", слѣдовательно, наблюдать за появленіемъ непріятеля; задержать же его хоть на нѣкоторое время или доставить убѣжище людямъ, которые вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ могли въ это время подвергаться опасности, онѣ были не въ состояніи. Поэтому Крымцы и Ногайцы еще безъ особенныхъ препятствій могли вторгаться въ мещерскія, алаторскія и темниковскія украйны. Кромѣ того, въ послѣдніе годы царствованія Грознаго усилились на Волгѣ грабежи и разбои казаковъ, отъ которыхъ много терпѣли не только

---

[1]) Такъ, по мѣстному преданію, село Чамбулъ, или Собакино, возникло на земляхъ, пожалованныхъ Грознымъ дядѣ третьей своей жены Марѳы, дочери новгородскаго купца Собакина. Симб. Губ. Вѣд. 1853 г. № 46. (Гор. посел. IV, 504).

*) Въ вѣдѣніи приказа Казанскаго дворца находились царства Казанское и Астраханское съ городами, лежащими по Волгѣ.

[2]) Флетчеръ «О государствѣ Русскомъ, гл. X стр. 29.

торговые караваны, но и послы. О послѣднемъ самъ царь не разъ упоминаетъ въ своихъ грамотахъ, именуя при этомъ атамана Ивана Кольцо, какъ человѣка, подвизавшагося болѣе другихъ своихъ товарищей въ подобныхъ дѣлахъ [1]). Мѣста же на Волгѣ, въ которыхъ казаки могли удобнѣе всего скрываться не только въ это время, но и позднѣе, и откуда они всего лучше могли наблюдать за проходящими по рѣкѣ караванами, неожиданно нападая на нихъ, находились на Самарской лукѣ. По ней проходитъ кряжъ довольно высокихъ и утесистыхъ горъ, подошвы которыхъ изрыты естественными пещерами, а сами горы въ прежнее время были покрыты непроходимыми лѣсами *); въ этихъ лѣсахъ и пещерахъ, отчасти ими самими вырытыхъ, казаки находили для себя надежный и безопасный пріютъ. Самарскую луку перерѣзываетъ почти поперекъ небольшая рѣка Уса, которая въ южной части луки приближается къ Волгѣ **). Такимъ образомъ казаки могли наблюдать съ вершинъ утесовъ появленіе на Волгѣ каравановъ, примѣтивъ которые, они на своихъ легкихъ челнахъ переплывали р. Усу, переволакивались затѣмъ на Волгу и неожиданно нападали на царскія и купеческія суда, которыми подъ часъ и овладѣвали. Мѣстные жители и въ настоящее время еще указыва-

---

[1]) Арх. М. Ин. Д. рук. № 10, л. л. 163, 258.

*) Еще въ XVII столѣтіи составители писцовыхъ книгъ объ этихъ лѣсахъ выражались, что ихъ «мѣрять не мочно, для-того, что по горамъ лѣсъ частникъ». Жур. М. Вн. Д. 1858 г. IV, 26 с.

**) Рѣка Уса впадаетъ въ Волгу въ сѣверной части Самарской луки, недалеко отъ г. Ставрополя.

ютъ не мало становищъ, на которыхъ, по преданію, располагались въ былое время шайки различныхъ атамановъ, гулявшихъ по Волгѣ; между прочимъ въ нынѣшнихъ селеніяхъ Ермаковкѣ и Кольцовкѣ, находящихся на Самарской лукѣ, признаютъ мѣста, гдѣ нѣкогда жилъ знаменитый Ермакъ Тимоѳеевичъ и его сподвижникъ Иванъ Кольцо [1]). Поэтому правительству естественно было остановить свое вниманіе прежде всего на Самарской лукѣ, ибо это мѣсто имѣло значеніе и для защиты отъ вторженій Ногайцевъ, на преданность которыхъ при князѣ Урусѣ нельзя было разсчитывать, и для дѣйствій противъ усилившагося въ это время казачества. Для основанія города выбрано было мѣсто при впаденіи р. Самары въ Волгу, быть можетъ, отчасти потому, что здѣсь удобнѣе всего было устроить хорошую пристань для судовъ, плававшихъ по Волгѣ. Таковы обстоятельства, которыя, въ соединеніи съ сравнительно большею близостью этого мѣста къ Казани и къ другимъ русскимъ городамъ, могли побудить правительство къ основанію Самары прежде другихъ низовыхъ городовъ. Лучшимъ же доказательствомъ значенія вновь основаннаго города (1586 г. весною) для защиты юговостока отъ Ногайцевъ можетъ служить то, какъ они отнеслись къ нему послѣ его построенія. Въ томъ же году (сентябрь) князь Урусъ отправилъ въ Астрахань къ русскимъ воеводамъ и къ служилому татарскому царевичу Муратъ-Гирею, находившемуся тамъ въ это время, своихъ пословъ съ грамотами, въ которыхъ онъ вмѣстѣ съ ногайскими мирзами настаи-

---

[1]) Город. пос. Рос. имп. IV, 540 с.

ваетъ на томъ, чтобы Русскіе снесли городъ Самару, угрожая въ противномъ случаѣ его разореніемъ [1]). Неудовольствіе Ногайцевъ на новый городъ было совершенно естественно. До сихъ поръ во время своихъ нападеній на русскіе предѣлы они на Волгѣ и на окраинахъ встрѣчались лишь со сторожами, которыя должны были извѣщать правительство объ ихъ вторженіяхъ. Обыкновенно, прежде чѣмъ Русскіе были въ состояніи собраться, чтобы дѣйствовать противъ вторгнувшихся непріятелей, тѣ съ награбленнымъ имуществомъ и плѣнными могли уже уйти обратно. Единственная задержка могла быть имъ устроена на Волгѣ при переправѣ черезъ рѣку; но если набѣгъ произведенъ былъ зимою либо въ союзѣ съ Крымомъ и казыевскими мирзами, то и это затрудненіе для нихъ упразднялось. Не то должно было произойти теперь: въ степи на Волгѣ появился городъ съ постоянными воинскими людьми, которые, узнавъ о вторженіи Ногайцевъ, могли выйти на нихъ со страшными для нихъ пушками и пищалями, или во время вторженія въ Россію, или при возвращеніи ихъ, когда они шли обремененные награбленнымъ имуществомъ и

[1]) Одновременно съ Самарой на р. Бѣлой (притокъ Камы) основанъ былъ городъ Уфа. Послѣдній, вѣроятно, построенъ былъ также отчасти для защиты противъ ногайскихъ нападеній на Башкиръ и вообще на прикамскія страны (о нападеніяхъ Ногайцевъ на эти страны и на Башкиръ см. въ Арх. М. Ин. Д. рук. № 8, л.л. 274, 391). Противъ обоихъ городовъ возстаютъ Ногайцы въ своихъ грамотахъ: «а пишетъ, государь, Урусъ князь и мирзы, чтобъ твоихъ государевыхъ городовъ на Уфѣ и на Самарѣ впередъ не быти». (Ар. М. Ин. Д. Крымскія дѣла 1586—1587 г. сент., дек., л.л. 11, 13, 36). Карамзинъ (X т. 40 пр.) полагаетъ, что оба города построены были весною 1586 года.

плѣнными. Такимъ образомъ вторженія и грабежи русскихъ окраинъ, бывшіе для Ногайцевъ дѣломъ легкимъ, съ появленіемъ города на устьѣ Самары, рѣки, столь важной для ихъ лѣтнихъ кочевокъ, чрезвычайно затруднялись. Слѣдовательно вѣрная и легкая нажива, къ которой они уже давно привыкли, должна была ускользнуть отъ ихъ рукъ.

Отвѣчать на претензіи Ногайцевъ по поводу новопостроеннаго города и на ихъ угрозы русскіе воеводы уговорили Муратъ-Гирея, который въ качествѣ магометанскаго царевича могъ имѣть въ ихъ глазахъ значеніе авторитета. Муратъ-Гирей вмѣстѣ съ своимъ братомъ Саадатомъ-Гиреемъ долженъ былъ бѣжать изъ Крыма отъ своего родственника, который изгналъ ихъ, овладѣвъ съ помощью турецкаго султана Крымскимъ царствомъ. Въ Россіи ихъ хорошо приняли, и Муратъ-Гирей водворенъ былъ въ Астрахани, гдѣ его окружили большимъ почетомъ и откуда онъ долженъ былъ дѣйствовать противъ Крыма и другихъ непріятелей московскаго царя. Ногайскихъ пословъ пригласили на обѣдъ къ царевичу Муратъ-Гирею, который говорилъ имъ во время обѣда о власти, предоставленной ему отъ русскаго государя надъ Волгою, Яикомъ, Дономъ и Терекомъ; затѣмъ перешелъ къ вновь основаннымъ городамъ и сказалъ, что они построены „по его къ государю челобитью“: „писалъ ко мнѣ (къ царевичу) Урусъ князь, что ему отъ воровъ, отъ казаковъ великая тѣснота, и я государю билъ челомъ, и государь для моего челобитья и оберегаючи Уруса князя и всѣхъ мирзъ, и хотя видѣти князя Уруса такъ, какъ Измаила князя, да велѣлъ поставити городы на Самарѣ и на Бѣлой Воложкѣ на

Уфѣ; да и впередъ государю городъ ставити..... гдѣ ему надобѣ. И для чего Урусъ князь велитъ городы разорити?..... отъ государевыхъ городовъ убытковъ ему нѣтъ, а прибыли много; казаки его ничѣмъ не тронутъ..... Говорю вамъ правду по своей вѣрѣ по мусульманской. Не дуруй, князь Урусъ да и вы.... государевымъ жалованьемъ есть у насъ здѣсь многая рать огненнаго бою;..... который будетъ не въ правдѣ—и къ государю не отпишу да велю разорити". „И послы царевичю говорили: вѣдаетъ, де, государь, Богъ да ты, что государь ни повелитъ да и вы, такъ и сдѣлаемъ, буди повелѣнье государево и ваше". Послѣ этого, по распоряженію царевича, ногайскимъ посламъ было роздано „царево жалованье" (шубы и поставы суконъ), „чтобъ ихъ привести къ государю", и приказано было, чтобъ они „людей своихъ на государевы украйны не посылали и пословъ государевыхъ не безчестили". Вмѣстѣ съ ногайскими послами были отправлены и грамоты отъ царевича Мурата къ князю Урусу и къ мирзамъ [1]).

Вслѣдъ за Самарой на Волгѣ построены были другіе два города—Царицынъ и Саратовъ. Относительно основанія перваго изъ нихъ хотя нѣтъ прямыхъ указаній, съ его наименованіемъ, но есть документъ, косвенно свидѣтельствующій о времени его построенія; по отношенію же къ городу Саратову мы пока лишены даже и подобныхъ данныхъ. Изъ прежнихъ и послѣдующихъ фактовъ, относящихся къ построенію новыхъ городовъ на Руси, извѣстно, что это дѣло почти всегда совершалось подъ руководствомъ како-

---

[1]) Арх. М. Ин. Д. Крым. дѣла 1586 г. л.л. 12—18.

го-нибудь надежнаго воеводы, который распоряжался всѣмъ, что касалось сооруженія новаго города [1]). Черезъ три года послѣ построенія Самары воевода князь Григорій Засѣкинъ съ товарищами отпущенъ былъ (въ 1589 г.) изъ Казани съ судами на Переволоку „для лѣсовой возки"; въ грамотѣ, данной ему при этомъ, между прочимъ говорится: „и какъ дасть Богъ городъ и острогъ сдѣлаете", то суда отпустить въ Астрахань. Въ другой грамотѣ (отъ 1591 г.) сами воеводы (Засѣкинъ и Нащокинъ) доносятъ царю, что они въ томъ году (1589 г.) „шли на Царицынъ". Поэтому можно предположить, что князю Засѣкину съ товарищемъ поручено было изъ Москвы построеніе новаго города Царицына *) на Переволокѣ и потомъ воеводство въ немъ [2]). Что касается вы-

---

[1]) Такъ было при основаніи городовъ: Михайлова въ 1551 г., Шацка въ 1552 г., Борисова при Годуновѣ, Симбирска въ 1648 г. и Сызрани въ 1683 г. См. объ этомъ Царствен. кн. 181 с; Ник. л. VII, 1552 г. (102 с); Ib. VIII, 46 с; «Топограф. Оренб. губ.» Рычкова II, 106 с. примѣч. Доп. А. И. т. X. № 86, гр. 1.

*) Названіе свое новый городъ получилъ, вѣроятно, отъ р. Царицы, при впаденіи которой въ Волгу онъ долженъ былъ быть построенъ.

[2]) А. И. I, № 230. Д. А. И. I, № 133.—По словамъ нѣкоторыхъ (Леопольдова «Истор. очер. Сарат. края», 28 с), въ Царицынѣ сохранилось преданіе о томъ, что будто бы онъ основанъ Іоанномъ Грознымъ тотчасъ послѣ завоеванія Астрахани (1556 г). Въ нѣкоторыхъ иностранныхъ сочиненіяхъ, на основаніи словъ иноземныхъ путешественниковъ, также говорится объ основаніи Царицына въ 1554 г. (Müller «Stromsyst.» 508 с); но, по справедливому замѣчанію автора «Гор. посел. Рос. имп.», даже въ 1569 г. при описаніи предпріятія турецкаго султана Селима, когда Переволока является главнымъ мѣстомъ дѣйствія, вовсе не упоминается о Царицынѣ, что было бы невозможно при существованіи здѣсь русскаго города. Рус-

бора мѣста для сооруженія новаго города, то въ этомъ отношеніи здѣсь не могло быть колебанія вслѣдствіе тѣхъ выгодъ, которыми мѣстность нынѣшняго Царицына выдѣляется среди другихъ мѣстъ на Переволокѣ: между тѣмъ какъ около волока степь состоитъ повсюду изъ твердой желтой глины, почва, лежащая кругомъ самаго города, очень удобна для земледѣлія, садоводства и разведенія винограда [1]).

О времени основанія города Саратова и о мотивахъ, которые руководили правительствомъ при построеніи его въ извѣстномъ мѣстѣ, можно лишь догадываться. Съ лѣвой стороны Волги (ниже р. Самары) въ нее впадаютъ двѣ довольно значительныя рѣки—Большой Иргизъ и Ерусланъ. Мы уже прежде не разъ говорили о томъ значеніи, какое для Ногайцевъ имѣли берега рѣкъ, по которымъ они лѣтомъ располагались со своими улусами для кочеванія; указывали также, что здѣсь имъ удобнѣе всего можно было выждать время, чтобы переправиться черезъ Волгу и вторгнуться въ предѣлы Россіи. Еще Измаилъ желалъ основанія „на Иргизѣ" русскаго города съ воеводою („холопомъ"), и царь, признавая основательность его указаній, обѣ-

---

скій посолъ Семенъ Мальцовъ, возвращавшійся отъ Ногайцевъ и захваченный въ плѣнъ Турками, описываетъ довольно обстоятельно этотъ походъ, но также не упоминаетъ о Царицынѣ, между тѣмъ какъ говоритъ «о двухъ казачьихъ городкахъ на Волгѣ». Гор. пос. Рос. имп. IV, 452 с. Ист. Карамз. IX, прим. 245.

[1]) Müller »Stromsyst.» 506 с. Вслѣдствіе того значенія, какое долженъ былъ всегда имѣть волокъ между такими рѣками, какъ Волга и Донъ, здѣсь уже издавна находились поселенія, остатки которыхъ и теперь еще встрѣчаются около г. Царицына. Гор. пос. Рос. им. IV, 451 с.

щалъ ему исполнить его просьбу. Намъ извѣстно, что съ присоединеніемъ къ Россіи Астрахани, этого „ключа къ азіатскому востоку“ [1]), по Волгѣ начались довольно оживленныя торговыя сношенія; особенно въ концѣ XVI и въ XVII-мъ столѣт. встрѣчаются на Волгѣ часто суда съ солью, которыя, будучи по тѣмъ или инымъ причинамъ задержаны въ Астрахани, принуждены были нерѣдко останавливаться на пути и зимовать, не доѣзжая Казани, въ низовыхъ городахъ [2]). Кромѣ того, почти съ момента своего основанія новопостроенные города являются центрами, куда приходятъ извѣстія о безпокойныхъ казакахъ и откуда воеводы разсылаютъ воинскихъ людей противъ смѣльчаковъ, собиравшихся на сосѣднихъ рѣкахъ для грабежа или для вторженія въ русскія окраины. Основанный при устьѣ Большаго Иргиза, городъ былъ бы близокъ отъ г. Самары и слишкомъ отдаленъ отъ г. Царицына, что было бы невыгодно какъ для наблюденій за шайками казаковъ и черкасъ, такъ и для охраненія Волги отъ перехода чрезъ нее Ногайцевъ, для которыхъ въ такомъ случаѣ оставалась бы свободною полоса около р. Еруслана и въ другихъ мѣстахъ этого огромнаго пространства. Вслѣдствіе этихъ соображеній въ Москвѣ могли прійти къ рѣшенію построить новый городъ посерединѣ между Самарою и Царицынымъ, но ближе къ Большому Иргизу, значеніе котораго признано было еще княземъ Измаиломъ и покойнымъ государемъ *). О времени же построенія города

---

[1]) Müller «Stromsyst.» 585 с.

[2]) А. А. Э. I, № 336; А. И. I, № 230; Гор. пос. Рос. им. IV, 406 с.

*) Нынѣшній Саратовъ лежитъ почти въ серединѣ между г. г. Самарой и Царицынымъ; прежній Саратовъ находился на

Саратова можно замѣтить слѣдующее: извѣстно, что спустя годъ послѣ построенія Царицына Саратовъ (1590 г.) существовалъ уже на лѣвомъ берегу Волги съ эпитетомъ „новаго города", и воеводою въ немъ былъ въ это время тотъ же князь Григорій Засѣкинъ, которому, какъ мы видѣли, кажется, поручена была постройка Царицына. Князь же Засѣкинъ съ товарищемъ писали въ Москву, что въ то время, какъ они „шли на Царицынъ (1589 г.), къ нимъ въ Зиѣевыхъ горахъ *) прибѣжалъ отъ черкасъ и отъ воровскихъ казаковъ атаманъ Болдырь", который доносилъ имъ, что полтораста человѣкъ казаковъ отправились съ своимъ атаманомъ грабить алатырскія и темниковскія мѣста [1]). Если принять во вниманіе значительность протяженія Зиѣевыхъ горъ, которыя тянутся за г. Вольскомъ **) въ направленіи къ городу Саратову, а также и то, что съ построеніемъ послѣдняго онъ, какъ и Царицынъ, становится центромъ, куда сходятся извѣстія о воровскихъ казакахъ и откуда воеводы высылаютъ команды противъ нихъ по сосѣднимъ рѣкамъ и мѣстамъ, то слѣдуетъ предположить, что здѣсь города Саратова еще не существовало въ это время, ибо, при существованіи его, атаманъ Болдырь, по всей вѣроятности, явился бы со своими вѣстями въ этотъ городъ, къ воеводѣ, а не къ князю Засѣкину, который только проѣздомъ,

---

лѣвой сторонѣ Волги, верстъ на 10 выше нынѣшняго, слѣдовательно, былъ еще ближе къ Большому Иргизу, чѣмъ теперешній. Гор. посел. Рос. им. IV, 406 с.

*) Горы эти тянутся за городомъ Вольскомъ на разстояніи 35 вер. и больше. Müller «Stromsyst. Wolga», 491 с.

[1]) А. И. I, № 230.

**) Городъ Вольскъ лежитъ почти противъ впаденія Большаго Иргиза въ Волгу.

слѣдовательно, случайно, находился въ этихъ мѣстахъ. Вѣроятно, Григорій Засѣкинъ по окончаніи постройки Царицына отправленъ былъ, какъ человѣкъ, хорошо исполнившій прежнее порученіе, для сооруженія новаго города—Саратова, гдѣ уже и остался воеводою (1590 г.). Поэтому, можетъ быть, Саратовъ и является въ актахъ того времени съ эпитетомъ „новаго города", ибо онъ былъ дѣйствительно „новый", сравнительно не только съ Самарой, но и съ Царицынымъ, послѣ котораго построенъ въ низовомъ Поволжьѣ.

Съ появленіемъ Самары и другихъ городовъ должна была увеличиться безопасность въ окраинныхъ мѣстахъ Поволжья, которыя были населены русскими людьми. Вѣроятно, вслѣдствіе этого и монастыри, основывавшіеся прежде главнымъ образомъ въ городахъ, начинаютъ уже появляться внѣ городскихъ стѣнъ. До насъ дошла воеводская грамота (1589 г.) о пожалованіи, согласно царскому наказу, пустоши пустынному монастырю, „что сталъ ново" ниже Тетюшева города [1]).

[1]) Акты ист. и юрид., собр. Ст. Мельниковымъ, т. I, грам. 2. По всей вѣроятности, это тотъ монастырь, откуда въ первой четверти XVII ст. прибылъ на Желтыя воды монахъ Авраамій, возобновившій макаріевскую Желтоводскую обитель. Въ житіи преп. Макарія говорится объ Авраамій, что онъ подвизался «въ горахъ сѣверныхъ, въ предѣлахъ града Симбирска»; намъ извѣстно, что городъ Симбирскъ основанъ былъ въ 1646 г. (Оренб. топогр. Рычкова II, прим. на 106 с.). Монастырь, изъ котораго вышелъ Авраамій, въ сочиненіи проф. Макарія названъ Тетюшевскимъ, а о самой пустыни въ грамотѣ говорится: «дали въ пустыню, въ нижные Тетюши». Можно предположить поэтому, что пустынь основана была гораздо ниже Тетюшева, въ направленіи къ нынѣшнему Симбирску. «Житіе Макарія», рук., принад. г. Ключевскому, л. 182. «Сказаніе о жизни Макарія» проф. Макарія, т. II, 26 с.

Что касается Ногайцевъ, которые отнеслись съ недоброжелательствомъ и угрозами къ первому русскому городу въ низовомъ Поволжьѣ, то нужно замѣтить, что одна часть ихъ—урусовскіе—къ концу XVI столѣтія очутились въ подданствѣ у Россіи, что ими отчасти уже сознавалось въ то время *), такъ что врядъ ли они серіозно могли помышлять о приведеніи въ исполненіе своихъ угрозъ по отношенію къ новопостроеннымъ городамъ. Другая часть Ногайцевъ—казыевскіе, по приказанію изъ Москвы, возбуждаемые другъ противъ друга астраханскими воеводами, безпрестанно воевали между собою и, наконецъ, „отъ той войны оскудѣша такъ, что отцы дѣтей своихъ продаваху въ Астрахань, а Казыевъ улусъ мало не весь запустѣ“ [1]).

На основаніи представленнаго нами историческаго очерка Поволжья мы можемъ прійти къ слѣдующимъ выводамъ. Строгая континентальность страны, ставшей колыбелью великорусскаго государства, въ связи съ направленіемъ рѣкъ, протекающихъ въ ней, обусловливали собою движеніе русскаго общества въ область Поволжья. Этою, такъ сказать, стихійною силою, независимою отъ особенностей характера той или другой изъ дѣйствовавшихъ личностей, обусловли-

---

*) Такъ, въ девяностыхъ годахъ XVI стол. русскій посолъ доносилъ, что посолъ Уруса князя говорилъ ему въ Крыму: «меня Урусъ князь послалъ къ турскому султану, чтобъ турскій султанъ на Уруса и на всѣхъ мирзъ не пенялъ, что учинились въ волѣ государя московскаго: чья будетъ Астрахань, Волга и Яикъ, того будетъ и вся ногайская орда». Ист. Росс. С. Соловьева VII, 332 с.

[1]) Ник. л. VIII, 40 с. Лѣт. о мног. мятежахъ 1599, 53—54 сс. Ист. Росс. С. Соловьева VIII, 43 с.

вается въ существѣ постоянство этого движенія до тѣхъ поръ, пока появленіе новой стихійной силы, Татаръ, не остановило на время движенія въ его прямомъ направленіи. Но сила Татаръ, какъ извѣстно, заключалась въ ихъ массѣ и въ сплоченности, которыя вмѣстѣ съ выступленіемъ этого народа впервые на всемірно-историческое поприще увеличивали ихъ энергію. Какъ скоро сплоченность ослабѣла и орда начала расторгаться, ослабѣваетъ сила ея, и слабость обнаруживается естественнѣе всего въ крайнихъ частяхъ орды, которыя отпадаютъ отъ центра и пытаются жить самостоятельно. Между тѣмъ, около этого же времени, между русскими князьями стало усиливаться стремленіе присоединять („примыслить") къ своему княжеству новыя земли, и среди сѣверо-восточныхъ княжествъ выдѣляется ядро будущаго государства русскаго—Московское княжество, которое возобновляетъ русское движеніе по Волгѣ въ довольно рѣзкой формѣ *). Рядомъ съ нимъ и въ томъ же направленіи, только позднѣе, начинается мирное движеніе отдѣльныхъ людей въ область Поволжья, какъ бы для подтвержденія того, что русская общественная власть дѣйствовала въ извѣстномъ направленіи, подчиняясь тѣмъ же мотивамъ, которые жили въ это время и въ отдѣльныхъ личностяхъ, проявляясь независимо отъ общественной власти. Но изъ центра орды, гдѣ, по всей вѣроятности, сохранялась еще часть первоначальной силы и энергіи, приходитъ на окраину татарскій царевичъ, соединяетъ здѣсь разнообразные и разрозненные элементы, возстановляетъ разрушенный

*) Разрушеніе Казани при Димитріи Донскомъ.

русскими людьми юртъ, останавливаетъ мирное колонизаціонное движеніе русскихъ и не одинъ разъ даетъ имъ чувствовать возобновленіе татарскихъ силъ на этомъ мѣстѣ. До тѣхъ поръ, пока на Волгѣ существовало Казанское царство, по ней не могло быть значительнаго мирнаго движенія русскихъ людей на востокъ. Вслѣдствіе этого усиливается переселеніе русскихъ людей на сѣверовостокъ, вмѣстѣ съ чѣмъ усиливается и обходное движеніе русскаго народа относительно царства, которое препятствовало прямому и естественному движенію русскаго народа по Волгѣ. Вмѣстѣ съ усиленіемъ обходнаго движенія русскаго общества съ сѣверовосточной стороны, великій князь московскій въ концѣ XV вѣка утверждаетъ въ Казани русское вліяніе, которое вначалѣ обѣщало для Россіи блестящіе результаты. Но разнообразіе интересовъ среди многочисленной и вліятельной казанской аристократіи, слабость царской власти здѣсь, въ соединеніи съ непостоянствомъ тогдашняго представителя этой власти, скоро показали всю ненадежность русскаго вліянія въ Казани. Когда же на казанскій престолъ вступили крымскіе Гиреи, то Казанское царство приняло упорно-враждебное направленіе относительно Россіи. Но хотя политическое вліяніе Москвы въ Казани и не сопровождалось такими послѣдствіями, какихъ по началу можно было ожидать отъ него, однако русская партія въ Казани укрѣпляется довольно сильно и царямъ изъ фамиліи Гиреевъ нерѣдко приходится считаться съ нею и иногда даже дѣлать уступки ей, особенно въ то время, когда эта партія энергически поддерживалась Москвою. Вмѣстѣ съ восшествіемъ на казанскій пре-

столъ крымскихъ Гиреевъ Россія начинаетъ наступательное движеніе противъ Казанскаго царства въ новой формѣ—укрѣпленныхъ городовъ, которому въ Москвѣ придавали очень большое значеніе. Начало этому движенію, принесшему впослѣдствіи, предъ присоединеніемъ Казани, значительную пользу Россіи, положено было основаніемъ Васильсурска. Хорошая сторона этого движенія заключалась между прочимъ и въ томъ, что врагъ, противъ котораго оно было направлено, не обратилъ на него серіознаго вниманія, ибо, по всей вѣроятности, не придавалъ ему значенія въ предстоящей борьбѣ.

Въ своихъ войнахъ съ Казанью Русскіе не могли не замѣтить значительной помощи, которую Казанское царство иногда получало отъ сосѣднихъ Ногайцевъ, и постоянной поддержки, оказываемой ему со стороны многочисленныхъ инородцевъ нагорной стороны, входившихъ въ его составъ; послѣдніе своимъ трудолюбіемъ, энергіею и воинственностью доставляли не мало средствъ Казани для борьбы съ врагами. Поэтому Москва въ своихъ сношеніяхъ съ Ногайцами старается возбудить ихъ противъ Казани, чтобы лишить ее помощи съ этой стороны. Благодаря своимъ торговымъ сношеніямъ съ этимъ племенемъ, а также подаркамъ, посылаемымъ изъ Москвы отдѣльнымъ мирзамъ, которые притомъ и сами были не прочь отъ поживы на счётъ сосѣдней Казани, Русскіе отчасти достигли своей цѣли. Между тѣмъ и обходное движеніе со стороны Вятки и Камы стало приносить уже свои плоды въ войнахъ Россіи съ Казанью: отсюда русскіе воеводы сходятся иногда подъ стѣнами Казани съ московскими воеводами, какъ изъ одного двора. Построеніемъ

Васильсурска въ странѣ Черемисъ и Чувашъ могло уже быть положено начало русскому вліянію среди инородцевъ нагорной стороны, такъ какъ еще до основанія въ ихъ странѣ Свіяжска они иногда дѣйствовали противъ Казани вмѣстѣ съ Русскими. Послѣднимъ предпріятіемъ со стороны Россіи противъ Казанскаго царства было основаніе города Свіяжска, постройка котораго повела къ отпаденію отъ царства всей нагорной стороны; вслѣдствіе этого Казань лишилась поддержки горныхъ инородцевъ и была совершенно изолирована отъ посторонней помощи: Казанцевъ воевали со всѣхъ сторонъ и не было имъ проѣзду „ни съ котораго государства", потому что люди великаго князя, „умышленіемъ государскимъ", стояли на перевозахъ по сосѣднимъ рѣкамъ. Тогда-то Казанцы, „видѣвъ свое изнеможеніе", стали сперва мало по малу подчиняться Россіи, въ видѣ челобитья отдѣльныхъ вліятельныхъ лицъ, а потомъ подчинились и совершенно, принявъ къ себѣ на царство Шигъ-Алея. За краткимъ управленіемъ послѣдняго послѣдовала осада и взятіе Казани *). Вслѣдъ за присоединеніемъ Казанскаго царства къ Россіи, начинается усиленное движеніе русскихъ людей въ Казанскую область Поволжья: не только заселяются пустоши всякаго рода, но въ лѣсахъ и на дикихъ поляхъ появляются русскіе починки, деревни, села и города со слободами, въ которыхъ поселяются трудолюбивые земледѣльцы и предпріимчивые промышленники. При этомъ заселеніи

*) О значеніи покоренія Казани для Россіи, какъ представительницы христіанства и Европы, не говоримъ потому, что оно уже указано авторомъ «Исторіи Россіи». См. Ист. С. Соловьева т. VI, 114—117 сс.

края русскими людьми мы замѣчаемъ, что переселенія сюда совершаются главнымъ образомъ естественными путями—Волгою и ея притоками: такъ, мы встрѣчаемся здѣсь съ жителями верховьевъ Волги и съ людьми, живущими по инымъ рѣкамъ, соединеннымъ съ нею или непосредственно, или посредствомъ ея притоковъ. Масса богатствъ, скрывавшихся въ обширныхъ лѣсахъ и водахъ этого края и въ нѣдрахъ глубокаго чернозема, выводится наружу и становится общественнымъ достояніемъ, главнымъ образомъ благодаря энергіи и предпріимчивости русскаго человѣка, который пришелъ и поселился въ этой странѣ. По Волгѣ и по притокамъ этой рѣки строятся новые города, изъ коихъ нѣкоторые получаютъ не одно военное значеніе въ странѣ, богатой мѣхами, удобной для земледѣлія, скотоводства и торговли.

Еще до завоеванія Казани начинается сближеніе между Москвою и частью Ногайцевъ; это сближеніе имѣло ближайшимъ слѣдствіемъ безопасность Россіи отъ ногайскихъ нападеній во время осады и взятія Казани Русскими и отсутствіе серіозной поддержки Казанскаго царства со стороны Ногайцевъ. Послѣ присоединенія Казанскаго царства Москва заключаетъ союзъ съ партіею, сочувствующею Россіи среди Ногайцевъ, противъ Астрахани и противъ враждебнаго ногайскаго князя. Съ небольшими усиліями, по прошествіи нѣкотораго времени, Россіи удалось присоединить Астрахань и избавиться отъ враждебнаго князя между Ногайцами, во главѣ которыхъ сталъ съ помощью Москвы союзникъ русскаго царя, обязанный своимъ торжествомъ главнымъ образомъ московскимъ пушкамъ и пищалямъ. Вслѣдъ за присоединеніемъ

Астрахани и всей Волги, между Россіею и Ногайцами начинаются болѣе тѣсныя сношенія, которыя незамѣтно для послѣднихъ приводятъ ихъ къ полузависимымъ отношеніямъ къ Россіи. Уже давно они вели торговлю съ Москвою и получали изъ Россіи множество такихъ вещей, къ которымъ успѣли постепенно привыкнуть и безъ которыхъ имъ впослѣдствіи трудно было обойтись; къ этому присоединился голодъ и моръ въ ордѣ и крайняя нужда во всемъ, начиная съ хлѣба и кончая одеждою; въ это-то время русскій царь потребовалъ отъ представителя Ногайцевъ, обязаннаго ему своимъ престоломъ, формулированія своихъ отношеній къ Россіи, отъ которой онъ получалъ все необходимое для себя и для своего племени. Назвавъ царя московскаго своимъ государемъ, ногайскій князь этимъ отчасти опредѣлилъ уже и свои отношенія къ нему.

Между тѣмъ русскія поселенія въ Поволжьѣ продолжаютъ размножаться, спускаясь мало по малу все ниже и ниже по Волгѣ, вслѣдствіе чего является потребность защитить эти поселки болѣе дѣйствительнымъ способомъ, чѣмъ сторожи. Съ послѣднею цѣлью строятся на Волгѣ города, въ мѣстахъ, отчасти уже заранѣе намѣченныхъ самими Ногайцами, какъ чрезвычайно важныхъ для нихъ. Въ такомъ положеніи находилось Поволжье передъ тѣмъ временемъ, когда обнаружившіяся слѣдствія коренной реформы въ крестьянскомъ бытѣ вызвали сюда массу переселенцевъ, которые стали постепенно заселять собою эти богатыя, но пустынныя земли.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Введеніе. Восточная половина Европы. Рѣки, въ ней протекающія, и ихъ особенности. Рѣка Волга и краткій обзоръ ея теченія. Строеніе ея береговъ. Главные ея притоки. Разнообразіе странъ, ею омываемыхъ. Разнообразіе племенъ, обитавшихъ по ней. Общественные союзы, образовавшіеся на ней. 1

Глава I. Славяне и Финны на сѣверозападной равнинѣ. Отношенія между ними. Страна, въ которой они жили. Бытъ, религія и занятія ихъ. Перенесеніе центра исторической жизни съ сѣвера на югъ. Рѣдкость населенія на югѣ. Старанія объ умноженіи населенія. Степняки и ихъ отношенія къ Россіи. Переселенія съ юга на сѣверъ. Юрій Долгорукій. Построеніе городовъ въ Поволжьѣ. Болгары и Мордва. Походы русскихъ князей на Болгаръ и на Мордву. Слѣдствія. Нашествіе Татаръ. 44

Глава II. Русь приднѣпровская и сѣверовосточная послѣ нашествія Монголовъ. Переселеніе съ юга на сѣверовостокъ. Дѣятельность князей сѣверовосточной Руси въ своихъ княжествахъ въ XIV в. Нижегородское княжество и его значеніе въ это время. Дѣятельность его князей. Татары и ушкуйники въ Поволжьѣ. Присоединеніе Нижегородскаго княжества къ Москвѣ. Луговая сторона Волги въ началѣ XV в. Преподобный Макарій. Пребываніе Макарія въ Юрьевскомъ уѣздѣ. Дѣятельность преподобнаго на Желтыхъ водахъ. Вторженія Татаръ и послѣдній періодъ дѣятельности преподобнаго Макарія. Колонизаціонное движеніе во второй половинѣ XV в. Макарій Калязинскій. Рыболовный промыселъ въ Поволжьѣ. 86

Стр.

Глава III. Казань. Черемисы. Чуваши. Мордва. Татары. Занятія ихъ и религія. Царь и аристократія въ Казани. Ногайцы; страна, ими занимаемая, и образъ жизни ихъ. Ногайскія орды. Внутреннее устройство Ногаевъ. Князь, мирзы и отношенія ихъ между собою. Астрахань. Занятія ея жителей. Русскіе города на окраинахъ и служилые татарскіе царевичи. Отношенія Россіи къ Казани въ концѣ XV столѣтія. Магметъ-Аминь въ Казани. Летифъ. Василій III и его отношеніе къ Казани. Смерть Аминя и Шигъ-Алей на престолѣ казанскомъ. Крымскіе Гиреи и ихъ отношеніе къ Казани. Василь-Сурскъ и его значеніе. Послѣдующія отношенія Россіи къ Казани и борьба партій въ послѣдней. 115

Глава IV. Ногайцы и ихъ сношенія съ Россіею въ концѣ XV-го и въ первой половинѣ XVI-го стол. Отношенія Ногайцевъ къ Казани во второй четверти XVI-го стол. Сафа-Гирей въ Казани и смерть его. Казань послѣ смерти Сафа-Гирея. Походы Русскихъ на Казань. Основаніе Свіяжска и его значеніе въ борьбѣ съ Казанью. Шигъ-Алей въ Казани. Сношенія Казанцевъ съ Ногайцами. Послѣдній походъ на Казань и взятіе ея. Отношенія Россіи къ Ногайцамъ послѣ присоединенія Казани. Юсуфъ и Измаилъ. Возстанія въ Казанской области противъ русской власти. Сношенія возставшихъ съ Ногайцами. Переговоры Измаила съ Москвою объ Астрахани. Астрахань и ея отношенія къ Россіи. Взятіе Астрахани русскими войсками и возведеніе Дербыша на престолъ. Измаилъ—князь ногайскій. Положеніе Дербыша въ Астрахани; сближеніе его съ врагами Россіи и измѣна. Новый походъ на Астрахань, взятіе ея и присоединеніе къ Россіи. 177

Глава V. Слѣдствіе завоеванія Казани и Астрахани для Русскаго государства. Казанская аристократія и ея отношеніе къ русской власти; участіе ея въ возстаніяхъ. Волга и ея значеніе во время возстаній. Появленіе на ней новыхъ городовъ и ихъ значеніе. Духовенство и служилые люди въ новопріобрѣтенной области. Раздѣлъ и опись казанскихъ земель въ луговой и нагорной сторонахъ. Поселеніе русскихъ людей въ Казанской области. Слободы, села, деревни и починки. Дѣятельность

Стр.

православнаго духовенства. Правительственныя мѣропріятія. Русскіе крестьяне и туземцы. Выводы. 231

Глава VI, Отношенія Ногайцевъ къ Россіи послѣ присоединенія Астрахани. Новое междоусобіе въ ногайской ордѣ и отношеніе Россіи къ враждующимъ сторонамъ. Ногайская орда послѣ внутренней распри. Отношенія ея къ Россіи въ это время. Перевозы на Волгѣ и ихъ значеніе. Ногайская орда въ послѣднее время жизни Измаила князя. Урусъ мирза, его характеръ и значеніе въ ордѣ. Отношенія Россіи къ Ногайцамъ при Тинахметѣ князѣ. Урусъ, князь ногайскій, и его отношенія къ Россіи. Казаки. Состояніе ногайской орды при Урусѣ. Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ и правительственныя мѣры относительно Поволжья. Построеніе новыхъ городовъ въ Поволжьѣ и ихъ значеніе. Заключеніе. 272

51478

DK 511 .V65 P39
Povolzhe v XV i.e. piatnadtsat
Stanford University Libraries
3 6105 041 471 769

DK
511
V65 P39

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

MAR 25 1983
MAY 1 - 1983
JUN 2 1983
JUN 20 1983
AUG 1 - 1983